

СТАЛИНГРАД

НА ДНЕПРЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ БИТВА ЗА ДНЕПР

В двадцатых числах сентября 1943 года, ясным вечером, не- задолго до захода солнца, мотострелковый батальон нашей танковой бригады вошел в небольшое село Комаровку, лежащее километрах в двадцати южнее города Переяслав-Хмельницкий на Киевщине. Несколько танков и колонна машин проехали через село и остановились на западной его окраине. Командир батальона с картой в руках выпрыгнул из кабины головного грузовика и осмотрелся. От села на запад тянулся большой болотистый луг, местами поросший камышом и осокой. За лугом темнела полоса леса, а вдали, на горизонте, поднимались высокие мохнатые холмы, к вершинам которых медленно клонилось солнце.

Вслед за машинами к окопице села примчалась ватага босоногих мальчишек, тотчас же обступивших танки. Прибежали женщины с корзинами, полными помидоров и яблок, и принялись оделять ими бойцов. Неторопливо подошел старый, седоусый дед и стал поодаль от командиров, опершись на кривую суковатую палку.

Молодой автоматчик с запыленным лицом перегнулся через борт машины и спросил у деда, близко ли до Днепра. Указывая палкой на дальние холмы, старик начал обстоятельно объяснять, что это уже виден правый гористый берег и что Днепр отсюда всего в шести-семи километрах, за лесом.

— А немцев в том лесу нет? — поинтересовался один из офицеров.

Дед развел руками и сказал, что еще вчера вечером немцы тут были, а сегодня с утра, по слухам, ушли за Днепр.

Командир батальона озабоченно смотрел в бинокль в сторону леса за лугом. Два часа тому назад он выслал вперед разведчиков и теперь нетерпеливо ожидал их возвращения. Внезапно комбат резко обернулся к офицерам.

— Немцы! Машины за дома! К бою! — отрывисто приказал он.

На дороге, ведущей от леса через луг, показались повозка и группа людей. Отсюда было видно, что люди одеты в зеленые немецкие мундиры.

Стрелки быстро спрыгивали на землю, рассыпаясь в цепь. Заурчали моторы, и машины попятались назад. Пушки танков медленно повернулись, нащупывая цель.

— Их всего человек десять, — в раздумье говорил комбат, не отнимая от глаз бинокля. — И повозка только одна. Идут кучно. А ведь они должны наши танки видеть. Непонятно что-то.

— То, может, партизаны наши, товарищ начальник, — нерешительно сказал дед, который из-под руки вглядывался в приближающихся людей.

Несколько автоматчиков, держа оружие наготове, осторожно пошли навстречу повозке. Видно было, как они, подойдя, смешались с неизвестными людьми.

— Обнимаются! — сказал комбат, не опуская бинокля. — А вон и наша разведка идет.

Следом за первой группой из леса появилось еще несколько человек, среди которых заметно выделялись пятнистые маскировочные халаты троих разведчиков.

Через десять минут невысокий, полный и уже немолодой человек с алой ленточкой на защитной фуражке, отделившись от группы партизан, быстрым шагом направился к командиру батальона и, по-штатски неловко взяв под козырек, отрекомендовался:

— Ломако, комиссар партизанского отряда имени Чапаева.

И, не сдержав улыбки, совсем уже штатским тоном добавил:

— Милости просим, товарищи дорогие, к Днепру и к нашему партизанскому шалашу.

Он и комбат крепко обнялись.

Спустя полчаса батальон выступил в направлении партизанского лагеря отряда имени Чапаева. По дороге комиссар Емельян Ломако, в прошлом заведующий партийным кабинетом в Черкассах, докладывал комбату обстановку. «Чапаевцы» уже давно действуют здесь, в левобережных лесах. За последние месяцы отряд сильно пополнился и насчитывает теперь

больше пятисот бойцов. Партизаны контролируют весь этот приднепровский лес. Сейчас противника здесь нет — ушел на правый берег.

Радостная была эта встреча в ночном партизанском лагере. Пока бойцы и партизаны угождали друг друга куревом и обменивались новостями, офицеры батальона и командиры партизанских подразделений отправились к реке. Темный, густой лес вскоре сменился зарослями лозняка. Идти стало труднее — под ногами смутно забелел мелкий речной песок. В лицо пахнуло сыростью, влажным запахом реки.

Еще несколько шагов, и кусты лозняка расступились. Впереди светлела широкая полоса песка, ровно срезанная глубокой темной пустотой.

Командир партизан осторожно спустился крутой тропкой с незаметного в темноте пригорка.

— Днепр! — шепотом сказал он, оборачиваясь к своим спутникам.

Там, где глазу представлялась черная пустота, была вода. У ног командиров тихо и спокойно катил свои воды Днепр.

Взволнованные, молча стояли офицеры на берегу великой реки. Каждый из них знал, что этаенная встреча с Днепром останется в их памяти на всю жизнь.

На фоне темного неба едва заметно различались еще более темные волнистые очертания правобережных холмов. Противоположный берег был завешен непроницаемой для глаза черной мглой. Но офицеры знали, что прямо против них, на том берегу, над Днепром, лежит село Григоровка. По рассказам партизан, там стоял пока лишь небольшой немецкий гарнизон с тремя или четырьмя пулеметами. Противник еще не успел подбросить сюда подкреплений, но они ожидаются с часу на час.

— Лодки достать можно? — шепотом спросил комбат, наклоняясь к уху партизанского командира.

Оказалось, что несколько лодок спрятано партизанами в лесу. Есть даже одна большая — бывший паром.

— Что думаете делать? — в свою очередь спросил командир партизан.

— Как что? — удивился комбат. — Форсировать Днепр.

— Когда?

— Сегодня ночью. Сейчас. Готовьте ваши лодки.

И комбат зашагал прочь от реки.

Вскоре на темной лесной поляне выстроились друг против друга бойцы мотострелкового батальона и партизанский отряд. В напряженном молчании солдаты слушали речь комбата. Он говорил о том, что батальону выпала честь — первым форсировать Днепр и что переправляться нужно сегодня, сейчас,

не ожидая, пока подойдут другие части и подвезут понтоны, ибо за это время противник, окопавшийся на правом берегу, получит подкрепление и тогда за переправу придется платить гораздо более дорогой ценой.

— Задача такова: переправиться через реку и захватить на том берегу возможно больший плацдарм. В переправе нам помогут наши товарищи-партизаны. Предупреждаю — задача нелегкая и опасная. Самое трудное дело выпадет на долю тех, кто первым выйдет на правый берег и завяжет там бой. Противник приложит все силы, чтобы сбросить их в Днепр. Они должны устоять и обеспечить переправу всего батальона.

Комбат сделал долгую паузу и вдруг зычно скомандовал:

— Батальо-он, смирно! Слушай мою команду! Кто добровольно хочет переправиться через Днепр на первой лодке, кто первым хочет ступить на правый берег?.. Шаг вперед! Шагом марш!

Весь строй батальона, дружно качнувшись, шагнул вперед.

За полночь первая лодка отчалила от левого берега. В лодке сидели гребец-партизан и четверо солдат — лучшие бойцы батальона, комсомолцы Иванов, Петухов, Сысолятин и Семенов.

С первым же толчком весел в непроглядной ночной темени скрылись из глаз и светлеющая полоса прибрежного песка, и высокая фигура комбата, стоящего у самой воды, и темные силуэты бойцов и партизан, тянувших из кустов лозняка вторую лодку. Партизан греб осторожно, стараясь не плеснуть веслом. Солдаты, держа наготове ручной пулемет и автоматы, настороженно и пристально вглядывались в темноту. За спинами у них были тяжелые вещевые мешки с запасными дисками, а за поясными ремнями плотно одна к другой натыканы гранаты.

В темноте казалось, что лодка стоит на месте, и только легкое журчание воды за кормой показывало, что она движется. Но как далеко они отплыли от левого берега и сколько еще остается плыть — об этом судить было невозможно, даже ощущение времени словно растворилось в кромешной мгле.

То ли громко плеснуло весло, то ли раздался неосторожный стук на берегу, где шла подготовка к переправе, но противник вдруг встревожился. Где-то в стороне послышался хлопок ракетницы, и в небо понеслась маленькая синевато-белая звездочка, разгораясь на лету. И тотчас же в темной, густой, как масло, воде Днепра возникла такая же звездочка — отражение первой — и полетела куда-то вниз, в бездонную глубь черной воды. На мгновение оба огонька застыли недвижно и сейчас же стали стремительно сближаться, светя все ярче. В синеватом дрожащем свете солдаты увидели окаменевшие лица друг

руга, четкие тени своих фигур, быстро мелькнувшие наискосок по поверхности воды, и уже близкую темную полосу правого берега. Звездочки слились в одну неподалеку от лодки и с шипением погасли.

И в ту же секунду откуда-то сбоку, из тьмы, окутывающей правый берег, возникла огненная цепочка светляков, несущихся в сторону лодки. Огоньки пронеслись над головами солдат, бойцы услышали знакомый посист пуль, и на берегу резко пропрещала пулеметная очередь. И тотчас же лодка ощутимо царапнула килем песчаное дно.

— Прыгай! — скомандовал партизан. — Тут мелко.

Четверо автоматчиков разом перескочили через борта и, не чувствуя холода заливающейся в голенища воды, побежали, хлюпая сапогами, к берегу. Партизан оттолкнулся веслом и быстро поплыл назад.

Новая ракета повисла над рекой, и трассирующие пули неслись уже с нескольких сторон к тому месту, где только что высадились автоматчики. Но бойцы уже были под надежной защитой обрывистого берега.

Они осторожно вылезли наверх и, падая всякий раз, как взлетала ракета, пошли в том направлении, откуда стрелял пулемет, посыпавший очередь за очередь по лодке, которая возвращалась на левый берег:

Эти четверо молодых бойцов-комсомольцев сейчас были как бы маленьким авангардом всей могучей армии, надвигающейся сюда с востока. В ту темную сентябрьскую ночь, кроме них, на всем тысячекилометровом протяжении правого берега Днепра, занятого войсками Гитлера, от лесов Белоруссии до Черного моря, не было ни одного советского солдата. И они шли вперед, чтобы напасть на противника, чтобы первыми же своими выстрелами начать сражение за Правобережную Украину, которое закончилось лишь спустя много месяцев далеко на западе освобождением всей украинской земли.

На окраине села они залегли в придорожную канаву и открыли огонь по немецкому пулемету. И тотчас же летучие пунктиры трассирующих пуль обратились в ту сторону, где укрылись четверо смельчаков, к пулеметам присоединились автоматы, и сквозь треск разгорающейся перестрелки было слышно, как откуда-то сбоку, наверное из села, крича и шумно топая сапогами, бегут к берегу новые немецкие солдаты, торопясь на помощь к своим.

Но уже вторая лодка подходила к обрыву правого берега, в свете то и дело взвивающихся ракет на середине реки была видна третья, и новые бойцы, пригнувшись, спешили вверх по крутыму склону, чтобы встать бок о бок со своими четырьмя товарищами на первых метрах правобережной земли.

Бой и переправа продолжались всю ночь. К рассвету пехотинцы батальона прочно закрепились на правобережных высотах и заняли часть села. А на левом берегу уже готовились к переправе подразделения подошедшей ночью мотострелковой бригады.

Немецкое командование, встревоженное известием о событиях в Григоровке, гнало туда подкрепления. На улицах села не утихая, шли бои, артиллерия противника засыпала наши позиции снарядами, на окрестных холмах появились танки. Но мотострелки стойко отражали натиск врага. Они не только не уступали отвоеванного плацдарма, но шаг за шагом теснили противника, несмотря на его численное превосходство. Уже летели с левого берега через Днепр наши снаряды, по дну реки тянулся телефонный кабель, и командир батареи со своего наблюдательного пункта на правобережном плацдарме выкрикивал в трубку команды и давал поправки своим орудиям на восточном берегу. Ночами, хотя противник непрерывно обстреливал реку, десятки лодок сновали между берегами, переправляя войска, боеприпасы, продовольствие, и вскоре первый понтоный плот перевез через Днепр первую пушку.

Так появился прочный заднепровский плацдарм, который в сводках Совинформбюро именовался «южнее Переяслава-Хмельницкого», а в войсках был известен под названием Букринского плацдарма, по имени лежащих близ Григоровки сел Большого и Малого Букрина, занятых вскоре нашими частями.

В эти же дни Советская Армия вышла на Днепр и в районе Киева. Еще издали, за много километров, солдаты передовых частей увидели на горизонте высокую церковь на лесистой горе, и сердца киевлян, которых было немало в наших войсках, забились радостно и тревожно. Они узнали древнюю колокольню Киевской Лавры.

На следующий день наши разведчики, раздвинув прибрежные кусты, смотрели через Днепр на пустынный, словно обезлюдовший Киев.

Форсировать реку здесь, непосредственно у Киева, не имело смысла. Здесь противник держал наготове большие силы, и переправиться удалось бы только ценой очень тяжелых жертв. Да и сам город мог бы сильно пострадать во время уличных боев. Судьба украинской столицы должна была решиться в другом месте — севернее Киева.

Перед танкистами генерала Кравченко, наступавшими на этом направлении, лежали две водные преграды. Прежде чем выйти к Днепру, им предстояло форсировать впадающую в него Десну, которая здесь выписывает причудливые петли по своей болотистой пойме. Тут трудно было ожидать быстрого развития

событий, и противник был спокоен за этот участок своей обороны.

Но события развертывались с неожиданной быстротой. Высланные вперед, наши разведчики с помощью местных жителей отыскали на Десне пригодный для танков брод. И когда части Кравченко вышли к реке, немцы, укрепившиеся на правом берегу Десны, не веря своим глазам, увидели, как советские танки, появляясь из прибрежного леса и не останавливаясь, на полном ходу влетали в реку. Высокие столбы воды вставали по обе стороны машин, Десна словно расплеснулась вправо и влево, мгновенно перегороженная ревущей стальной плотиной. Вереница танков все тянулась и тянулась из леса, и первые машины одна за другой уже выходили на западный берег, огнем и гусеницами проламывая вражескую оборону.

На плечах у бегущего противника наша мотопехота с хода форсировала Днепр севернее Киева и заняла плацдарм на его правом берегу.

В двадцатых числах сентября Советская Армия очистила левый берег Днепра на протяжении семисот километров — от устья реки Сож до Запорожья. На всем этом пространстве с каждым днем сильнее и ожесточеннее разгоралась битва за Днепр.

Всего лишь несколько дней назад, когда разбитые, растрепанные дивизии Гитлера, преследуемые по пятам советскими танками, беспорядочно бежали на запад по дорогам Левобережной Украины, противник все свои надежды возлагал на Днепр. Широкая, многоводная река казалась ему спасительной преградой, перед которой неизбежно должно остановиться стремительное наступление советских армий. По словам Гитлера и его генералов, там, на высоком берегу Днепра, откуда как на ладони видны равнины Левобережья, приготовлена неприступная линия укреплений — Днепровский вал. Под защитой реки и этого укрепленного вала войска смогут оправиться от непрерывных поражений последних месяцев, привести себя в порядок, принять пополнение. На это рассчитывали генералы в немецких штабах, об этом мечтали солдаты и офицеры отступающих частей.

А в ставке Гитлера с днепровским рубежом связывали еще более далеко идущие планы. Уверенные в том, что этот рубеж надолго остановит Советскую Армию, главари фашистской Германии надеялись перейти к затяжной позиционной войне на Восточном фронте, чтобы тем временем договориться о сепаратном мире с правителями Америки и Англии. И когда наконец поредевшие, деморализованные немецкие дивизии были переведены на западный берег, а рыбаков в приднепровских селах Левобережья заставили затопить свои лодки, когда были

убраны понтонные переправы, а постоянные мосты взлетел на воздух, Гитлер в Берлине торжественно заявил:

— Отныне Днепр будет рубежом, отделяющим обе армии друг от друга.

Казалось, все было подсчитано и учтено в немецких штабах. Вот-вот русские танки и мотопехота выйдут к берегу Днепра. Но чтобы форсировать глубокую, полноводную реку ширина которой в районе Киева даже в самых узких местах достигает полукилометра, советским войскам понадобятся переварочные средства. А по донесениям немецкой разведки, понтонные парки находятся еще далеко в тылу — они отстали от быстро продвигающихся танков и мотопехоты. Следовательно русским потребуется минимум несколько дней для того, чтобы подвезти понтоны и предпринять первые более или менее серьезные попытки форсирования. За это время переправившиеся на западный берег немецкие войска успеют занять подготовленные укрепления Днепровского вала, из тыла на помощь к ним подойдут свежие части, и первые же русские понтоны, отчалившие от левого берега, будут встречены таким огнем с правобережных высот, что ни один советский солдат не доберется даже до середины реки.

Это был по-немецки точно сделанный математический расчет. Но в расчете этом не был учтен только один фактор — советский человек, наш воин. А он-то и решал дело.

Выход армии к берегам Днепра вызвал необычайный подъем духа в наших войсках. Войска были охвачены стремлением — как можно скорее переправиться через реку, бить врага на правом берегу так же, как его только что били на левом, и гнать дальше и дальше на запад. Не задерживаясь ни на день, не дожидаясь понтонов, пехота начинала переправу. Если не было лодок, солдаты рубили деревья в приднепровском лесу и вязали их в плоты; в ход шли порожние бочки, собранные в селах, двери домов, створки ворот. Пехотинцы переплывали Днепр на доске, на бревне или набивали соломой свои плащпалатки и с помощью этого немудреного поплавка пускались вплавь под огнем противника через широкую, по-сентябрьски холодную реку.

Но как ни трудна оказывалась переправа, еще труднее было удержаться там, на правом берегу. Маленький клочок земли простреливался вдоль и поперек, со всех сторон на него лезли танки и поднимались в атаки цепи немецкой пехоты. За спиной бойцов была глубокая река, а над головами, сыпя бомбы, натужно выли «юнкеры». Напряжение боев на правобережных плацдармах нарастало день ото дня.

Не все они удержались до конца. Кое-где противнику удалось создать многократный перевес в силах и отбросить наши

части назад, на левый берег. Но и эти, павшие в боях, плацдармы сыграли свою роль в битве за Днепр, отвлекая на себя войска противника и облегчая победу Советской Армии на других участках Правобережья.

В октябре Советская Армия обладала тремя большими, устойчивыми плацдармами за Днепром: севернее Киева, Букринским и юго-восточнее Кременчуга. В этих местах берега Днепра уже были соединены прочными pontонными мостами, по которым, несмотря на частые налеты немецкой авиации, непрерывно шли войска, перебрасывалась боевая техника и боеприпасы. На правом берегу день ото дня наращивались силы, и армия готовилась к новым наступательным операциям.

На Букринском плацдарме наши части медленно, с трудом продвигались вперед. Обилие холмов, глубокие, крутые овраги с глинистыми склонами, размытыми осенними дождями, многочисленные леса — все это позволяло противнику организовать очень прочную оборону. Здесь за каждую высоту, за каждый узел сопротивления приходилось драться долго и упорно. Но село за селом оставлял противник под натиском наших войск, отступая все дальше на запад. Постепенно расширялся и Кременчугский плацдарм. Но главные события в битве за Правобережье в этот период развернулись на плацдарме севернее Киева, где части 1-го Украинского фронта под командованием генерала Ватутина готовили новое большое наступление.

Это наступление началось в первых числах ноября. Почти сразу войска Ватутина прорвали оборону противника севернее Киева. Вслед за тем в прорыв вошли танкисты Кравченко и, описывая широкий полукруг, стали обходить столицу Украины с севера и запада. Почувствовав угрозу окружения, гитлеровское командование отвело из города основную массу своих войск.

На рассвете 6 ноября 1943 года первые советские танки вошли на Подол — северо-восточную часть Киева. Поднимаясь по длинной широкой улице Кирова и уничтожая по пути опорные пункты немцев, танкисты продвигались к центру города.

Первым на центральную площадь Калинина вошел танк, которым командовал молодой украинец гвардии капитан Шелуденко. Машина остановилась посреди площади, и радостно взволнованный молодой офицер, открыв люк, выглянул из башни. Перед ним безобразной грудой камней лежал взорванный и сожженный Крещатик — лучшая улица города, гордость киевлян.

В этот момент раздалась пущенная из-за угла автоматная очередь, и Шелуденко мертвый упал на руки товарищам.

Вечером вся страна узнала о взятии Киева. Это было в самый канун 26-й годовщины Великого Октября, и приказ

Верховного Главнокомандующего об освобождении столиц Украины был оглашен одновременно с традиционным октябрьским приказом.

А войска Ватутина продолжали преследовать противника и шли дальше и дальше на запад. Несколько дней спустя немцы были выбиты из Житомира. Плацдарм севернее Киева занимал теперь площадь в тысячи квадратных километров.

Потеря Киева была тяжелейшим ударом для фашистской Германии. Немецкие войска на Украине получили приказ любой ценой вновь захватить украинскую столицу.

С других участков советско-германского фронта, с бездействующего западного театра войны были переброшены на Киевское направление свежие танковые и пехотные дивизии. Противник рванулся на восток, и ему удалось снова занять Житомир. Но затем наступление его было остановлено, и в многодневных боях восточнее Житомира силы наступающих немецких дивизий были перемолоты нашей артиллерией и пехотой. Взять Киев снова немцы так и не смогли.

Битва за Днепр вступала в свою последнюю фазу. Фактически она уже была выиграна Советской Армией, но еще предстояли крупные сражения и нужны были новые удары наших войск, чтобы окончательно отбросить противника от берегов древней русской реки.

Истекал 1943 год. Советская Армия начала этот год решительным штурмом окруженных в районе Сталинграда гитлеровских войск и заканчивала его победными боями на Правобережье Днепра.

Сталинградский удар, разгром на Курской дуге, поражения, понесенные в боях на Украине, поставили гитлеровскую Германию перед катастрофой. Ее людские резервы и материальные ресурсы таяли, боевой дух немецких войск резко упал, солдаты и офицеры потеряли прежнюю веру в непобедимость своего оружия, их воля к победе истощилась. Настроение безнадежности все шире распространялось в германском народе, как ни старались пропагандисты Геббельса поддержать «дух нации», объясняя непрерывные отступления на фронте то «стратегическими соображениями», то «спрямлением линий фронта», то «сокращением коммуникаций».

К концу 1943 года советские войска освободили весь Донбасс, взяли штурмом Мелитополь и Запорожье, очистив от противника большую часть Левобережной Украины. На севере немцы были выбиты из Брянска, Чернигова и Смоленска.

Войска 1-го Украинского фронта к этому времени превратили свой плацдарм севернее Киева в обширную территорию протяжением 260 километров по фронту и 120 километров в глубину. Действовавшие на правом берегу Днепра, юго-восточнее

Кременчуга, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием генералов армии Конева и Малиновского отбросили немцев на запад от реки, освободив Днепропетровск, Днепропетровск и другие города. Их плацдарм теперь простирался на 28 тысяч квадратных километров. Постепенно расширяли свой фронт и части, действовавшие на Букринском плацдарме.

Советская Армия провожала уходящий 1943 год победным громом своих орудий, торжественными огнями московских салютов. И 1944 год вставал над страной как год нового торжества Советских Вооруженных Сил, как год новых побед.

Эти новые победы начались еще в последних числах старого года. 24 декабря снова двинулись вперед войска Ватутина в районе Житомира. В канун Нового года танки и пехота генералов Гречко, Черняховского и Рыбалко вторично ворвались в Житомир и навсегда изгнали отсюда оккупантов. Продолжая наступление на запад, правое крыло фронта форсировало реку Случь. 3 января наши войска освободили город Новоград-Болынск, 6 января — Бердичев, а во второй половине месяца вышли к городу Сарны. Вслед за тем начали наступать и части на левом крыле 1-го Украинского фронта. 4 января они взяли штурмом Белую Церковь, а 8 января соединились с войсками Букринского плацдарма. Теперь армии Ватутина имели непрерывную шестисоткилометровую линию фронта от Сарн до берега Днепра севернее Канева.

В начале января нанес новый удар и 2-й Украинский фронт. Прорвав сильную оборону противника, войска генерала Конева 8 января овладели Кировоградом. При этом севернее города была окружена группировка гитлеровских войск, полностью разгромленная в течение последующих двух дней.

После этого на обоих Украинских фронтах наступило относительное затишье. Войска отбивали контратаки противника и готовились к новым боям.

Линия фронта в районе Днепра приняла своеобразные очертания. Правое крыло войск Ватутина, глубоко вклинившись в расположение немцев, угрожающее нависало над южными армиями врага. Выдвинулись далеко на запад и войска Конева. Но зато в промежутке между обоими фронтами противник на протяжении нескольких десятков километров продолжал цепко держаться за высоты правого берега Днепра. Между смежными флангами двух Украинских фронтов на правом берегу оказался занятый противником большой и далеко вдающийся в нашу оборону выступ, протянувшийся с севера на юг на 90 и с запада на восток на 125 километров.

Почти в центре этого выступа лежал районный городок Киевской области — Корсунь-Шевченковский, служивший главным опорным пунктом немецких войск на этом участке фронта.

ГЛАВА ВТОРА
НЕПОКОРЕННЫЙ НАРОД

Богаты и красивы эти земли. Летом на многие тысячи гектаров лежат вокруг колхозные поля — золотые моря густой с тяжелым колосом пшеницы, зеленые озера больших свекловичных плантаций. Немало здесь обширных лесов с темными непролазными зарослями дубняка, береста, граба, с могучими дубами-великанами на солнечных лесных полянах. Плодоносными фруктовыми садами опоясаны села.

От горизонта до горизонта, сколько хватает глаз, — холмы и холмы. Над берегом Днепра это крутые лесистые горы. Дальше — на запад и на юг от Днепра — холмы становятся более пологими, массивными. Склоны их то распаханы под поля, то укутаны густыми лесами.

Глубокие, причудливой формы овраги, или яры, как их здесь называют, — следы тысячелетней работы воды и ветров — тянутся между холмами, прорезают поля, раздвигают лесные чащи, желтея отвесными глинистыми склонами или песчаными осыпями. Дно их порой так густо поросло лесом, что летнее солнце, заглядывая в полдень в глубину этих теснин, не в силах пробить лучами плотную листву, и на дне такого яра всегда стоят влажные сумерки.

Неширокие, капризно петляющие среди холмов реки упрямо пробивают себе дорогу к Днепру. Далеко на западе за Белой Церковью начинает свой путь быстрая Россь. Отлогие болотистые в верхнем течении берега ее постепенно поднимаются все круче, и илистое дно сменяется твердым каменным ложем. Около Корсуня Россь уже моет подножья высоких гранитных скал, пенится среди хаотического нагромождения огромных камней, шумит водопадами, грозно ревет на порогах, как завзятая горная река. У села Мижиричъ, перед последним поворотом к Днепру, Россь принимает в себя воды своего главного притока Россавы, которая широкой дугой огибает северную часть этих земель. Россава течет спокойнее, берега ее низкие, болотистые, поросли камышом и осокой, а на севере за рекой раскинулись сочные заливные луга, где когда-то паслись табуны боевых казацких коней.

Узкой лентой вьется с юга на север Тясмин и у Смелы встречается с маленькой Медянкой и с Ирдынью, теряющейся к северу от города в непроходимом болоте. Через земли Ольшанского района пробирается небольшая речка Ольшанка, поля Звенигородщины омывает Гнилой Тикич.

Небольшие городки, сотни сел и несчетное множество хуторов разбросаны по берегам рек, по склонам холмов. Местами

поселения так тесно жмутся друг к другу, что одна сплошная улица тянется на десятки километров, и невозможно определить, где кончается одно село и начинается другое.

Городки тяготеют к железной дороге, как Смела с крупным железнодорожным узлом Бобринская, как Корсунь-Шевченковский, Мироновка, Городище, Шпола, или к рекам, как Канев с пристанью на Днепре, Богуслав на Росси. Дороги густой сетью покрывают местность, но дороги эти по большей части грунтовые, и лишь между районными центрами проложены мощенные булыжником шоссе.

Суровое и славное прошлое у этого края. Здесь оставили свои следы и опустошительное татарское нашествие, и двухвековое господство Литвы, и долгое, тяжкое иго шляхетской Польши. Сотни лет отважно боролись украинцы за свои права и свободу против ненавистной шляхты, мечтая о воссоединении с братским русским народом. И всегда одним из главных очагов неутихающих крестьянских восстаний было правобережное Приднепровье.

Триста лет тому назад этот край стал ареной Отечественной освободительной войны украинского народа против польских панов. Здесь, под Корсунем, вождь восставших украинцев Богдан Хмельницкий со своим войском наголову разбил двадцатитысячную королевскую армию во главе с коронным гетманом Николаем Потоцким. 16 мая 1648 года, заставив шляхетское войско покинуть укрепленный лагерь на берегу Росси и заманив его в глубокий лесистый овраг севернее Корсуня, казаки Хмельницкого внезапно напали на противника с тыла и с фронта. Королевская армия была полностью истреблена. В этом бою попали в плен гетманы Потоцкий и Калиновский и множество других знатных шляхтичей.

Богдан Хмельницкий осуществил вековечную мечту украинского народа о воссоединении с Россией. В январе 1654 года в Переяславе было торжественно провозглашено включение Украины в состав русского государства.

Но через несколько лет после смерти Богдана королевская Польша, воспользовавшись внешнеполитическими затруднениями русского государства, опять отторгла Украину от России. Вновь вернулись в свои имения польские шляхтичи, и еще тяжелее стал для народа гнет чужеземных помещиков и притеснения ненавистного украинцам католического духовенства. Снова и снова поднимаются на Украине крестьянские волнения.

Сорок лет не утижало на правобережных землях гайдамацкое восстание. На сотни верст кругом горели имения польской шляхты, и крестьяне, вооруженные ножами, вилами, кольями, чинили расправу над панами и ксендзами. Особенно сильная

волна гайдамачины, известная под названием Колиивщины, прокатилась по Украине в 1768 году. Смела, Канев, Корсунь, Ольшана, Лысянка и другие окрестные районы были центрами этого восстания, во главе которого стали запорожский казак Максим Зализняк и казацкий сотник Иван Гонта. Но восстание было жестоко подавлено.

В самом конце XVIII века правобережные украинские земли навсегда были включены в состав русского государства. Но и русские помещики безжалостно эксплуатировали крестьян, и в течение всего XIX века крестьянские волнения на Правобережье не затихали. Эти волнения стали особенно грозными в период 1905 года, когда крестьяне самочинно захватывали земли помещиков, жгли и громили барские усадьбы.

Великая Октябрьская революция принесла Украине освобождение. Но еще долго пришлось отстаивать народу завоевания Октября. Были здесь, на Правобережье, и войска германского кайзера Вильгельма, и белополяки Пилсудского, и деникинцы, и банды Петлюры, и зеленые, и Махно. С боями шли по Приднепровью, гоня врага на запад, полки Красной Армии, дрались с бандами отряды красных партизан. В 1920 году, преследуя и громя махновцев, пролетала по этим землям конница Буденного. Много братских могил героев гражданской войны осталось по городам и селам как памятники тех незабываемых дней.

Есть и иная слава у здешних мест, слава, не менее близкая сердцу нашего народа. Край этот неразрывно связан с именем Тараса Григорьевича Шевченко — великого кобзаря, как зовут его на Украине. Здесь, в семье крепостного села Моренцы, неподалеку от Ольшаны, родился будущий поэт. В соседнем селе Кирилловке (теперь Шевченково) прошли его детские годы. Здесь же, в Приднепровье, народ и похоронил своего любимого поэта, выполнив его последнюю волю. Близ Канева, на вершине высокой Чернечьей горы, над самым Днепром, почится прах певца Украины.

В могилах и развалинах, в песнях и преданиях народа осталось тяжелое прошлое этой земли. Перед Великой Отечественной войной правобережное Приднепровье, как и вся Советская Украина, стало совсем иным. Теперь это был край высоких урожаев, продуктивного животноводства, богатых садов и пасек, передового сельского хозяйства с тысячами машин, с электричеством, вошедшим в быт крестьянства, со школами и клубами в селах, край светлой и изобильной колхозной жизни.

Самое дорогое, светлое в жизни народа было разом смято сапогами надвинувшейся с запада орды, раздавлено гусеницами чужих танков, сожжено в огне пожаров. Люди, еще вчера чувствовавшие себя свободными, полноправными гражданами гор-

дой и сильной страны, попав под власть оккупантов, оказались как бы отброшенными далеко назад, к своему мучительному, забытому прошлому.

Чужие солдаты в мрачных зеленых мундирах хозяйничали в хатах, залезали в кладовые за вкусной снедью, гонялись за гусями и курами по двору, рылись в пахнущих нафталином крестьянских сундуках, снимали со стен красивые, расшитые петухами рушники. Всякая попытка защитить свое добро вызывала в ответ пистолетный выстрел, автоматную очередь или, в лучшем случае, кулачную расправу. Эти солдаты деловито грабили, хладнокровно убивали, насиловали женщин, с подчеркнутой издевкой топтали честь и достоинство народа, оказавшегося в их власти. В селе Шевченково у памятника поэту они изрубили тесаками стоявшие у подножия монумента скульптурные группы, изображавшие героев произведений великого кобзаря, и статуи с отрубленными руками, с рассеченными головами казались обезображенными трупами людей. В Каневе, на Чернечьей горе, над самой могилой поэта, они, вытащив из музея бюсты Шевченко, забавлялись стрельбой в цель...

А когда склынула первая волна беспорядочного разбоя и передовые части ушли дальше на восток, в завоеванные земли прибыли оккупационные власти. Устроился в Корсуне немецкий гебитскомиссар со штатом чиновников, возникли всевозможные, большие и малые, комендатуры и управления. Начало свою палаческую работу гестапо.

Вместе с новыми «хозяевами» явились сюда многие из тех, кого четверть века назад советский народ вышвырнул из своей страны, — помещики, фабриканты, купцы, все эти годы прозябавшие на задворках заграницы и теперь надеявшиеся получить из рук Гитлера свою долю добычи. В Корсунь прибыл даже бывший петлюровский министр нэжий Вирко, которому тут же гебитскомиссар поручил заведовать хозяйством корсунского колхоза «Пятилетка». Однако Вирко принял с такой жадностью набивать собственные карманы, что хозяйство колхоза стало разваливаться на глазах оккупантов и им пришлось вскоре отставить петлюровца от этой должности.

Появилось недобитое кулачье, потянулись на службу к фашистам нэпманы — все, кто, притаившись, годами копил злобу и ненависть против советской власти и сейчас мечтал поправить свои дела с помощью новых правителей. Из них назначались бургомистры и старосты, инспектора управ и сельские полицаи. Руками этих предателей гитлеровцы принялись организованно и методически грабить украинский народ.

Из гебитскомиссариата и его отделов потекли в села бесконечные требования: о поставках хлеба, молока, яиц, овощей;

о сдаче скота и оставшейся птицы; о мобилизации людей на работы; о сборе теплых вещей для немецкой армии; о новых налогах — на людей, на скот, на птицу, на собак, на пчел. «Под строжайшую личную ответственность», «под страхом строгого наказания» старостам предписывалось производить новые и новые поборы у разоренных, обобранных до нитки крестьян.

Замерли, притихли села. Люди старались реже выходить из дома, а, встречаясь на улице, разговаривали приглушенными голосами, опасливо оглядываясь по сторонам. Разграбленные, превращенные в конюшни, в военные склады стояли бывшие клубы, в других общественных зданиях оккупанты устроили казармы или лагеря для военнопленных (в такой лагерь был превращен и музей Шевченко на Чернечьей горе, обнесенный колючей проволокой и охраняемый автоматчиками). Зимой по утрам не видно было ребят со школьными сумками, деловито пробирающихся по заметенным снегом дорожкам, — школы не работали. Летними вечерами не звенели над селом, как прежде, песни, — парни и девушки отсиживались по хатам, пока немецкие власти не начали охоту за ними.

Мобилизацию молодежи на работу в Германию оккупанты сначала попытались провести под видом добровольной записи. Но не помогали ни агитаторы, приехавшие в села, ни расклеенные повсюду красочные плакаты, — добровольцев нашлось мало. Тогда началась насильственная вербовка. Устраивались облавы на молодежь, юношей и девушек под конвоем гоняли к железной дороге и в запертых теплушках везли на фашистскую каторгу.

С первых же дней все действия оккупационных властей наталкивались на глухую враждебность народа. До поры до времени эта враждебность не принимала открытых форм и проявлялась главным образом в массовом саботаже распоряжений оккупантов.

Крестьяне под различными предлогами уклонялись от налогов и поборов. Они прятали зерно, закапывали в землю свое имущество, угнали в леса скот. Молодежь всячески старалась избежать отправки в Германию. Одни прятались, месяцами сидели в погребах или скрывались в лесу. Другие сознательно наносили себеувечья, лишь бы спастись от каторги.

Когда осенью 1942 года оккупанты решили открыть в районе несколько школ, крестьяне не пустили детей учиться. В селе Кидановке на четырех учителей оказалось всего четыре ученика, в Медвинской школе был только один педагог, но учеников — ни одного, а в Гуте к трем ожидавшим учителям пришел единственный школьник. Это заставило «отдел просвещения» гебитскомисариата обратиться с посланием к старостам сел. Начальник отдела в этом письме негодовал по поводу того,

что украинцы не ценят благоденствия оккупационных властей, которые «дали им право открыть школы для обучения детей». Старосты были предупреждены, что школы закроют, если родители не пошлют своих детей учиться. Видимо, угроза эта не помогла, и «просвещение» пришлось прекратить — большинство сельских школ снова закрылось.

Все это бесило оккупантов — здесь они ничего не могли поделать. С теми же, кто открыто выражал свое недовольство, расправлялись просто и беспощадно — недовольный навсегда исчезал за дверями гестапо.

По улицам Корсуня нередко вели за город группы людей, осужденных на расстрел. Сначала расстреливали захваченных в районе коммунистов, советских работников, активных общественников. Затем по той же дороге стали уводить евреев — целыми семьями, со стариками и детьми. После них наступила очередь цыган, которые также были объявлены «неполноценной нацией». Автоматчики с оружием наготове гнали перед собой толпу чернобородых мужчин в красных рубахах и жилетах; закутанных в цветастые шали и диковато озирающихся по сторонам цыганок, прижимающих к себе детей; воющих и рвущих свои седые волосы старух. Однажды по этой дороге на Богуславский шлях провели толпу стариков и старух, членов какой-то религиозной секты. Они шли с деревянными крестами и иконами в руках, в полном молчании, со строгими, отрешенными лицами.

Страх и ненависть охватывали народ. Иные, кто был послабее духом, устрашенные и подавленные, старались убедить себя, что сопротивляться этой чудовищной, злой силе невозможно и бессмысленно. Они затаились, ушли в себя, уже не рассчитывая на перемены, не веря ни во что и думая лишь о том, как бы с грехом пополам дожить свой век, без всякой цели, без перспектив. Другие, не помышляя о том, чтобы самим начать борьбу, возлагали все свои надежды на Советскую Армию и все больше мрачнели по мере того, как фашистские газеты и радио кричали о новых успехах на Востоке.

Но немало было людей, у которых не появлялось и мысли о покорности, о пассивном ожидании событий, людей, которых Коммунистическая партия и советская власть научили бороться за победу, не отступая перед препятствиями. Они рвались к борьбе и начинали действовать, постепенно применяясь к тяжким условиям оккупации, находя себе помощников, друзей и соратников.

Многие из них были заранее оставлены в тылу немцев партией, чтобы организовать сопротивление народа. Некоторые поднимались на борьбу по собственному почину, готовые предпочесть смерть фашистскому рабству. Зачинателями подполь-

ного движения становились коммунисты, комсомольцы, партийные и советские работники, офицеры и солдаты Советской Армии, попавшие в окружение или бежавшие из вражеского плена. Они находили друг друга, узнавали единомышленника порой по каким-то незаметным для постороннего глаза признаком — по неожиданно вырвавшемуся слову, жесту, по огню ненависти, мгновенно сверкнувшему в глазах. Так возникали тайные «двойки», «тройки», мало-помалу разраставшиеся в целую сеть подпольных организаций, охватывающих большой район, сеть, которую годами безуспешно пытались нащупать гестапо.

Так в конце 1941 года встретились в Корсуньском районном отделе просвещения преподаватель русского языка и литературы Петр Еремеевич Марценюк и никому не известный в этих местах человек, отрекомендовавшийся учителем истории Ульяном Артемовичем Хоменко.

Марценюк уже несколько лет работал в Корсуне и считался местным жителем. В первые месяцы войны он ушел в армию, участвовал в боях и, оказавшись со своей частью в окружении, попал в плен. Ему удалось бежать из немецкого лагеря, и он вернулся домой, в Корсунь, охваченный одним желанием — найти сообщников и начать подпольную борьбу.

Хоменко был ему незнаком. Но что-то необычное в этом новом учителе сразу привлекло его внимание. Невысокий, полный, со спокойными, уверенными движениями, с пристальным, глубоко проникающим взглядом серых глаз, с открытым, смелым лицом, Хоменко производил впечатление человека очень незаурядного, с большой волей, ясным умом и сильным характером. Это сказывалось даже в манере говорить — каждое его слово было веским, обдуманным, полным большого и действенного смысла. Казалось, какая-то неизвестная, твердая сила стоит за всем, что говорит и делает Хоменко. И влияние этой силы сразу же ощутил на себе Марценюк.

Хоменко с трудом удалось устроиться на работу в Корсуньской школе. При этом в документах нового учителя обнаружились кое-какие мелкие недочеты, и Марценюк, пристально присматривавшийся к нему, утвердился в мысли, что Хоменко не тот, за кого себя выдает.

Медленно, осторожно прощупывая друг друга, два учителя сходились все ближе. И наконец, когда стало ясно, что таиться им не к чему, прямо был поставлен вопрос о создании подпольной организации.

31 декабря 1941 года, под видом новогодней вечеринки, Марценюк и Хоменко встретились на квартире одного из своих друзей. Здесь и произошло оформление будущего подполья. Когда обо всем договорились, Хоменко, уже достаточно уверившийся в товарище, раскрыл ему свое инкогнито. Фамилия его

была настоящей, но звали Хоменко не Ульяном Артемовичем, а Авксентием Ефимовичем, и в прошлом он не был учителем, а заведовал одним из отделов Бердичевского горкома ВКП(б). По заданию партии Хоменко остался на оккупированной территории для организации подпольного сопротивления. В Бердичеве и в окрестных селах его хорошо знали, и, чтобы не попасть в гестапо, ему пришлось покинуть родные места и перебраться в Корсунь.

Решили, что Хоменко возглавит будущую организацию, а Марценюк станет его ближайшим помощником. Были четко определены задачи подпольщиков, обсуждены условия конспирации, намечено, как приступить к делу.

Прежде всего предстояло подобрать надежных людей и создать подпольные группы. Основную роль тут должен был сыграть Марценюк, которого хорошо знали в селах. Но для поездок по району ему нужно было иметь специальный пропуск.

Помог случай. Оккупанты начали проводить паспортизацию, и Марценюку предложили службу в паспортном столе, работники которого имели право выезжать в села. С этих пор энергичный тридцатилетний учитель становится главным практическим организатором подпольной сети.

Потом к Хоменко и Марценюку присоединился еще один учитель — Анатолий Прохоров. С помощью взятки его устроили на должность заведующего мельницей близ села Бровахи и дали задание подбирать там подходящих людей. Вскоре в Бровахах возникла подпольная группа, куда вошли объездчик Таганчанского лесничества Василий Щедров, жители села Вячеслав Дука, Степан Пустовой, лесник Телюпа и другие. В соседнем селе Гарбузино к подпольщикам примкнули три учительницы — Мария Костенко, Евдокия Куценко и Екатерина Мельник.

Поездки Марценюка по селам не остались бесплодными. Образовались подпольные группы в Петрушках, в Дереньевце, в Квитках, где подпольщиков возглавил матрос Квитко; в Селище — во главе с бывшим пионервожатым Корсуньской школы Соловьевм Кошманом. Большая и активная группа подпольщиков начала действовать в селе Сотники. В эту группу вступили даже сельский староста Гайденко и секретарь местной управы Деревянко. У сотницких подпольщиков был радиоприемник, и с февраля 1942 года они регулярно принимали и записывали сводки Совинформбюро. Второй приемник добыл Прохоров, и его установили на квартире Марценюка в Корсуне. Теперь в штабе подпольщиков всегда знали о положении на фронтах.

Здесь, в городе, тоже была уже довольно многочисленная подпольная группа. В нее вошли, кроме Марценюка и Хоменко,

машинистка Грузнова, врач Фесенко, школьники комсомольцы Никитин, Топчий, Змиевский и другие.

С каждым днем подпольная сеть активизировалась. В селах распространялись переписанные от руки сводки Советского Информбюро, на стенах хат, сельских управ и комендатур все чаще появлялись надписи, призывающие народ к борьбе с оккупантами. Подпольщики помогали молодежи скрываться от вербовки в Германию, оказывали материальную поддержку семьям фронтовиков, прятали бежавших из лагерей военнопленных советских солдат и офицеров. Кое-где подпольные группы устраивали диверсии в селах и на железной дороге. И вся эта деятельность постоянно направлялась и контролировалась Корсуньским штабом подполья во главе с Хоменко и Марценюком.

Но весной 1942 года Хоменко пришлось покинуть Корсунь. На службе к нему начали относиться с недоверием. Возможно, самый облик его оказался слишком неподходящим, чтобы играть роль фашистского прихлебателя, или давала себя знать его горячая натура — при всей своей осторожности Хоменко иной раз не мог спокойно и равнодушно разговаривать с немецкими наймитами. То проскользнет в его тоне нотка брезгливого презрения, то появится на губах недобрая усмешка, то гневно блеснут глаза. Видимо, он допустил какой-то промах, и начальство стало с подозрением приглядываться к этому непонятному человеку. Хоменко почувствовал, что оставаться дольше в Корсуне ему нельзя. Кстати подвернулось подходящее место в соседнем, Мироновском районе, и Хоменко уехал принимать мельницу в Масловке, неподалеку от села Таганчи, где к этому времени объездчик лесничества Василий Щедров уже создал отдельную подпольную группу и установил связь с подпольщиками каневских сел.

В Масловке Хоменко быстро обжился и вовлек в организацию нескольких местных людей. Заведование мельницей тоже приносило свою пользу — Хоменко затеял там такой затяжной ремонт, что оккупанты около года не могли молоть зерно, а у самого мельника всегда водилась мука, выручка от продажи которой шла на нужды подполья.

Хотя Хоменко теперь находился вдали от Корсуня, все руководство подпольной сетью по-прежнему было в его руках. То Марценюк, то кто-нибудь другой из корсуньских друзей приезжали к нему проинформировать о ходе дел, получить новые инструкции. А иногда и Хоменко удавалось на день-два выбраться в Корсунь, и тогда на квартире у Марценюка под видом дружеской вечеринки собирались члены подпольного штаба.

Хоменко расспрашивал о работе подпольщиков в селах, давал свои советы и указания на будущее, а потом, нетерпеливо

расхаживая по комнате и ероша свои густые светлые волосы, горячо убеждал товарищей:

— Нет, хлопцы, мало, очень мало мы делаем. Нам надо расширять свое влияние на народ, заявлять о себе громче. Надо печатать сводки, и побольше... Надо листовки выпускать. Конечно, о типографии пока думать не приходится. Но печатать на машинке можно. Машинистка у нас есть. Нужно добывать машинку. Соберем у наших ребят деньги, и сразу же поезжай в Киев — купи машинку, — обращался Хоменко к Марценюку. — Но и это, хлопцы, еще не главное. Мы за нашей повседневной работой забываем, что задача подпольной организации — подготовить открытое сопротивление народа оккупантам. Значит, надо заложить партизанскую базу, найти оружие, сбрать продукты...

— Оружия немного есть, — говорил Марценюк. — Наши школьники у немцев выкрали. Спрятано у нас. В Сотниках тоже есть.

— Вот это настоящее дело! Подумайте только, с оружием в руках бить их будем! Только побольше, побольше оружия надо — настанет час, народ к нам валом повалит. Базу, я думаю, надо делать в Таганчанском лесу у Щедрова. Там у него такие дебри есть — ни один немец близко не подойдет. Мы с ним подберем место.

Деньги на машинку удалось собрать быстро. Понемногу внес каждый подпольщик. Солидную сумму дал сотничий староста Гайденко. Хоменко удалось продать муку. Осенью 1942 года Марценюк отправился в Киев и вскоре вернулся оттуда с большой корзиной, на дне которой лежали тщательно упакованная драгоценная машинка и добрый запас бумаги.

Первую листовку подпольщики выпустили в конце 1942 года. Было тяжелое время, когда шли бои на улицах Сталинграда, когда немецкие газеты и радио взахлеб кричали о неминуемой капитуляции Советского Союза. В этих условиях особенно важно было поддержать дух народа, противопоставить хвастливой трескотне оккупантов горячее и правдивое большевистское слово.

Содержание первой листовки заранее подробно обсудили. Она должна была разоблачать фашистскую политику истребления советских народов и доказывать людям необходимость активной борьбы в тылу противника. Перед автором листовки — Марценюком — Хоменко поставил задачу: используя призывы партии, показать народу, что успехи гитлеровской армии временные и что фашистская Германия неизбежно проиграет войну с Советским Союзом.

Когда листовка была написана, Марценюк отоспал ее в Масловку с одним из подпольщиков. Отредактировав текст,

Хоменко поставил внизу подпись: «Комитет-103». К этому времени число подпольщиков в районе достигло такой цифры. В Корсуне принялась за работу машинистка. А потом в одну ночь листовки были разбросаны и расклеены по городу. Часть их послали в села.

Эти листики тонкой бумаги, убористо заполненные машинописным шрифтом, жадно перечитывались людьми, бережно прятались, передавались из рук в руки, и только малая часть их в конце концов попадала в гестапо.

Первую листовку Марценюк удачно начал подхваченной где-то в селе поговоркой, в которой народ точно и кратко определил суть политики фашистских оккупантов:

«Немцам — гут, евреям — капут, русским — тоже, а украинцам — позже».

После выхода листовки эта поговорка получила широкое распространение. Слух о том, что в районе действует подпольная коммунистическая организация «Комитет-103», летел из села в село. А когда стало известно о разгроме немцев под Сталинградом, активность «Комитета-103» резко возросла. Гестаповцы метались по городу, срывая со стен листовки и тщетно стараясь напастить на следы подпольщиков.

Листовки следовали одна за другой. То они рассказывали населению правду о положении на фронтах, то призывали народ саботировать приказы оккупантов, то убедительно опровергали лживые сообщения фашистских газет и радио. И во все большем числе по району распространялись отпечатанные сводки Совинформбюро с той же надписью — «Комитет-103».

Марценюк продолжал ездить по селам, и сеть подполья постепенно росла и расширялась. А тем временем Хоменко весной и летом 1943 года вместе со Щедровым готовил партизансскую базу в Таганчанском лесу. Там, в глухой чаще, закладывали склады продовольствия, рыли землянки, собирали оружие и боеприпасы, добытые подпольщиками в Корсуне и в селах. Только одна сотница группа в те дни передала будущему партизанскому отряду пятьдесят килограммов динамита, восемь винтовок и два ящика патронов.

Весной 1943 года «Комитету-103» удалось установить связь с подпольной коммунистической организацией оккупированного Киева. Оттуда приехал в Корсунь представитель Киевского подпольного горкома партии. Марценюк и его друзья помогли ему достать здесь необходимые для киевлян пропуска на выезд из области и передали в фонд областной организации значительную сумму денег.

Но еще до его приезда в Корсуне начались неприятности, вызвавшие у комитета серьезную тревогу. Ранней весной 1943 года одного из подпольщиков вызвали в жандармерию и

долго допрашивали о связях с Хоменко. Затем был вызван Хоменко, которого, впрочем, вовремя успели предупредить о показаниях товарища. Видимо, у гестапо не было прямых улик, и после допроса Хоменко отпустили. Но он чувствовал, что этот вызов был неспроста и что «Комитету-103» грозит опасность. Он потребовал, чтобы подпольщики удвоили осторожность.

И все же гестапо напало на следы организации. Летом последовал удар — 17 июля 1943 года был арестован Марценюк, а затем несколько других членов корсуньской подпольной группы. В эти дни в городе и селах прокатилась волна массовых арестов. Оккупанты, в связи с осложнениями на фронте, решили ликвидировать «опасные элементы» в своем тылу. Были схвачены все те, кто случайно уцелел от расстрелов 1941 года, — коммунисты и комсомольцы, советские активисты и общественники, а вместе с ними и те, кто хоть чем-нибудь вызвал подозрение оккупантов. К счастью, подпольщиков взяли немного, и основная сеть «Комитета-103» пока оставалась нераскрытой. Вероятно, тут сказывалась система конспирации, установленная Хоменко, — чтобы каждый из рядовых подпольщиков знал не больше двух членов организации.

Теперь все зависело от стойкости арестованных, от того, сумеют ли гестаповцы по нитям, оказавшимся в их руках, вытянуть всю сеть подполья. В селах группы «Комитета-103» напряженно ждали развития событий. Хоменко оставался в Масловке, готовый бежать в лес при первых признаках опасности. Но проходил день за днем, а новых арестов не было.

Восемь дней Марценюка и его друзей пытали в гестапо. Неизвестно, какие пытки вынесли арестованные, но известно, что ни учитель, ни другие подпольщики ни словом не выдали товарищей. 24 июля 1943 года их повезли на расстрел.

В эти дни жаркая летняя погода внезапно сменилась налетевшей грозовой бурей, которая бушевала непрерывно в течение двух суток. И две ночи подряд черные закрытые грузовики в сопровождении гестаповцев проезжали по улицам города в направлении Богуславского шляха. По этой дороге в нескольких километрах от Корсуня лежит глубокий, заросший лесом овраг — Резаный яр, где, по преданию, триста лет назад Богдан Хмельницкий разгромил шляхетскую армию Потоцкого. Здесь, в темной глубине оврага, были вырыты ямы и над ними партию за партией расстреливали приговоренных. Их было больше двухсот.

В городе знали о том, что происходит в Резаном яру. Две ночи большинство горожан не спало, и люди, которые потеряли в эти дни родных и близких, с болью и тоской смотрели из окон, как по мостовой, под громовые раскаты, в потоках ливня,

разбрызгивая грязь, идут в темноте черные гестаповские фургоны.

На следующий день после расстрелов, в ясное солнечное воскресенье, в корсуньской церкви собирались верующие, часть которых пришла помолиться за своих родных, убитых гитлеровцами в Резаном яру. И когда поп Иванов, верный прихвостень оккупантов, получивший накануне указания от своих хозяев, упомянул в проповеди о «нечестивцах, заслуживших кару господню», толпа молящихся колыхнулась, как от внезапного удара. Громкий ропот возмущения прокатился по церкви, прихожане, толпясь в дверях, стали быстро выходить наружу, и растерявшийся поп, так и не окончив проповеди, остался почти один в опустевшей церкви.

После расстрела Марценюка штаб подполья «Комитет-103» прекратил свою работу. Но сама сеть, созданная комитетом, продолжала действовать, и подпольные группы по-прежнему вели борьбу. Наступал период еще большей активизации их.

К лету 1943 года группы подпольщиков существовали уже во многих селах Корсуньского района. Большинство из них было организовано погившим Марценюком, но кое-где эти группы возникли сами по себе, не имея связи с «Комитетом-103» и зная о нем лишь понаслышке. Появились такие же группы и в соседних с Корсунем районах — Лысянском, Каневском, Ольшанском, Черкасском, Звенигородском.

Встречались и совсем маленькие подпольные группы, были и борцы-одиночки, которые отважно начинали борьбу, полагаясь только на собственные силы. Действовали они иной раз неумело и недостаточно осторожно, и многие из них погибли мучительной смертью в застенках гестапо. Но и они вносили свой важный вклад в общую борьбу народа, и гибель этих людей никогда не превращалась в напрасную жертву. Благородное безумство храброго звало на подвиг более робких, и имя погибшего героя люди бережно хранили в своей памяти. А плачам, которые огнем и железом испытали стойкость патриота, его мужественная смерть еще раз напоминала о непобежденной воле борющегося народа, о том, что тысячи таких же смелых и гордых людей на всей захваченной земле готовят им гибель, соединяя свои усилия с натиском Советской Армии, идущей сюда с востока.

В местечке Стеблев, лежащем рядом с Корсунем, в районной больнице больше тридцати лет работал главным врачом старый опытный хирург Иван Павлович Янчевский. Жена его служила фельдшерицей в той же больнице, а единственный их сын Павлик учился в десятом классе Стеблевской средней школы. Это был живой и развитой шестнадцатилетний юноша, один из лучших учеников, большой любитель чтения, завзятый

спортсмен, хороший, веселый товарищ. В первые дни войны Павлик, как и другие мальчики, хотел пойти добровольцем на фронт, но потом переменил решение. «Я буду партизаном, — говорил он родителям и школьным друзьям. — Если сюда придут фашисты, я начну действовать у них в тылу».

Тогда на это никто не обратил внимания — слова Павлика приняли за обычное мальчишеское хвастовство. Только гораздо позднее все, кто знал этого мальчика, поняли, что он принадлежал к числу людей, не бросающих слов на ветер.

Когда немецкие войска подходили к Киеву, семья врача собралась было эвакуироваться, но Ивану Павловичу предложили задержаться — в больницу поступали раненые фронтовики, и он, как хирург, нужен был на месте. Янчевские так и не успели выехать из Стеблева.

Старый врач сразу же приютил в больнице нескольких бежавших из плена советских офицеров. Под видом больных он содеряжал их в палатах до зимы, пока не замерз Днепр и они смогли легко перейти на левый берег, пробираясь к фронту. Прятали в больнице и местных коммунистов, за которыми охотились гестаповцы. Позже доктор Янчевский не раз помогал молодым жителям Стеблева избавиться от отправки в Германию, выдавая им справки о мнимых болезнях. Когда однажды из гебитскомиссариата пришел приказ вывесить в палатах портреты Гитлера, а над крышей — «желто-блакитный» флаг украинских националистов, Иван Павлович громко заявил, что этого не будет, пока он жив и работает в больнице. Об отношении хирурга к оккупантам знали и полицаи и стеблевский староста, но выдавать его гестапо они не решались — Янчевский пользовался в народе большим уважением и его арест вызвал бы всеобщее возмущение.

А Павлик тем временем, не посвящая в свои планы ни отца, ни мать, начал действовать. Сразу же после того, как немецкие войска прошли через Стеблев, он вместе со своим школьным другом несколько дней кряду переплывал Россю и уходил в густой Выграевский лес, раскинувшись на противоположном берегу. В этом лесу наши части при отступлении дали противнику бой, и здесь остались лежать убитые красноармейцы. Два мальчика бродили по лесу, отыскивали тела павших бойцов и предавали их земле. Оружие погибших они собирали и вечером переправляли в Стеблев. На чердаке у Павлика теперь был склад оружия и боеприпасов, предназначавшихся для будущих партизан.

В 1942 году Павлик познакомился с инженером Проскуриным, работавшим в Стеблевском отделении Корсуньской гидроэлектростанции. Проскурин тоже мечтал о борьбе против оккупантов, и его сразу привлек к себе этот горячий, решитель-

ный юноша. Инженер устроил Павлика на службу в отделении ГЭС, и они вместе несколько раз устраивали на станции аварии, надолго прекращая подачу энергии в Стеблев.

Потом Павлику удалось раздобыть радиоприемник. Он залез себе карту, на которой ежедневно отмечал продвижение Советской Армии. Теперь в городе многим было известно действительное положение на фронтах — Павлик старался как можно шире распространить все то, что он слышал по радио из Москвы.

Он не скрывал своего отношения к оккупантам. В Стеблеве знали, что сын врача Янчевского открыто агитирует против немцев, доказывает, что Советская Армия победит Гитлера, и зовет людей к борьбе. Даже Прокурин не раз упрекал своего молодого товарища в неосторожности. Но в ответ Павлик только посмеивался.

Местная полиция пристально следила за молодым Янчевским. Но его пока что не трогали из-за отца. Лишь однажды стеблевский староста предупредил родных Павлика, что если их сын не перестанет «вести нехорошие разговоры», ему придется плохо. Павлик не обращал внимания на эти угрозы и продолжал открыто ругать оккупантов и предсказывать их поражение.

17 июля 1943 года в отделение ГЭС явились жандармы. Павлика арестовали. Прокурин успел скрыться, но через два дня схватили и его. Павлик и инженер были замучены в гестапо.

Много позже один из крестьян, которому удалось вырваться из подвалов гестапо, рассказал кое-что о последних днях Павлика Янчевского. Этого крестьянина привели на допрос, и он, ожидая своей очереди, слышал через дверь, как допрашивали Павлика. Следователь допытывался у него:

- Ты говорил, что Красная Армия непобедима?
- Да, говорил! — был смелый ответ.

Тогда доносились частые глухие удары, тяжелый стон и высокий, прерывающийся голос мальчика:

— Бейте, гады, все равно вам скоро конец. Идет Красная Армия.

Снова сыпались удары. Потом сквозь дверь слышался плеск воды, — вероятно, мальчик терял сознание и его отливали. И опять раздавался жесткий деревянный голос следователя:

- С кем ты действовал?
- Один.
- Кто был твоим начальником?
- Я.

Мальчику сломали обе руки, вспороли живот. Он умер еще в камере, и в яму с расстрелянными в Резаном яру его бросили уже мертвым.

Павлика Янчевского арестовали в одно время с Марценюком. Кто знает, возможно, они провели свои последние часы в одной камере, вместе — спокойный, хладнокровный, уже проживший нелегкую тридцатидвухлетнюю жизнь учитель и пылкий шестнадцатилетний ученик, только начинавший свой путь и уходивший из жизни, так и не узнав многих ее радостей. Быть может, оба они — и учитель и ученик — в эти последние дни жизни учились друг у друга величайшему из качеств человека — мужеству перед лицом смерти.

Через несколько дней после гибели Павлика не стало в живых и его отца. Старый врач не перенес смерти сына, он умер от разрыва сердца, когда ему сообщили, что Павлик казнен.

■

С середины лета 1943 года в местную жандармерию и гестапо все чаще начали поступать донесения о систематических диверсиях и налетах на немецкие гарнизоны в селах. Полицаи и тайные агенты смогли разузнать очень немного. Им стало известно, что в окрестных лесах действуют уже несколько партизанских отрядов. Называли отряд имени Щорса, отряд имени Кутузова, отряд Бати, о командире которого рассказывали, что он носит большую бороду. Что же касается сведений о численности отрядов, об их составе и местонахождении — донесения были самыми разноречивыми и, судя по всему, основанными только на слухах и досужих домыслах.

Впрочем, пока партизаны ограничивались мелкими операциями, они не вызывали особой тревоги у немецких властей. Размах партизанского движения в этих местах казался несравненно меньшим, чем, например, в Белоруссии или даже в соседней Черниговской области.

К осени действия партизан усилились и приобрели столь угрожающий характер, что не считаться с ними было уже нельзя. В сентябре большой партизанский отряд перерезал и прочно оседлал дорогу, ведущую из Корсуня в Канев. По этой дороге немцы возили к Днепру боеприпасы со склада в селе Таганче. Пришлось отряжать против партизан войска, и дорогу удалось очистить только после упорного боя. Затем, видимо, тот же отряд, которым командовал неизвестный Батя, произвел налет на запасный полк в Буде Воробиевской и уложил в перестрелке несколько десятков немецких запасников. Неделю спустя была обстреляна полевая жандармерия в Лысянке и совершено нападение на отряд полиции в лесу у села Топильно, причем было убито двадцать полицаем. В ноябре последовала серия смелых диверсий и налетов. На станции Сотники была сожжена радио-телефонная трансляционная точка проходившей

здесь линии связи с Берлином. В Вотылевке убит сельскохозяйственный комендант Виноградской волости, в Дащуковке расстрелян тайный агент гестапо. В те же дни под полотно у блокпоста Моренцы были положены мины, и шедший к фронту поезд потерпел крушение. Агентура оккупантов между тем называла всё новые отряды партизан: «Истребитель», «Грозный», имени Шевченко, имени Боженко, имени Чапаева...

Немецкие власти решили принять срочные меры. Мижиричья, Лука, Буда Воробьевская, Поташня, Мельники и другие села, лежащие близ Таганчанского леса, были объявлены партизанской зоной. Жителям их пригрозили наказанием, а сельские гарнизоны усилили. В Бровахский лес послали воинские части, но партизаны дали карателям бой, а потом ушли куда-то в лесную глушь. В селе Сотники, близ которого на железнодорожной линии часто происходили аварии и крушения, гестапо арестовало и расстреляло нескольких крестьян, подозреваемых в связи с партизанами. Для этого села был установлен особый режим — жителям запретили появляться на улицах с девяти часов вечера до семи утра. На сельской сходке в Сотниках крестьян предупредили, что село будет сожжено, если партизаны не прекратят своих действий.

Но ничто не помогало — диверсии и налеты партизан учащались и усиливались по мере того, как все слышнее гудела канонада со стороны Днепра. Гром советских пушек, доносившийся с востока, звучал как набатный гул, зовущий народ с оружием в руках подниматься против захватчиков.

Вся сеть бывших подпольных групп перешла к открытым боевым действиям — к партизанской борьбе. И в леса к партизанам, как предсказывал когда-то Хоменко, валом повалил народ. Возникали все новые отряды, и операции их становились все смелее, шире и планомернее.

- Одним из первых в окрестных лесах начал действовать отряд имени Щорса. Он образовался из подпольной группы, созданной еще в декабре 1941 года двумя офицерами Советской Армии.

Командир полка подполковник Кузьма Легкодух, кадровый военный и коммунист с пятнадцатилетним партийным стажем, в первые месяцы войны был тяжело ранен в бою и остался в тылу противника. В прифронтовом селе, близ которого был бой, колхозники приютили раненого офицера и прятали его от немцев до выздоровления. Поправившись, он пришел к себе на родину, в село Франковку, Лысянского района, где жили его сестры.

В том же бою, что и Легкодух, был ранен капитан Иван Павленко. Но он попал в руки гитлеровцев и оказался в Уманском лагере военнопленных, откуда бежал, как только рана его

зажила. Павленко был уроженцем села Дашуковка, и он также пришел в свои родные места.

Дашуковка и Франковка — соседние села. Два офицера вскоре встретились и договорились об организации подпольной группы. Настойчиво и осторожно они искали себе единомышленников, готовых, как и они, начать борьбу, и в короткое время к ним примкнуло несколько десятков жителей окрестных сел. Подпольщики выпускали листовки, вели агитацию среди крестьян, добывали оружие.

В мае 1943 года эта группа стала партизанским отрядом, командиром которого был избран Легкодух, а начальником разведки — Павленко. Отряд принял имя героя гражданской войны Николая Щорса.

Щорсовцы действовали большей частью в селах Лысянского района. Именно партизанами Легкодуха был убит в Волылевке сельскохозяйственный комендант Виноградской волости, а в Дашуковке расстрелян тайный агент гестапо. Они напали на полевую жандармерию в Лысянке и устраивали диверсии на Почапинском сахарозаводе. 14 декабря 1943 года бойцы этого отряда атаковали обоз, с которым ехали полицаи, эвакуированные немцами с Левобережной Украины и направлявшиеся в Германию. Обоз был рассеян, а полицаи почти все перебиты. Неделю спустя группа партизан Легкодуха похитила на складе Бужанского заготзерна шесть тысяч мешков, сорвав отгрузку пшеницы, подготовленной оккупантами для отправки в тыл. В первых числах нового, 1944 года щорсовцы разобрали в районе Тихоновки полотно железной дороги и спустили под откос поезд.

В эти дни с севера все слышнее доносилась канонада. Войска 1-го Украинского фронта, наступавшие со стороны Белой Церкви, были уже неподалеку от Лысянского района. И партизаны отряда имени Щорса, надеясь вскоре соединиться с частями Советской Армии, провели дерзкую боевую операцию.

По соседству с Лысянкой в селе Бужанке находится большой сахарный завод — одно из самых крупных промышленных предприятий района. Стало известно, что оккупанты готовятся взорвать его, и партизаны Легкодуха решили помешать этому, дав противнику открытый бой.

10 января отряд неожиданным налетом захватил завод. Партизаны заняли круговую оборону, и первые атаки немецких частей, переброшенных сюда из Лысянки, были успешно отбиты. Четыре дня бойцы Легкодуха удерживали заводскую территорию, с часу на час ожидая подхода наших войск. Но канонада, доносившаяся с севера и запада, явно стала ослабевать и отдаляться и, только южнее, в стороне села Тихоновки, слышалась близкая и неумолкающая перестрелка.

В самом деле, к несчастью для партизан, положение на фронте изменилось. Противник начал сильные контратаки с Уманьского направления, потеснил войска 1-го Украинского фронта и вынудил их перейти к обороне. При этом вырвавшиеся вперед пехотные части генерала Пузанова были отрезаны от своих и окружены. Одна из окруженных частей вела бой около Тихоновки, и партизаны Легкодуха, засевшие на Бужанском заводе, слыша звуки этого боя, думали, что с юга подходят наступающие советские войска.

Между тем немцы подтягивали к заводу все новые силы, и партизанам становилось невмочь выдерживать огонь и атаки противника. Гул пушек на западе и на севере совсем затих. Со стороны Тихоновки, не приближаясь и не отдаляясь, по-прежнему доносилась трескотня винтовок и пулеметов. Партизаны стали догадываться, что обстановка на фронте осложнилась.

На четвертые сутки штаб отряда принял решение покинуть завод. Ночью партизаны с боем отошли к Тихоновке и там соединились с одной из окруженных наших частей. А на следующую ночь партизаны и пехотинцы ловким маневром вырвались из кольца и начали многодневный марш по тылам противника, пробираясь к фронту. Их вел боец отряда имени Щорса старик Бессараб, бывший председатель Бужанского сельсовета, знавший в этих местах каждую тропку и каждый овраг. Отбиваясь от преследователей, солдаты и партизаны вскоре оказались за десятки километров от Тихоновки и уже на земле Звенигородского района встретились с танкистами, прорвавшими немецкий фронт. Отряд Легкодуха тотчас же влился в ряды армии.

Почти в одно время с группой Легкодуха начал партизансскую борьбу и отряд Бати. Ядро этого отряда было создано в Каневском районе бывшим стрелком Советской Армии, рядовым Кириллом Солодченко.

Член партии с 1920 года, Кирилл Солодченко считался старейшим из каневских коммунистов. До войны он был председателем колхоза в селе Синявке. В 1941 году он не успел вовремя эвакуироваться и, очутившись в немецком тылу, решил добираться к своим. Много дней он шел на восток, по оккупированным землям Украины, и только зимой сумел перейти линию фронта под Курском, около Ржавы. Его зачислили в часть рядовым стрелком, и он в течение десяти месяцев участвовал в боях. Потом его рота попала в окружение под Харьковом. Солодченко едва избежал плена и опять остался в тылу. Он попробовал было снова идти вдогонку за отступающими советскими войсками, но на этот раз попытка не удалась. Фронт быстро двигался к востоку — германская армия развивала наступление на Сталинград, и по донским степям потоком лились

колонны войск противника. Солодченко повернул обратно, решив возвратиться домой.

Началось опасное и долгое путешествие через всю Левобережную Украину. Ночами Солодченко пробирался от села к селу, прятался от старост и полиции и шел к Днепру, не расставаясь со своим фронтовым автоматом. Глубокой осенью он переправился через Днепр и явился в родное село Дарьевку близ Канева.

Кто-то из предателей донес о возвращении Солодченко, и за ним стали охотиться полицаи. Пришлось скрываться, переходить из хаты в хату и даже на время покидать село. Но и в этих условиях Солодченко стал выполнять свой долг солдата и коммуниста.

Его старые друзья колхозники Сухобрус, Петренко и другие первыми вступили в организованную им подпольную группу. В начале 1943 года подпольщики Солодченко работали уже не только в Дарьевке, но и в Степанцах, в Таганче и в самом Каневе. Через своих таганчанских людей Солодченко установил связь с лесным объездчиком Василием Щедровым, группа которого входила в состав «Комитета-103». Щедров снабжал каневских подпольщиков отпечатанными в Корсуне листовками и сводками Совинформбюро, а те размножали их и распространяли в окрестных селах.

Весной 1943 года в Дарьевке в хате Сухобруса собрались созванные Солодченко представители всех подпольных групп Каневского района. Двенадцать человек, прибывших на это совещание, единогласно решили создавать партизанский отряд. Через две недели первая небольшая группа партизан заняла подготовленные заранее шалаши в Таганчанском лесу. К середине лета отряд насчитывал больше тридцати бойцов. Партизаны были вооружены винтовками и гранатами. Автомат имел один Солодченко.

Солодченко носил длинную окладистую бороду. Из-за этой бороды он и получил от товарищей шутливое прозвище «Батя», а весь отряд стал именоваться отрядом Бати.

Партизаны Бати, к которым все время присоединялись новые люди, сразу же начали активные действия. Одной из первых их операций была казнь предателя-старосты в Дарьевке летом 1943 года. В августе Солодченко со своими людьми ночью нагрянул на сахарный завод в Мартыновке, обезоружил десяток охранников и расстрелял коменданта охраны — ярого полицая.

В сентябре в районе Таганчанского леса советские самолеты сбросили на парашютах отряд автоматчиков. Партизаны Солодченко объединились с бойцами и вместе с ними провели несколько крупных операций. Тогда-то и была перерезана

дорога Корсунь — Канев и совершен налет на запасный полк в Буде Воробьевской.

В ответ на это гитлеровцы подтянули к Таганчанскому лесу войска. Отряд партизан и парашютистов принял бой, но его теснили со всех сторон. Разведка доносила о том, что в район Таганчи спешат новые части карателей. Надо было уходить от разгрома. Ночью отряд прорвал кольцо противника и быстрым маршем двинулся на юг, направляясь в густые Ирдыньские леса. Вместе с этим отрядом ушел из Масловки заедущий мельницей и бывший руководитель «Комитета-103» Авксентий Хоменко.

Месяц спустя партизаны Бати и парашютисты в районе города Черкассы неожиданно ударили в тыл противника, обеспечивая переправу через Днепр войск 2-го Украинского фронта. Операция эта имела полный успех — наши войска заняли Черкассы. Бойцы Солодченко были зачислены в ряды Советской Армии.

Но если каневские и лысянские партизаны оказались по эту сторону фронта, то другие отряды продолжали сражаться во вражеском тылу. Таганчанский лес теперь заняли два отряда — «Истребитель» и отряд имени Боженко. В Бровахском лесу обосновался отряд имени Шевченко. Действовала в окрестностях своего села сотницкая боевая группа. Силы партизан росли день ото дня — в течение всей осени в отряды группами и поодиночке приходили крестьяне близких сел.

И тогда возникла мысль — подчинить отряды единому командованию, создать партизанское соединение.

20 декабря 1943 года в Таганчанском лесу собрались партизанские командиры и комиссары. На этом совещании было решено объединить силы всех трех отрядов — «Истребителя», имени Боженко и имени Шевченко. Так возникло партизанское соединение «Рыжего».

Немецким властям вскоре стало известно, что в районе Таганчи действует крупное соединение партизан и что его командир носит кличку «Рыжий». Но их агентам никак не удавалось дознаться, кто именно скрывается под этим прозвищем.

А между тем, как, смеясь, говорили партизаны, в Таганчанском лесу «каждый заяц знал» этого невысокого, крепкого, рыжеволосого человека с рябоватым, веснушчатым лицом, озаренным хитрыми и смелыми глазами. Командиром соединения — «Рыжим» — был не кто иной, как один из первых подпольщиков сети «Комитета-103», обездчик Таганчанского лесничества Василий Кузьмич Щедров. Ему, бывшему партизану гражданской войны, опытному, волевому организатору, человеку, чувствующему себя как дома в густых чащах окрестных

лесов, командиры и комиссары отрядов доверили руководство соединением.

Политическим помощником Щедрова, партизанским комиссаром стал двадцатилетний Валентин Федин, в недавнем прошлом лейтенант государственной безопасности, переброшенный в конце 1942 года через линию фронта для связи с подпольщиками. Начальником штаба соединения назначили майора Ивана Ковальчука, кадрового военного, который в первые месяцы войны попал со своей частью в окружение и, оставшись в тылу врага, примкнул к партизанам.

Организация единого партизанского командования тотчас же сказалась на размахе борьбы. Действия отрядов стали шире по своим масштабам, целеустремленными и планомерными. В свою очередь активность партизан немедленно вызвала новый приток людей из сел. Несмотря на зимнее время, отряды быстро пополнялись и росли.

В январе 1944 года отряды партизан взяли под свой постоянный контроль дороги, ведущие к Таганче и Мижиричи, нападали на склады и обозы, совершили многочисленные диверсии. В этом месяце смелым ночным налетом бойцы отряда «Истребитель» во главе с командиром роты Еременко, выполнив приказ штаба, освободили на станции Корсунь почти пятьсот военнопленных и местных жителей, которых немцы заперли в большом станционном сарае перед отправкой в тыл. Освобожденные тут же присоединились к партизанам. Одновременно отряд имени Шевченко напал на сахарный завод в Набутове. Охранники были обезоружены, партизаны забрали заводских лошадей и вывезли со склада подготовленный к погрузке сахар. Через несколько дней у станции Корсунь полетел под откос паровоз с тремя груженными вагонами. Группа партизан разгромила квартиру каневского сельскохозяйственного коменданта. В Сахновском лесу была подорвана и сожжена автоколонна — больше двадцати немецких машин.

В самом конце января партизаны «Рыжего» провели крупную операцию, план которой был детально разработан в штабе соединения. Все три отряда одновременным ударом с разных сторон выбили сильный немецкий гарнизон из большого села Таганчи. Партизаны заняли оборону в селе и несколько дней успешно отбивали атаки карателей. Только когда к селу подошли регулярные воинские части противника, отряды Щедрова с боем отошли в лес.

За два месяца своего существования соединение «Рыжего» выполнило десятки боевых и диверсионных операций. Борьба была нелегкой. В боях пал смертью храбрых любимец бойцов, бесстрашный партизан, командир роты Еременко, были убиты и ранены десятки других. Но противник понес гораздо

больший урон — он потерял почти двести человек убитыми и столько же пленными. Отряды «Рыжего» уничтожили у немцев паровоз, шесть вагонов и цистерн, тринадцать пушек, много автомашин, сожгли лесопильный завод и разрушили два моста.

Размах партизанского движения явно угрожал немецкому тылу в районе Корсуня. Обычные полицейские меры уже не приносили успеха. Надо было стягивать сюда регулярные воинские части и предпринимать широкое и планомерное наступление против отрядов Щедрова. Немецкое командование уже начало готовиться к этим операциям, как вдруг события на фронте внезапно приняли новый, страшный для гитлеровцев оборот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОРСУНЬСКИЙ МЕШОК

Генерал пехоты Маттенклот, командовавший 42-м армейским корпусом немецкой армии, был серьезно озабочен положением вверенных ему войск. Его дивизии и дивизии 11-го армейского корпуса, которым командовал генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман, находились как бы в мешке — внутри обширного выступа линии фронта, вдающегося глубоким клином в расположение русских армий. Достаточно было взглянуть на очертания этого выступа на карте, чтобы понять, сколь грозная опасность таится в нем.

Маттенклот знал, какие большие надежды возлагает Берлин на корсуньский выступ фронта. Опасный мешок имел для немцев и немалые выгоды. Готовить новый ударный кулак для взятия Киева было бы лучше всего именно здесь, в районе Корсуня. Этот выступ торчит, словно кинжал, направленный в бок 1-му и 2-му Украинским фронтам русских, он — вечная угроза удара во фланг наступающим армиям Ватутина и Конева. Отсюда совсем недалеко до Киева, и как раз здесь немецкие войска еще прочнодерживают свои позиции на правом берегу Днепра. И какой это берег! Господствующие высоты, открывающие широкий обзор сразу на восток, север и северо-восток.

Но, даже учитывая все эти выгоды, Маттенклот считал корсуньский выступ чересчур опасным. Стоило русским сильным ударом подрубить его у основания, и это могло бы вызвать катастрофу, подобную сталинградской.

Правда, обстановка здесь была совсем иной, чем под Сталинградом. В самой непосредственной близости к корсуньскому выступу, в районах Кировограда и Умани, находилось несколь-

ко танковых корпусов, которые в случае опасности сразу же успели бы сюда, чтобы ударить русским во фланг. Да и силы войск Маттенклоа и Штеммермана, занимающих выступ, были достаточно велики — они могли долго и успешно сопротивляться любому наступлению русских армий. Вдобавок и местность здесь благоприятствовала обороне: крутые холмы, глубокие овраги, много рек, лесов — это не то что голая, безлесная приволжская степь; тут советским войскам пришлось бы с упорным боем отвоевывать каждую высоту, любую лощинку. И на этой местности были построены довольно прочные укрепления. Генерал несколько раз лично обезжал фронт, всюду он видел линии траншей, добротные промежуточные рубежи вдоль рек и оврагов, хорошо оборудованные саперами опорные пункты — надежную и глубокую оборону. И все-таки беспокойство не оставляло его. Этот выступ русские постараются ликвидировать во что бы то ни стало. Он вклинивался между двумя Украинскими фронтами, он мешал их дальнейшему наступлению на запад и представлял угрозу для Киева. Все говорило за то, что русские не упустят возможности завязать корсуньский мешок.

Маттенклот являлся командующим всей группой войск, занимающей корсуньский выступ. На нем лежала ответственность за судьбу десятков тысяч немецких солдат и офицеров. Обдумав все и поделившись своими сомнениями со Штеммерманом, который согласился с ним, Маттенклот решил просить командование об отводе обоих корпусов из опасного мешка.

В начале января он обратился с этой просьбой к своему непосредственному начальнику — генералу, командующему армией, в состав которой входил 42-й армейский корпус. Командующий армией ответил отказом и приказал по-прежнему удерживать корсуньский выступ силами обоих корпусов.

Однако Маттенклот все больше проникался убеждением в том, что советские войска готовят наступление в этом районе. Наблюдатели и разведка доносили ему о непрерывных передвижениях русских войск вблизи выступа. И Маттенклот решил повторить свою просьбу, адресуясь на этот раз прямо к командующему Южной группой немецких армий генерал-фельдмаршалу фон Манштейну, тому самому Манштейну, который в 1942 году столь бесславно и безуспешно пытался прорваться на помощь к окруженному в Сталинграде армии Паулюса.

Ответ Манштейна был точно таким же: корсуньский выступ необходимо удерживать во что бы то ни стало. Не было никакого сомнения в том, что ставка верховного немецкого командования связывала с этим выступом обширные планы.

Между тем советские войска продолжали продвигаться на юг от Белой Церкви. Мешок, в котором находились оба

корпуса, все больше вытягивался — опасность окружения росла. И, несмотря на категорический отказ Манштейна, Маттенклот вновь попытался добиться своего. Он опять изложил все свои доводы начальству и прямо заявил ему:

— Положение становится безвыходным. Безумно жертвовать столькими жизнями. Если войска не будут оттянуты из мешка, я подаю в отставку.

Но и это не возымело действия. Тогда Маттенклот решился на последний шаг. 10 января он вылетел в штаб армии, надеясь, что в личном разговоре ему скорее удастся убедить командующего в своей правоте.

Генерал собирался в эту поездку весьма основательно. Слова об отставке были сказаны не наобум, и Маттенклот, видимо, твердо решил сложить с себя командование, если требование его не будет удовлетворено.

Впоследствии пленные штабные офицеры рассказывали, что Маттенклот с тяжелым чувством покидал войска, судьба которых так тревожила его. Когда ему доложили, что самолет готов, генерал достал из своих дорожных запасов две коробки шоколада и протянул их своему денщику и шоферу.

— Это пригодится вам, если вас окружат, — с угрюмой усмешкой сказал он. — А я неизвестно вернусь ли сюда. Возьмите на память.

На первых порах дурные предчувствия генерала не оправдались. Переговоры в штабе армии были успешными. Командующий, правда, заставил долго себя уговаривать, но в конце концов признал опасения Маттенклота основательными и согласился отвести войска. Убедить Манштейна оказалось труднее. Но в конце концов дал свое согласие и он. После этого генерал-фельдмаршал улетел в ставку, чтобы получить окончательную санкцию на спрямление линии фронта в районе Корсуня..

Прошло еще несколько дней, и из гитлеровской ставки Манштейн сообщил, что его решение не утверждено. Корсуньский выступ приказано оборонять до последней возможности. Когда же Маттенклот с прежней настойчивостью повторил свой ультиматум, последовало распоряжение, отзывающее его в ставку. Вышло так, как предчувствовал генерал, — он не возвратился к своим войскам.

Гитлер и генералы из ставки не желали и слышать об оставлении корсуньского выступа. Мысленно они уже видели, как немецкие дивизии вновь двинутся на Киев с этого плацдарма. Оставить корсуньский выступ значило для них окончательно потерять надежду на возвращение украинской столицы и навсегда распростряться с Днепром в районе Киева. Пока немецкие войска занимали Каневские высоты и правый берег в

нижнем течении реки, южнее Запорожья, Геббельс мог еще с наигранной бодростью писать в берлинских газетах:

«Большевикам не удалось отбросить от Днепра немецкую армию... Повара наших войск и поныне черпают воду из Днепра».

Конечно, это было лишь самообольщением. Битву за Днепр германская армия фактически уже проиграла. И все же гитлеровский генералитет еще надеялся взять реванш на Правобережье и овладеть Киевом.

Последующие события показали, что Маттенклот был прав в своих опасениях. Советское Верховное Главнокомандование учло все выгоды обстановки в районе Корсунь-Шевченковского и готовилось начать здесь широкие наступательные операции.

Только что стало известно о победе Советской Армии под Ленинградом. 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали оборону противника и погнали его от города Ленина. Город-герой и страдалец был освобожден от долгой тяжелой осады, и Москва отметила это событие одним из самых торжественных салютов.

А в Москве, в Ставке Верховного Главнокомандования, в это время на стратегическую карту фронта уже были нанесены две новые красные стрелы. Плавно изгибаясь навстречу друг другу, они пролегли вдали от Ленинграда на правобережных землях Украины, как раз в том месте, где у ветвистой синей жилки Днепра фронтовая линия образовала глубокую впадину. Этот новый удар Советской Армии был нацелен на корсунь-шевченковскую группировку немецких войск.

Но Корсунь-Шевченковская операция была только частью разработанного в Ставке большого и широко задуманного наступления на Правобережной Украине. На всем южном участке советско-германского фронта, от Белоруссии до Черного моря, наши войска в ближайшие месяцы должны были нанести противнику ряд последовательных мощных ударов. В короткий срок разгромить южные армии врага, освободить Правобережную Украину, отбросить противника далеко на запад и подготовить тем самым дальнейшее наступление к Висле и на Балканы — такие задачи ставило Верховное Главнокомандование перед войсками Украинских фронтов.

Первым этапом этого грандиозного плана был разгром немецкой группировки в Приднепровье, в районе корсуньского выступа фронта.

Успех задуманной операции сулил многое. Ликвидация корсунь-шевченковского плацдарма врага позволила бы устранить угрозу Киеву, обезопасить фланги 1-го и 2-го Украинских

фронтов и окончательно решить исход битвы за Днепр. Завершая Днепровскую битву, этот удар положил бы начало разгрому южных армий противника и значительно ускорил бы полное освобождение всей Правобережной Украины.

Место и момент нового удара были выбраны очень удачно. Очертания линии фронта в районе Корсунь-Шевченковского как нельзя лучше благоприятствовали крупной операции на окружение. Немецкое командование, несмотря на опасения генерала Маттенклота, все же не ожидало в ближайшее время нашего наступления в этих местах. В штабе Манштейна предполагали, что советские войска, возможно, в более или менее близком будущем сделают попытку наступать на запад от Кировограда, и там на всякий случай стояли наготове немецкие танковые корпуса.

Но даже и это наступление считалось маловероятным. Погода и состояние дорог, по мнению немцев, исключали сколько-нибудь активные действия войск на Правобережье. Зима стояла гнилая: выпадавший время от времени снег тотчас же таял, поля и холмы раскисли, дороги превратились в вязкое болото. Метеорологические прогнозы не обещали похолодания. Все убеждало противника в том, что русские не отважатся предпринять в этих условиях крупного наступления.

Да и военная обстановка на 1-м Украинском фронте была тогда довольно сложной. Войска Ватутина еще вели тяжелые оборонительные бои к востоку от Житомира. В середине января Манштейн бросил свои дивизии в контрнаступление из района Христиновки и на запад от Лысянки, стараясь срезать выдававшийся на юг уманский выступ нашего фронта. Вводя в действие крупные танковые соединения, противник потеснил советские части. Если 13 января линия фронта проходила всего в 25 километрах к западу от Звенигородки, то неделю спустя бои шли уже в 50 километрах от этого города. Несколько наших частей при этом оказались отрезанными от основных сил и, заняв круговую оборону в Лысянском районе, с трудом отбивались от наседающего со всех сторон противника. Казалось, что в этих условиях 1-му Украинскому фронту понадобится продолжительное время, чтобы оправиться и перегруппировать свои силы, прежде чем вновь начать наступательные операции. В ставке Гитлера почти не сомневались, что спокойная зимовка немецких войск на корсуньском выступе обеспечена.

А между тем советские войска, продолжая обороняться и прочно закрепляясь на новых рубежах, уже готовили неожиданный для противника удар.

В середине января в штабах генералов Ватутина и Конева был получен из Москвы приказ. Ставка Верховного Главнокомандования Советской Армии приказывала 1-му и 2-му Украинским фронтам в ближайшие дни начать большое, согласованное наступление на правобережном Приднепровье. Приказ коротко и четко определял задачи обоих фронтов в предстоящей операции.

Войскам 1-го Украинского фронта было приказано прорвать оборону противника юго-восточнее Белой Церкви и развивать наступление на восток, в сторону Звенигородки. С противоположной стороны навстречу им, нацеливаясь на ту же Звенигородку, из района севернее Кировограда наносили удар на запад части 2-го Украинского фронта. Подрубить под основание немецкий клин, окружить и затем уничтожить корсунь-шевченковскую группировку противника — такова была задача, поставленная Верховным Главнокомандованием перед обоими фронтами.

В будущей операции особая роль отводилась танкистам. В составе 1-го Украинского фронта находились танковые части генерал-лейтенанта Кравченко. Генерал Конев имел в своем распоряжении танковые соединения генерал-полковника Ротмистрова. Эти танковые войска, с двух сторон войдя в брешь, пробитую пехотой в обороне противника, должны были прорваться в немецкие тылы и, встретившись в Звенигородке, как два острых стальных ножа, отсечь корсунь-шевченковскую группировку от основных сил гитлеровской армии.

Расстояние до Звенигородки было неодинаковым. Войска 1-го Украинского фронта находились от нее в пятидесяти километрах, а частям Конева предстояло пройти в полтора раза больший путь. Поэтому по приказу Ставки 2-й Украинский фронт должен был начать свое наступление на день раньше — 25 января — и лишь сутки спустя с запада наносили свой удар войска Ватутина.

До момента наступления оставались считанные дни, времени для подготовки столь сложной и ответственной операции было крайне мало. А между тем надо было в строжайшей тайне передвинуть на десятки километров массы войск, незаметно уплотнить боевые порядки пехоты и артиллерии, вывести на исходные позиции части прорыва, заблаговременно и тщательно разведать оборону противника, в тяжелейших условиях распустить доставить к фронту тысячи тонн боеприпасов и продовольствия, проделать проходы в минных полях и проволочных

заграждениях, выполнить множество других больших и малых дел, каждое из которых было важным для успеха в будущих боях.

И прежде всего надо было подготовить к сражению сами войска — солдат, офицеров, и особенно новоприбывшее пополнение.

В части обоих фронтов только что влилось много новобранцев — главным образом жителей областей Украины, освобожденных Советской Армией в летних и осенних боях 1943 года. Это были люди, испытавшие на себе все тяготы фашистской оккупации, люди, полные ненависти к захватчику. Но в большинстве своем они не имели никакого боевого опыта и никаких военных знаний — из них еще предстояло сделать настоящих солдат.

В штабах и в частях, на переднем крае и в тылу началась кропотливая работа. Все звенья сложного военного организма пришли в движение и включились в подготовку к будущей битве. Штабные офицеры, забыв о сне и отдыхе, склонившись над столами, наносили на карты будущие боевые маршруты частей, составляли схемы артиллерийского огня, таблицы боепитания и материального обеспечения войск. На наблюдательных пунктах пехоты, артиллерии, танков бессменно дежурили разведчики со стереотрубами и биноклями, не сводя глаз с позиций противника, изучая во всех деталях особенности его обороны. В частях второго эшелона, в запасных полках, в учебных подразделениях шли занятия с новобранцами. Боевые офицеры и сержанты, опытные, побывавшие в огне солдаты передавали новичкам свой фронтовой опыт.

Новичков учили штурмовать оборону противника, смелым броском преодолевать полосу артиллерийского огня, врываться в траншеи, поражая врагов короткими, точными очередями автомата, прокладывать себе дорогу гранатами, ловко пускать в ход штык и приклад в рукопашной схватке. Им показывали, как быстро отрывать себе окоп маленькой саперной лопаткой. Их приучали действовать в танковом десанте, наступать, укрываясь за броней машины, вскачивать на танк и спрыгивать с него на ходу.

В часы отдыха политработники вели с новобранцами беседы, читали вслух газеты, устраивали встречи нового пополнения с ветеранами части, с Героями Советского Союза, с бывальными воинами, которые могли рассказать много интересного из своей военной практики. На политработников ложилась моральная подготовка будущего наступления, воспитание боевого порыва и стойкости новых солдат.

Ненависти к врагу новичков нечего было учить — у каждого из них за годы оккупации накопились неоплатные счета

к гитлеровцам. Но зато, оторванные в течение двух лет от жизни родной страны, они не знали многого, что произошло за это время и что хорошо было известно солдатам, пришедшим из советского тыла. Впервые узнавали они во всех подробностях правду о разгроме фашистских войск под Москвой, о героической обороне Одессы, Севастополя, Ленинграда, о великой Сталинградской битве. С жадностью слушали они захватывающие рассказы о подвигах своих соотечественников — Николая Гастелло, Зои Космодемьянской, герояев-панфиловцев, о том, как самоотверженно трудились в эти военные годы советские люди в тылу — на заводах и шахтах, на колхозных полях.

День за днем бойцы нового пополнения проходили свою первоначальную школу воинского мастерства и политической закалки.

А тем временем у нашего переднего края быстро накапливались силы для будущего удара, и по дорогам, идущим вдоль фронта, каждую ночь передвигались массы войск и техники.

Километрах в тридцати к югу от городка Смелы вдоль берега небольшой речки Сухой Ташлык вытянулись длинной, непрерывной цепью хаток несколько сел — Вербовка, Баландино, Красносилка и другие. В этих местах проходила линия переднего края 2-го Украинского фронта, и здесь-то, на участке между селами Вербовка и Василивка, генерал Конев решил настичь противнику главный удар. Тут готовились к наступлению пехотинцы и артиллеристы генерал-лейтенантов Смирнова и Манагарова, и сюда из района Кировограда двинулись колонны танков генерал-полковника Ротмистрова.

Танковые войска Ротмистрова были для немецких штабов как бы барометром этого участка фронта — по их местонахождению можно было судить о намерениях советского командования. Там, где находились эти танки, противник ожидал нашего наступления. Как только они появились близ Кировограда, Манштейн спешно подтянул сюда свои танковые корпуса, а немецкая разведка получила строгое предписание — взять под самое пристальное наблюдение районы сосредоточения частей Ротмистрова.

Сейчас предстояло перебросить всю эту массу танков на много десятков километров к северу. Стоило разведчикам противника заметить это передвижение — и замысел будущей операции был бы раскрыт. Надо было увести танковые части и сосредоточить их на новом месте так, чтобы немцы ни о чем не догадывались.

На помощь танкистам пришли инженерные войска. Меры маскировки, принятые ими, ввели противника в заблуждение. Наземные наблюдатели и разведывательная авиация немцев неизменно доносили своему командованию, что танки Ротмист-

рова по-прежнему находятся у Кировограда. А тем временем каждую ночь подразделения танкистов одно за другим снимались с места и уходили дорогами, ведущими на север. Вскоре все танки, артиллерия, штабы и тылы Ротмистрова оказались далеко отсюда, в районе будущего прорыва, и там, скрываясь в лесу, ничем не выдавали своего присутствия.

Чтобы окончательно запутать противника и возможно дольше задержать его танковые корпуса у Кировограда, наши пехотные части, оставшиеся там, 23 января, за два дня до удара на главном направлении, предприняли демонстративные боевые действия. Немецкое командование приняло эту демонстрацию за начало ожидаемого наступления. Хитрость удалась — все внимание немцев сейчас было приковано к боям, развертывающимся на Кировоградском направлении. А у Вербовки и Василивки, где назревали главные события, все уже было готово.

По плану операции, удару наших главных сил на участке прорыва предшествовала разведка боем. За сутки до начала наступления несколько пехотных батальонов должны были атаковать передний край немцев. Перед ними ставилась весьма ограниченная цель — прощупать оборону противника, вскрыть его огневую систему и тем облегчить завтрашнюю задачу частям прорыва.

Утро 24 января выдалось ясное, безоблачное. Накануне подморозило, выпал снег, и пустынные холмистые поля, тянущиеся к западу от Сухого Ташлыка, однообразно белели до самого горизонта.

На рассвете в сонной утренней тишине внезапно загрохотали наши пушки. Пятнадцать минут артиллерия обрабатывала позиции противника на всем протяжении от Вербовки до Василивки. Затем из траншей поднялась пехота.

На участке против села Баландино, занятого немцами, разведку боем вел один из батальонов генерал-майора Джахуа. Генерал с группой своих офицеров наблюдал за этой атакой с вершины небольшой высотки невдалеке от переднего края. Не отрывая от глаз бинокля, он пристально следил, как цепи стрелков, отчетливо видные на ослепительно-белом снегу, перебегая, приближались к тому месту, где в нескольких сотнях метрах перед селом находились первые немецкие траншеи.

Генерал ясно представлял себе весь ход этого боя. Сейчас противник должен будет мобилизовать все свои огневые средства, чтобы остановить атакующих перед траншеями, и батальон заляжет, ведя перестрелку. В лучшем случае стрелкам удастся захватить какой-нибудь отрезок немецкой траншеи, и тогда последуют контратаки. За это время разведчики, не спускающие глаз с обороны противника, засекут его пулеметные

точки и орудия, нанесут на карты расположение его траншей, и цель атаки окажется достигнутой — можно будет вернуть батальон на исходный рубеж, — пусть немцы думают, что наша вылазка не удалась, и до завтра считают, что победа осталась за ними.

И вдруг, к удивлению генерала и его штаба, случилось нечто непредвиденное. В тот момент, когда цепи наших пехотинцев подошли к позициям противника на бросок гранаты, немецкие траншеи ожили — на снегу появились зеленые фигуры солдат. Сначала всем стоявшим на высотке показалось, что противник собрался контратаковать, но тут же стало видно, что зеленые фигуры быстро и беспорядочно удаляются в сторону села.

— Товарищ генерал, немцы бегут! — вырвалось у одного из офицеров.

Джахуа медлил с ответом, не веря глазам. Да, сомнений не могло быть: немцы, бросив траншеи, убегали к селу.

— Здесь что-то не так, — отрывисто сказал генерал. — Я думаю — это лишь боевое охранение. Основная линия траншей, наверно, позади.

Но немцы откатывались все дальше, и наши стрелки уже бежали за ними в рост, без перебежек. Вот первые бойцы вслед за немцами достигли окраинных хаток Баландина, и батальон ворвался в село.

Офицеры вопросительно смотрели на своего командира, ожидая его решения. А генерал и сам не мог понять, чем объяснить это неожиданное бегство противника. Он даже не на шутку зволновался, опасаясь за судьбу своего батальона, ворвавшегося в село, — он подозревал, что отступление немцев — только коварный маневр, за которым последует сильный контрудар.

Но именно в минуты такого волнения к Джакхуа приходила особая внутренняя собранность, та уверенная, холодная решимость, которая одна позволяет военачальнику в самые опасные моменты выбирать единственно правильный путь. Резко опустив бинокль, генерал обернулся к своему начальнику штаба.

— Второй батальон, вперед! — приказал он. — Поддержать атаку!

И тут же услышал, как справа от высотки понеслось далекое, протяжное «ура». Соседний батальон, видя успех атаки товарищей, сам рванулся вперед. И тотчас же по всему фронту, сколько видел глаз, пехота вышла из траншей и цепи стрелков быстро покатились к западу.

Только несколько часов спустя генерал Джакхуа понял, что он напрасно опасался подвоха со стороны противника.

Причина нежданного бегства немцев была столь обыкновенной, что, как это порой бывает, не сразу могла прийти на ум. Просто-напрасно утренний удар нашей артиллерии и атака пехоты оказались для противника совершенно внезапными, передовые немецкие части растерялись и, поддавшись панике, бросились бежать. Они попытались было задержаться на своей второй оборонительной позиции, но вал нашей пехоты, неотступно катившийся по пятам за бегущими, мгновенно захлестнул и эту линию траншей.

Победа нескольких батальонов разрослась в крупный успех, и разведка боем превратилась в начало наступления. По всему участку от Вербовки до Василивки противник дрогнул и стал отходить, пытаясь остановить наступающих на промежуточных рубежах. Но пехота настойчиво продолжала теснить его, и к вечеру передовые батальоны были уже в шести километрах западнее своих исходных рубежей. Главным силам оставалось лишь окончательно сломить упорство противника и развивать успех.

Еще днем погода переменилась. Южный ветер принес тепло, снег быстро таял, а к вечеру пошел противный, частый дождь, окончательно смывший все следы зимы. В спустившейся темноте по раскисшим дорогам на запад шли войска, поспешно подтягиваясь к новым рубежам.

С рассветом наступление возобновилось. Снова загремела артиллерия. В бой двинулись главные силы гвардейцев Смирнова и пехотинцев Манагарова. Уже к полудню новая линия обороны противника была широко прорвана. Пехота достигла села Оситняжка, втянувшегося по обеим сторонам глубокого оврага, по дну которого текла мелководная болотистая речушка Сырой Ташлык.

В полдень из прифронтового леса восточнее села Буртки вынеслись первые танки. Лес, казавшийся тихим и пустынным, вдруг наполнился ревом моторов, лязгом и скрежетом стали. Разом ожила вся мощь танковых войск Ротмистрова, тайно для противника укрывавшихся в этом лесу. Теперь наступил их час.

Танки бесконечным потоком текли из леса, словно там, в чаще, кто-то разматывал большой клубок этой ревущей стальной цепи.

В полдень передовые части генералов Кириченко и Лазарева были введены в прорыв и завязали бой за переправы через болотистый овраг в Оситняжке. Танкисты быстро сломили здесь сопротивление противника и продвинулись еще на 7 километров к западу, в район сел Капитановка и Тишковка. А на смену частям Кириченко и Лазарева в Оситняжку к вечеру подоспели пехотинцы и танкисты генерала Полозкова.

Всю ночь на 26 января в Капитановке и Тишковке шел бой. Противник старался во что бы то ни стало остановить наши войска на этом рубеже. Танковые атаки немцев следовали одна за другой, и на темных улицах обоих сел заполыхали подожженные машины. Только к утру здесь наступила недолгая передышка.

В Оситняжке до рассвета трудились на переправе через овраг танкисты Полозкова. Мост в центре села оказался заминированным, и использовать его было нельзя. Пришлось сооружать переправу на южной окраине. Берега Сырого Ташлыка вполне оправдывали название ручья — машины глубоко вязли в болотистой жиже, с флангов противник не переставая вел огонь, забрасывая овраг снарядами и минами, но к утру все танки Полозкова были уже в трех километрах от Оситняжки — в селе Писаревка.

А за сто с лишним километров отсюда, на западе, в частях 1-го Украинского фронта в эту ночь заканчивались последние приготовления к встречному удару.

Медленно вставало ненастное серое утро 26 января. Мутная пелена тумана висела над землей. Постепенно проступали очертания окрестных холмов, вымокших и черных. Заблестели лужи на дорогах. В первых порывах сырого, промозглого утреннего ветра зябко подрагивали голые ветви тополей и верб.

На западе, за холмами, почти одновременно раздались тяжелые, шипящие вздохи, в пасмурном небе зашелестело, словно крылья невидимых птиц прошумели над полем, и тотчас же впереди, на востоке, где лежал рубеж противника, наперебой загрохотали взрывы. «Катюша» — запевала каждой артиллерийской подготовки — подала свой сигнал. И тотчас же на холмах, за холмами, из ближних деревень и откуда-то совсем далеко разноголосо забарабанили пушки, и по всей окрестности, сколько хватало взгляда, заплясали вспышки выстрелов, мгновенно взbleskivayya и угасая.

И затем разом ожили пустынные холмы, и протяжное «ура-а-а!» понеслось к востоку, подгоняемое ветром. На большом пространстве фронта поднялись в атаку плотные цепи пехотинцев генерал-лейтенантов Трофименко и Жмаченко. Северный участок обороны противника был вскоре прорван войсками Трофименко, которые, вливаясь в эту брешь, быстро двинулись на восток. На южном крыле, где наступали войска Жмаченко и где стояли наготове танкисты Кравченко, противник оказывал пехотинцам сильное сопротивление, отвечал на атаки контратаками и задерживал продвижение наших частей. Ни в этот, ни в следующий день танки не смогли войти в прорыв в намеченном месте. Силы немцев на южном участке еще не были сломлены.

Тяжелые бои весь день 26 января шли и на 2-м Украинском фронте. С утра немецкие танки с новой силой бросились на Капитановку и Тишковку, и гвардейцы Смирнова вместе с танкистами Лазарева и Кириченко с трудом отбивали непрерывно повторяющиеся контратаки. В узком трехкилометровом промежутке между Писаревкой и Тишковкой дрались с насыдающим противником танкисты Полозкова.

Около одиннадцати часов утра южнее Писаревки, из небольшого села Расоховатка, немецкие танки попытались внезапно ударить на север, во фланг сражающимся подразделениям Полозкова. Но к этому времени на южную окраину Писаревки подоспела свежая танковая часть подполковника Чунихина, которая с хода ответила немцам встречным ударом. Разделившись на две группы, машины Чунихина атаковали Расоховатку с двух сторон, беря противника в танковую вилку.

Бой за село длился три часа. К двум часам дня немецкие танки были выбиты из Расоховатки. Только перед вечером противник осмелился повторить свою попытку, но получил такой же отпор и откатился на юг, оставив за день на улицах села восемь танков, два бронетранспортера и полторы сотни трупов своих солдат.

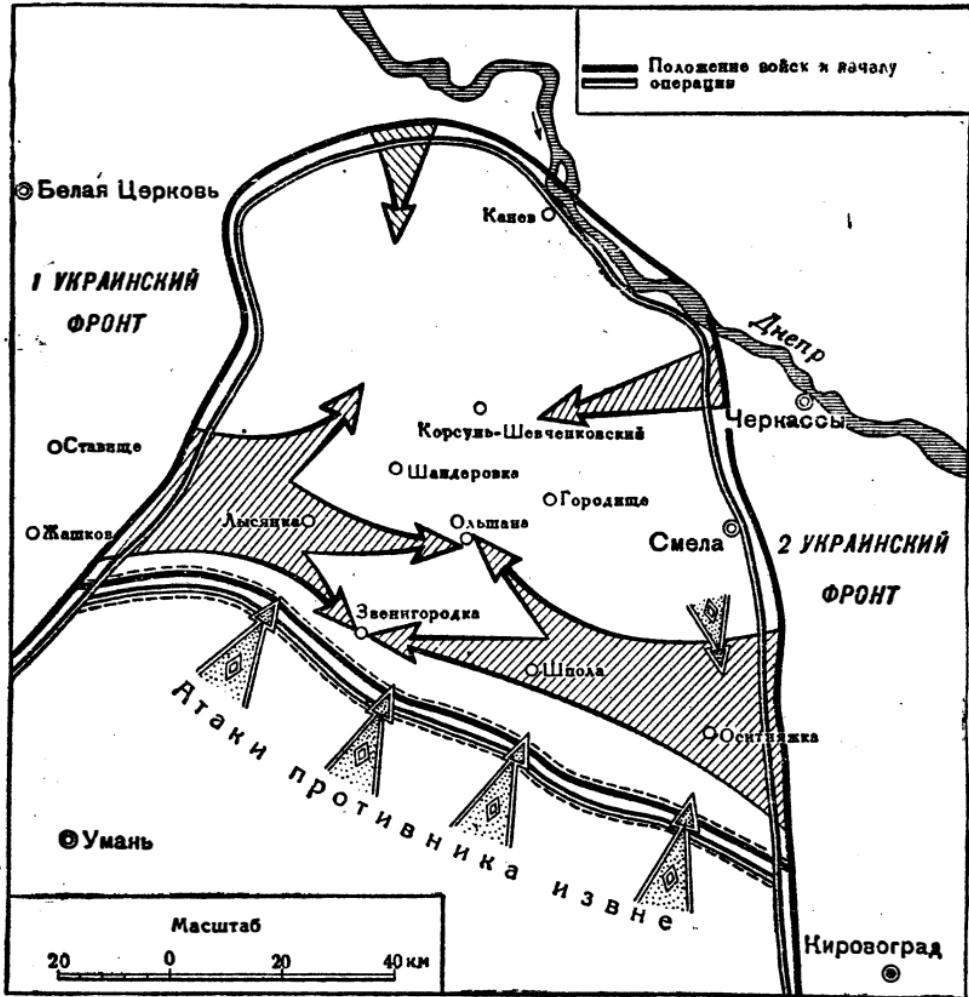
К вечеру силы противника на центральном участке — у Капитановки и Тишковки — явно стали иссякать. Все меньше немецких машин участвовало в контратаках против танкистов Кириченко и Лазарева, а пехота сделалась вялой и нерешительной. Приближался момент перелома.

Этот перелом наступил на рассвете 27 января. С первыми проблесками дня танки Кириченко и Лазарева опрокинули немецкие заслоны. Измотанный в тяжелых боях накануне, противник уже был не в силах сдержать этот натиск. Танки пробили широкие ворота в немецкой обороне и вырвались на оперативный простор.

Стремительно и безостановочно двигались они на запад, сметая по пути отдельные отряды противника, мгновенными ударами сокрушая его опорные пункты, отбрасывая немецкие гарнизоны на север, в сторону Корсуня. Они повсюду появлялись нежданно, как снег на голову, и заставали противника врасплох.

Когда танкисты Лазарева ворвались в местечко Лебедин, там работала электростанция, действовали телеграф и телефон, на сахарном заводе варила глюкоза. Немецкий гарнизон едва успел бежать из городка.

Тотчас же последовал новый бросок, и к вечеру танки Лазарева оказались в Шполе — городе с крупной железнодорожной станцией и узлом десяти шоссейных дорог. Танкисты примчались сюда быстрее, чем дошло из Лебедина известие об их

Окружение корсунь-шевченковской группировки

появлении. Шпола жила своей обычной вечерней жизнью, когда по улицам пронеслись первые советские машины с десантом на броне. В городе работал элеватор, и закрома его были полны пшеницей, кукурузой, подсолнухом. На станции под погрузкой стоял товарный состав, и на вагонах белели только что сделанные надписи мелом — названия станций назначения. И отсюда, как и из Лебедина, немцы опрометью бежали, не успев ничего взорвать или сжечь. Город, целый и невредимый, остался в руках наших войск.

В нескольких километрах за Шполой танки Лазарева на-гнали четыре огромных пеших транспорта. Под конвоем автомашин по дороге, ведущей на Умань, длинной чередой тянулись тысячные колонны людей. Тут были мужчины и женщи-

ны, дети и старики — мирные жители Кировограда и Мироновки, Канева и Смела, насильно угнанные из родных мест. При виде танков автоматчики бросились бежать или покорно подняли руки, не понимая, откуда здесь, далеко от фронта, могли взяться эти машины с красными звездами на башнях. Толпы освобожденных с криками радости кинулись к танкам, тоже не веря своим глазам. И тут же многие из мужчин, отобрав оружие у своих недавних конвоиров, вскочили на броню, пополнив собою танковый десант.

К исходу 27 января танкисты Лазарева и Кириченко были уже в 25—30 километрах от Капитановки и Тишковки. Колонны Лазарева на ночь расположились в районе Шполы и Лебедина, а части Кириченко, продвигавшиеся на Звенигородку южнее, по параллельным дорогам, к вечеру вошли в большие села Водяное и Липянку и заняли там оборону фронтом на юг, откуда скорее всего можно было ожидать контратак противника.

Только теперь, на третий день нашего наступления, немецкое командование поняло, что его искусно обманули и что атаки советских войск у Кировограда лишь отвлекают внимание от главного удара. Танковые корпуса противника один за другим стали покидать этот участок фронта, ускоренным маршем двигаясь на север, где наши танкисты и пехота упорно защищали и расширяли узкий коридор, пробитый в обороне немецких войск у Капитановки и Тишковки.

С утра 28 января танки Лазарева возобновили свое движение на Звенигородку. В этот же день на 1-м Украинском фронте, там, где пехота Трофименко глубоко вклинилась в расположение немцев, одна из танковых частей генерала Кравченко, рванувшись вперед, пробилась сквозь фронт противника и уже через несколько часов была в Лысянке. По пути танкисты освободили из окружения части генерала Пузанова, которые две недели тому назад, во время немецкого наступления, оказались отрезанными в Лысянском районе и все эти дни дрались из последних сил, отвечая огнем на ежедневные предложения противника сдаться. Пехотинцы тотчас же присоединились к наступающим танкистам и вместе с ними продолжали марш на Звенигородку.

Вечером почти в самом центре Звенигородки, на скрещении двух тихих улиц, остановился только что вошедший в город с востока танк под командованием лейтенанта Евгения Хохлова.

— Стоп! — скомандовал молодой лейтенант, спрыгивая на землю. — Это и есть та самая Звенигородка. — И приказал заглушить мотор.

В наступившей тишине издали доносился шум танков, подходивших с востока. Командир башни Яков Зайцев, высунув-

шись из люка и подняв наушники шлема, напряженно прислушивался.

— Едут, товарищ лейтенант! Гудят! — вдруг воскликнул он.

— Это наши подходят, — возразил Хохлов.

— Да нет же, вы послушайте, с запада гудят. А наши вон где — сзади.

Лейтенант насторожился.

— В самом деле, что-то шумит, — сказал он. — Может, это наши, а может, и немцы. На всякий случай заведи-ка!

Заревел мотор, и танк, тяжело скрежетнув гусеницами, развернулся пушкой на запад. Прошло еще несколько минут ожидания, и в сумерках на противоположном конце улицы сразу показалась большая группа машин.

— Наши! Тридцатьчетверки! Ура-а! — закричал Зайцев, а молодой лейтенант сорвал с головы шлем и замахал им на встречу приближающимся танкам.

И там уже узнали своих, и какой-то танкист, неразличимый в спускающейся темноте, махал из башни флагом.

Хохлов стремглав бросился вперед.

— Первый Украинский? — прерывающимся от волнения голосом крикнул он, подбегая к передней машине.

— Первый! — ответили из башни. — А ты какой?

— Второй! — закричал изо всей мочи лейтенант. — Братьцы! Ура-а!

С башни тяжело свалился большой, грузный офицер в прошахем бензином овчинном полушибке и принялся тискать лейтенанта в своих объятиях. За первым танком подходили остальные, и сразу же на другом, восточном конце улицы тоже заревели машины — товарищи догнали вырвавшегося вперед Хохлова. Над тихой, сонной улицей Звенигородки, еще ничего не знающей о происшедшем событии, заглушила шум моторов, гремело «ура».

Так, на исходе 28 января 1944 года, точно в срок и точно в назначенному месте, встретились танкисты двух фронтов. Первая часть операции была выполнена — кольцо окружения замкнулось. Большая и сильная корсунь-шевченковская группировка немецких войск оказалась в западне.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ЗАПАДНЕ

Два корпуса немецкой армии, окруженные в районе Корсунь-Шевченковского, состояли из девяти полнокровных пехотных дивизий, одной танковой дивизии, одной моторизованной бригады и нескольких полков и батальонов, входивших в

состав других соединений. Большая часть этих войск была обединена в 42-й армейский корпус, которым еще недавно командовал генерал Маттенклот. После отставки Маттенклота назначенный на его место генерал Нернич не смог прибыть в корпус именно потому, что к этому времени окружение стало свершившимся фактом. Вместо него корпус возглавил командир 112-й пехотной дивизии генерал-майор Либ. Всей же окруженной группировкой, как старший по званию и по должности, стал командовать генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман — командующий 11-м армейским корпусом.

Силы окруженных были очень значительными. Войска обоих корпусов насчитывали восемьдесят тысяч солдат и офицеров, имеющих в своем распоряжении многочисленную боевую технику — около четырехсот танков и самоходных орудий, около тысячи пушек различного калибра, больше пятисот минометов и свыше полутора тысяч пулеметов. На территории, занятой ими, находились богатые склады боеприпасов, снаряжения, продовольствия, горючего, и войска были обеспечены всем необходимым. К тому же уже стало известно, что к ним на выручку от Кировограда и Умани спешат танковые корпуса, чтобы прорвать кольцо окружения извне. Эта помощь была обещана Штеммерману Гитлером.

28 января, как только танки Ротмистрова и Кравченко замкнули кольцо окружения, Штеммерман решил собрать в кулак все силы обоих корпусов и сосредоточенным ударом на юг прорваться в район Капитановки. С его решением согласился и Манштейн, но, как только дело дошло до Берлина, верховное командование категорически отменило этот план. Окруженным было приказано отбивать атаки советских войск и ждать, пока на помощь к ним придут 3-й и 47-й танковые корпуса, двигавшиеся ускоренным маршем с юга. По замыслу гитлеровской ставки, танки должны были не только прорвать кольцо окружения, но и полностью разгромить прорвавшиеся части русских в районе Звенигородки и Шполы. После этого Штеммерману оставалось только подчиниться приказу, и войска его, отчаянно сопротивляясь натиску советских танкистов и пехоты, медленно отходили по всей окружности кольца, постепенно уплотняя свой фронт.

Впрочем, у Штеммермана пока не было причин для беспокойства. Он знал, что силы его войск вполне достаточны, чтобы оказать русским долгое и успешное сопротивление. Под его командованием находились кадровые, уже не раз бывавшие в боях дивизии, лишь недавно пополненные обученными резервистами. Каждая из этих дивизий имела свои особенности и свою, нередко весьма любопытную, историю.

Наиболее надежной и боеспособной из них считалась танковая дивизия СС «Викинг». Даже среди таких известных в гитлеровской армии эсэсовских соединений, как «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» или «Великая Германия», эта черномундирная дивизия заслужила славу самой отчаянной и свирепой. Три ее полка — «Нордланд», «Вестланд» и «Германия» — представляли собой скопище профессиональных преступников и авантюристов.

Полк «Нордланд» по первоначальному замыслу должен был состоять из добровольцев, принадлежавших к северным народам, — главным образом из норвежцев и финнов. Но с норвежцами сразу же вышла неувязка — добровольцев среди них почти не оказалось. Вербовщикам удалось заманить в полк лишь горсточку молодых уголовников и искателей приключений. Несколько сот финских фашистов прислал Маннергейм, а остальных «нордистов» пришлось добавлять из числа гитлеровской молодежи в самой Германии.

В полку «Вестланд» служили в основном эльзасцы и лотарингцы. А полк «Германия» формировался в собственно немецких провинциях и являлся как бы ядром всей дивизии.

Солдаты «Викинга» были не старше 25—27 лет и в большинстве своем принадлежали к ярым нацистам или являлись членами гитлеровского союза молодежи. Воспитанные в правилах так называемой «эсэсовской чести», они отличались беспрепядельной жестокостью и наводили ужас всюду, где появлялись. Садистские пытки, массовые убийства, грабежи и насилия считались в этой дивизии законом поведения солдат, и путь «Викинга» по советской земле был отмечен сожженными селами, виселицами, могилами безвинно замученных людей.

Командовал ими генерал, вполне достойный своих подчиненных. Это был Герберт Отто Гилле, носивший звание бригаденфюрера, что в эсэсовских войсках соответствовало чину генерал-майора.

Нам известны фотографии генерала Гилле. На них изображен уже немолодой человек с лысым, яйцевидным черепом и с гладким, холеным лицом. За стеклами роговых очков недобро поблескивают полуприкрытые веками маленькие, колющие глазки. Пленные рассказывали, что все, кто знал этого человека, — от самых отпетых солдат его дивизии до таких же, как он, генералов, командовавших другими немецкими частями, — испытывали перед ним невольный и гнетущий страх, о жестокости его ходили легенды.

Гилле принадлежал к числу так называемых «пивных генералов», выдвинутых на высшие командные должности в армии только потому, что они были фанатическими приверженцами Гитлера и его ближайших друзей. К этим высокочкам

старые германские офицеры относились с пренебрежением, которое, впрочем, тщательно скрывали из страха перед влиянием таких любимцев фюрера. А Гилле боялись еще и потому, что ходили слухи о его связях с шефом гестапо Генрихом Гиммлером, перед именем которого одинаково дрожали и последний немецкий обыватель и высокопоставленный генерал.

В начале советско-германской войны Гилле командовал танковой частью. Уже тогда имя этого черного генерала, выжигавшего и истреблявшего все на своем пути, получило широкую известность. Жестокость его заслужила полное одобрение в Берлине и была отмечена многочисленными наградами.

В 1942 году во время боев на Кавказе дивизия «Викинг» несколько раз терпела тяжелые поражения от советских войск. Карьере эсэсовца грозила опасность, и Гилле решил ловко предотвратить ожидающие его неприятности. Он написал письмо адъютанту Гитлера, обвиняя во всех своих неудачах свое ближайшее начальство и жалуясь, что в вышестоящих штабах его не поддерживают. И тотчас же вместо взыскания получил новую награду и повышение в чине. В ставке Гитлера к нему относились с полным доверием.

Даже в своей собственной дивизии Гилле заслужил прозвище «кровавой собаки», хотя в устах его подчиненных это звучало скорее как похвала, а не как осуждение. Любимым занятием этого черного генерала было присутствовать при массовых расстрелах, которые постоянно устраивали солдаты его дивизии.

Незадолго до описанных событий на фронте, 6 января 1944 года, в селе Гарбузино, близ Корсуня, расстреливали группу мирных жителей, заподозренных в связи с партизанами. Среди двадцати трех крестьян, приговоренных к смерти, были старики, женщины и дети. Гилле поспешил приехать на место казни. Он невозмутимо наблюдал, как привычно и деловито исполняют свою палаческую работу его черномундирники, и когда все двадцать три человека были застрелены, генерал одобрительно кивнул головой и поучительным тоном произнес во всеуслышание:

— Всех русских надо расстреливать — от старого до малого.

Таков был этот черный генерал, верный, преданный слуга Гитлера и главарь эсэсовских «викингов».

Дивизия, которой он командовал, получила первые удары от Советской Армии еще на Черноморском побережье и под Моздоком на Кавказе. Осенью 1942 года дивизия «Викинг» вместе с другими немецкими частями приняла участие в неудачной попытке Манштейна прорваться на выручку к окруженному в Сталинграде армии Паулюса. Там, под Котельниковским,

дивизия понесла тяжелый урон и, отступая, пятилась до самого Донбасса, оставив на волжских и донских полях множество своих танков и трупов в черных мундирах.

В оперативном подчинении командира «Викинга» находилась моторизованная бригада СС «Валлония». Командовал этой бригадой некий майор Липперт, а «политическим руководителем» ее был не кто иной, как глава бельгийской фашистской партии «Рекс» — Леон Дегрэль, произведенный в эсэсовские обер-лейтенанты.

Еще в самом начале советско-германской войны лидер бельгийских фашистов Леон Дегрэль объявил в Брюсселе о формировании легиона «Валлония», который должен принять участие в походе на восток. По всей Бельгии началась вербовка «добровольцев» валлонской, фланандской и французской национальности. В легион записывались главным образом бельгийские «рексисты» — приверженцы Дегрэля, а также всевозможные авантюристы и лица с уголовной биографией, предпочитавшие мундир эсэсовца тюремному халату. Удалось завербовать сюда и несколько десятков доведенных до отчаяния безработных, которые видели в этом единственное спасение для себя и своих близких, — солдаты легиона получали увеличенное содержание и материальные условия их семей были улучшены.

После обучения легион в количестве восьмисот человек был в 1942 году отправлен на Северный Кавказ. Там легионерам на первых порах была поручена малопочетная роль — они сидели в тылу немецких войск и вели карательные экспедиции против партизан.

Осенью 1942 года «валлонцев» перебросили на поддержку румынских фашистских частей Антонеску, основательно потрепанных в боях на Северном Кавказе и в Приазовье. Тут легионеры встретились с советской пехотой и танками. После первых же встреч в легионе Дегрэля осталось всего двести солдат и несколько танков. Стремясь сохранить эти остатки, гитлеровское командование поспешило возвратило легион в Бельгию на пополнение. На фронт «Валлония» вернулась только 15 ноября 1943 года уже в виде мотобригады численностью в две тысячи человек и попала сразу в район Смелы, оказавшись почти в центре корсуньской западни.

«Валлонцы» усердно подражали во всем «викингам», всячески стараясь оправдать свои эсэсовские мундиры, и в тех местах, где стояли части этой мотобригады, не прекращались открытый разбой и зверские расправы с военнопленными и мирным населением.

В числе окруженных войск находилась также 57-я пехотная дивизия генерал-майора Дарлица. Сама по себе она была обычной дивизией, крепкобитой Советской Армией осенью

1942 года под Воронежем и зимой 1943 года под Курском, так что в полках ее в то время оставалось по одному батальону, а роты насчитывали по десять — пятнадцать человек. Но в составе 57-й дивизии действовал 199-й пехотный полк, считавшийся знаменитым в армии фашистской Германии. Это был так называемый «полк Листа». Гитлеровский фельдмаршал Лист командовал им в годы первой империалистической войны.

Впрочем, «славу» полка Листа составил отнюдь не фельдмаршал, а один из его бывших подчиненных. В те же годы первой мировой войны в этом полку служил в чине ефрейтора Адольф Шикльгрубер, ставший впоследствии диктатором фашистской Германии Адольфом Гитлером.

Тут, в корсуньской мышеловке, оказалось несколько дивизий-призраков — таких, что уже были в прошлом полностью истреблены Советской Армией. Одна из них — 389-я пехотная дивизия, отдельные части и подразделения которой были в числе войск, окруженных под Корсунем, год тому назад разделила участь армии Паулюса в Сталинграде. Она была наголову разгромлена в уличных боях, и жалкие ее остатки взяты в плен. Но после сталинградской катастрофы Гитлер торжественно заявил, что создаст «новую шестую армию, взамен потерянной под Сталинградом». Так воскресла 389-я дивизия. По всей Германии разыскивали солдат и офицеров, которые служили в прежней 389-й дивизии и во время Сталинградской битвы оказались в тыловых госпиталях или в отпуске. Эту горсточку «ветеранов» дополнили молодыми призывниками, и воскрешенная после Сталинградского котла дивизия поздней осенью 1943 года прибыла снова на фронт для того, чтобы частью своих сил прямиком угодить в столь же кипящий котел нового Сталинграда, устроенного фашистским войскам под Корсунь-Шевченковским.

Примерно такая же судьба была и у 167-й дивизии. В 1941 году она вместе с остальными войсками Гудериана потерпела страшный разгром на подступах к советской столице и потеряла в снегах Подмосковья две трети своего состава. Недобитую, но пополненную 167-ю дивизию окончательно добили войска Воронежского фронта под Белгородом в августе 1943 года. На этот раз остатки ее полков так стремительно разбежались, что обнаружить их удалось только через несколько дней в районе Полтавы и даже около Киева. Эта призрачная дивизия тоже получила пополнение осенью 1943 года и со свежими силами целиком попала в ту же корсуньскую ловушку.

Да и все остальные дивизии корсунь-шевченковской группировки немцев в большей или меньшей степени уже испытали на себе силу советского оружия. 168-я была разбита дважды — под Воронежем в 1942 году и под Обоянью зимой

1943 года; 88-ю, однажды почти уничтоженную в районе той же Обояни, после ее пополнения вторично разгромили под Киевом пехотинцы 1-го Украинского фронта; 72-я вместе с другими частями участвовала в боях под Севастополем, и ее солдаты с дрожью вспоминали черноморских матросов; 112-ю заставили без оглядки бежать от Ахтырки до Днепра пехотинцы генерал-лейтенанта Трофименко летом 1943 года; 82-я была вдребезги разбита на Щигровском направлении еще зимой 1943 года.

Но сейчас все эти, в прошлом много разбитые и уничтожавшиеся, дивизии были переформированы, пополнены и со свежими силами упорно сопротивлялись наступающим советским войскам. Они еще чувствовали себя хозяевами на большой территории внутри кольца, они твердо верили, что к ним вот-вот подойдет подмога и тогда русские сами могут очутиться в окружении. Упорство окруженных войск Штеммермана можно было сломить только в долгих и жестоких боях. Западня захлопнулась, но в ней сидел сильный и хищный зверь, клыки и когти которого еще предстояло обезвредить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОКРУЖЕНИЕ

В 216 году до нашей эры, во время войны между Карфагеном и Римом, в юго-восточной Италии, близ селения Канны, произошло сражение, навсегда вошедшее в мировую военную историю. Вторгшийся в Италию знаменитый карфагенский полководец Ганнибал со своей пятидесятисотичной армией встретился здесь с войском римлян под командованием консулов Эмилия и Варрона.

Римляне обладали подавляющим численным превосходством — у них было почти 86 тысяч пеших и конных солдат. И все же Ганнибал одержал над ними полную победу.

В то время как в центре шло упорное сражение между римской и карфагенской пехотой, конница Ганнибала, поставленная на обоих флангах его армии, нанесла противнику сокрушительный удар. Конница римлян, прикрывавшая фланги своей пехоты, была смята и уничтожена. Войска Ганнибала, выйдя в тыл противнику, окружили со всех сторон 63 тысячи римских воинов.

Боевой порядок римлян не был приспособлен к бою в окружении, и атака карфагенян с тыла и флангов привела римскую армию в полнейшее расстройство. Войска Эмилия и Варрона были почти поголовно истреблены.

В этом сражении, продолжавшемся непрерывно в течение двенадцати часов, пало около 50 тысяч римских солдат и больше 15 тысяч сдалось в плен. Карфагеняне потеряли всего 6 тысяч человек. С тех пор в военной истории «Канны» стали нарицательным словом, обозначающим классический образец окружения и полного разгрома крупных армий противника.

На протяжении многих сотен лет величайшие полководцы всех эпох и всех народов пытались в своей военной практике повторить «Канны». Однако задача эта оказалась необычайно трудной. Если даже удавалось окружить армию противника, она, действуя изнутри кольца, — как принято говорить, по внутренним операционным линиям, — сосредоточенным ударом прорывала это кольцо в одном из его слабых мест и уходила от разгрома. Бывало и так, что окруженная армия без сопротивления складывала оружие и торжествующий победитель диктовал ей свои условия мира. Но ни один из прославленных полководцев — ни Юлий Цезарь, ни Карл XII, ни Петр I, ни Суворов, ни Наполеон — не смог повторить «Канны» в полном смысле этого слова.

В современной войне, когда в боях с обеих сторон участвуют огромные массы войск численностью в сотни тысяч и миллионы человек, когда войска оснащены многочисленной и мощной военной техникой, осуществить «Канны» стало неизмеримо сложнее, чем прежде. Окруженная армия теперь может рассчитывать не только на свои собственные силы. На помощь к ней тотчас же могут прийти другие войска, оставшиеся вне окружения, и кольцо будет разорвано совместными ударами изнутри и снаружи.

И все же именно в современной войне было достигнуто то, что не удавалось в течение двух с лишним тысяч лет. Возникла такая армия и появились такие полководцы, которые превратили «Канны» из неповторимого, единичного случая мировой военной истории в постоянный элемент своего военного искусства. Это сумели сделать Советская Армия и советские полководцы.

Летом 1939 года войска империалистической Японии вторглись на территорию дружественной нам Монголии. Выполняя договор о взаимопомощи с Монгольской Народной Республикой, СССР направил на защиту ее границ свои войска. Советские части под командованием комкора Г. К. Жукова в сражении у реки Халхин-Гол окружили японские дивизии, прорвавшиеся в пределы Монголии.

В этом сражении, по своим масштабам далеко превзошедшем знаменитые Канны, родился совершенно новый и дотоле неизвестный тактический прием. Уверенное в том, что японцы бросят в бой свои резервы и попытаются прорвать наше кольцо

окружения извне, советское командование заранее приняло меры предосторожности. Одна из пехотных частей была выдвинута к монгольской границе, и когда из Маньчжурии подошли японские подкрепления, их остановили наши пехотинцы. Пока на этом внешнем фронте шли бои, наши войска сжимали кольцо вокруг японских дивизий и к концу августа довершили разгром противника. Так родилась новая тактика современных «Канн» — внутренний фронт окружения дополнялся устойчивым внешним фронтом, который пресекал все попытки противника прорвать кольцо ударом извне и обеспечивал возможность полного разгрома окруженных войск.

Славу ганнибаловских Канн окончательно затмило великое Сталинградское сражение. Все было необыкновенным в этой исторической битве — и ее невиданно смелый замысел, мастерски реализованный советскими войсками, и ее величественный размах, и ее ошеломляющие результаты. Огромная, 330-тысячная, немецкая армия генерал-фельдмаршала Паулюса, вырвавшаяся к Волге, неожиданно для нее оказалась стиснутой в плотном кольце советских войск и в двухмесячных боях была вконец разгромлена.

То новое, что возникло три года тому назад в сражении на монгольской земле, здесь, в Сталинградской битве, получило свое полное и совершенное развитие. Ставка Верховного Главнокомандования, представители которой, маршалы А. М. Василевский и Г. К. Жуков, непосредственно руководили операциями под Сталинградом, применила и здесь тактику, испытанную в боях на Халхин-Голе. Одновременно с тем, как замкнулось кольцо вокруг армии Паулюса, был создан прочный внешний фронт, щитом оградивший с запада советские части, теснящие окруженных немцев.

Об этот внешний фронт и разбилось наступление крупной войсковой группы Манштейна, сделавшей попытку пробиться к армии Паулюса из районов Котельниковского и Тормосина. Потеряв надежду на помочь извне, остатки окруженных войск под ударами советских частей вынуждены были сложить оружие. Современные «Канны» стали реальным фактом.

Прошло меньше года после этой великой победы, и вот Советская Армия снова зажала в кольце сильную группировку противника у берегов Днепра. Здесь должно было повториться то же, что произошло под Сталинградом. Но обстановка, в которой происходили нынешние события, заставляла предполагать, что эта операция будет во многом несхожа со Сталинградской битвой. Условия Корсунь-Шевченковского сражения были несколько иными.

В дни сталинградского окружения немецкому командованию потребовалось продолжительное время, чтобы подвести

резервы, перебросить к Сталинграду дивизии с других фронтов и создать ударную группировку для прорыва нашего кольца. Здесь же, под Корсунем, в самой непосредственной близости к театру начавшегося сражения, находились танковые и пехотные резервы противника. Они стояли в районах Кировограда, Умани, а также на Винницком направлении, и их подход к месту прорыва наших войск был делом ближайшего времени. Именно поэтому здесь особую роль играл темп операции — наши танки и пехота должны были в самый кратчайший срок создать прочный внутренний и внешний фронт и отбросить окруженные войска как можно дальше к северу, прежде чем к месту сражения подоспеют танковые корпуса противника.

В Сталинграде окруженная армия Паулюса сама не предпринимала наступательных действий и лишь отбивала атаки наших войск, ожидая, когда к ней подойдет помощь. Войска корсунь-шевченковской группировки с первых же дней окружения решительно и ожесточенно контратаковали наступающие советские части, стараясь задержать их продвижение, и были намерены активно взаимодействовать с дивизиями, которые спешили к ним на выручку.

Все это очень осложняло задачу наших войск. Им приходилось создавать внутреннее кольцо окружения и внешний фронт, одновременно ведя непрерывные бои с очень деятельным и сильным противником.

Но главное своеобразие этой битвы заключалось в удивительном, необычайном соотношении сил на театре Корсунь-Шевченковского сражения. Вопреки обычным представлениям, когда считалось, что окружение и разгром противника можно осуществить лишь при условии значительного численного перевеса над ним, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов должны были выполнить свою задачу, не обладая превосходством ни в живой силе, ни в технике. В районе корсуньского выступа силы пехоты с обеих сторон были примерно одинаковыми, а танков противник имел даже больше как на внутреннем, так и на внешнем фронте. Это значило, что суворовское правило — побеждать не числом, а уменьем — имело особое значение для Корсунь-Шевченковской операции. Здесь успех целиком решали военное искусство нашего командования, умелые и героические действия наших войск.

Встретившись 28 января в Звенигородке, танкисты Ротмистрова и Кравченко только положили начало окружению корсунь-шевченковской группировке немцев. Окружение могло считаться завершенным только тогда, когда плотное кольцо пехотных батальонов, сомкнувшихся фланг к флангу, сдавит со всех сторон отрезанную группировку, когда таким же сплошным и надежным станет внешний фронт. Уже первые

дни боев в воротах прорыва показали, как нелегко будет этого достичнуть.

Едва танки Лазарева и Кириченко, пробив эти ворота на востоке, ушли в тыл противника вместе с поддерживающей их мотопехотой и артиллерией, как у Капитановки и Тишковки возобновились немецкие контратаки. Все усилия немцев теперь были направлены к тому, чтобы вновь захлопнуть ворота прорыва и отрезать советские танки, ушедшие к Шполе и Звенигородке.

В ночь на 28 января в район Капитановки и Тишковки подошел от Кировограда немецкий танковый корпус. Три танковые и одна пехотная дивизии в 9 часов утра начали наступать с юга, а в это же время с севера, навстречу им, на Капитановку бросил свои танки командир дивизии «Викинг» Гилле.

Шесть часов подряд танкисты Полозкова вместе с пехотой Смирнова и Манагарова отбивали это двустороннее наступление. На севере танки Гилле безуспешно кидались вперед то на одном, то на другом участке, повсюду встречая плотный артиллерийский огонь. На юге бой шел на широком фронте, кое-где немецким танкам удавалось потеснить наши войска, но только в одном месте атаки противника дали ему желаемый результат.

Это была атака 14-й танковой дивизии, во главе которой наступал 108-й моторизованный гренадерский полк. Командир этого полка майор Брезе непрерывно поддерживал радиосвязь со штабом «Викинга», согласуя с Гилле все свои действия.

«Прорываемся. Ждите», — радировал он в начале боя.

«Идем навстречу. Ждем. Желаем успеха», — ответили из штаба «Викинга».

Первые атаки гренадеров не принесли этого успеха — пехота и артиллерия Манагарова отбросили их назад. Но во время атак противнику удалось нащупать в наших позициях участок, защищенный слабее других. Тогда, собрав в кулак все свои танки, Брезе бросил их в бой на этом узком участке.

Удар оказался внезапным и сильным. Оборона манагаровцев была прорвана.

«Кольцо разомкнуто. Мы прорвались и идем к вам. Поздравляем», — полетела в эфир новая радиограмма.

Полчаса спустя авангардные танки Брезе встретились с первыми машинами дивизии «Викинг» — к этому времени небольшой группе танков Гилле удалось пробиться сквозь оборону пехотинцев Смирнова на севере.

Но в то самое время, как впереди встретившиеся гренадеры и эсэсовцы обнимались, поздравляя друг друга с победой, а позади последние подразделения 108-го полка вливались в пробитую брешь, случилось нечто не предвиденное немцами. В тылу гренадеров показались советские танки.

Большой отряд машин Полозкова спешно примчался к месту прорыва. Перестраиваясь на ходу, колонна танков мгновенно разделилась надвое. Одни повернули фронтом на юг, препреждая путь наступающим вслед за гренадерами другим полкам 14-й дивизии. А большая часть машин с хода ударила в тыл прорвавшимся батальонам Брезе. 108-й полк получил как бы мощный толчок в спину и от этого толчка с еще большей стремительностью покатился навстречу «Викингу». Боевые порядки полка смешались, возникла паника, и час спустя гренадеры и эсэсовцы оказались отброшенными далеко на север. Фронт на юге был прочно восстановлен, а 108-й мотополк, отрезанный от своей дивизии, очутился теперь не вне, а внутри кольца, разделив судьбу окруженных войск Штеммермана, к которым он шел на помощь. Прорваться назад ему уже не удалось, и он вместе с полками «Викинга» постепенно отступал к северу под нажимом советских танков и пехоты.

Зато на юге на следующий день немецкие танковые корпуса с еще большей силой атаковали пехоту Манагарова, стремясь во что бы то ни стало закрыть ворота прорыва. Эти ворота на местности как бы делились на две створки высоким холмом, возвышающимся как раз посередине бреши, пробитой в обороне противника нашей пехотой. По обе стороны холма — и в левую и в правую створки этих ворот — беспрерывно текли наши войска и обозы.

Два дня там шли упорные бои, но закрыть прорыв у Капитановки и Тишковки противнику не удалось. И немецкое командование решило перебросить свои танковые дивизии вдоль фронта к западу, надеясь, что на другом участке они скорее сумеют пробиться через кольцо окружения.

Маневр этот был замечен нашей разведкой вовремя. Танкисты Полозкова, немедленно покинув позиции у Капитановки и Тишковки, тоже двинулись к западу. И когда немецкие дивизии возобновили наступление уже на новом месте, стараясь прорваться с юга на Лебедин и Шполу, они неожиданно встретили здесь своих недавних противников. Но не только их. Части Кириченко, уже несколько дней прочно занимавшие районы Шполы и Лебедина, стали здесь бок о бок с танкистами Полозкова. Прорваться немцам так и не удалось.

Тем временем наша пехота с боями быстро продвигалась по южному краю коридора, пробитого танкистами и мотострелками, и окончательно закрепляла внешний фронт. К началу февраля эта внешняя линия фронта стала сплошной и вполне устойчивой на всем своем 125-километровом протяжении. От Капитановки и Тишковки на тридцать километров к западу оборону держали пехотинцы Манагарова. Дальше, до самой Звенигородки, стояли танкисты и мотопехота Ротмистрова, а за

ними на восток тянулись позиции танковых и мотострелковых частей Кравченко, к которым вплотную примыкала пехота генерал-лейтенанта Жмаченко.

Вдоль всего этого фронта уже расположились артиллерийские батареи, окопались стрелки, саперы раскинули здесь и там свои минные поля. Попытки противника нащупать слабый участок в этой непрерывной цепи наших войск не приводили ни к чему.

Одновременно с обеих сторон создавался и внутренний фронт, все ближе друг к другу подтягивались половинки кольца, непосредственно сжимающего окруженную группировку. С востока это кольцо начали создавать гвардейцы генерал-лейтенанта Смирнова, с запада — пехотинцы генерал-лейтенанта Трофименко.

Войскам Смирнова сразу же пришлось штурмовать сильные опорные пункты немцев. Первым из них оказалось большое село Пасторское, где противник держал крупный гарнизон, усиленный танками. Контратаки немцев из Пасторского грозили затяжными боями, а это совсем не входило в намерения гвардейцев, спешивших навстречу своим товарищам с 1-го Украинского фронта. Нельзя было допустить, чтобы Пасторское задержало продвижение пехоты.

То, чего не удавалось добиться неоднократными атаками в лоб, оказалось достижимым с помощью маневра. Небольшая часть гвардейцев перешла к обороне у села, а главные силы принялись обтекать Пасторское с севера и с юга. Это решило исход боев. Противник, почувствовав угрозу окружения, сразу откатился на двенадцать километров. Но и после этого немцы отчаянно сопротивлялись на каждом промежуточном рубеже, замедляя темп нашего наступления.

Чтобы ускорить продвижение пехоты и расширить коридор прорыва на север, генерал Конев приказал одной из наших танковых частей совершить рейд по ближним немецким тылам. Танкисты пробились через фронт и ушли на запад, громя по пути гарнизоны противника, уничтожая обозы на дорогах, сея панику на коммуникациях немецких войск. В одном месте они внезапно ворвались на полевой аэродром и прошлись по строю самолетов, подминая их гусеницами и расстреливая из пушек. Сорок бомбардировщиков и истребителей так и остались лежать на этом поле грудами исковерканного металла.

Рейд танкистов незамедлительно оказал свое действие, и темп наступления гвардейцев Смирнова сразу усилился. Части Штеммермана откатывались дальше на север и на запад — к Ольшане и Корсуню. Расстояние, отделявшее их от внешнего фронта, день ото дня увеличивалось.

Вся масса наших танков и пехоты уже вошла в прорыв, начав свою боевую работу с первых часов наступления. Но у генерала Конева оставался неиспользованным еще один род войск — стремительное и гибкое средство развития успеха. Близ фронта в полной готовности, ожидая приказа, стояли донские казачьи части, которыми командовал генерал-лейтенант Селиванов.

Эта конница уже прославила себя смелыми операциями на Северном Кавказе и на Украине. Казаки Селиванова недавно взяли Пятихатку и к началу Корсунь-Шевченковской битвы находились в резерве командующего 2-м Украинским фронтом. Теперь наступил и их черед.

28 января Селиванов получил приказ ввести конницу в прорыв, и казаки заняли исходные позиции около Капитановки.

Светало, когда казаки эскадрон за эскадроном втягивались в прорыв. Быстрой рысью мчались подобранные один к одному рыжие и темно-гнедые кони сабельных подразделений, дружно тянули в артиллерийских упряжках гладкие вороные лошади казачьих пушкарей, серые кони везли минометы. В настороженном молчании, зорко обшаривая глазами горизонт, упруго покачивались на стременах всадники в черных бурках и темных кубанках с ярким алым дном, перечеркнутым накрест желтым кантом. Ежеминутно готовые с привычным лихим гиком развернуться в бешено несущуюся атакующую лаву, казачьи эскадроны, обгоняя пехоту, двигались дорогами, ведущими на северо-запад к большому селу Ольшане.

Теперь в прорыв были введены все рода войск. Армия, пробившая фронт противника, многоводной, бурливой рекой текла на запад. Неслись вперед танки, облепленные десантниками, мчались вместе с ними машины с их неизменными спутниками — мотострелками. Торопясь не отстать от танков, на прицепе у тягачей, у мощных трехосных грузовиков тянулись пушки. Ехали минометчики, саперы, связисты. В сером непогожем небе, охраняя колонны от покушений воздушного противника, кружили истребители, то устремляясь вперед, то возвращаясь обратно и ободряюще покачивая своими красно-звездными крыльями. А позади, половодьем затопляя дороги, двигалась густая масса пехотных частей. И все это был один единый и неразделимый поток войск — армия, ведущая большое наступление.

Но едва на пути наступающих вставало препятствие — встречался новый оборонительный рубеж или следовала очередная контратака противника, — мгновенно приходили в действие все части воинского организма, и тотчас же становились

заметными многочисленные ручейки, составляющие этот полноводный поток.

Принимали боевой порядок танки. С хода разворачивалась к бою артиллерия; и расчеты в несколько секунд оказывались на своих местах у орудий. Рассыпалась в цепь мотопехота. С минами в руках бежали вперед саперы, торопясь загородить дорогу немецким танкам. Занимали огневые позиции минометчики. Тянули кабель телефонисты. Рядом с присевшим на корточки командиром, лежа ничком на сырой земле около ящичка с гибким штырем антенны, радиост привычно, монотонно твердил: «Волга, Волга... Я Днепр, я Днепр... Как слышите? Как слышите меня?.. Прием, прием...» В небе повисал высокий, доходящий до визга вой истребителей, дерущихся с «мессерами». А с востока уже доносился далекий басовитый гул бомбардировщиков, с грозной неторопливостью приближающихся к месту боя.

Даже отдельные разнородные потоки войск, в разных местах двигавшиеся по дорогам прорыва, были связаны между собою тем же нерасторжимым единством. Танки и сопутствующие им мотомеханизированные части ушли далеко вперед. Быстро и непрерывность движения была главной их задачей. Они отбрасывали со своего пути мелкие отряды противника, насквозь проламывали второпях созданные рубежи его обороны, на ходу отбивали контратаки слева и справа, громили или обходили стороной немецкие опорные пункты.

Далеко позади танков, тяжело и твердо ступая, шла пехота и окончательно закрепляла завоеванное, уничтожая оставшиеся оборонительные узлы, образуя за собой сплошной и плотный фронт.

А между ними, тоже отставая от танков, но обгоняя пехотные колонны, скакала по дорогам прорыва конница, быстро расширяя коридор, один за другим гася очаги сопротивления противника. Передовые части казаков уже действовали в тесном контакте с танкистами, а арьергард непосредственно расчищал дорогу пехотинцам. Ввод в прорыв конницы как бы вставил недостающее звено в единую цепь наших войск.

С конницей взаимодействовали не только пехота и танки. В боевых порядках казаков все время ехал авиационный офицер — полномочный представитель воздушных сил фронта. Конные части представляли заманчивую добычу для «юнкерсов», и охрана казачьих колонн была делом первостепенной важности. Рация летчика работала непрерывно. Авиационная разведка, посты наблюдения сообщали ему обстановку в небе, и чуть только где-то поблизости появлялись отряды немецких бомбардировщиков, в эфир летел тревожный сигнал. С ближайших прифронтовых аэродромов мгновенно поднимались в

воздух истребители и в несколько минут прикрывали сверху колонны конницы надежным щитом. А бывало, что, также вызванные по радио, проплывали над головами казаков наши бомбовозы, посланные расчистить путь передовым конным частям, которые встретили новый укрепленный рубеж противника.

Конница Селиванова на рысях миновала Шполу, забирая еще круче на север. С хода казаки уничтожили немецкий гарнизон в селе Толстая и открыли себе дорогу к сильному опорному пункту противника в южной части кольца окружения — к Ольшане.

С запада к Ольшане уже приблизились и завязали бой за город пехотинцы 1-го Украинского фронта. Это были войска генерал-лейтенанта Трофименко, которые за пять дней, истекших с начала наступления, ушли далеко к востоку.

Еще в первый день операции, 26 января, войска Трофименко успели сделать многое. На участке главного удара стрелковые части генерал-майора Ляскина и Героя Советского Союза генерал-майора Меркулова за несколько часов боя полностью взломали лежавшую перед ними полосу обороны противника и начали быстро продвигаться в двух направлениях: к северо-востоку на город Богуслав и к юго-востоку — на Лысянку.

Как только оборона немцев оказалась прорванной, впереди частей Ляскина по дороге, ведущей на Богуслав, была отряжена группа танков и самоходных орудий с десантом автоматчиков. Эту группу возглавил штабной офицер, старший лейтенант Белов.

Оставив справа от себя mestечко Медвин, за овладение которым уже дрались пехотинцы Героя Советского Союза майора Кузьминова, танки с десантом подходили к лежащему южнее Богуслава селу Исаики. У самой окраины Исаек они настигли длинный немецкий обоз с оружием, боеприпасами и продовольствием. Обозники довольно равнодушно посматривали на приближавшиеся машины, видимо принимая за своих.

Танки с налету врезались в колонну повозок. Удалили пушки и пулеметы, застрочили автоматы десантников, перепуганные кони, хроля, шаражались в стороны, обозники бросились врассыпную, и через несколько минут вся колонна была разгромлена. А со стороны села, на бегу разворачиваясь в цепь, уже спешил на помощь к своим батальон немецкой пехоты и с окраины Исаек открыли огонь пушки противника.

Бой за Исаики был молниеносным. В этом бою пал командир десантников Белов, но отряд смял и отбросил противника. Немцы панически бежали к Богуславу, оставив село, и танки преследовали их по пятам.

К исходу дня пехотинцы Ляскина ворвались на южную окраину Богуслава, оттесив противника в северную часть

города за реку Россь. А за это время на правом фланге части Меркулова с боем взяли Медвин и вошли в соседнее с Лысянкой село Джурженцы.

Генерал Трофименко то и дело ставил новые задачи своим частям, заставляя их все время менять направление удара. Роты и батальоны, овладевая немецкими опорными пунктами, вдруг резко поворачивали свой фронт, и противник, готовившийся встретить их на новом рубеже, внезапно получал удар совсем не там, где он ожидал. Это запутывало немцев, ломало их планы, и у противника создавалось впечатление, будто его с разных сторон атакуют крупные силы, тогда как численность наступающих войск была совсем невелика.

Именно поэтому пехота Ляскина и поддерживающие ее танки, которые накануне наступали на северо-восток, на второй день прорыва круто повернули к юго-востоку от Богуслава. Разделившись на две группы, они одновременным броском ворвались в села Кидановку и Николаевку. И хотя на стороне противника было явное превосходство сил, немцы, ошеломленные этим неожиданным нападением, стремглав бежали, бросив все свое имущество. На улице Николаевки трофеями десантников стали пять самоходных орудий, у которых даже были заведены моторы, — немецкие самоходчики не успели увести своих машин, застигнутые внезапным налетом.

А пехотная часть Героя Советского Союза майора Кузьмина, 26 января наступавшая в восточном направлении — на Медвин, утром следующего дня оказалась почти в 25 километрах к юго-востоку от Медвина — в селе Моренцах, на родине Шевченко. Днем позже стрелки Кузьмина освободили большое село Шевченково. В этом селе, на том самом месте, где сто лет назад стояла хатка крепостного Григория Шевченко — отца великого поэта, еще до войны был построен музей.

Маленький, сухощавый старичик гостеприимно открыл двери музея перед советскими бойцами. Осторожно, с непривычной для них робостью входили солдаты в этот дом. Сняв шапки и придерживая висящие на груди автоматы, они проходили по комнатам, стараясь ступать на носки, чтобы стуком тяжелых сапог не потревожить тишину музея. Старик сопровождал их, давая свои пояснения к выставленным под стеклами витрин экспонатам, рассказывая о жизни и творчестве Шевченко. Кто-то из солдат заметил, что экскурсовод странно похож на портреты поэта, вывешенные на стенах. У старика были такие же густые, кустистые брови, нависающие над глазами, такие же седые, опущенные книзу украинские усы. И в самом деле оказалось, что хранитель музея носит фамилию Шевченко и является родственником Тараса Григорьевича — внуком его родного брата.

Когда первая группа бойцов закончила осмотр музея, старик остановил своих посетителей у выхода и попросил на минуту задержаться. Он засеменил куда-то во двор и вскоре вернулся с тетрадью в ветхой, пожелтевшей картонной обложке. Положив эту тетрадь на маленький столик у выхода, он торжественно указал на нее солдатам:

— Вот, гляньте, товарищи. Три года хранил.

Лейтенант, командир стрелковой роты, сопровождавший бойцов, присел за столик и начал перелистывать тетрадь. Она оказалась книгой отзывов, в которой посетители записывали свои впечатления после осмотра музея. Но все записи в ней были помечены датами довоенных лет, и тетрадь заполнена только наполовину.

Лейтенант дошел до последней записи и прочел ее громко вслух:

— «Мы вернемся, Тарас Григорьевич! Капитан Борисенко». Внизу стояло: «Август 1941».

Солдаты толпились у стола, разглядывая торопливо написанные и уже выцветшие строки. Лейтенант подумал и вдруг, решительно придвинув к себе тетрадь, достал из кармана авторучку. Бойцы с любопытством следили за ним.

Под строками капитана Борисенко появилась широкая, размашистая запись:

«Вернулись. Лейтенант Жданов. Январь 1944».

Солдаты одобрительно зашумели. Лейтенант спрятал ручку и, резко поднявшись, протянул руку старику:

— Спасибо, папаша! Нам пора идти.

Еще два дня спустя бойцы майора Кузьминова ворвались на юго-западную окраину Ольшаны. Тогда же, 31 января, к Ольшане подоспели казачьи части генерала Селиванова. Произошла встреча конницы и пехоты двух фронтов. Это означало, что кольцо вокруг корсунь-шевченковской группировки немцев замкнулось.

3 февраля в район Ольшаны, где еще продолжались бои, подошла гвардейская пехота генерал-лейтенанта Смирнова. Ее левый фланг соединился с правым флангом пехотинцев генерала Трофименко. И в этот же самый день под давлением крайнего левого крыла войск Трофименко и пехоты генерал-лейтенанта Коротеева немецкие части были отброшены от Днепра на всем Каневском участке. Таким образом, пехота 1-го и 2-го Украинских фронтов одновременно встретилась как на юге, в районе Ольшаны, так и в северо-восточной части кольца — у села Софиевка южнее Канева.

Теперь по всей окружности кольца, сдавившего группировку противника, был сплошной плотный фронт пехотных частей.

В тот вечер Москва огласила по радио приказ Верховного Главнокомандующего, обращенный к войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов. Весь мир узнал о том, что в районе Корсунь-Шевченковского окружены десять дивизий и одна бригада гитлеровской армии. В 8 часов вечера 20 залпов из 224 орудий прогремели над столицей, приветствуя новую победу советских войск.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ

Много раз в истории войн случалось, что армия, попавшая в окружение, стянув в кулак свои силы, пробивала фронт осаждающих ее войск и уходила от разгрома. Поэтому советская военная наука требует, чтобы зажатый в кольцо противник не получал ни малейшей передышки, чтобы за окружением сейчас же следовали энергичные боевые действия, направленные на полный разгром окруженных войск. Надо, чтобы осаждающие неустанно теснили противника со всех сторон, беспрерывно наносили ему отовсюду сильные удары, расчленяя отрезанную группировку и уничтожая ее по частям.

Сейчас именно такой тактики требовала от войск Ватутина и Конева Ставка Верховного Главнокомандования, представитель которой Маршал Советского Союза Г. К. Жуков еще задолго до начала операции прибыл в район сражения, чтобы непосредственно, на месте, координировать действия обоих фронтов в Корсунь-Шевченковской операции.

Кольцо, сдавившее окруженных, сжималось с каждым часом. С первых дней боев противник испытывал возрастающий нажим наших войск на всех направлениях. Пехота генерал-лейтенанта Трофименко, нанося свои главные удары окруженным с запада и с юга, в то же время наступала на северо-западе, на севере и северо-востоке. С востока немецкую группировку теснили стрелки генерал-лейтенанта Коротеева, а с юго-востока и юга — гвардейцы генерал-лейтенанта Смирнова и казаки генерал-лейтенанта Селиванова. И на всех этих участках противник вынужден был отступать, теряя один за другим свои большие и малые опорные пункты.

В первые дни наступления войска генерал-лейтенанта Коротеева подошли к городу Смела, который немцы превратили в главный узел своей обороны на востоке корсунь-шевченковского выступа. Еще осенью этот город, близ которого лежит крупная железнодорожная станция Бобринская, играл важную роль для маневра немецких войск и для их снабжения — от

Бобринской отходят линии на Помошную, Шполу, Белую Церковь, Знаменку и на левый берег Днепра через Черкассы. Благодаря этой станции Смела долгое время служила местом сосредоточения резервов противника между Каневом и Кременчугом — отсюда легко было перебрасывать подкрепления на любой участок фронта. Правда, после того, как Советская Армия заняла Черкассы, Знаменку, Белую Церковь и Кировоград, Бобринская потеряла свое узловое значение, но она продолжала оставаться базой снабжения, и немецкое командование приняло все меры, чтобы укрепить Смелу, прикрывающую ближние подступы к этой станции.

Сама местность вокруг Смели была идеально приспособлена для обороны. С востока и северо-востока город прикрывает река Тясмин, берега которой противник усиленно укреплял. Правый, восточный берег Тясмина переходит в нагромождения лесистых холмов, изрезанных крутыми балками. Сюда, на эти холмы, в течение многих дней эсэсовские солдаты из «Викинга» гоняли население Смели, заставляя людей рыть окопы и траншеи, строить укрепления для орудий и пулеметные гнезда. С севера вплотную к городу подходит густой лес и обширное болото Большой Ирдынь, считающееся непроходимым и не замерзающее даже в самые сильные морозы. С юго-запада Смелу окаймляет маленькая речка Медянка, которая, впрочем, в этих местах перегорожена плотинами и разлилась довольно широко.

Словом, сама по себе Смела была естественной крепостью, и немецкие инженеры не преминули использовать здесь все удобства, предоставленные местностью. На высотах к востоку от города были поставлены пушки, размещены десятки пулеметных гнезд так, что любая лощинка находилась под перекрестным огнем. Укрытые за холмами, около этих опорных пунктов расположились группы танков дивизии «Викинг», которой было поручено оборонять город. На атаки советской пехоты сначала отвечали своим огнем только пушки и пулеметы, а когда цепи наступающих стрелков приближались к оборонительной линии, противник бросал в бой танки.

Но стрелковые части 2-го Украинского фронта уже познакомились с этой тактикой в недавних боях за Александрию и Знаменку. Парировать ее можно было только еще большей маневренностью. И маневр стал законом боя за Смелу. Пехота сумела использовать эту холмистую, пересеченную местность в своих интересах. С тяжелыми пулеметами, а иногда даже с пушками группы стрелков по оврагам и лесам пробирались в тыл немецких опорных пунктов и заставляли противника принять бой в невыгодных для него условиях. Бывало, что вместе с пехотинцами в расположение немцев проникали саперы

с минами, и немецкие танки, бросившись в контратаку, внезапно подрывались на неожиданно возникшем минном поле, еще не дойдя до своего переднего края. Так постепенно, шаг за шагом, пехота генерала Кортеева оттесняла войска противника, подступая все ближе к городу с востока и с юга.

А в это время на севере было штурмом взято большое село Белозерье — предмостный плацдарм противника у Смелы. И уже бродили по Ирдынскому болоту разведчики, выискивая проходы через топь. Затем одна из пехотных частей броском форсировала это болото и, оказавшись вплотную у города, завязала бой на северной окраине Смелы. Вслед за авангардом через Большой Ирдынь по гатям и наведенным саперами штурмовым мостикам переправлялись другие войска. Обходя город с севера, они занимали немецкие опорные пункты на западных подступах к Смели. Тотчас же последовал удар и с южной стороны. Здесь оборона противника была дезорганизована недавним рейдом нашей танковой части по тылам. Танкисты прошли невдалеке от Смелы, и это явно сказалось на стойкости немецких войск. Пехотинцы Коротеева с боем форсировали Тясмин южнее города и ворвались на станцию Бобринская.

Теперь гарнизону Смелы оставался лишь один путь отступления — на юго-запад, и немцы поспешили воспользоваться им. В одном из штабов, документы которого были захвачены в Смели нашей пехотой, на столе остались брошенные в попыхах записи телеграфных переговоров с каким-то высшим начальством. Штаб сообщал: «Русские нажимают с севера и юга. Как быть?» Последовал ответ: «Все немедленно собирайтесь в район вокзала». «А как быть с пушками?» — запrosili из штаба. «Пушки бросайте. Спасайте свою жизнь», — телеграфировало начальство, и забытые телеграммы красноречиво говорили о том, с какой поспешностью немецкие штабисты последовали этому совету.

Когда наши бойцы ворвались на улицы Смелы, город был цел, но пуст. Оккупанты угнали отсюда все население и начисто разграбили дома. Населенным оказался только лагерь для наших военноопленных на окраине города. В этом лагере ежедневно гибло от голода и болезней множество людей, и на тех, кто уцелел, страшно было смотреть. А рядом, на соседнем пустыре, раскинулось немецкое военное кладбище. Это был целый город могил, занимающий тысячи квадратных метров, с сетью улиц и переулков между кварталами тесно насыпанных холмиков, многие из которых белели совсем свежими крестами. Стальные каски венчали каждый крест, и похоже было, что здесь, на пустыре, выстроенные поротно и побатальонно, в строгом равнении замерли полки странно растопыривших руки деревянных солдат.

Из освобожденных сел толпами возвращались в опустевший город жители. А на станции Бобринской уже хлопотали железнодорожники, вместе с Советской Армией вернувшиеся в родную Смелу с Урала, из Сибири, где они работали в годы эвакуации. Город и станция возвращались к нормальной жизни.

Почти одновременно со Смелой в северо-восточной части кольца войсками 1-го Украинского фронта был занят другой опорный пункт противника — город Канев.

Старинный красивый городок, насчитывавший до войны около пятнадцати тысяч жителей, Канев сейчас стоял разрушенный и совершенно безлюдный. Гитлеровцы угнали на запад все население и сожгли здесь больше четырехсот жилых зданий. Еще в сентябре, отступая на правый берег, противник взорвал большой железнодорожный мост через Днепр, а теперь оказалось, что немецкие саперы, не удовлетворившись этим, уничтожили на всем протяжении линию, соединяющую Канев со станцией Мироновка. Необычайно тяжелое зрелище представлял собою этот раскиданный на приднепровских холмах, когда-то нарядный белый городок, чернеющий сейчас пожарищами и закопченными каменными коробками домов.

В тот же день за окраинами Канева, продвигаясь дальше на юг вдоль Днепра, пехотинцы достигли подножия Чернечьей горы. Высокая, густо поросшая молодым лесом, эта гора хранила на своей вершине прах Тараса Григорьевича Шевченко. Народ положил своего любимого певца здесь, высоко над Днепром, выполняя «заповит» Шевченко — его поэтическое завещание.

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі
І Дніпро, і кручи
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.

Длинная, извижающаяся зигзагом по склону горы деревянная лестница вела наверх. Держа наготове оружие, солдаты осторожно поднимались по скрипучим ступеням. Но немцы уже покинули эти места. Наверху, у могилы, было пустынно, и сырой, холодный ветер врывался в выбитые окна музея — белого двухэтажного здания, построенного незадолго до войны.

На высоком пьедестале серого гранита, устремив взор куда-то далеко в расстилающиеся на востоке леса и степи левого берега, задумчиво склонив голову, стоял бронзовый Шевченко. И казалось, что задумался поэт над нынешней великой

бедой родной земли, что отсюда, с высоты, видно ему все, что творят фашистские захватчики на Украине, и горе Отчизны тяжко гнетет его.

Молча стояли солдаты у дорогой могилы. И вдруг кто-то растерянно, словно не веря глазам, вскрикнул:

— Смотрите!

В бронзовой фигуре Тараса зияли сквозные пулевые пробоины.

Отступая из Канева, гитлеровцы разграбили и разгромили музей. Все лучшие картины, все мало-мальски ценные экспонаты были вывезены в Германию. Остальное ломали, жгли, рубили в слепой, бессмысленной злобе. Перепившиеся солдаты разбивали молотками и выбрасывали из окон второго этажа большие гипсовые бюсты Шевченко, Пушкина, Гоголя, они спалили дотла гостиницу при музее, вырубили в парке больше восьмисот деревьев, сожгли всю музейную библиотеку — тринадцать тысяч томов. Но и этого было мало погромщикам. Они надругались над самой могилой поэта, расстреливая памятник бронебойными пулями. Семнадцать пробоин остались в бронзовой фигуре Шевченко, как боевые раны.

С суровыми, хмурыми лицами бродили наши солдаты по пустым, разграбленным и загаженным залам музея, по запущенным аллеям парка. Но кто-то уже нашел поблизости песок, чтобы посыпать дорожки, а другие, навязав в лесу веников, убирали площадку у могилы.

Вечером у подножия памятника появился первый венок — скромный дар воинов, изгнавших отсюда врага. Его сплели солдаты из зеленых еловых ветвей, а девушки-санитарки украстили его лентами из обыкновенных бинтов, окрашенных марганцовкой. И наверно, ни один из множества роскошных венков, которые были или будут возложены на могилу Тараса Шевченко, не выразит с такой силой глубокую любовь народа к поэту, как этот простой венок солдат переднего края.

Вслед за Каневом были освобождены надднепровские села Пекари, Хмельна, Крещатик. Противник откатился на запад, навсегда потеряв берега Днепра.

А на западном участке войска Трофименко продолжали теснить окруженных к востоку. Пехота уже освободила село и станцию Мироновка, вела бой на улицах Богуслава и приблизилась на 15—20 километров к Корсуню, заняв окраину Стеблева и лежащие южнее села — Шандеровку и Комаровку, которым впоследствии суждено было сыграть особую роль в Корсунь-Шевченковском сражении.

Но самые упорные бои в первых числах февраля шли на южном участке кольца в районе Ольшаны и Городища. Здесь

дрались гвардейская пехота генерала Смирнова, части правого крыла войск Трофименко и казаки Селиванова.

Районный центр Ольшана лежит на северном берегу маленькой речки Ольшанки. От окраины села сначала к юго-востоку, а потом к северу, по мере того как поворачивает река, тянется непрерывная цепь построек. Ольшана незаметно переходит в село Вербовку, а Вербовка — в Вороновку и в Вязовок, совсем рядом с которым находится большой поселок Бурты. Вплотную к Вязовку примыкает Заводянка, затем следует Хлыстуновка и Дердень, сливающийся дальше с южными окраинами другого районного местечка — Городища. Всю эту цепь сел войска Штеммермана превратили в сплошную линию укреплений. Особенно сильно противник укрепил Ольшану, Городище и южный бастион этой линии — Бурты. По плану немецкого командования, именно в Буртах окруженные должны были соединиться с танковыми дивизиями, которые сейчас рвались к ним с юга через Лебедин и Шполу. Этим и объяснялось то упорство, с каким войска Штеммермана защищали весь южный узел своей обороны.

Еще 31 января пехотинцы Героя Советского Союза майора Кузьминова ворвались на улицы Ольшаны. Но подтянувший силы противник перешел в контрнаступление и отбросил нашу пехоту за реку.

Противник занимал командные высоты на северном берегу, каменные дома он превратил в долговременные огневые точки, на колокольнях церквей стояли пулеметы. Большой ольшанский гарнизон немцев был еще усилен подкреплениями, и он уверенно отбил первые атаки стрелков Кузьминова.

В это время с юго-востока к селу подошли конные части Селиванова в сопровождении нескольких танков. Они появились в Вербовке, неподалеку от Ольшанского сахарного завода, и немцы, застигнутые здесь врасплох, бежали из села. Но когда два танка попробовали приблизиться к заводу, оттуда открыли огонь пушки противника. Один из танков оказался подбитым, другой едва успел укрыться за ближним холмом. Было ясно, что противник подготовил заводскую территорию к обороне, и следовало разведать его силы, прежде чем начинать бой.

Две группы разведчиков отправились к заводу — одна со стороны Ольшаны, другая — от Вербовки. Проводниками их вызвались быть местные рабочие Герасим Бойко и Горевой, накануне бежавшие из заводского поселка, где еще хозяйничали немцы.

Горевой привел разведчиков к угольному складу завода. Там стояли немецкие грузовики и вокруг них хлопотали солдаты. Улучив удобный момент, разведчики внезапно открыли

огонь, закидали машины гранатами и без потерь отступили, уничтожив десятка два солдат противника.

Вылазка второй группы окончилась не столь удачно. Герасим Бойко вместе с бойцами сумел пробраться в глубь заводского двора — к бывшему клубу. Там разведчики спрятались и стали наблюдать за немцами. Неожиданно их обнаружил один из немецких солдат. Завязалась перестрелка, в которой был убит Бойко. Разведчики отошли, но труп рабочего был захвачен противниками и опознан местным полицаем.

Как только стало известно, кто был убитый, в заводской поселок, где жили семьи рабочих, направился отряд эсэсовцев. Каратели врывались в дома и хватали всех, кто не успел скрыться. Семьдесят женщин, стариков и детей под конвоем были приведены на завод. Их загнали в подвалы под цехами и расстреляли из пулеметов.

А на подступах к Ольшане продолжали накапливаться наши войска. К востоку от села появились авангарды гвардейской пехоты Смирнова. Подтягивались новые казачьи части. В район Вербовки вслед за казаками прибыли артиллерийские батареи майора Лазыкина. Они сразу же завязали перестрелку с немецкими пушками, укрытыми во дворе завода. На верхушке кирпичной заводской трубы при этом был обнаружен артиллерийский наблюдатель противника. Соревнуясь в меткости стрельбы по этой трудной цели, артиллеристы сделали в трубе несколько пробоин, после чего немецкий корректировщик исчез.

Но ни орудийный обстрел, ни многократные атаки нашей пехоты из-за реки не приносили решающего успеха — южные окраины села были сильно укреплены. Ольшану предстояло брать с севера обходным маневром, причем как можно скорее, пока противник не успел подготовиться к круговой обороне.

Маневр этот выполнили казачьи эскадроны. С боем заняв лежащее к северу от Вербовки село Петропавловку, они обогнули Ольшану и появились на северных подступах к ней, откуда немцы не ожидали нападения. Гарнизон Ольшаны оказался отрезанным от Городища и подвергся одновременной атаке со всех сторон.

Несколько дней в селе шли уличные бои. С особыенным упорством немцы защищали центр Ольшаны. Здесь их главным укреплением было большое каменное здание прежнего райисполкома, где в годы оккупации помещалось гестапо. Этот дом пришлось много раз штурмовать, прежде чем удалось сломить сопротивление засевших там эсэсовцев. И когда здание было взято, в его подвалах солдаты, потрясенные до глубины души, читали на стенах сделанные кровью надписи — последний привет живым от советских людей, которые в годы оккупации погибли мучительной смертью в этих гестаповских застенках.

Ольшана была освобождена. Немецкий гарнизон, состоявший из двух гренадерских полков, полка эсэсовцев и танкового батальона, был полностью разгромлен.

Еще за два дня до этого гвардейцы Смирнова выбили противника с территории Ольшанского сахарного завода. Немецкие инженеры подготовили завод к взрыву, но атака советской пехоты была настолько неожиданной и стремительной, что они не успели привести в действие взрывной механизм. Наши саперы сейчас же извлекли из подвалов под цехами заложенные там фугасы. Из этих подвалов уже выносили трупы расстрелянных жителей поселка, и многие рабочие в тот день похоронили своих близких в большой братской могиле в заводском саду.

Взятие Ольшаны поставило под концентрический удар весь Городищенский узел противника. К этому времени наша пехота далеко продвинулась как на западе, так и на востоке, и очертания кольца окружения приняли форму восьмерки. Южную петлю этой восьмерки и составляло Городище со всеми примыкающими к нему укрепленными селами.

Петля вокруг Городища постепенно стягивалась. На юге гвардейцы Смирнова взяли Бурты, Вязовок, Хлыстуновку, на востоке пехотинцы Коротеева разгромили гарнизон противника в большом селе Орловец, на западе казаки Селиванова и пехота Трофименко овладели Валявой. А затем наши войска с разных сторон ворвались в Городище.

Проливные дожди последних дней окончательно размыли дороги. Вся техника, которую немцы стянули в район Городища, оказалась парализованной. Когда бои закончились, по улицам местечка невозможно было ни пройти, ни проехать. Чтобы пропустить наши конные обозы, пришлось растаскивать и сбрасывать с дороги машины, и войска шли по узкому проходу, проложенному среди этого скопища немецкой техники. Здесь, накрепко завязшие в грязи, стояли и тяжелые грузовики, и штабные «опели», и гусеничные тягачи, и даже танки. Одни из этих машин противник успел взорвать или поджечь, другие — водители бросили неповрежденными, спасая свою жизнь. На танках, захваченных в Городище, остались неснятными даже аккумуляторы. И на всех улицах и дорогах валялись трупы в зеленых шинелях; убитых было около тысячи.

Северо-восточнее Городища лежат села Млеев и Яхнов. Оба они были важными звеньями цепи немецких опорных пунктов в южной части кольца. Противник сильно укрепил их и держал там крупные гарнизоны. Как только пал Городищенский узел, гарнизоны эти очутились в полном окружении и были тотчас же разгромлены нашими частями. С освобождением Млеева и Яхнова южная половина «восьмерки» перестала

существовать. Теперь войска Штеммермана были зажаты на небольшом пространстве, и от внешнего фронта, в самом узком месте, их отделяло сорок километров.

И все же окруженные продолжали упорно сопротивляться. Они были стойки в обороне и непрерывно контратаковали на всех участках фронта. Но теперь все чаще и сильнее противник рвался вперед на юго-запад, где держали фронт пехотинцы генерала Трофименко. После падения Буртов, Ольшаны и Городища корсунь-шевченковская группировка ожидала помощи извне именно на этом направлении, и Штеммерман, заранее готовясь к встречному удару, старался оттеснить наши войска в сторону Лысянки. Пехота Трофименко временами вынуждена была переходить к обороне то на одном, то на другом участке, а иногда даже уступать численному перевесу врага. Так противнику удалось выбить наших стрелков из Стеблева, так на некоторое время он снова занял село Тараща, лежащее южнее Корсуня. Подтянув сюда подкрепления, немцы двинулись еще дальше, к югу, и захватили село Гута Селищанская.

Всего в километре восточнее Гуты, в Селище, находился в то время штаб генерал-майора Ляскина. Немцы начали обтекать Селище, угрожая окружением. Поблизости не было наших войск, и обстановка становилась критической. Начальник штаба гвардии подполковник Рогов мобилизовал всех штабных офицеров и солдат. Надо было любой ценой задержать противника, пока к Селищу не подойдут вызванные по радио части. Штабисты поспешили готовиться к круговой обороне в центре села, а на северную окраину Рогов выслал небольшую группу бойцов, которая должна была принять на себя первый удар немцев. Эта группа — всего около трех десятков человек — состояла из штабных связистов и солдат музыкантского взвода. Телефонисты и трубачи, радисты и тромбонисты — все они сейчас превратились в стрелков и пулеметчиков, вооружились противотанковыми гранатами и залегли на поле, у крайних хаток села. Они уже слышали надвигающийся издали рев немецких танков и приготовились к смертельной схватке, как вдруг в стороне послышались частые пушечные выстрелы и наперекор атакующей колонне немцев по мокрому, черному полю покатились густые цепи нашей пехоты. Это на помощь к своему соседу подошли части генерала Меркулова. Вслед за ними в район Селища подоспели и пехотинцы Ляскина, поспешившие выручить свой штаб. Войска не только отразили атаку противника, но выбили его из Гуты Селищанской и отбросили назад к Тараще.

Борьба на юго-западном участке продолжалась с переменным успехом. А тем временем по всей остальной окружности кольца наши части безостановочно шли вперед. С трудом

ломая упорство противника, по непроходимым, размытым дорогам и полям наступала наша пехота, быстрыми бросками двигались казаки, медленно, но неуклонно тянулась артиллерия. Даже авиация, несмотря на совсем нелетную погоду, не прекращала своих действий.

Летчики разбили площадь Корсуньского котла на квадраты, и каждый квадрат ежедневно усиленно «обрабатывала» одна какая-нибудь авиационная часть. Таким образом, вся территория, занятая окружеными войсками, подвергалась непрерывной бомбежке. Это изматывало солдат противника, у которых и без того нервы были достаточно истрепаны.

Авиация работала в самом тесном контакте с наступающей пехотой. Постоянными помощниками пехотинцев были самолеты-штурмовики. Вынырнув неожиданно из-за низких туч, они деловито и неторопливо кружили над очередным оборонительным рубежом противника, то сыпя бомбы на танки и артиллерийские батареи, то расстреливая из пушек и пулеметов пехоту в траншеях. А в это время, пользуясь замешательством противника, наши стрелки быстро приближались к его переднему краю, готовые к решительному броску. Этот последний бросок всегда был самым страшным для противника — немецкие солдаты всячески избегали рукопашной схватки.

Наши истребители зорко оберегали свою пехоту от покушений воздушного врага. Стоило появиться поблизости от переднего края бомбардировщикам противника, и тотчас же наперевес им с прифронтовых аэродромов устремлялись «лавочкины» или «яковлевы». В хмуром облачном небе разыгрывались ожесточенные воздушные бои, за которыми с волнением следили из окопов стрелки.

В один из первых дней февраля на южном участке кольца наши наземные войска стали свидетелями удивительного воздушного боя, героем которого был летчик-истребитель Козуб.

На своем «яковлеве» Козуб сопровождал девятку наших «ильюшиных», вылетевших на штурмовку немецких военных объектов. Вылет оказался удачным — штурмовики отбомбились и, не встретив «мессершмиттов», возвращались домой.

Козуб сохранил неистраченным весь боекомплект, и в баках его самолета остался солидный запас горючего.

Подлетая к переднему краю, Козуб заметил в стороне группу «юнкерсов-87», заходящих на бомбекку над окопами нашей пехоты.

Штурмовикам уже грозила опасность — они были почти дома. Истребитель быстро отвалил в сторону и, набирая высоту, пошел на сближение с бомбардировщиками.

«Юнкеры» вытянулись длинной цепочкой перед тем, как «завернуть карусель» — перейти в круговое пике для бом-

бежки. Все внимание немецких летчиков было сосредоточено на этом перестроении, и они не заметили, как сзади подоспел советский истребитель. Козуб мгновенно пристроился в хвост замыкающему «юнкерсу» и, подойдя вплотную, сбил его первой же очередью. Прошло несколько секунд — и второй немецкий самолет постигла та же участь.

Бомбардировщики один за другим сваливались в крутые пике, не замечая, что последним в их цепочке летит советский самолет, поочередно расстреливая их машины.

Третий «юнкерс» Козуб настиг уже во время пикирования, и тяжелая машина, не успев сбросить бомбы, отвесно врезалась в землю в облаке страшного взрыва.

Только теперь немецкие летчики заметили истребитель. Бомбардировщики стали отваливать вправо и влево, но Козуб стремительно носился над ними, стреляя из пулемета. Дымя, упал четвертый, затем пятый... шестой... седьмой «юнкерс». Две последние машины торопливо спасались бегством. Козуб погнался за ними, не обращая внимания на то, что вокруг него все чаще вспыхивают облачка разрывов, — с земли, захлебываясь, били зенитные пушки противника, стараясь преградить дорогу советскому летчику.

Пехота с восхищением наблюдала за мастерской работой летчика. Восторженное «ура!» гремело над окопами стрелков, провожая к земле каждый сбитый Козубом «юнкерс». Сейчас с необычайным азартом пехотинцы следили за погоней истребителя.

Козуб быстро нагнал восьмой бомбардировщик и поджег его в упор. Над нашими окопами взлетели шапки стрелков, приветствующих новую победу летчика. И вдруг их «ура» сразу оборвалось — все увидели, как яркая вспышка пламени блеснула на носу истребителя. Немецкий зенитный снаряд ударили прямо в мотор самолета.

В одно мгновение самолет охватило пламенем. Из наших окопов было видно, как машина упала на склоне холма за немецкими траншеями, и приглушенный звук взрыва донесся до стрелков. И в тот же миг командир роты старший лейтенант Зубов, над участком которого происходил этот воздушный бой, крикнул своим бойцам:

— Братцы, они его тело захватят. Не позволим! Не отдадим летчика фашистам! Вперед!

Охваченная единым порывом, рота кинулась в яростную атаку вслед за своим командиром. А слева и справа тоже слышалось «ура!», и, воодушевленная подвигом летчика, пехота вышла из окопов на протяжении нескольких километров фронта.

В этом ударе было столько неудержимой силы, что противник не устоял и начал откатываться назад. Спустя полчаса обгоревшее тело героя-летчика было извлечено из-под обломков самолета, и в тот же день товарищи проводили своего друга в последний путь. А недели через две в войсках стало известно, что Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил летчику звание Героя Советского Союза.

В начале февраля у летчиков-истребителей появилась новая важная обязанность — воздушная блокада котла. Потеряв такие крупные опорные пункты, как Смела, Ольшана, Городище, окруженные лишились множества складов боеприпасов, продовольствия, горючего. Запасы, находившиеся в самом Корсуне, быстро иссякали. Серьезной проблемой стала эвакуация раненых. Все это заставило немецкое командование прибегнуть к помощи транспортной авиации.

Но борьба с транспортными самолетами не прекращалась ни на день. Истребители подстерегали их в воздухе, выслеживали на аэродромах, застигали на посадке и на взлете. День ото дня потери авиации противника росли и увеличивался боевой счет наших летчиков.

В охоте на транспортников приняли участие и наши штурмовики, уверенно атаковавшие эти машины противника. А с земли по «юнкерсам-52» наловчились бить не только зенитчики, но и пехотинцы. Не раз случалось, что большой транспортный самолет с черно-белыми крестами на крыльях, пролетая над нашими окопами, падал, сбитый удачно пущенной пулеметной очередью или подожженный зажигательной пулей из противотанкового ружья.

Даже полевая артиллерия в конце первой декады февраля включилась в борьбу с транспортными «юнкерсами», уничтожая их на аэродромах. Под огнем наших пушек и минометов находились все оставшиеся еще в руках противника посадочные площадки. Территория, которую занимала окруженная группировка, сжалась до такой степени, что внутри кольца уже не было мест, недосыгаемых для советской артиллерии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ НА ДОРОГАХ НАСТУПЛЕНИЯ

Капризная, неровная зима выдалась в тот год наПравобережье. Морозы были редкостью. Солнце появлялось тоже не часто. С неба, всегда затянутого низкими, лохматыми тучами, по целым дням лил дождь, нудный и холодный, словно на дворе стоял ноябрь, а не «лютый», как зовется по-украински

февраль. Порой тучи сгущались, прилетал знокий северный ветер, начинал густо сыпать снег, и поднималась выюга, наметающая на сельских улицах глубокие сугробы, бешено крутящаяся в полях, глухо воющая в лесной чаще. И вдруг почти сразу снег сменялся ливнем, в воздухе теплело, как весной, быстро таяли сугробы, а поля, одевшиеся было плотным белым покровом, снова чернели вспаханной землей и зеленели всходами озимых.

В густое, вязкое тесто превратился жирный украинский чернозем. Каждый час на дорогах его месили тысячи ног и сотни колес. И дороги стали почти непреодолимыми препятствиями. На них появились большие колдобины, залитые водой, образовались огромные ямы, а колеи были продавлены так глубоко, что даже мощные грузовики беспомощно «садились на пузо» и, яростно ревя моторами, впустую крутили колесами, лишь разбрызгивая жидкую грязь.

Танки, извергая из-под гусениц фонтаны сырой земли, шли прямиком через поля. Кони казаков, глубоко увязая, карабкались по холмам. Солдаты брали по пахоте, с трудом представляя пудовые, облепленные грязью сапоги и, подбадривая друг друга натужными возгласами, тянули за собой артиллерию.

Так было с самого начала наступления, и, когда пехота двигалась вслед за танками к Звенигородке, солдаты собирали в окрестных деревнях веревки и, впряженаясь как бурлаки, тащили за собой пушки по размокшим дорогам и полям.

Но нельзя было так же тащить колонны машин, которые везли к фронту боеприпасы, горючее, продовольствие — все, что нужно войскам для боя, для жизни. Машинам необходимы хоть мало-мальски проезжие дороги.

Наше командование обратилось к местному населению. И тысячи жителей освобожденных городков, сел, хуторов вышли на ремонт прифронтовых дорог.

Люди работали с утра до позднего вечера; они трудались бы и по ночам, но опасно было зажигать свет — немецкие самолеты рыскали в ночном небе. Дорожные колдобины засыпали песком, в колеи подстилали хворост, заравнивали ямы и, дружно навалившись, вытягивали съехавшие в канавы машины. На трудных подъемах постоянно дежурили тракторы. Однако все эти меры помогали мало. Дожди продолжали лить день за днем, дороги портились все больше, и автоколонны продвигались по ним черепашьим шагом.

Солдаты готовы были, если это нужно, обходиться самым скромным рационом питания, а когда сюи стояли в селах, их охотно кормили крестьяне. Танкисты кое-как обеспечивали себя горючим, подвозя бензин тракторами. Но фронт нуждался

в большом количестве боеприпасов — ограничивать рацион пушек и пулеметов, минометов и автоматов было нельзя.

Пехотинцы, отправляясь в поход, набивали вещевые мешки патронами, а порой несли с собой и снаряды. Конники, зная по опыту, как важна им в бою огневая поддержка, заботились о боеприпасах для своих минометчиков. Каждый казак на марше вез по две мины, связав их веревкой и перекинув через шею коня.

Но всего этого было мало. И снова на помощь к армии пришли колхозники.

Вереницы людей потянулись к фронту, шагая по обочинам дорог, по скользким тропам, ведущим напрямую через холмы. Тут были парни и девушки, мужчины и женщины, а иногда и какой-нибудь бравый дедок. Все они несли за плечами мешки, в которых лежали по одному, а то и по два снаряда или по несколько мин. Они шли так десятки километров к огневым позициям переднего края или по пути передавали свою ношу, как эстафету, другим таким же «караванам» и тотчас же возвращались за новой партией боевого груза.

Невозможно подсчитать, сколько тонн перенесли эти добровольные подносчики боеприпасов. Но пушки и минометы благодаря им не умолкали, и на территорию, занятую противником, вместе с холодным февральским дождем непрерывно сыпались наши снаряды и мины.

В освобожденных селах многие мужчины добровольно вступали в ряды армии, не дожидаясь, пока начнут работать военкоматы. Люди старались всем, чем могли, помочь войскам. Нередко, рискуя жизнью, колхозники и колхозницы по поручению командиров пробирались в села, занятые противником, чтобы разведать там его силы. Малоизвестными дорогами, глухими лесными тропами крестьяне провожали наших танкистов и пехоту в тыл немецких войск. Когда в Лысянском районе партизанский отряд имени Щорса встретил 28 января прорвавшихся с запада танкистов Кравченко, несколько партизан тут же сели на танки, чтобы указывать машинам дорогу на Звенигородку. А во время боев за Шандеровку комаровский колхозник Марк Усенко незаметно провел в расположение противника отряд танков, которые внезапно ударили противнику в тыл и обеспечили успех нашей пехоте.

В селах, где еще хозяйничали немцы, на содействие местных жителей всегда опирались наши разведчики. Колхозники помогали им собирать сведения о противнике, а в случае опасности прятали их, хотя иной раз и платили за это своей жизнью.

Семеро наших разведчиков, пробравшись в занятую немцами Шандеровку, были обнаружены противником. Жена агро-

нома Мария Медведенко спрятала их в подвале своей хаты. Но немцы заметили, куда скрылись бойцы, и окружили дом.

Завязалась перестрелка. Разведчики дрались, пока у них не кончились боеприпасы, и тогда немецкие солдаты ворвались в подвал и схватили тех, кто остался в живых. Вместе с пленными из хаты вывели Марию Медведенко и ее двух дочерей — девочек десяти и тринадцати лет.

Женщина, плача, обратилась к офицеру, прося пощадить детей. Офицер — один из эсэсовцев Гилле — в ответ ударили ее пистолетом по голове.

— Не трогай, гад! — крикнул ему пленный солдат. — Расстреливай нас, а ее не трогай.

Но эсэсовцы не собирались расстреливать пленных — им была уготовлена более страшная казнь. Разведчиков скрутили по рукам и ногам проволокой, бросили их на землю и, облив бензином, сожгли заживо. Потом была сожжена хата, а Марию Медведенко с девочками вывели на огород и расстреляли.

Все это делалось на виду у селян — эсэсовцы надеялись застрашать жителей Шандеровки. Но когда через несколько дней к шандеровскому колхознику Ивану Юхименко ночью прибежал, спасаясь от преследования, советский разведчик Чоботков, тот не задумываясь спрятал солдата.

Семья Юхименко жила в сарае — хата его недавно сгорела. Во дворе, среди груды обгорелых бревен, оставшихся от дома, поднималась полуразрушенная печь. В темноте слышно было, как уже неподалеку перекликаются немецкие солдаты, охотящиеся за разведчиком. Времени нельзя было терять.

— Полезай в печь! — приказал колхозник бойцу.

Солдаты обыскали все вокруг, но разведчика не нашли. Когда они ушли, Юхименко передал Чоботкову буханку хлеба и кувшин воды и велел не выходить из печи — во всех соседних дворах расположились немцы, и бойцу все равно не удалось бы пробраться к своим.

Утром Юхименко неожиданно обнаружил, что убежище было не столь надежным. Стоило взглянуть в отверстие печи, и в глубине видны были ноги Чоботкова. Колхозник хотел было чем-нибудь заложить отверстие, но в это время к нему во двор явилась на постой группа эсэсовцев. Юхименко с ужасом думал о том, что будет с ним и его семьей, если спрятанного разведчика обнаружат.

Он счел себя совсем погибшим человеком, когда увидел, что немцы разводят костер возле печи. Достаточно было одного случайного взгляда, и солдаты заметили бы внутри печи сапоги советского бойца.

Выручила жена Юхименко. Пока солдаты возились с костром, она вынесла во двор скамейку и села около печи чистить

картошку так, чтобы загородить собою отверстие. С тех пор каждый раз, как немцы разводили костер, женщина занимала это место. Чоботков благополучно отсиделся в печи и вылез оттуда через трое суток, когда в село снова пришли наши войска.

В Корсунь-Шевченковском музее хранится запись рассказа старого колхозника из соседнего с Шандеровкой села Хильки — Меркурия Кодолы.

Кодола жил одиноко в своей хате, стоявшей особняком на самой окраине Хилек. Хата у него была просторная, чистая, и, как только в селе расположилась немецкая эсэсовская часть, в дом к деду Кодоле пришли на постой десятка два солдат.

Старик хотел перейти жить к соседям, но немцы не пустили его и заставили прислуживать себе. Целый день Кодола должен был варить постояльцам еду, убирать в доме, бегать с разными поручениями. Но солдатам этого показалось мало, и кто-то из них придумал издевательскую игру. Старика то и дело гоняли за водой, а как только он приносил два полных ведра, немцы старались незаметно вылить воду во дворе. И снова слышался хохот и крики:

— Пан, воды!

На третий день, когда вконец измученный старик поздним вечером в несчетный раз брел из дома с пустыми ведрами, у колодца к нему подошли пятеро солдат с автоматами и в пестрых маскировочных халатах. Это были советские разведчики.

Обрадованный дед рассказал бойцам все, что знал о немцах, разместившихся в Хильках, а заодно пожаловался и на свои беды. Услышав, что совсем рядом, в крайней хате, находятся эсэсовцы, командир разведчиков насторожился. Он посовещался со своими товарищами и сказал старику:

— Ну, дедушка, сейчас мы с твоими обидчиками рассчитаемся. Веди нас к хате, входи в комнату и сразу падай на пол. А дальше уж наша забота.

Они осторожно подошли к дому Кодолы. Старик, гремя ведрами, распахнул дверь.

— Пан, воды! — с хохотом закричали из комнаты.

— Сейчас напьетесь! — громко ответил дед и, шагнув через порог, упал ничком на пол.

Пять автоматов грянули одновременно, и в несколько секунд все было кончено. Эсэсовцы были перебиты.

А когда бой шел на улицах села, многие колхозники не желали прятаться в погребах и оставаться безучастными, а смело шли под пули и снаряды. Схватив оружие убитых солдат, они дрались бок о бок с нашими пехотинцами, помогая им освобождать родное село.

Стрелки Трофименко, наступая к югу от Мироновки, заняли небольшое село Гули. Здесь им пришлось на время перейти к обороне — противник, собравшись с силами, контратаковал.

В бою у пулеметчика сержанта Огурцова был убит его помощник. Прошло несколько минут, и сзади, несмотря на свистящие вокруг пули, кто-то подбежал и лег рядом с «максимом», заменив убитого. Охваченный азартом боя, ведя непрерывный огонь по наступающим немецким цепям, Огурцов не сразу обратил внимание на своего нового помощника, думая, что это кто-нибудь из солдат. И лишь когда немецкие цепи откатились и наступило краткое затишье, старший сержант, обернувшись, заметил, что рядом с ним на земле лежит девушка в старом ватнике и в деревенском платке.

— Э! Ты кто такая? — удивился он.
— Здешняя, — пояснила девушка. — Из этого села.
— А звать как?
— Катя. Катерина Бобровицкая.
— Это, стало быть, ты мне помогала?
— Конечно я, а то кто же? — сказала девушка. — Я гляжу, товарищ ваш убитый, вот и пришла. Мы до войны с комсомольцами пулемет изучали. Я и стрелять могла, только теперь забыла, — вздохнула она.

Сержант уважительно покачал головой, рассматривая девушку, и вдруг предложил:

— Давай-ка я тебе покажу, как стрелять, — мигом вспомнишь. Случись что — заменишь.

И он тут же напомнил Кате, как снаряжать ленту, наводить пулемет в цель и вести огонь.

«Лекция» пулеметчика была сразу подкреплена практическим показом. Пехота противника снова появилась на гребне близких холмов, и «максим» заработал. Первая лента уже подходила к концу, как вдруг Огурцов вскрикнул и выпустил рукоять пулемета.

— Все... — прохрипел он.

Он с трудом отполз в сторону, уступая свое место девушке. Приподнявшись на локте, он внимательно смотрел, как Катя заправила новую ленту, и только тогда, когда раздалась первая очередь, обессиленно опустился на землю и закрыл глаза.

Катя была в упор по накатывающейся цепи, старательно ловя на мушку зеленые фигуры. Эта цепь отхлынула, но тотчас же справа показалась новая. Повернув «максим», девушка направила огонь туда. С лихорадочной поспешностью она меняла ленты, и пулемет не умолкал. Все больше этих зеленых фигур оставалось недвижно лежать на земле. И вдруг, когда атака противника явно захлебнулась и цепи немцев попытались назад, вражеская пуля ранила девушку. Катя склонилась на

землю рядом с сержантом, но в этот момент подоспело подкрепление.

Катю увезли в госпиталь в Богуслав, и она так и не узнала, что командование армии представило ее к правительенной награде. И только спустя 15 лет Екатерина Трофимовна Скоморощенко, в прошлом Бобровицкая, уже жительница Киева, получила эту награду — Маршал Советского Союза В. И. Чуйков вручил героине орден Отечественной войны.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБОРОНА КВИТОК

Квитки лежат в пятнадцати километрах к югу от Корсуня. Это большое красивое село, окруженное густыми фруктовыми садами и живописно разбросанное на холмах среди богатых, обширных полей. На самом высоком холме, поднимаясь над всеми сельскими постройками и видное отовсюду, стоит двухэтажное здание школы-десятилетки. Может быть, это и придает Квиткам особенный и характерный облик нового села, резко отличный от вида старой деревни, над которой обычно господствовала церковь.

История Квиток под стать этому новому облику. У села есть свои давние революционные традиции.

В годы гражданской войны много квитчан дралось в партизанских отрядах на Украине. Когда в 1918 году войска германского кайзера Вильгельма подступали к Корсуню, жители Квиток отправили своих ходоков по соседним селам — поднимать людей против немцев. На холмах, окружающих Квитки, вооруженные винтовками и дробовиками крестьяне дали бой германским интервентам. И потом в окрестностях Квиток партизаны часто нападали на оккупантов и ловко уходили от преследования немецкой кавалерии, устраивая на лесных дорогах своеобразные заграждения из обычных крестьянских борон, уложенных зубьями кверху.

Первая в Корсуньском районе сельская партийная организация возникла именно в Квитках. Ее создал бывший квитчанин Гриненко, еще до революции ушедший в город на завод и в двадцатые годы посланный партией на работу в родное село.

Квитчанские коммунисты были организаторами двух колхозов в селе. Дело в этих колхозах пошло споро, хозяйство постепенно росло и умножалось, и достаток селян увеличивался с каждым годом.

Вот как жили накануне войны рядовые колхозники села Квитки.

Урожай зерновых достигал здесь 200—250 пудов с гектара. Осенью на трудодень выдавали до четырех килограммов хлеба, и семья средней численности складывала в свои амбары по 200—400 пудов пшеницы. Плантации сахарной свеклы давали до 300 центнеров с га, и в дополнение к хлебу каждый колхозник получал в год около центнера сахара. В селе были восемь прудов с зеркальным карпом, большая пасека, и правления колхозов дополнительно выдавали на трудодень по 200 граммов рыбы и по 100 граммов меда.

Пуск Корсуньской гидростанции позволил квитчанским колхозам электрифицировать жилые дома, молочнотоварную ферму, свинарник, построить две электрические мельницы и хорошо оборудованные мастерские. Три трактора, две автомашины и 700 коней и волов — таково было колхозное тягло.

Квитчане имели неполную и полную средние школы, где преподавали тридцать учителей. В селе была своя амбулатория, аптека, клуб со стационарной киноустановкой, с сетью само-деятельных кружков.

Таким было накануне Отечественной войны это село — один из тысячи обыкновенных уголков нашей великой социалистической Родины.

В годы оккупации местный житель, в прошлом матрос, Квитко возглавил в селе подпольную группу — одну из первых в сети «Комитета-103». В Квитках постоянно распространялись листовки, сводки Советского Информбюро, и сельские полицаи напрасно старались выследить подпольщиков. Квитчанская группа продолжала свою работу, действуя все более активно по мере приближения наших войск.

В один из последних дней января на окраине Квиток появились два советских бойца-разведчика. Они осторожно зашли в ближние хаты, расспросили крестьян и, убедившись, что немецкий гарнизон находится в другой части села, уже не скрываясь пошли по улице.

Около дома, где жил немецкий комендант Квиток, стояла группа селян. К крыльцу только что подъехала пароконная бричка, и ездовой пошел в дом доложить коменданту, что лошади поданы. В это время из-за угла вышли наши разведчики и, подойдя к крестьянам, завязали с ними разговор. Узнав, чья это бричка, они мигом вскочили в нее и, нахлестывая лошадей, скрылись за хатами. Ездовой опрометью вылетел из дому и принялся расспрашивать селян, куда побежали его кони.

— К мельнице, — показал в противоположную сторону один из колхозников, и все остальные подтвердили его слова.

Конечно, ездовой не нашел свою пропажу, и квитчане весь день забавлялись, с притворным участием обсуждая с ним, куда могла деваться бричка.

День прошел спокойно, и наступила темная, сырая ночь. Уже за полночь многие жители Квиток были разбужены не-привычными звуками. На окраине села вдруг заиграла давно не слышанная гармонь и молодые голоса громко и весело зажгли «Катюшу». За годы оккупации музыка и песни стали столь необычными, что люди сразу поняли — в селе что-то произошло. Поспешно одевшись, полусонные крестьяне несмело выходили на ночную улицу. А вдали уже слышались радостные крики: «Наши! Наши!»

В село вошли пехотинцы генерал-майора Меркулова. Небольшой немецкий гарнизон был захвачен врасплох. Нескольких солдат взяли в плен, а остальные, воспользовавшись темнотой, удрали.

Стрелковая часть, вступившая в Квитки, была немногочисленной — она давно не имела пополнения, почти не выходила из боя и сильно поредела. Но сейчас ей было приказано во что бы то ни стало удерживать село и не пропустить окруженного противника, который в эти дни стремился прорваться на юг. Выполнить этот приказ с наличными силами было необычайно трудно — возникла угроза, что противник сразу же прорвет редкую цепь пехотинцев. И командование части решило обратиться за помощью к жителям села.

Утром 31 января все население Квиток собралось на площади у сельсовета. Немолодой, седоволосый майор, заместитель командира по политической части, поднялся на невысокое крыльце. Он заговорил просто, душевно, словно заводя дружескую беседу, и на площади с первых его слов тотчас же воцарилась тишина. Майор рассказал колхозникам, что корсуньская группировка немцев уже несколько дней находится в кольце наших войск, что противник всеми силами старается прорвать это кольцо и особенно упорно стремится на юг, навстречу, своим танковым дивизиям. Путь наступающего противника лежит через Квитки, и майор откровенно предупреждал квитчан, что немцы приложат все силы, чтобы снова захватить их село.

— Держаться мы будем до последней возможности, товарищи квитчане, — говорил майор. — Но сил у нас, прямо скажем, маловато. Есть винтовки, автоматы, есть пушки, но не хватает солдат, и сейчас пополнения нам не дадут. Вот мы и хотим попросить вас не дожидаться, пока начнет здесь работать военкомат, а сразу добровольно вступать в нашу часть. Будем вместе защищать ваше село, ваши семьи, ваши хаты. Есть добровольцы?

Толпа заволновалась, загудела. Хотя разобрать в этом гуле ничего нельзя было, майор по лицам людей понял, что добровольцы есть и их много.

Прямо на площадь вынесли столы, и штабные писаря начали запись добровольцев. Майор сошел с крыльца, и его мгновенно окружили встревоженные, возбужденные люди.

— Как же не пойти, товарищ майор, — горячо говорил пожилой дядько в бараньей шапке и в куртке, перешитой из немецкого френча, — я же еще в первую мировую воевал. В артиллерию. И хлопец мой пойдет — вместе служить будем. Вот и сосед пойдет. Идешь, Грицько? — спрашивал он пробираившегося через толпу усача.

— Иду-у! — трубно басил тот. — Все пойдем, товарищ командир. Как один запишемся.

— Товарищ командир, дорогой, як нужно, то и мы, бабы, пойдем до вашего войска. Всех мужиков до вас повыгоняем, а як не хватит, то и нас берите в солдаты! — взволнованно кричала, хватая его за рукав, какая-то женщина. — Всех берите. Только не допускайте его до села, того Гитлера проклятого, к детям нашим не пускайте! Он же таке робит, таке робит!

Она плакала, порывисто и нервно вытирая набегающие слезы концом платка, завязанного под подбородком.

Мужчины толпились у столов. Писаря записывали все новых добровольцев. Их тут же распределяли по ротам и взводам, и на краю площади у только что подъехавших тяжело нагруженных повозок важный, осанистый старшина с гвардейским значком раздавал записавшимся винтовки, автоматы, патроны.

Все квитчанские мужчины, могущие носить оружие, в этот день добровольно стали солдатами Советской Армии. Их было больше пятисот человек. Пришлось даже отказать кое-кому — нескольких дедов, тоже порывавшихся записаться в солдаты, с трудом уговорили остаться в селе по причине их преклонного возраста.

А на крыльце сельсовета молодежь и школьники во главе с учителем уже писали большие кумачовые лозунги: «Все на защиту родного села!», «Не пустим фашистов в Квитки!». Такие же призывные надписи появились здесь и там на стенах хат.

После полудня приступили к строительству оборонительных рубежей у села. На высоты к северу и востоку от Квиток вместе с солдатами вышли вооруженные лопатами женщины, девушки, подростки, старики. К вечеру село опоясалось цепью окопов, по склонам холмов темными зигзагами протянулись траншеи.

Начало смеркаться, когда пехотинцы, пополненные квитчанскими добровольцами, заняли первую оборонительную ли-

нию. И в это же самое время на южную окраину села, со стороны Ольшаны, откуда все сильнее гремел бой, въехал эскадрон казаков. В одном из первых всадников жители Квиток узнали своего односельчанина Ивана Кириченко, ушедшего на фронт еще в 1941 году. Сейчас Кириченко по приказу своего командира вместе с товарищами приехал защищать родное село.

Днем 1 февраля немцы предприняли наступление на Квитки. С севера и северо-востока от соседних сел Петрушки и Глушки двинулись к Квиткам цепи пехоты и несколько танков. Начался долгий и упорный бой, в котором квитчанские добровольцы получили свое первое боевое крещение.

Танковую атаку отбили артиллеристы, причем одна немецкая машина была сожжена. Но пехота противника с каждым часом усиливалась свой натиск.

В Квитках с тоской и тревогой прислушивались к нарастающему грохоту боя. Устоят ли защитники села, не прорвутся ли немцы — это был вопрос жизни и смерти для каждого квитчанина.

К вечеру шум боя стал явно приближаться, и село в страхе притихло. Сомнения не было — защитники Квиток отступали.

В самом деле, на первом оборонительном рубеже противника не удалось остановить. Немецкие автоматчики, пробираясь по глубоким оврагам, прилегающим к Квиткам с севера, обошли укрепленный рубеж, вышли на окраину села и заняли усадьбы колхоза имени Третьей пятилетки. Добровольцы и солдаты отступили и залегли прямо на улицах Квиток.

О приходе врага возвестило и пламя пожаров. Гитлеровцы жгли хаты в захваченной части села. К счастью, жителей там осталось мало — большинство успело уйти в центр села, где были наши войска.

Страшная это была ночь. Первое боевое крещение квитчанских добровольцев окончилось их поражением. Среди них уже были убитые и раненые, и горе вошло во многие хаты. С трепетом ждали селяне рассвета — для них завтрашний день мог оказаться последним: нечего было сомневаться в том, какая участь уготована Квиткам, если противнику удастся сломить оборону.

Но, видно, первая неудача закалила добровольцев. Шесть атак, предпринятых немцами на следующий день, оказались безрезультатными. Противник понес потери, и к вечеру бой затих. Так было и на второй, и на третий, и на четвертый день. Защитники села ежедневно отбивали несколько атак и не отходили ни на шаг.

Постепенно жители Квиток стали привыкать к тому, что на огородах то и дело падают немецкие снаряды, а на улицах

днем свистят шальные пули, долетающие с поля боя. Жизнь переднего края мало-помалу входила в быт села. Каждый день все, кто мог работать, уходили рыть окопы на новых оборонительных рубежах, которые готовили на случай прорыва немцев. Вечерами, когда темнело, женщины и девушки с узелками в руках пробирались в окопы пехотинцев, на огневые позиции батарей — отнести мужьям, отцам, братьям миску вареников, кусок пирога, добрую «пляшку горилки». В вечерние часы затишья в хатах обсуждали события, произошедшие в этот день «на фронте», как раньше, бывало, обговаривали все сельские новости. В селе знали почти всё, что происходит на переднем крае. Из уст в уста передавали, где сегодня атаковал противник и как отбивали эти атаки. И уже неслась по селу слава первых боевых подвигов квитчанских добровольцев.

Стало известно, что первый немецкий танк подбил квитчанин Михаил Масло. Рассказывали о подвиге другого Масло — Ивана, зачисленного в артиллерийское подразделение. Его назначили подносчиком снарядов к орудию, расчет которого состоял сплошь из добровольцев. Во время одной из сильных атак, когда немецкая пехота подошла почти вплотную к огневым, бойцы расчета растерялись и, оставив орудие, бросились назад.

Масло в этот момент доставил к орудию новую партию снарядов. Видя, что товарищи бегут, он преградил им дорогу.

— Ребята, что делаете! — закричал он. — Немец в село прорвется. Там же наши жены, дети. Стой!

Добровольцы остановились. И тотчас же Иван Масло, крикнув: «Айда, за мной!», кинулся к пушке и, заложив снаряд, выстрелил в упор по надвигавшейся цепи автоматчиков. Снаряд разорвался в толпе солдат, и немцы, уже считавшие это орудие своей добычей, дрогнули и повернули вспять. Смущенные артиллеристы заняли свои места.

Иван Масло так и не мог потом объяснить товарищам, как сумел выстрелить. Раньше он никогда не работал у пушки, и этот выстрел был первым в его жизни. Вероятно, он машинально запомнил приемы артиллеристов, когда, бывало, привезя снаряды, наблюдал за действиями расчета на огневой.

Уже вскоре Иван Масло стал наводчиком орудия — командир батареи оценил его смелость и находчивость и помог солдату овладеть новой специальностью.

С каждой отбитой атакой рос и накапливался боевой опыт квитчанских добровольцев. Наконец наступил день, когда защитники Квиток перешли в наступление и выбили гитлеровцев из села. Противник откатился в ближайшие села на север и восток, и квитчане снова заняли свой первый оборонительный

рубеж. Теперь они были закаленными в бою солдатами, победа воодушевила их, и, как ни пытался противник вернуть потерянное, Квитки оставались для него недосягаемыми.

Вся жизнь села по-прежнему была подчинена интересам фронта. Женщины каждый вечер ходили навещать своих на «передовую», отодвинувшуюся на несколько километров. После каждого боя в Квитки привозили раненых, и в хатах, где разместилась санитарка, вместе с санитарками и медсестрами за бойцами ухаживали сельские девушки. Нашли себе дело даже беспокойные квитчанские деды, которым так хотелось стать солдатами. Семидесятилетний Иван Григорьевич Кириченко, один из участников партизанской борьбы с немцами в 1918 году, помогал ездовым чинить повозки, школьный сторож Аверкий Дацько вместе с солдатами оборудовал наблюдательный пункт пехотного командира на чердаке школы. А старого Конона Кабаненко, сын которого был в рядах защитников Квиток, артиллерийские разведчики шутя прозвали «глазами батареи». Около хаты Кабаненко был наблюдательный пункт артиллеристов, и командир батареи, осматривая местность, нередко подзывал к себе старика:

— А ну, старина, взгляни-ка в стереотрубу — что это там видно?

И дед, знавший всякий бугорок, всякий кустик вокруг Квиток, поглядев в окуляры прибора, подробно описывал офицеру местность вокруг ориентира.

От дедов не отставали и внуки. Около каждого офицера, жившего в селе, всегда вертелось множество «добровольных ординарцев» из квитчанских мальчишек. Ребятам порой случалось оказывать серьезные услуги нашему командованию. Сын квитчанина Максима Сидоренко двенадцатилетний Анатолий однажды вызвался сходить в разведку в Валяву. Родители отпустили его. Мальчик пробрался в село, занятое немцами, нашел там знакомую старушку, и она прошла с ним по улицам Валявы, показывая, где находятся немецкие пушки и пулеметы. Анатолий, возвратившись, сделал толковый доклад командиру и получил в виде премии новые солдатские ботинки.

Постепенно защитники Квиток активизировали свои действия. Они провели несколько удачных боевых вылазок в сторону Валявы и в конце концов выбили немцев из этого села. Они отразили сильную контратаку противника из Глушек. А затем, перейдя в наступление, штурмом взяли и Глушки и соседнее село Петрушки. Противник был отброшен далеко на север.

Оборона Квиток закончилась, когда после освобождения Глушек и Петрушек пехотную часть, в которой служили квитчане, перебросили к селу Ново-Буда. Добровольцы покинули родные места, и многие из них потом прошли до конца весь

победный путь Советской Армии как закаленные и опытные солдаты.

А в памяти селян навсегда остались эти славные дни обороны, когда все жители Квиток стали бок о бок со своей армией на защиту родного села.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ В КОТЛЕ

Восемьдесят тысяч немцев, оказавшихся в Корсунь-Шевченковском котле, переживали тяжелые, мрачные дни. С того момента, как советские танки замкнули кольцо вокруг корсуньской группировки противника, настроение тревожной подавленности, трагической безысходности с каждым днем все сильнее охватывало немецких солдат и офицеров, хотя командование окруженных всячески старалось поддержать бодрость духа в войсках.

Прорыв наших танкистов сразу же вызвал растерянность в лагере противника. Немецкое командование пока что не соировалось сообщать своим войскам о произошедших событиях, и для всей массы окруженных обстановка была неясной. Первое время солдаты, как и большинство офицеров, питались только слухами. А слухи ходили самые беспокойные. Из уст в уста передавали, что в тылу появились многочисленные отряды советских танков, что русские глубоко прорвали фронт, что вся корсуньская группа войск окружена. Все больше и больше находилось людей, которые своими глазами видели русские танки у Шполы, Лебедина и Звенигородки, и раненые, прибывающие в тыловые госпитали, подтверждали слухи о прорыве Советской Армии. Хотя официально еще ничего не было объявлено, в войсках начинали понимать, что события приняли угрожающий характер.

Да и некоторые действия самого немецкого командования способствовали распространению тревожных слухов и панического настроения. Эти действия свидетельствовали о том, что растерянность царит и среди генералов. Именно так истолковали в войсках приказ о взрыве железнодорожной линии, идущей вдоль фронта на юг в сторону станции Помошная.

Линия эта, связывавшая Капитановку с Корсунем, в первые дни после прорыва еще эксплуатировалась противником и служила главной артерией для снабжения самого опасного участка фронта. Но 30 января офицер по транспорту из штаба армии отдал приказание взорвать полотно на большом протяжении. Штабные офицеры Штеммермана, присутствовавшие при этом, пытались протестовать, но армейский уполномочен-

ный заявил, что он действует по личному указанию командующего армией и ему дано право не считаться ни с какими приказами на местах. Саперы заложили фугасы, и железная дорога была взорвана.

Когда об этом доложили Штеммерману, с ним произошел припадок ярости. Но дело было уже сделано, и, излив свой гнев на ближайших подчиненных, Штеммерман приказал поправить земляное полотно насыпи и превратить его в проезжую дорогу для машин и боевой техники, которые предстояло перебросить с южного участка, где вот-вот появятся русские, на север — в сторону Городища и Корсуня.

Полотно кое-как восстановили, и по нему двинулись, растянувшись длинной колонной, грузовики, бронетранспортеры, орудия, обозные повозки. Едва эта колонна успела вытянуться во всю свою длину, как над насыпью появились отряды советских самолетов-штурмовиков. Первые же их бомбы смешали в страшную кашу головную часть колонны и разрушили полотно. Колонна была туто закупорена этой пробкой. Поднялась невообразимая паника, самолеты продолжали кружить, ссыпя бомбы и стреляя из пулеметов, машины, пытаясь развернуться, валились с насыпи, кони рвали постройки, опрокидывали повозки. Все это кончилось тем, что распоряжавшийся здесь командир дивизии «Викинг» бригаденфюрер СС Гилле приказал: «Приступить к уничтожению всей колонны!», и то, чего не успели доконать наши самолеты, было взорвано самими немцами. Понятно, что эта сцена не способствовала подъему духа у тех, кто был ее участником и свидетелем.

Сначала командование корсуньской группировки тщательно скрывало от своих войск самый факт окружения. Был издан приказ, в котором под страхом строгого наказания запрещалось вести какие бы то ни было разговоры на эту тему. О том, что оба армейских корпуса находятся в кольце советских войск, знали лишь генералы, старшие офицеры и сотрудники штабов. Когда же к штабистам обращались с вопросом: «Правда ли, что мы окружены?», они решительно отрицали это или отвечали, что не знают. Командиры боевых подразделений в массе своей знали столько же, сколько их солдаты, и в ответ на расспросы подчиненных уверяли, что кольцо русских не сомкнуто.

Однако долго это не могло продолжаться. Налицо были все симптомы окружения — в частях отменили отпуска, солдаты перестали получать письма из дома, через фронт стали летать транспортные «юнкерсы», и артиллерийская канонада доносилась уже со всех сторон. К тому же советские самолеты беспрерывно разбрасывали над территорией котла листовки на немецком языке, в которых солдатам окруженных дивизий объяснялось действительное положение вещей.

В войсках Штеммермана начали понимать, что командование скрывает правду, и это вызывало явное недовольство солдат и офицеров. Отрицать дольше факт окружения было невозможно. Зато можно было извратить действительность, и фашистские пропагандисты в окруженных частях выдумали новую версию. Солдатам говорили, что русским под Корсунем устроили хитрую ловушку и они, окружив войска 42-го и 11-го корпусов, сами попали в окружение. «Мы находимся в котле, — объясняли солдатам, — но те русские, которые нас окружили, уже окружены нашими танковыми дивизиями и скоро будут уничтожены».

Конечно, это была версия, годная лишь для простаков. Офицеры поумнее иначе объясняли обстановку своим солдатам. «Мы окружены, это правда, — говорили они, — но к нам идут на помощь несколько танковых корпусов. Нет сомнения, что они прорвутся сюда, и тогда русские сами окажутся в котле. Надо продержаться еще несколько дней и не позволять русским сжимать кольцо».

Солдатам рассказывали, что Гитлер лично передал по радио Штеммерману: «Можете положиться на меня как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла. А пока держитесь до последнего патрона».

Один из первых транспортных самолетов, прилетевших на окруженнную территорию, доставил в котел не боеприпасы и не горючее, а группу офицеров из «гrotы пропаганды». Военизированные чиновники ведомства Геббельса принялись обрабатывать солдат, уверяя их, что никакой реальной опасности в этом окружении нет и со дня на день кольцо будет разорвано танковыми дивизиями, наступающими извне.

Былипущены в ход и все другие средства, чтобы поддержать боевой дух окруженных войск. Штеммерман обещал офицерам повышения в чине, а солдатам — награды. Всем участникам сражения под Корсунем посулили наградной знак «Лента ближнего боя». Он давался только тем, кто участвовал в рукопашных схватках, и в одном из своих приказов об этой ленте Штеммерман писал: «Рукопашным боем считается бой, когда солдат увидел в глазах противника страх». К огорчению генерала, его солдаты вовсе не стремились заслужить обещанную им ленту и всячески уклонялись от рукопашного боя, который обычно навязывали им советские стрелки. Наоборот, из частей офицеры доносили, что пехота стала неохотно ходить в атаки без сопровождения танков и слишком уж быстро отходит назад под огнем русских.

Поэтому кроме заманчивых обещаний потребовались и другие меры. Солдат заставляли давать торжественную клятву в

том, что они обязуются драться храбро и упорно и ни при каких условиях не сдаваться в плен. Во многих частях у пехотинцев брали так называемые «расписки стойкости», содержание которых сводилось к тому же. И вместе с тем ежедневно и ежечасно пропагандисты и офицеры продолжали твердить о близкой выручке извне.

К этому времени в войсках Штеммермана узнали о судьбе 108-го моторизованного полка, который вместе с танковыми дивизиями, подошедшими от Кировограда, рвался с юга на помощь окруженным и неожиданно для себя оказался не снаружи, а внутри котла, разделив участь всей корсунь-шевченковской группировки. Теперь, вспоминая этот случай, солдаты с невольным недоверием слушали разговоры о скором прорыве кольца. В самом деле, проходил день за днем, а обещанная помошь не являлась. Пропагандистам надо было изворачиваться, изобретая новые уловки.

Солдатам стали ежедневно зачитывать радиограммы о продвижении танковых дивизий, атакующих внешний фронт советских войск. В окопы переднего края специально привозили летчиков, которые рассказывали, что, пролетая над линией внешнего фронта, они собственными глазами видели, как «уже совсем близко» ведут бой танки, идущие на выручку к окруженной группировке.

Первое время все это оказывало известное действие на солдат, но по мере того как один за другим проходили назначенные сроки освобождения окруженных, настроение войск падало и, вопреки усилиям пропагандистов, шире и шире распространялись уныние и безнадежность. Начались разговоры о «втором Сталинграде» и о том, что «лучше сдаваться в плен вместе, как сделала армия Паулюса, а не поодиночке». Несмотря на то что пессимистов приказано было строго карать, их становилось все больше.

Да и как могло быть иначе? Кольцо неумолимо сжималось, и территория, занимаемая войсками Штеммермана, таяла не по дням, а по часам. Только в день падения Городища котел сразу уменьшился на двести квадратных километров. А ведь вместе с этой территорией окруженные теряли и склады боеприпасов, продовольствия, горючего.

Проблему питания войск командование корпусов попыталось решить за счет местного населения. Крестьянам в селах было приказано под страхом смертной казни ежедневно сдавать комендантам по восьми хлебов с каждого двора. Кроме того, приблизительно двухнедельный запас продуктов находился на дивизионных складах. Но снабжение окруженных боеприпасами и горючим превращалось в неразрешимый вопрос.

Зенитчики получили распоряжение не открывать огня по

советским самолетам и экономить снаряды «для момента прорыва». Ввели рацион на некоторых полевых батареях. Танки или самоходные пушки при отсутствии горючего зарывали в землю и использовали как неподвижные огневые точки. Пехотинцам было приказано расходовать патроны осторожно и стрелять только наверняка.

Первое время Манштейн и его генералы рассчитывали, что им удастся наладить снабжение окруженных войск горючим и боеприпасами с помощью транспортной авиации. План этот сразу же провалился. Немецкие солдаты ежедневно наблюдали, как, объятые пламенем, падают тяжелые «юнкерсы», сбитые то меткой очередью советского летчика, то снарядом нашего зенитчика, а то и пулей пехотинца. Воздушное кольцо Советской Армии было вполне прочным. Только за один день 5 февраля над фронтом окружения наши истребители сбили тридцать транспортных «юнкерсов». А нехватка горючего и боеприпасов сказывалась в кotle все острее.

Были и другие, еще более невосполнимые потери — потери в боевой технике и, главное, в живой силе. День за днем по всему кольцу окружения корсуньская группировка теряла в боях танки, бронетранспортеры, самоходные пушки, артиллерийские орудия, пулеметы, автоматы. Все меньше танков участвовало в контратаках, и тактика немецких танкистов стала иной — теперь они старались вести огонь из укрытия, не появляясь на виду без крайней необходимости. Артиллеристов, как только их орудия выбывали из строя, отправляли на передний край в качестве пехотинцев. Большинство шоферов автомашин тоже было послано в окопы.

Людские потери угрожающе росли. Советские войска то и дело отрезали новые куски территории котла, устраивая «окружения в окружении» и уничтожая гарнизоны отсеченных опорных пунктов. В Корсуне и соседних с ним селах госпитали были переполнены ранеными.

Численность полков и батальонов катастрофически падала. В 332-й пехотной дивизии один из полков к 10 февраля насчитывал всего около сотни солдат. 544-й полк 389-й дивизии через десять дней после окружения был из-за больших потерь сведен в батальон.

В том самом 108-м мотополку, который, пытаясь прорвать внешний фронт, оказался внутри котла, вначале было больше тысячи человек. 9 февраля из этой тысячи осталось всего семьдесят солдат и офицеров. Полк преобразовали в «боевую группу». На второй день в этой группе оказалось меньше полусотни солдат, да и те были главным образом из тыловых подразделений. Офицеров уцелело очень мало, почти все были убиты или ранены.

Такие «боевые группы» возникали все чаще по мере того, как исчезали полки и батальоны. Группы эти обычно назывались по фамилии командовавших ими офицеров. Но командиры так часто сменялись, что фамилии их не успевали даже сохраняться в памяти солдат. Одну из боевых групп 389-й дивизии за восемь дней поочередно возглавляли три офицера. Первый — капитан Цайлинг — был вскоремещен за трусость и нераспорядительность. Второй — обер-лейтенант Кнайпле — был убит через два дня. Третий — обер-лейтенант Флах — командовал всего одни сутки. Когда группа попала одновременно под артиллерийский обстрел и бомбёжку, обер-лейтенант сошёл с ума. Большая часть группы тут же разбежалась, а оставшиеся двадцать автоматчиков организованно сдались в плен.

В осклизлых, залитых дождевой водой окопах переднего края обовшившие, небритые, нередко голодные немецкие пехотинцы по несколько суток не выходили из боя. В грязные, обтрепанные лохмотья превращались шинели, износилась обувь, и заменить обмундирование было нечем.

Перед началом нашего наступления стояли небольшие морозы, и во многих пехотных частях интенданты отобрали у солдат сапоги и ботинки, заменив их валенками. Сапоги же были сданы на склад, который после прорыва советских войск оказался вне кольца окружения. Теперь пехотинцам оставалось лишь проклинать своих интендантов и в насквозь промокших, разлезающихся валенках шлепать по лужам.

Непрерывный, изматывающий огонь советской артиллерии, интенсивные бомбёжки, настойчивые и нарастающие атаки нашей пехоты, грязь, голод — все это тяжело ложилось на душу немецкого солдата. Невольно приходила на ум мысль о сдаче в плен как о единственной возможности избавиться от этого кошмара. Но всякую попытку перехода к русским специально созданные карательные команды СС наказывали смертью, и мысль о плене надо было держать втайне даже от ближайших товарищей. Так возникало взаимное недоверие между солдатами, усугублявшее общий разброд и уныние. Даже офицеры перестали доверять друг другу и старались не обсуждать перспективы будущего, наедине обдумывая планы своего спасения.

Обстановку этого первого периода окружения хорошо передает письмо врача танковой дивизии «Викинг», оставшееся неотправленным и попавшее в руки наших солдат:

«30 января 1944 года... Это было поистине логическое развитие. Еще позавчера мы открывали наш офицерский клуб в Корсуне. Вчера утром мы с нашими ранеными были в Городище. У нас их было 190. Сегодня мы хотели отправить их. Из Ротмистровки должны были вылететь 12 «юнкерсов», ко-

торым надлежало привезти боеприпасы в наши оба маленьких котла. На рассвете раненых мы погрузили и отправили, но пока они находились в дороге, передний край еще отодвинулся, а аэродром взорван. Раненых повезли обратно. Вспомнили об одной проселочной дороге. К сожалению, выяснилось, что все пути заняты русскими. Следовательно, котел закрыт, и мы не сможем вывезти даже раненых. В прошлом году мы тоже часто бывали отрезанными, но это было совсем по-другому. На этот раз все выглядит так безнадежно и бесцельно, хоть впору кончать жизнь самоубийством...»

Можно себе представить мысли и чувства рядовых пехотинцев, если подобное настроение возникало у офицеров эсэсовской дивизии, которая считалась в войсках Штеммермана самой стойкой и неунывающей.

Но окруженные тем не менее продолжали отчаянно сопротивляться. Как бы ни были подавлены солдаты, в каком бы черном свете ни представлялись им перспективы борьбы, — в них пока что пересиливало чувство дисциплины, побеждала годами воспитанная привычка к повиновению своим командирам.

По-прежнему все свои надежды они возлагали на помощь, обещанную Гитлером. О ней не переставали твердить офицеры, о ней напоминала далекая канонада на юго-западе, по временам доносившаяся до котла.

8 февраля советское командование предъявило окруженным ультиматум. Желая избежать излишнего кровопролития и указывая на явную безвыходность положения войск Штеммермана, маршал Жуков и генералы армии Конев и Ватутин предлагали генералам, офицерам и солдатам дивизий сложить оружие, обещая обеспечить всем им жизнь и безопасность. Наши парламентеры передали текст этого ультиматума командованию окруженных войск. Но на следующий день в 11 часов утра, когда истек срок ультиматума, немецкие пушки открыли огонь по всему фронту. Из двух путей — в плен или в могилу — противник выбрал второй. Ультиматум был отклонен.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ **ТАНКОВЫЙ ТАРАН**

Внешний фронт наших войск, широкой дугой прикрывший с юга и запада кольцо, сдавившее окруженную группировку, испытывал неослабевающий нажим противника.

После того как в первые дни сражения противнику не удалось прорваться у Капитановки и Тишковки, немецкие танко-

ые дивизии, передвинувшись вдоль фронта и нацелившись в сторону Ольшаны, принялись настойчиво долбить нашу оборону между Шполой и Звенигородкой. Здесь в начале февраля танки и мотострелки Ротмистрова вели тяжелые бои, с трудом удерживая свой рубеж в районе села Васильковой и Искреннего.

Но, как ни сильно нажимал противник на этом участке, главные события должны были вскоре развернуться совсем в другом месте.

В последние дни января в штаб представителя Ставки Верховного Главнокомандования маршала Г. К. Жукова, который неотлучно находился в районе боев, непосредственно координируя и направляя действия войск обоих фронтов, начали поступать сведения о том, что Манштейн поспешно перегруппировывает свои силы. Наша разведка и воздушные наблюдатели стали отмечать усиленное передвижение противника северо-западнее Звенигородки в том секторе фронта, где оборонялись войска Ватутина. От Умани туда поспешно подтягивались танковые части, перебрасывалась пехота и артиллерия. Немцы, несомненно, готовились к крупному наступлению.

В общих чертах замысел немецкого командования был ясен маршалу Г. К. Жукову. Вероятнее всего, противник направит свой главный удар к северо-востоку, в сторону Лысянки. И конечно, одновременно на ближайшем к Лысянке юго-западном участке кольца окружения должны начать встречную атаку изнутри войска Штеммермана — шаблонность этого приема противника уже успела выявиться в предыдущих боях: именно так действовали немцы и в районе Капитановки, и позднее при попытке прорваться к Ольшане. Следовало предполагать, кроме того, что все это будет сопровождаться сильными атаками и на других направлениях, чтобы отвлечь наши войска и ввести в заблуждение советское командование.

Продолжая пристально наблюдать за приготовлениями противника, наше командование готовилось встретить этот двойной удар.

Еще 31 января разведчики генерала Трофименко задержали близ линии переднего края подозрительного человека, пробирающегося в сторону сел, занятых окружеными войсками. Задержанного доставили в штаб, где вскоре неоспоримо установили, что все его документы — «липа». Дальнейшая ложь была бесполезной — неизвестный понял это и заговорил начистоту. Выяснилось, что в руки к нам солдатам попался важный лазутчик противника.

Задержанный оказался немецким офицером-разведчиком бароном фон Ягеном. Он был послан через фронт к генералу

Штеммерману, чтобы согласовать с ним все детали задуманного в штабе Манштейна встречного удара. Поняв, что его игра окончательно проиграна, фон Яген тут же рассказал все, что знал о плане будущей операции.

На ближайшем к Лысянке участке фронта немецкое командование сосредоточивало три танковые и несколько пехотных дивизий, 4 февраля они должны были перейти в наступление и прорвать внешний фронт наших войск в сторону Лысянки и Медвина. В этот же день начнутся сильные атаки с юга, в направлении Лебедина. И одновременно на юго-западном участке кольца рванутся к Лысянке дивизии Штеммермана.

Все, что рассказал пойманный немецкий разведчик, только подтвердило первоначальные предположения нашего командования. Показания фон Ягена лишь помогли уточнить силы противника и сроки его наступления. Теперь оставалось организовать отпор, и нужные меры были тотчас же приняты.

Получили подкрепления танкисты генерала Кравченко и пехота Жмаченко, которым предстояло отражать главный удар немцев. Чтобы не только обороняться в этом районе, но и нанести врагу ответный контрудар, северо-западнее Звенигородки начали сосредоточиваться танковые части генерала Богданова, переброшенные сюда с другого участка фронта. На юге танкисты Полозкова и Кириченко были усилены артиллерией. На юго-западном участке внутреннего фронта пехотинцы Трофименко готовились встретить наступление окруженных. А тем временем по всей остальной окружности кольца наши войска усиливали свой нажим так, что противник нигде не получал передышки и не имел возможности ни в одном месте снять свои части, столь необходимые ему для прорыва.

Фон Яген не согнал. Утром 4 февраля немцы начали артиллерийскую подготовку на десятикилометровом фронте между селами Константиновка и Чемерисское. В воздухе над окопами пехотинцев Жмаченко, над позициями танковых частей Кравченко закружились вражеские бомбардировщики. По черным, мокрым полям поползли немецкие танки, и вслед за ними по склонам холмов одна за другой скатывались зеленые цепи пехоты.

Здесь, на главном направлении, противник бросил в бой больше сотни самолетов и полтораста танков, во главе которыхшли «тигры» и «пантеры» эсэсовской дивизии «Адольф Гитлер».

В это же время начались сильные атаки на юге, а со стороны котла, между Стеблевом и Валявой, две пехотные дивизии окруженных с танками и самоходками «Викинга» двинулись на окопы стрелков Трофименко.

Бой длился до позднего вечера. На юге все атаки противника в сторону Лебедина были отражены. Войска Штеммермана тоже сумели достичь немногого — к исходу дня они вытеснили нашу пехоту лишь из одного села — Таращи, дорого заплатив за этот мизерный успех.

Зато на главном направлении — северо-западнее Звенигородки — противнику удалось вбить танковый клин в линию нашего внешнего фронта. За день он потерял здесь больше полусятни машин, но все же часть танков дивизии «Адольф Гитлер» прорвалась почти на пятнадцать километров к северу. Вечером эсэсовские «тигры» были уже в районе сел Вотылевка и Татьяновка.

С утра 5 февраля сражение в этом районе возобновилось с удвоенной силой. В бой вступили танковые части генерала Богданова. Но и противник за ночь подтянул сюда свежие резервы, которые парировали удар наших танкистов. Войскам Богданова пришлось вести тяжелые бои около Вотылевки.

Острье немецкого наступления медленно поворачивалось, нащупывая уязвимое место в обороне советских войск. Особенно настойчиво немецкие танки рвались к востоку — на Лысянку. Но именно это направление было прикрыто наиболее прочно. За день противник сумел занять только западную окраину села Виноград, лежащего в двадцати километрах от Лысянки.

Северный участок был защищен слабее. И здесь противнику удалось сделать еще шаг в сторону Медвина. В ночь на 6 февраля эсэсовские танки появились в селах Косяковка и Антоновка.

Тут, около этих сел, десять дней назад проходил рубеж, с которого начали свое наступление пехотинцы генерала Трофименко. Сейчас дальнейшее продвижение немецких танков на север грозило опасными последствиями. Всего в десяти — пятнадцати километрах севернее и северо-восточнее Косяковки и Антоновки лежали села Баранье Поле, Лука и Кóшеватое, где находились штаб и тылы войск Трофименко.

То была тревожная ночь. В штабе не спали, и машины стояли наготове на случай прорыва танков противника. Охрана штаба заняла оборону на окрестных холмах, соорудив еще один рубеж в тылу войск, ведущих бой с авангардами немцев.

Со страхом прислушивались к грохоту недалекого боя мирные жители, уже привыкшие за последние десять дней к тыловой тишине. В хатах, где жили наши офицеры, хозяинки встревоженно допытывались у своих постояльцев:

— Що це таке гукае? То не Гитлер назад идет?

Ясно различая характерные сухие и отрывистые выстрелы немецких танковых пушек, офицеры с притворной беспечностью уверяли:

— Да что вы! Откуда тут немцы? Это наши дальнобойные пушки стреляют.

Весь день 6 февраля бои шли севернее Косяковки и Антоновки, на подступах к селам Крутые Горбы и Великая Березянка. Наша пехота и артиллерия остановили здесь немецкие танки, не пуская их дальше на север. А южнее танкисты Богданова все больше усиливали свой натиск, стараясь срезать забитый немцами клин.

И на следующий день, 7 февраля, противнику стало уже невмочь сдерживать эти атаки. Танки его начали медленно пятиться назад, к югу, покинув Косяковку и Антоновку. Часть машин к этому времени осталась без горючего и застряла в селе Кучковка, отрезанная от своих. Немецкие танкисты закопали машины в землю и, заняв круговую оборону, продолжали драться в окружении.

Непосредственная опасность выхода танков противника на тылы пехоты Трофименко миновала. Но немцы не были отброшены на исходные рубежи — они задержались в районе Вотылевки и Винограда. Силы их были достаточно велики для повторного наступления, и вдобавок сюда подтягивались свежие дивизии от Умани. Немецкое командование поспешно готовило свой танковый таран к новому удару.

Медлить немцам было нельзя. Положение в кotle к 8 февраля сильно ухудшилось. Попытка войск Штеммермана прорваться в сторону Лысянки окончилась провалом. На юге окруженные потеряли Ольшану, накануне падения был Городищенский узел обороны. Пехотинцы Трофименко успешно продвигались на севере и на востоке. Было ясно, что корсунь-шевченковская группировка доживает свои последние дни.

Да и вообще обстановка на Украине становилась для немцев угрожающей. Еще 27 января, в то время как все внимание Манштейна было приковано к боям, развертывающимся на Корсунь-Шевченковском участке фронта, стало известно о новом наступлении советских войск в направлении Ровно и Луцка. Правое крыло войск Ватутина тоже двинулось вперед. И там оборона немцев была прорвана и наши части стремительношли на запад. Уже 2 февраля Ровно и Луцк были освобождены. 3 февраля противник был выбит из Здолбунова, а 11 февраля — из Шепетовки.

Пока Манштейн перебрасывал подкрепление на север — против войск Ватутина, последовал новый удар. 30 и 31 января перешли в наступление 3-й и 4-й Украинские фронты. За десять дней они продвинулись далеко на запад, ликвидировали никопольский плацдарм противника на левом берегу Днепра и овладели Никополем. Непосредственная угроза нависла над криворожской группировкой немцев.

В этих условиях Манштейн стремился скорее вырвать из окружения дивизии Штеммермана, чтобы затем попытаться остановить наступление Советской Армии и на других участках фронта и отвести угрозу, нависшую над его войсками на Украине.

С того момента, как окруженные войска ответили огнем на ультиматум нашего командования, Корсунь-Шевченковская битва вступила в свой заключительный этап. В эти дни пал Городищенский узел немцев, и кольцо резко сузилось. Оставалось нанести еще несколько сильных ударов, чтобы упорство противника было окончательно сломлено.

На этом последнем этапе сражения было особенно важно максимально согласовать между собою все действия наших войск, централизовать и облегчить управление ими. И по приказу Ставки Верховного Главнокомандования все войска, сражавшиеся на внутреннем фронте — против окруженных дивизий, с 12 февраля были подчинены генералу армии Коневу. Уничтожение корсунь-шевченковской группировки немцев, начатое двумя фронтами, должен был довести до конца 2-й Украинский фронт, тогда как левое крыло войск генерала Ватутина по-прежнему должно было держать прочную оборону на внешнем фронте и не допускать прорыва противника извне на помощь к окруженным.

12 февраля в штабе генерала Конева на большую карту театра Корсунь-Шевченковской битвы легли четыре красные стрелы. С разных сторон: с юга-востока — от Городища и Валльвы, с юго-запада — от Шандеровки, с северо-запада — от Выграева и с севера — от Таганчи — они насквозь прошли кольцо немецкой обороны, сходясь своими остриями к одной точке — к городу Корсунь-Шевченковский.

Эти стрелы обозначали направления будущих ударов наших войск по окруженному противнику, ударов, которые в самые ближайшие дни должны были привести к полному разгрому корсуньской группировки немцев.

А в штабе генерала Штеммермана на такой же карте, только с немецкими названиями сел и городов, появились две стрелы. Одна из них из района северо-западнее Звенигородки устремлялась сквозь внешний фронт наших войск к северо-востоку. Навстречу ей, выползая из кольца и изгибаюсь к юго-западу через Шандеровку, Комаровку и Джурженцы, вытянулась другая стрела, обозначающая прорыв окруженных.

Стрелы, направленные извне и изнутри котла, встретились у Лысянки. Пока что так было лишь на карте. От того, как поведут себя эти «стрелы» на реальных холмах и полях окружающей местности, зависела судьба дивизий Штеммермана, туго стиснутых в огненном кольце советских войск.

Командующий группой войск прорыва генерал Хубе заканчивал последние приготовления. Юго-западнее Лысянки в районе сел Чижовки и Чемерисского создавался новый ударный кулак. Туда беспрерывно подходили немецкие части, спешно подвозились боеприпасы и горючее. 9 февраля в прифронтовое село Буки прибыла свежая 1-я танковая дивизия. Теперь уже четыре танковые и три пехотные дивизии готовились к новому броску на Лысянку. Танковый таран был усилен, и немецкое командование надеялось, что на этот раз он сумеет пробить всю толщу промежутка, разделяющего авангарды Хубе и войска Штеммермана.

Утром 11 февраля после сильного артиллерийского налета двести танков двумя колоннами двинулись на север от Чижовки. На узком участке фронта начали наступление несколько дивизий. Таран пришел в действие.

Наши орудия на переднем крае стреляли до тех пор, пока не гибли под гусеницами «тигров». Стрелки, пропустив прокатившуюся над их головами волну танков, не покидали своих окопов и до последнего патрона отбивались от наседающих автоматчиков. Но сила этого сосредоточенного удара была слишком велика. Танки пробили брешь в нашей обороне и быстро двинулись на север, ведя за собой пехоту.

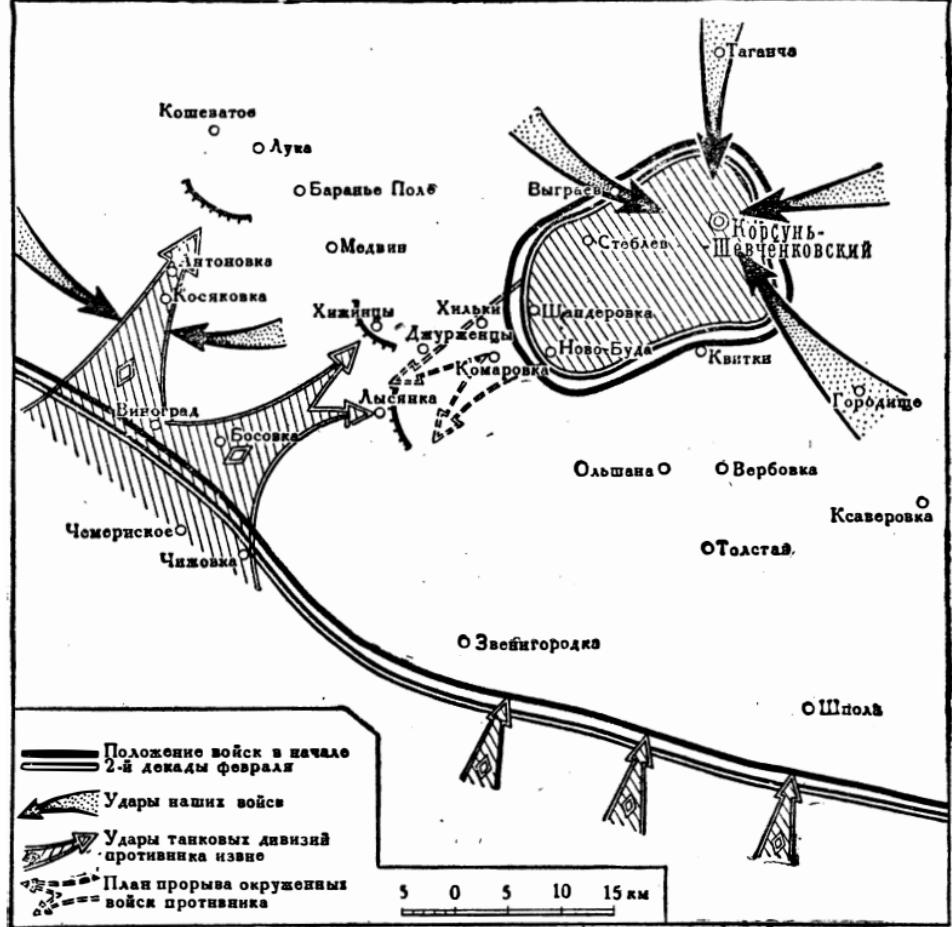
Километрах в десяти к северу от Чижовки лежит село Босовка. Это село было опорным пунктом наших войск, и на подступах к нему занимали оборону пехотинцы и артиллеристы генерала Жмаченко.

Железная волна немецких танков с разбега захлестнула этот рубеж и перекатилась через него, оставив здесь и там подбитые и сожженные машины. Танки, не задерживаясь, унеслись вперед — немцам казалось, что оборона советских войск полностью раздавлена и уничтожена.

Но как только, вслед за танковыми колоннами, к Босовке подошла немецкая пехота — рубеж ожила. Цепи автоматчиков были встречены плотным пулеметным огнем, и как ни рвался противник, все атаки его неизбежно захлебывались. Стрелки Жмаченко, пропустив танки, прочно отсекли от них пехоту.

Тем временем танковые колонны противника резко повернули от Босовки на восток. К исходу дня острие тарана приблизилось к Лысянке. Передовые отряды «тигров» оказались меньше чем в десяти километрах от нее — в соседних селах Бужанка и Франковка. Когда спустились сумерки, танкам Хубе оставалось преодолеть последнюю гряду холмов, чтобы выйти в обширную, глубокую котловину, на дне которой лежит Лысянка.

Однако Хубе в этот день не решился двинуть дальше свои танки. Надо было сначала подтянуть сюда пехоту, которую

Последние дни корсунь-шевченковской группировки

стрелки Жмаченко задержали на Босовском рубеже. Танковые колонны немцев на ночь остановились в Бужанке. Это позволило нашему командованию с наступлением темноты начать перегруппировку войск в сторону Лысянки.

Всю ночь в район прорыва подходили немецкие резервные части. На рассвете наступление возобновилось. Днем танки Хубе ворвались в Лысянку с юго-запада, и вскоре все село было в руках противника.

А на левом фланге, где действовала 16-я танковая дивизия немцев, успех врага был еще большим. Обтекая Лысянку с севера, полки 16-й дивизии заняли село Чесновку, а ее разведывательный отряд прорвался еще дальше — на южную окраину Хижинцев. Отсюда немцы тотчас же выслали группу разведчиков, пытаясь установить непосредственную связь с войсками Штеммермана.

Обстановка стала критической. Назревала реальная опасность прорыва нашего кольца. Всего в двух километрах от Хижинцев лежало село Джурженцы, где помещался полевой штаб генерала Трофименко. Окруженные войска, еще накануне ночью начавшие встречное наступление, за день сумели захватить Ново-Буду и Хильки. Меньше десяти километров разделяли сейчас танки Хубе и дивизии Штеммермана.

Неизвестно, как окончился бы этот день, если бы на помощь стрелкам Трофименко не подоспели подкрепления, посланные генералом Коневым.

Вблизи от места сражения оказались пехотные части полковника Ревенко. Командование перебрасывало их сюда с другого участка фронта, и Ревенко вторые сутки вел своих пехотинцев по непролазной грязи размытых дождями проселков. Солдаты были измучены двухдневным форсированным маршем и рассчитывали перед боем получить хотя бы короткий отдых. Вместо этого около Джурженцев их догнал приказ генерала Конева — немедленно вступить в бой.

Напрягая все силы, пехотинцы Ревенко броском вышли к Хилькам и Комаровке и, приняв боевой порядок, атаковали авангарды окруженных, отбрасывая их назад. Здесь начался затяжной, упорный бой, приносивший успех попеременно то одной, то другой стороне. Однако продвижение окруженных было остановлено.

К вечеру немного легче стало и на внешнем фронте. Пехотные части и танкисты Ротмистрова, переброшенные прошлой ночью с соседних участков фронта, на исходе дня атаковали немецкие танки и выбили их из Лысянки. Танкисты Богданова и Кравченко непрерывными контратаками измотали противника на севере. Немцам пришлось покинуть окраину Хижинцев, и танковое сражение продолжалось в районе Чесновки и Лысянки, не стихая всю ночь.

Солдатам Ревенко этой ночью тоже не пришлось отдохнуть — атаки окруженных не прекращались. Но особенно тяжелый бой разгорелся после полуночи в Шандеровке, которую оборонял сводный отряд пехотинцев Трофименко под командованием майора Лосева.

Этот отряд, составленный из нескольких мелких подразделений, был сформирован генералом Трофименко еще месяц тому назад — в январе, когда его войска вели наступление юго-восточнее Белой Церкви. Тогда на пути пехотинцев оказался крупный опорный пункт противника — большое село Кошеватое.

Кошеватое было укреплено, и здесь оборонялся сильный немецкий гарнизон. Три дня стрелковые части безуспешно штурмовали эту крепость. И вдруг стало известно, что майор

Лосев — опытный, боевой офицер — предложил генералу Трофименко создать небольшой отряд, с которым он берется в течение суток овладеть Кошеватым. Предложение было принято.

Не тратя сил на бесполезные лобовые атаки хорошо укрепленного села, Лосев ночью повел свои роты в обход и на рассвете штурмовал Кошеватое с флангов и с тыла — там, где этого не ждал противник. Отряд действовал дерзко, стремительно, с четкостью отлично слаженного подразделения. За два часа село было взято, причем отряд понес самые ничтожные потери, тогда как на улицах Кошеватого осталось больше двухсот убитых солдат противника и немало боевой техники.

С тех пор за бойцами Лосева прочно укоренилась слава ударного отряда, смелого и маневренного, способного выполнить самые трудные задачи в наступательном бою. Слава эта вскоре была подкреплена новым успехом. В первый день Корсунь-Шевченковского сражения — 26 января — отряду пришлось брать другой опорный пункт противника — село Лука, прикрывающее подступы к Медвину. Силы врага здесь были не меньшими, чем в Кошеватом, но и на этот раз хорошо задуманный и четко исполненный маневр принес солдатам Лосева победу.

В начале второй декады февраля сводный отряд занимал оборону в Шандеровке — на самом опасном направлении, куда особенно настойчиво рвались из котла немецкие дивизии. В ночь с 11-го на 12-е, когда танки Хубе достигли уже Франковки и Бужанки, войска Штеммермана тоже пошли в наступление. Четыре пехотные дивизии, во главе с танками «Викинга», двинулись в сторону Лысянки. Путь их лежал через Шандеровку.

Около четырех часов пополудни авангарды наступающих появились у восточной окраины села. Отряд автоматчиков и пять эсэсовских танков в темноте наткнулись на оборонительный рубеж отряда Лосева. Их встретили огнем в упор, и сразу передевые цепи немцев откатились назад.

Стояла еще ночь, хмурая и непроглядная. Атаковать вторично неразведенную оборонительную линию противник не решился. Немецкая пехота направилась в обход села с севера и с юга. Утром последовали атаки с разных сторон. Только в одном месте — на южной окраине — немецкой пехоте удалось проникнуть в село и закрепиться там. Все попытки противника продвинуться дальше не привели ни к чему. И немцы решили переменить тактику. Атаки на Шандеровку прекратились, и отряд получил передышку.

К середине ночи оказалось, что Шандеровка была окружена. Противник, встретив здесь сопротивление, пошел на соседние села. За ночь наступающие немцы вытеснили нашу пе-

хоту из Хилек, Комаровки и Ново-Буды. Отряд Лосева оказался в тылу окруженных.

В три часа пополуночи немецкие автоматчики скрытно подступили к селу и штурмовали Шандеровку сразу с трех сторон — с севера, запада и юга. Отряд был начеку, и первый удар удалось отразить. Но атаки следовали непрерывно, и с каждым разом сила их возрастала. Шаг за шагом противник теснил бойцов отряда.

К рассвету две роты Лосева занимали круговую оборону на западной окраине села. А в центре одна, в плотном кольце немцев, дралась отрезанная от всего отряда третья рота. И майор с болью прислушивался к перестрелке, доносившейся оттуда, — огонь наших стрелков постепенно слабел, заглушаемый трескучими очередями немецких пулеметов, — видимо, боеприпасы были на исходе.

Днем патроны подошли к концу и в других ротах. Солдаты снимали подсумки с убитых и раненых товарищей, стреляли из трофейных немецких автоматов. Противник продолжал лезть со всех сторон, не давая нашим бойцам передышки.

Дольше удерживать село было невозможно. Лосев доложил по радио обстановку и получил приказ командования пробиваться к своим. Около полудня роты отряда с боем начали отходить на юго-запад. Только часть бойцов осталась в Шандеровке, прикрывая отход, и вместе с этой группой остался майор Лосев. С большим трудом стрелкам удалось продержаться в селе до вечера.

Уже на исходе дня по окопам пролетела тревожная весть:
— Майор Лосев ранен!

Командир отряда был серьезно ранен осколком немецкой мины. Санитары отнесли его в одну из окраинных хат. Время от времени он терял сознание от сильной боли, но, приходя в себя, снова продолжал руководить боем. За окнами хаты гущались сумерки, и атаки противника стали ослабевать.

Как только спустилась ночь, остатки отряда, захватив раненых, двинулись по бездорожью, прямо через поля и овраги, на юго-запад, в обход Комаровки. К полуночи последняя группа солдат, неся с собой раненого командира, вышла в расположение наших войск. Шандеровка осталась в руках противника. За два дня и две ночи боя в этом селе немцы потеряли почти восемьсот солдат и офицеров.

В эти же дни тяжелая обстановка сложилась и на другом участке кольца — северо-восточнее Шандеровки, где наступали стрелки генерала Ляскина.

Еще 8 февраля они форсировали Россь выше Стеблева и после трехдневных боев заняли половину укрепленного села Выграева на ближних подступах к Корсунь-Шевченковскому.

Немцы прилагали все силы, чтобы отбить это важное для них село. На улицах завязывались даже рукопашные схватки. Отдельные кварталы по несколько раз переходили из рук в руки. На дорогах вокруг Выграева, в тылу нашей пехоты, то и дело появлялись группы автоматчиков противника.

Выграев окружен густыми лесами. Сплошной линии фронта здесь не было, и противник ловко воспользовался этим. Гитлеровцы переодевались в форму советских солдат или в крестьянскую одежду и через лес пробирались в тыл наших войск. Переодетые банды устраивали засады на дорогах, захватывали наших связных, нападали на обозы, обстреливали машины.

Днем 12 февраля генерал Ляскин вместе со своими штабными офицерами ехал по лесу, направляясь в Выграев. На повороте лесной дороги, где машина замедлила ход, объезжая глубокую колдобину, из густых придорожных кустов по автомобилю в упор ударил немецкий пулемет. Несколько очередей прошли кузов машины, прежде чем офицеры, сопровождавшие генерала, успели открыть ответный огонь. Шофер дал полный газ, и машина мгновенно умчалась дальше. Только тогда заметили, что генерал, откинувшись на сиденье, бессильно уронил голову.

Ляскин оказался тяжело раненным, и его пришлось тотчас же эвакуировать в тыл. Командование его частями принял на себя полковник Горобец, который немедленно начал борьбу с бандами противника, заброшенными к нам в тыл. Отряды наших автоматчиков насквозь прочесали Выграевский лес, и в течение суток все переодетые гитлеровцы были истреблены или взяты в плен. После этого пехота Горобца окончательно выбила немцев из Выграева и прочно закрепила за собой село.

Но уже на другой день — 14 февраля — полковник Горобец получил новый приказ генерала Трофименко. Его стрелки должны были сдать выграевский участок другим частям, а сами форсированным маршем двинуться на юг, в обход Стеблева. Там, на юго-западном отрезке кольца, снова нависла угроза прорыва окруженных.

Войска Штеммермана, в руках которых сейчас были Шандеровка и Хильки, Комаровка и Ново-Буда, с новой силой рвались из кольца. А со стороны Лысянки дивизии Хубе в этот день сделали встречный рывок. Немцам удалось снова занять Лысянку, ворваться в хутор Добрыдень, лежащий всего в трех километрах от Джурженцев, и они опять подступили вплотную к Хижинцам.

Обстановка стала еще более опасной, чем два дня тому назад — 12 февраля. Танки Хубе были совсем близко за сплошной пехотинцев Трофименко, и танкисты Богданова, Ротмист-

рова и Кравченко с трудом сдерживали их напор. Генералу Трофименко пришлось повернуть часть своих войск фронтом на юго-запад на случай прорыва извне. Теперь на этом участке его стрелки и артиллеристы стояли спина к спине, защищая друг друга от возможных ударов противника с тыла.

Окруженные нажимали. Около Ново-Буды бесчисленные атаки авангардов Штеммермана отбивали пехотинцы генерала Меркулова и казаки Селиванова. Напряженные бои вели части Ревенко у Хилек и Комаровки. Стрелки Горобца во второй половине дня вышли в район сел Склименцы и Скрипченцы, преодолев дорогу немецкой пехоте и танкам «Валлонии», начавшим наступление на запад от Стеблева. На всех этих направлениях бои принимали все более ожесточенный характер, но пока что не приносили решающих успехов ни одной из сторон.

Воину переднего края — будь то солдат или офицер — свойственно оценивать обстановку на фронте, исходя из своих непосредственных ощущений. Ведет батальон тяжелый бой, с трудом отражая атаки численно превосходящего противника, и людям невольно кажется, что весь фронт испытывает небывалое напряжение сил, хотя, быть может, в завтраших штабных сводках будет сказано всего-навсего о «боях местного значения» на этом участке. Отбиты атаки, батальон продвинулся вперед, и людям, воодушевленным победой, начинает казаться, что противник терпит поражение на всем фронте.

Только в штабах, куда, как к нервным узлам, сходятся отовсюду тонкие нити линий связи, куда непрерывно летят донесения из частей и соединений, обстановка на фронте предстает во всем своем многообразии. Только тут можно в полной мере оценить изменчивую и подвижную картину боя, которая, как в зеркале, отражается на штабных картах сложным сочетанием военных иероглифов — стрелками атак и контратак, узкими щетинками оборонительных рубежей, треугольниками, ромбиками, флажками.

В этот день в полевом штабе войск Трофименко, находившемся в Джурженцах, было особенно тревожно и напряженно.

На западе совсем близко от села гремели выстрелы танков Хубе, рвущихся к Хижинцам. На востоке, в стороне Комаровки, неистовствовали пулеметы окруженных. Меньше десяти километров разделяло сейчас острие танкового тарана Хубе и передовые части Штеммермана. Приблизительно в середине этого узкого перешейка лежали Джурженцы.

Генерал-лейтенант Трофименко, высокий, полный человек, с решительным и суровым лицом, то неторопливо и тяжело шагал взад и вперед по земляному полу хаты, то присаживался за стол, пододвинутый вплотную к небольшому оконцу,

склонялся над испещренной пометками картой. Из частей шли неутешительные вести, враг наращивал свой удар, а у генерала почти не оставалось резервов — все было брошено в бой. Силы войск, казалось, были на исходе, и генерал с тревогой думал о том, что может произойти, если противник приберег какие-нибудь свежие части для последнего рывка.

Вошел начальник штаба генерал Лукьянченко. По его лицу, озабоченно нахмуренному, Трофименко понял, что вести неутешительные. Лукьянченко доложил, что пехота Ревенко полчаса тому назад второй раз за сегодняшний день выбита из Комаровки. У Ново-Буды противник наращивает удар. Очень тяжело в районе Хижинцев. Там немцы сейчас атакуют двадцатью танками и сильным отрядом пехоты.

Выслушав доклад, Трофименко хмуро кивнул и, заложив руки за спину, прошелся по комнате. Молча следивший за ним Лукьянченко с удивлением заметил в лице своего начальника необычное для него выражение нерешительности. Трофименко явно колебался перед тем, как сделать какой-то нелегкий для него шаг.

Но это продолжалось всего несколько секунд. Круто повернувшись, генерал-лейтенант подошел к столу и, подняв трубку одного из телефонов, приказал соединить его с командующим фронтом.

— Будете просить подкреплений? — спросил Лукьянченко.

— Да. Придется просить. Иначе можем не сдержать.

Лукьянченко понимал, с какой неохотой решился генерал-лейтенант на этот неприятный для него разговор. Даже в самый критический момент боя 12 февраля Трофименко отказался просить помощи у генерала Конева — он знал, что резервов у командующего фронтом мало. Но тогда Конев сам перебросил сюда части Ревенко, и угрозу прорыва удалось ликвидировать. После этого казалось особенно трудным заводить речь о новых подкреплениях. Однако обстановка ухудшалась с каждым часом, и медлить было опасно.

Волнуясь так, будто он сам вел этот трудный разговор, Лукьянченко напряженно ловил каждое слово генерал-лейтенанта. Беседа длилась едва ли минуту. Доложив командующему обстановку, Трофименко попросил у него пехоты и танков. Выслушав ответ, он бросил короткое: «Слушаюсь!»

— Отказ? — спросил Лукьянченко.

— Отказ, — кивнул Трофименко. — Резервов нет, держите противника своими силами. И ни шагу назад. Ясно?

Он вздохнул и, словно сбросив с себя этим вздохом всю тяжесть недавнего телефонного разговора, резко и решительно пододвинул к себе карту.

— Значит, пустим в ход последнее, — сказал он. — Что у нас осталось? Самоходчики и противотанковая артиллерия? Так?

Лукьянченко подтвердил.

— Смотрите, — Трофименко жестом пригласил его к столу, и оба генерала наклонились над картой. Быстрым, сильным движением Трофименко очертил ногтем маленькую дугу чуть пониже Хижинцев и Джурженцев. — Поставить вот здесь, фронтом на юг — против Хубе. Самоходки врыть в землю. Предупредить командиров — рубеж последний. Противник не должен пройти тут, пока цела хоть одна самоходка, хоть одна противотанковая пушка. Ясно?

Он проводил глазами поспешно вышедшего Лукьянченко и снова сел у стола, углубившись в карту и сжав ладонями голову, будто старался мучительным усилием мысли предугадать все то, что должно произойти в ближайшие часы.

В тот день тяжело доставалось не только войскам Трофименко. На всем фронте шли трудные бои. Натиск противника возрастал час от часу, все фронтовые резервы были брошены навстречу танкам Хубе, генералу Коневу уже было нечем помочь сражающимся частям, и все сейчас зависело от искусства генералов и офицеров, от упорства, от стойкости солдат.

Последнее время Конева редко можно было застать в штабе. Командующий руководил сражением со своего наблюдательного пункта в селе Шевченково, выезжал на доклад к маршалу Жукову, отправлялся в части или, надев меховую куртку и летний шлем, на трескучем «У-2» облетал линию фронта.

Вечером этого трудного дня по одной из прифронтовых дорог в районе Лысянки шел мощный танк. Грузно покачиваясь на ухабах разбитого проселка, струями разбрызгивая грязь, машина торопилась куда-то в тыл.

Начинало смеркаться. Дорога сделала крутой поворот и стала полого спускаться в маленькую лощину. Впереди, в сотне метров от танка, на дороге стояло несколько грузовиков, доверху нагруженных ящиками со снарядами. Передняя машина сильно накренилась набок — заднее колесо ее соскользнуло в кювет, и она застряла, загородив путь всей колонне.

Услышав рев мотора, молодой лейтенант, который хлопотал вместе с шоферами у застрявшего грузовика, обернулся и, замахав руками, побежал наверх по склону холма — навстречу танку. Он стал на дороге в нескольких шагах от машины и поднял руку. Плечистый, рослый танкист в комбинезоне и офицерской фуражке, по пояс высунувшийся из башни, строго сдвинул брови и бросил какое-то приказание. Танк притормозил и остановился, не заглушая мотора.

— В чем дело? — крикнул танкист.

Лейтенант подбежал к танку.

— Выручай, друг! — взмолился он. — Вытащи нам машины на горку. Полчаса тут бьемся. А твоему коню дела на десять минут.

Танкист отрицательно покачал головой:

— Не могу, товарищ лейтенант. Нет времени. Везу важный пакет в штаб фронта.

Он крикнул механику, и танк, скрежетнув гусеницей, развернулся вправо, готовясь обехать по полю застрявшую колонну.

Но лейтенант обежал вокруг машины и стал прямо перед гусеницей, загораживая танку дорогу.

— Ты что, друг, русского языка не понимаешь, что ли? — негодующе закричал он. — Я тебе приказываю! Понял? Там наша бригада, слышишь, бой ведет. Ребята последние боеприпасы тратят, а ты машины со снарядами не хочешь вытянуть. Не пропущу! Проезжай через меня! Дави!

Командир танка хмуро смотрел сверху на возмущенного лейтенанта, который с бледным, решительным лицом стоял около огромной гусеницы, видимо и в самом деле готовый скорее погибнуть, чем отступить. Потом танкист усмехнулся и, опершись на руки, вылез из башни. Спрыгнув на землю, он приказал экипажу вытянуть автоколонну наверх. Пока танк, рыча, ползал назад и вперед по склону холма, командир расхаживал по узенькой полевой тропке, протоптанной вдоль дороги, курил и нетерпеливо поглядывал на часы.

Повеселевший лейтенант громко и энергично распоряжался около своих грузовиков. Когда внизу осталась последняя машина и один из танкистов помог шоферу приладить буксирный трос, довольный лейтенант сказал ему:

— Все-таки есть совесть у твоего командира. А то пакет, пакет... Начал тут несознательность проявлять. Кто он по званию-то?

Танкист проводил взглядом танк, потащивший наверх последний грузовик, обернулся туда, где стоял его командир, и с легкой усмешкой сказал:

— По званию-то? Генерал армии.

— Что? — ошеломленно переспросил артиллерист. — Какой генерал армии?

— Известно какой. Тут он один, — пояснил танкист, забавляясь удивлением офицера. — Конев. Командующий нашим фронтом.

Артиллерист тихо ахнул.

— Вот влип! — шепотом сказал он, растерянно моргая. — Что ж ты, раньше меня не мог предупредить? Чего же мне теперь делать-то? А ты не шутишь?

Он с подозрением посмотрел на танкиста. Тот засмеялся:

— Ну какие ж тут шутки, товарищ лейтенант. Точно он — Конев.

— Эх ты, мать честная! — крякнул лейтенант. — Ладно, пойду извиняться.

Он одернул шинель, поправил фуражку и, стараясь тверже ставить ногу на скользкой тропке, подошел к командующему, взяв под козырек.

— Товарищ генерал... — дрогнувшим голосом начал он.

— Вольно! — перебил Конев. — Как ваша фамилия?

— Пастухов, товарищ генерал армии.

— Поступили правильно. Молодец, лейтенант Пастухов.

Спасибо за службу.

Глядя на растерявшегося лейтенанта, Конев чуть заметно усмехнулся и, шагнув вперед, пожал артиллеристу руку. Сверху подошел освободившийся танк и остановился рядом с командующим. Конев легко, по-молодому вспрыгнул на башню и, ответив на прощальное приветствие лейтенанта, уехал. А командир автоколонны стоял на дороге, пока машина генерала не скрылась за холмом, и только тогда по-мальчишески вприпрыжку побежал к своим грузовикам.

Генерал Конев возвращался на свой командный пункт, уже не волнуясь за исход сегодняшнего сражения. Бои еще шли с прежним ожесточением, но силы противника явно иссыкали. Натиск танков Хубе к вечеру ослабел, и только окруженные все еще кидались в атаки. Недалекая канонада, доносившаяся со стороны Лысянки, властно звала их к себе. Но войска Трофименко стояли, не поддаваясь ни на шаг от рубежей, которые их генерал назвал последними.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ КОТЕЛ ЗАКИПАЕТ

К началу второй декады февраля части Штеммермана занимали совсем небольшую территорию — приблизительно тридцать на пятнадцать километров. Петля окружения туже и туже сжимала скученные на этом узком пространстве немецкие дивизии.

За исключением юго-западного участка, где немцам удалось немного продвинуться в сторону Лысянки, по всей окружности кольца продолжалось наступление наших войск. Советская пехота непрерывно и повсюду атаковала противника, нигде не давая ему возможности оправиться и перегруппироваться. Ни днем, ни ночью не прекращался огонь нашей артиллерии,

спасения от которого не было ни в грязных, залитых водой окопах переднего края, ни в тыловых генеральских блиндажах. Тяжкий гром канонады не стихая гудел над полями сражения, и почами по всей окружности горизонта небо освещалось багровыми зарницами пушечных выстрелов. Все безнадежнее становилась борьба окруженных, все яснее вставал перед ними неизбежный и уже недалекий исход этой борьбы. Гибельный конец неотвратимо близился.

Реальная надежда на спасение только раз блеснула для обреченных войск. Она явилась в облике двух советских офицеров, вышедших под белым флагом к немецким окопам у окраины Хировки.

Слух о советском ультиматуме и о прибытии парламентеров мгновенно распространился среди окруженных. В войсках оживленно обсуждали условия капитуляции. Почти всем казалось, что здравый смысл неизбежно заставит Штеммермана и других генералов принять требования советского командования.

А затем поползли самые разноречивые слухи, в которых трудно было отделить правду от вымысла. Говорили, будто среди генералов возник раздор: одни склонны принять ультиматум, другие настаивают на том, чтобы драться до конца. Рассказывали, что сам Штеммерман считает капитуляцию разумным выходом, что генерал-майор Либ сочувственно относится к ультиматуму русских, что многие высшие офицеры тоже не прочь принять предложения советского командования, но все они боятся черного генерала — командира эсэсовской дивизии «Викинг», бригаденфюрера Герберта Гилле, который и слышать не хочет ни о каких переговорах. Потом разнесся слух, что Гилле от имени Гитлера арестовал Штеммермана и отправил его на самолете в Германию. Другие утверждали, что арестован не Штеммерман, а Либ, который уже доставлен в Берлин и тотчас же расстрелян по приказу Гиммлера. Третьи опровергали эти слухи и клялись, что Либ вместе с Гилле решительно протестует против капитуляции и что они отстранили Штеммермана от командования войсками.

Как бы то ни было на самом деле, но все слухи сходились в одном — русский ультиматум отклонен и главным виновником этого является эсэсовец Герберт Гилле.

Настроение немецких солдат сразу же упало. Открывавшийся было путь к спасению теперь был отрезан. Оставалось только вернуться к прежней надежде — на танки Хубе. Но надежда эта слишком долго обманывала, и уже не многие верили, что прорыв извне удастся.

Между тем Хубе ежедневно слал окруженным ободряющие радиограммы. Эти депеши для поднятия духа тотчас же оглашались в войсках:

«Держитесь. Мы идем, несмотря на дожди и грязь. Хубе».

«Осталось пятнадцать километров. До скорой встречи. Хубе».

«Мы в Лысянке. Ждите нас в ближайшие часы. Хубе».

«Остается десять километров. Наступайте навстречу. Хубе».

Повинуясь призыву, окруженные рванулись на юго-запад, к Лысянке. Всю силу своего отчаяния вложили они в этот рывок, и первый день наступления принес им успех, — танки и пехота Штеммермана заняли Скрипченцы, Хильки, Комаровку, Ново-Буду и в тяжелом бою с отрядом Лосева отбили Шандеровку. Уже совсем недалеко гремело сражение на внешнем фронте, и ветер доносил в Хильки и Комаровку отрывистые выстрелы «тигров» и «пантер».

Дивизии Хубе были рядом. Но прорваться к ним не удавалось. Села переходили из рук в руки, полки прорыва с каждой атакой неудержимо таяли, и натиск их слабел. Наступление окруженных остановилось.

Эта неудача была как бы предвестием катастрофы. Стало ясно, что котел доживает свои последние дни.

На многих солдат и офицеров уже не действовали ни уверения генералов, ни успокоительные речи пропагандистов, ни бодрые радиограммы Хубе. Перед ними теперь стояла одна главная проблема — проблема спасения собственной жизни.

День ото дня росло число дезертиров, учащались случаи массовой сдачи в плен. Офицеры, несмотря на официальный запрет, постоянно слушали советские радиопередачи. Солдаты подбирали и прятали сброшенные с наших самолетов листовки, являвшиеся пропуском в плен. Из уст в уста передавалось известие о том, что в штаб русских в районе Корсунь-Шевченковской битвы прибыли представители национального комитета «Свободная Германия».

Этот комитет был создан год тому назад большой группой немецких генералов, офицеров и солдат, находившихся в советском плену. Одним из руководителей его являлся генерал артиллерии фон Зейдлиц, имя которого было широко известно в немецкой армии.

Члены комитета «Свободная Германия» убедились в том, что авантюрная стратегия гитлеровского командования терпит крах. Они поставили себе целью бороться за быстрейшее окончание этой безнадежной для Германии войны, несущей немецкому народу одни бесплодные жертвы и лишения. К декларации комитета, опубликованной в 1943 году, присоединились тысячи военнопленных немцев. Советское правительство предоставило свободу для деятельности этой организации. Генерал фон Зейдлиц и его помощники могли беспрепятственно

выезжать на любой участок фронта, выступать по радио, печатать листовки, беседовать с военнопленными.

В феврале, в самый разгар Корсунь-Шевченковской битвы, фон Зейдлиц прибыл в штаб генерала Конева. Вместе с ним сюда приехали его ближайшие помощники.

Фон Зейдлиц тотчас же выступил по радио с речью, обращенной к окруженным войскам. Он сравнивал положение корсуньской группировки со сталинградским окружением армии Паулюса и доказывал бессмысленность дальнейшего сопротивления. Разоблачая несостоятельность обещаний Гитлера, генерал призывал солдат, офицеров и генералов сложить оружие, чтобы избежать ненужного кровопролития и сохранить свою жизнь для будущей свободной демократической Германии.

Генерал также написал несколько личных писем командирам дивизий и полков, сражавшихся в окружении. Одни из этих писем были сброшены в расположении войск Штеммермана с наших самолетов, другие доставлялись адресатам с помощью разведчиков.

Постоянные радиопередачи для окруженных; обращения, оглашавшиеся через окопные звуковещательные станции; листовки, разбрасываемые в кotle нашими самолетами; выступления членов комитета «Свободная Германия» — все эти формы агитации делали свое дело. Они были особенно действенными потому, что наглядно подтверждались безвыходностью обстановки, потому что за ними стояла самая убедительная, самая сильная для противника агитация — агитация огнем. Вот почему, по мере того как суживалось огневое кольцо советских войск и силы окруженных истощались в боях, наши пехотинцы все чаще слышали привычное «Гитлер капут!» и видели поднятые руки немецких солдат с зажатыми в них советскими листовками-пропусками.

Начали сдаваться даже эсэсовцы, которых усиленно запугивали баснями о «советских зверствах». Офицеры из роты пропаганды уверяли их, что русские не считают части СС регулярными войсками и что всякого, кто носит эсэсовский мундир, в советском плену даже не расстреливают, а сжигают заживо на костре. Первое время это оказывало действие, и солдаты «Викинга» и «Валлонии» дрались отчаянно, предпочитая смерть плenу. Но постепенно ложь пропагандистов сделалась очевидной, и среди пленных стали все чаще попадаться эсэсовцы, в том числе и офицеры.

Еще в начале Корсунь-Шевченковского сражения добровольно перешел на сторону советских войск офицер танковой дивизии «Викинг» гауптштурмфюрер Вальтер Михль. Бои на Левобережной Украине и поражения немцев на Днепре убедили его в том, что Германия проиграла войну и дальнейшее

сопротивление бесполезно. Осенью 1943 года Михль получил отпуск, побывал дома и, посоветовавшись с родными, окончательно решил при первой возможности сдаться в плен.

Когда дивизия попала в Корсуньский котел, Михль однажды оказался в селе, которое штурмовала советская пехота. Улучив удобный момент, он переоделся в гражданское платье и спрятался вместе с крестьянами в подвале одной из хат. Как только село перешло в руки русских, он снова облачился в свой мундир и вышел наверх, сопровождаемый колхозниками. Тут же на улице села крестьяне передали перебежчика нашему офицеру, и Вальтер Михль был доставлен в штаб генерала Трофименко, где с готовностью дал подробные показания о положении в котле.

Почти одновременно с ним попал в плен и другой эсэсовец, капрал штабной роты мотобригады «Валлония» Идес Дельфос. Убедившись, что ему отнюдь не грозят пытки и что в плену к нему относятся ничуть не хуже, чем к другим немецким солдатам, обрадованный Дельфос заявил, что он хочет обратиться по радио к своим товарищам по бригаде. Желание его было исполнено. На участке, где вела бои «Валлония», поставили окопную звуковещательную станцию, и капрал долго рассказывал в микрофон о том, как встретили его русские, призывая «валлонцев» скорее присоединиться к нему.

Эта речь стала известна всем солдатам бригады и произвела на них сильное впечатление. Как ни старались эсэсовские офицеры уверить их, что Дельфоса насилием заставили произнести его речь и что во время выступления позади капрала стоял «русский с пистолетом», — солдаты слушали подобные объяснения с явным недоверием. Призыв Дельфоса побудил многих «валлонцев» последовать его примеру — число пленных на этом участке сразу же возросло.

Поведение солдат «Валлонии» не на шутку обеспокоило генерала Гилле, и он поручил одному из своих приближенных —oberштурмбанфюреру СС Штольцу навести порядок в бригаде. Штольц тотчас же отправился на место и, прибыв в штаб «Валлонии», велел немедленно собрать всех унтер-офицеров и офицеров во главе с командиром бригады Липпертом и ее «политическим руководителем» Леоном Дегреллем.

— Немецкому командованию стало известно, — заявил он, — что русские предприняли успешную агитацию на участке мотобригады «Валлония». Мы знаем, что некоторые бельгийцы помышляют о переходе к русским. Командование возлагает всю ответственность за побеги на унтер-офицеров. Предлагаю сегодня же взять на заметку всех бывших коммунистов и сочувствующих Красной Армии и не спускать с них глаз. Унтер-офицеры, находясь в бою позади своих отделений, должны

огнем своих автоматов предотвращать все попытки перехода на сторону русских.

Пригрозив самыми суровыми карами командирам, у которых в дальнейшем окажутся перебежчики, Штольц счел свою миссию оконченной и уехал. Однако визит его мало помог делу. Число пленных и перебежчиков день ото дня росло не только в мотобригаде «Валлония», но даже и в полках дивизии «Викинг».

В середине февраля пехотинцы Трофименко во время боя захватили в плен эсэсовского офицера, гауптштурмфюрера Курта Шредера, который командовал одним из батальонов в полку «Германия» танковой дивизии «Викинг». Шредер отчаянно сопротивлялся и, оказавшись обезоруженным и связанным, заранее распостился со своей жизнью. Он был уверен, что его не просто расстреляют, а предадут какой-нибудь особенно мучительной смерти. Вместо этого его хорошо накормили, а затем привели к генералу фон Зейдлицу, и тот объяснил эсэсовцу, что жизнь его находится вне опасности. Все это необычайно изумило и растрогало Шредера, и он заявил, что найдет способ выразить свою благодарность и преданность комитету «Свободная Германия».

Тогда на эти слова не обратили внимания. А на следующую ночь Курт Шредер и несколько пленных немецких солдат бежали из-под стражи и под покровом темноты перешли линию фронта, вернувшись в котел. И слова эсэсовского офицера показались всем хитрой уловкой, которой он хотел прикрыть свой замысел бегства.

Неожиданно, через двое суток, тоже ночью, эта группа немецких солдат во главе со Шредером вернулась в расположение наших войск. Оказалось, что эсэсовец вовсе не собирался бежать из плена, а решил перейти фронт и в благодарность за то, что ему сохранили жизнь, добыть штабные документы, захватить в плен какого-нибудь немецкого офицера и доставить его в расположение советских войск. Солдаты, бежавшие с ним, вызвались помочь ему в этом предприятии.

Оно увенчалось полным успехом. Курт Шредер нес объемистый портфель с толстой пачкой штабных документов, а солдаты вели за ним пленного офицера. Это был командир 246-го полка 88-й пехотной дивизии подполковник Кристофф Флейшман, захваченный ночью в своем штабе. Ошеломленный тем, что с ним произошло, он подробно и откровенно ответил на все вопросы.

— Накануне, — рассказывал он, — мне стало известно, что в расположении моего полка появилась группа солдат, пришедших из русского пленя. Так как они не являлись в штаб, я

предположил что это лазутчики. Я хотел этих лазутчиков задержать, но, к сожалению, сделать это мне не удалось.

Офицер, допрашивавший подполковника, слушая этот рассказ, не мог удержать усмешки.

— Как же так получилось? — спросил он. — Вы ловили лазутчиков и вдруг сами попали в руки лазутчиков?

Флейшман опустил голову.

— В жизни все бывает, — вздохнув, ответил он. — Иногда волк хочет проглотить ягненка, но давится костью и подыхает.

Он сам усмехнулся своему сравнению. Офицеру, внимательно наблюдавшему за пленным, показалось, что в этой усмешке проглянуло нечто совсем не вязавшееся с удрученным видом подполковника. У него невольно мелькнула догадка, что немец лишь старается казаться подавленным, а в сущности он даже доволен своей судьбой, — в конце концов, жизни Кристофа Флейшмана теперь ничто не угрожало.

Плен был единственным шансом на спасение. Эту истину поняли уже многие. Немецкому командованию приходилось прибегать к самым драконовским мерам, чтобы сохранить остатки своих войск от полной деморализации. Перед строем частей расстреливали солдат, заподозренных в намерении дезертировать или сдаться в плен. В тылу пехотных подразделений располагались отряды заграждения, задачей которых было «обеспечить стойкость пехоты» — то есть попросту открывать огонь из пулеметов по тем, кто начнет отступать. Офицеры старались убедить солдат в необходимости продолжать борьбу, и грозили смертью всем, кто станет помышлять о русском плене или проявит нерешительность в бою. Командир 72-й пехотной дивизии полковник Хонн, после того как его солдаты во время одной из атак бежали от советских стрелков, без боя покинув важную высоту, явился в окопы и произнес речь.

— Солдаты! Мы не можем дальше отходить, — взывал он. — Мы должны удержать позиции еще два-три дня, и тогда мы будем спасены. К нам на выручку идут несколько танковых дивизий. Шпола уже опять в наших руках. Ближайшая цель танковых соединений — взять сегодня ночью деревню, которая находится отсюда всего в четырех километрах. Остается протянуть друг другу руки, сжать их и соединиться. Поэтому мы должны во что бы то ни стало два-три дня продержаться. И помните — всякий, кто бросит позиции и уйдет в тыл, будет немедленно расстрелян.

Речь эта была выслушана в мрачном молчании. Но ложное известие о взятии Шполы и о «деревне в четырех километрах отсюда» произвело некоторое впечатление на солдат. Два дня полки Хонна кое-как обороняли свои рубежи. Когда же стало ясно, что ждать больше нечего, солдаты окончательно

иали духом, и первые же атаки советских пехотинцев снова вызывали паническое отступление дивизии. В этот день Хонн опять приехал на передовые позиции, но беседовать с солдатами уже не решился. Он лишь собрал офицеров, приказал им расстреливать дезертиров на месте и под секретом сообщил, что окруженные войска в ближайшие дни сделают последнюю попытку прорваться навстречу танкам Хубе, застрявшим в районе Лысянки.

Разложение войск уже не удавалось предотвратить ни карательными мерами, ни разговорами о танковом прорыве, ни призывами к совести и чувству долга солдат. Сама обстановка в котле наглядно показывала окруженным, что надежды у них не осталось и что трагический исход их борьбы близок.

Дни и ночи были сплошным кошмаром. На переднем крае грязные, оборванные, голодные солдаты почти механически отстреливались от атакующей советской пехоты, машинально повинуясь свистку командира, поднимались из окопов в контратаки, чтобы тут же снова залечь под огнем. Артиллерийский обстрел не прекращался ни на час — гулкие удары пушечных выстрелов и тяжелый грохот разрывов стали настолько привычными для ушедших окруженных, что редкие минуты затишья казались им странными и зловещими.

Подходили к концу боеприпасы, иссякали запасы горючего, продовольствие доставлялось в части с перебоями. Редкие транспортные «юнкеры» прорывались по ночам сквозь стену зенитного огня и кольцо патрулирующих советских истребителей. С трудом они садились на неприспособленные, изрытые снарядами, размокшие от дождя временные посадочные площадки. Но прежде чем из самолетов успевали выгрузить ящики с боеприпасами и продовольствием, советская артиллерия, пристрелявшая каждую точку в котле, открывала огонь по аэродрому. Нередко только что севший транспортник всыхивал, подожженный снарядом, и другие машины торопились подняться в воздух, едва приняв на борт пассажиров.

Казалось, единственными пассажирами этих улетающих из котла самолетов должны быть тяжелораненые. Госпитали окруженных войск были переполнены, в селах раненые солдаты вповалку лежали в крестьянских хатах. Страшное зрелище представлял самый большой госпиталь окруженных в Корсунь-Шевченковском. Он помещался в большом старинном замке на скалистом острове над Россью. Этот замок еще в XVIII веке построил для себя племянник польского короля Понятовский, а потом он много лет служил резиденцией здешних богатейших помещиков князей Лопухиных-Демидовых, которые вплоть до Октябрьской революции были полновластными хозяевами Корсуня и его окрестностей. Сейчас в пустых

залах замка на грязной соломе валялись сотни забинтованных, окровавленных, стонущих людей. Помещения были пропитаны смрадным запахом гниющих ран, нечистот и немытых тел. А на машинах и повозках то и дело подвозили новые партии раненых, и санитары едва успевали принимать их, поневоле оставляя без помощи тех, кто уже несколько дней заживо гнил здесь.

Правда, небольшие партии раненых ежедневно вывозили из госпиталей на аэродромы. При этом предпочтение отдавалось офицерам и солдатам из эсэсовских частей, и вдобавок таким, у которых были наиболее легкие ранения, позволявшие им вскоре вернуться в строй. Но даже и этих раненых не всегда удавалось отправить в тыл — их отесняли живые и невредимые беглецы из котла.

Отвратительные сцены разыгрывались на аэродромах. Как только солдаты разгружали прилетевший самолет, к нему устремлялась толпа людей с чемоданами в руках. Дюжие, здоровые офицеры грубо отпихивали санитаров с носилками и, толкаясь и переругиваясь между собой, спешили занять места в самолете. Это были те, кто получил разрешение улететь в тыл. Немецкое командование, предвидя развязку Корсуньской битвы, решило спасти от гибели хоть часть офицерских кадров, преимущественно из числа эсэсовцев. Бросая на произвол судьбы своих солдат, захватив с собой самое ценное из награбленного добра, всевозможные ротен-, бан- и штурмфюреры торопились покинуть гибельный котел, провожаемые проклятьями раненых, которым из-за них не хватило места в самолете.

Однако улететь было нелегко даже тогда, когда посчастливилось втиснуться в самолет. И на земле и в воздухе беглецов настигала смерть.

13 февраля семь «юнкерсов» с трудом прорвались сквозь наш заградительный огонь и сели на временном аэродроме в трех километрах от Корсуня. Здесь уже второй день ожидали отправки в тыл несколько сот легко раненных солдат. Появление самолетов было встречено ликованием. Но раньше, чем транспортники успели разгрузиться, к ним подкатили грузовики с офицерами. Автоматчики в черных эсэсовских мундирах оцепили посадочную площадку, не подпуская раненых к самолетам, в то время как офицеры один за другим втаскивали в «юнкеры» свои объемистые чемоданы.

В толпе раненых поднялся глухой ропот, послышались возмущенные выкрики. Эсэсовцы взяли на изготовку автоматы.

В этот момент толпа с криками бросилась врассыпную. Из-за ближних холмов вырвался грозный рев моторов, и на бреющем полете над аэродромом пронеслась девятка советских штурмовиков. Тяжело загрохотали бомбы, простучали пушеч-

ные очереди, и самолеты скрылись из глаз так же мгновенно — как появились. Три «юнкерса», уже вырвавшиеся на старт, были сразу охвачены пламенем. Оттуда доносились вопли, и несколько обгоревших людей выбивались на землю из приоткрывшихся люков. Но спастись удалось немногим — все три машины, в которых находилось больше ста офицеров, сгорели со страшной быстротой.

Четыре других транспортника, далеко объезжая догорающие машины, поспешно направлялись к старту. Два первых поднялись в воздух, и тут же над ними повисли подоспевшие сюда советские истребители. Из окопов и щелей, нарытых по краям аэродрома, раненые со страхом, но не без злорадства наблюдали, как русские самолеты стремительно атакуют тяжелые, неповоротливые «юнкеры». Первый транспортник тотчас же накренился и стал быстро снижаться. Он с трудом сел, и из люка горохом посыпались на землю перепуганные офицеры. Пшел на посадку и второй «юнкерс». А два других так и не рискнули оторваться от земли, и пассажиры, забыв о своих чемоданах, разбежались.

Этот налет заставил немецких летчиков быть осторожнее. Транспортные самолеты теперь редко отваживались садиться на окружённой территории. Скрываясь в облаках или прокрадываясь низко над землей, одиночные «юнкеры» старались незаметно прошмыгнуть через линию фронта, поспешно сбросить свои грузы на парашютах и тотчас же вернуться обратно. Однако обстановка менялась столь быстро, а летчики так нервничали и торопились, что эти воздушные посылки большей частью падали в расположении наших войск. Попытки немецкого командования снабжать войска Штеммермана воздушным путем провалились окончательно.

Котел закипал. Разброд и дезорганизация подтачивали силы окружённых. Гнетущее, тягостное настроение полной безнадежности все шире распространялось в войсках. Солдаты ясно понимали, что отклонение советского ультиматума уничтожило все пути к спасению и сейчас им остается лишь ждать гибели, проклиная тупое упрямство своих генералов.

А генералы по-прежнему требовали стойкости, грозили карами дезертирам, сулили награды за храбрость.

В тот день, когда на аэродроме близ Корсуня сгорели в самолетах бегущие из котла офицеры, в Шандеровке немецкий генерал вручал ордена отличившимся в боях солдатам. Старый шандеровский колхозник Федор Кияница, живший по соседству с немецким штабом, рассказал впоследствии об этой церемонии, которую он наблюдал из-за плетня.

Полусотня солдат выстроилась во дворе штаба. Видимо, их только что доставили сюда с передовой линии, — небритые,

бледные, с изможденными лицами, в испачканных глиной шинелях, они несли на себе отпечаток бессонной окопной жизни, тяжелых, изнурительных боев. Усталые, равнодушные ко всему, они даже не переговаривались друг с другом и молча стояли, переминаясь с ноги на ногу, пока отрывистая команда не возвестила о появлении начальства.

Генерал хмуро оглядел строй. Он произнес короткую речь и в сопровождении офицера, который нес коробку с орденами, пошел вдоль шеренг, прикрепляя к шинелям солдат эмалированные кресты.

В стороне, посматривая на эту сцену и вполголоса разговаривая, стояла группа солдат, работающих при штабе. Один из них, заметив старика крестьянина, выглядывающего из-за плеcня, неторопливо подошел к нему.

— Видите, — сказал он на ломаном русском языке, медленно и старательно подбирая слова, — теперь генерал дает солдату железный крест. А немного потом этот солдат деревянный крест будет иметь.

Старик с удивлением взглянул на немца. Но солдат не зубоскалил — лицо его было серьезным, даже мрачным. Кияница потоптался на месте, не зная, что ответить на подобное замечание, и, решив, что лучше уйти от греха подальше, вернулся в хату.

Прошло час или полтора, и снаружи громко и требовательно застучали в дверь. Старик открыл, и два немецких солдата внесли в комнату человека.

Это был раненый советский лейтенант, только что захваченный немцами в плен. На ватнике его расплылось большое кровавое пятно. Лицо раненого было бледным и глаза закрыты. Солдаты положили его на широкую деревянную скамью у окна и ушли, — видно, докладывать по начальству.

Как только дверь захлопнулась за ними, лейтенант открыл глаза и, с трудом разжав бескровные, с синевой губы, тихо попросил пить. Кияница принес ему воды, а потом, достав с печи свою подушку, осторожно подложил ее под голову раненого. Старик начал расспрашивать лейтенанта, откуда он родом и как его зовут, но тот словно не слышал этих вопросов. Молодое, открытое лицо его выражало суровую отчужденность, и глаза неподвижно глядели куда-то в потолок.

Вдруг дверь снова распахнулась, по ту сторону ее, в низких сенцах, застыла, вытянувшись, фигура немецкого офицера, и в комнату, пригнувшись, вошел генерал — тот, что давеча раздавал солдатам кресты. За ним следовало двое офицеров.

Генерал оглядел комнату и, не ответив на поклон старика, подошел к скамье, на которой лежал раненый. Кияница, обес-

покоенныи этим неожиданным посещением, залез на печь, не переставая из своего темного угла следить за происходящим.

Остановившись у скамьи, генерал заложил руки за спину и молча, пристально смотрел на пленника.

Раненый, видимо, понял, что перед ним какой-то важный немецкий офицер. Губы его сжались еще плотнее. Но глаза, спокойные и строгие, с открытым вызовом глядели на генерала. В этом взгляде были и нескрываемая ненависть, и готовность не дрогнув встретить все, что сейчас может произойти.

Генерал отвел глаза и, обернувшись к одному из офицеров, отдал какое-то приказание. Офицер выбежал и вскоре вернулся в хату с врачом в белом халате.

С помощью солдата врач приподнял раненого. Когда с лейтенанта стащили ватник, на гимнастерке его блеснула серебряная медаль «За отвагу». Генерал, наблюдавший за перевязкой, заинтересовался и подошел ближе, разглядывая награду. Потом он что-то сказал, и второй офицер — переводчик обратился к раненому:

— Генерал хочет знать, за что это тебе дали?

Лейтенант недобро усмехнулся.

— За то, что хорошо был фашистов, — сказал он. Голос его был слабым и хриплым.

Генерал спокойно выслушал перевод и задал новый вопрос:

— А сколько фашистов ты убил?

Раненый ответил не задумываясь:

— Да так штук двадцать — тридцать.

Было ясно, что пленный смеется в лицо своим врагам. Кияница окаменел в своем углу. Он не сомневался, что генерал тотчас же пристрелит дерзкого лейтенанта или велит солдатам убить его. Но генерал только хмуро и пристально поглядел на раненого и, повернувшись, пошел из хаты, сопровождаемый офицерами.

В этот день пленного не тронули и даже не допрашивали, видимо потому, что он был слишком слабым.

Часа два спустя после ухода генерала, когда лейтенанта перевязали и соседка Кияницы, принявшая на себя заботу о раненом, хлопотала около него, устраивая его поудобнее на скамье, явился один из солдат, служащих при штабе. Вероятно, ему было поручено присматривать, чтобы с пленным пока что ничего не случилось.

Солдат молча постоял в хате, наблюдая, как укладывают раненого, и, напившись воды из ведра, пошел к дверям. Соседка Кияницы вышла во двор вслед за ним.

Немец стоял, прислушиваясь к звукам недалекого боя. Вокруг гремели раскаты артиллерийской канонады, на окраине села время от времени рвались советские снаряды, и где-то

совсем близко слышался захлебывающийся лай пулеметов, раздавалась трескотня автоматов.

Прислушалась и женщина. Она почувствовала, что бой приблизился к селу. Вспомнилось, как, отступая из Шандеровки две недели назад, гитлеровцы жгли хаты, кидали в подвалы гранаты, расстреливали людей. И как ни радостно было думать, что скоро снова придут свои, что приближается час окончательного освобождения, сердце ее невольно сжалось при мысли о том, что, вероятно, все это доведется пережить опять.

— Пан, а пан, — жалобно спросила она солдата, — нам капут, да?

Солдат медленно покачал головой:

— Ни, матка, ни... Нам капут!

Он показал пальцем на себя, и в лице его вдруг появилось выражение смертной тоски и безысходности.

Капут! Вся неизбежная судьба обреченных на гибель войск была в этом слове. Оно вынуждало немцев в бою поднимать руки, ища спасения в плену. Оно заставляло солдат Штеммермана бережно хранить советские листовки-пропуска и даже покупать их. Каким бы невероятным ни казался этот факт, но в последние дни в кotle торговали пропусками в плен. Среди солдат нашлись предп림чивые дельцы, которые и на пороге смерти не хотели упускать возможности нажиться. Они собирали разбросанные нашими самолетами листовки с пропуском и «из-под полы» продавали их другим. Надо сказать, что дела у этих торговцев шли бойко — многие хотели запастись такими пропусками: одни, чтобы немедленно ими воспользоваться, другие, чтобы прибегнуть к ним в крайнем случае, когда положение станет совсем безвыходным.

И все же войска Штеммермана еще дрались отчаянно и упорно. Даже перестав надеяться на спасение, многие немецкие солдаты продолжали драться из чувства дисциплины, из привычки к слепому повиновению своим командирам. Иные по-прежнему верили обещаниям своих генералов и ждали, что вот-вот к ним подоспеет помощь. А были и такие, за душой у которых накопилось столько преступлений, что плен пугал их не меньше, чем смерть в бою. Поджигатели и грабители, убийцы мирных жителей и палачи военнопленных, они знали, что им придется держать ответ на скамье подсудимых.

Военных преступников было больше всего среди эсэсовцев «Викинга» и «Валлонии», и дрались они с особенным отчаянием. Сейчас командование окруженных поручило им «обеспечить стойкость» войск. Они расстреливали солдат, заподозренных в желании перейти к русским, они, угрожая оружием, гнали в атаки пехотинцев и открывали огонь по тем, кто отступал. Для себя же они в эти дни выработали нехитрую филосо-

притупляло острое предчувствие смерти, ослабляло невыносимое первное напряжение тяжелых боев, глушило последние человеческие чувства, помогало хоть на короткое время забыть о том, что происходит вокруг.

Издали неслась тяжкая молотьба пушек, земля ухала под бомбами, гремели раскаты артиллерийских налетов, сквозь треск перестрелки рвалось «ура» атакующей советской пехоты. А в тыловых блиндажах, в хатах, где жили штабные командиры, шли пьяные кутежи и под аккомпанемент зловещей музыки боя перепевшиеся офицеры хрипло орали разудальные песни о скорой встрече в аду. Вокруг них кипел огненный ад, и впереди они видели ад загробный. Исхода не было. Конец приближался.

Новая попытка пробиться к Лысянке не принесла решительного успеха. Окруженные заняли несколько сел, но за два дня боев силы наступающих выдохлись, и 14 февраля дивизии Штеммермана остановились на рубеже Ново-Буды, Хилек и Комаровки. Потери оказались столь велики, что это должно было ускорить развязку. Дни корсунь-шевченковской группировки были сочтены.

И тогда в котле узнали о новом приказе из Берлина. Гитлер призывал окружённых «выполнить долг до конца и принести себя в жертву во имя спасения Германии». Он уже не обещал выручить войска Штеммермана, он требовал — сражайтесь, пока это возможно, а когда станет невозможno — стреляйтесь. Фашистскому диктатору и его генералам было недостаточно самой корсуньской трагедии — им хотелось завершить эту трагедию эффектным финалом — самоубийством многих тысяч немцев.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ НОВЫЙ НАТИСК

Главный опорный пункт окруженной группировки — город Корсунь-Шевченковский — был накануне падения. С разных сторон к его окраинам подступили наши войска.

Советская пехота рвалась к Корсуню с северо-запада от Выграева, с севера от Кичинцев и Самородни, с востока от деревни Гарбузино, с юго-востока и с юга, где за Россью вплотную к городу примыкают села Карапин и Листвена.

Удержать город противник уже не мог. Пехотные полки и танкисты мотобригады «Валлония», оборонявшиеся здесь, были обессилены в боях и пытались под ударами советских частей. 13 февраля войска генерала Коротеева и казаки Селиванова вышли на южный берег Росси против города и зацепились за восточные окраины Корсуня. Следующий день должен был принести городу освобождение.

Противник имел только один путь для отступления — дорогу, ведущую на запад через село Яблоновка к Стеблеву. В ночь на 14 февраля по этой дороге потянулись колонны машин. Немцы начали эвакуацию Корсуня.

Ночь перед освобождением! Сколько миллионов людей в сотнях городов, в тысячах сел пережили в годы войны эту радостную и страшную, полную надежд и ужасов ночь! Бой гремит уже у окраин, выезжают из города тяжело нагруженные немецкие машины, с тревогой прислушивааясь к нарастающей перестрелке, поспешно упаковывают свои чемоданы офицеры. По всему видно, что противнику осталось недолго хозяйствовать здесь и вот-вот войдут в город долгожданные освободители. С нетерпеливым волнением ждут люди этой счастливой минуты.

Но той же ночью здесь и там вспыхивает пламя пожаров, зажженных факельщиками, тяжелые взрывы потрясают город, на улицах и в домах раздаются выстрелы, слышатся крики истязаемых, гибнущих людей. Это ночь огня и смерти, разрушения и крови, убийства и грабежа. Вся злоба врага, терпящего поражение, обращается против беззащитных, мирных жителей; озверевшие гитлеровцы не щадят никого и ничего. И невольно возникает у каждого тревожная, горькая мысль — удастся ли пережить эту ночь, доведется ли завтра встретить тех, кого с такой надеждой и нетерпением ждали два с лишним года?

Такую страшную ночь пережили жители Корсуня 13 февраля 1944 года.

Еще вечером, в спускающихся сумерках громовой взрыв колыхнул скалистые берега Росси, встремхнул дома на самых дальних окраинах. Немецкие саперы взорвали гордость Корсуня — гидроэлектростанцию. Грудой камней легло красивое здание ГЭС, рухнула почти на всем своем протяжении широкая плотина, перегородившая Россю, и высокий водянной вал с глухим ревом понесся вниз по каменистому руслу реки. Затем громыхнул раскат в противоположном конце города — взлетел на воздух корсуньский железнодорожный вокзал. Загрохотали взрывы на центральных улицах, рухнула мельница, раздуваемое ветром пламя заплясало над новым домом районной больницы, пожары заполыхали со всех сторон.

В свете огня и зарева по улицам Корсуня из дома в дом сновали эсэсовские солдаты из бригады «Валлония». Трещали двери, звенели под прикладами автоматов оконные стекла, в погребах, где прятались горожане, глухо рвались гранаты. Кошмарные живые факелы с воплями метались по городу, — пьяные, обезумевшие от крови «валлонцы» забавлялись, обливая людей бензином и зажигая их. Многим жителям Корсуня не пришлось увидеть рассвета и услышать, как загремело на окрестных холмах протяжное «ура» нашей пехоты, двинувшейся на штурм города.

К утру разведчики перебрались через Россь около чугунолитейного завода и подавили огневые точки противника на левом берегу, открывая путь стрелкам. С рассветом советская пехота ворвалась в город. Бой шел на улицах, постепенно перемещаясь в сторону западной окраины, — немцы, упрямо сопротивляясь, птились к Стеблевской дороге.

Перешел в наши руки городской аэродром, где остались восемнадцать транспортных «юнкерсов», застрявших на раскисшем от дождя летном поле. Немецкая аэродромная команда, спасаясь бегством, даже не подожгла эти машины. Около железнодорожной станции, рядом со свежими развалинами вокзала, дымились взорванные танки и бронетранспортеры. На улицах Корсуня наши солдаты захватили два десятка тяжелых орудий, с которых немецкие артиллеристы впопыхах даже не сняли замков. Противник не успел ни вывезти, ни взорвать шесть больших складов с боеприпасами, как ни дороги были снаряды и патроны для окруженных войск.

По улицам, ведущим к западной окраине, в несколько рядов стояли немецкие грузовики, легковые машины, бронетранспортеры, тягачи с пушками. Одни были взорваны, другие горели, третья остались неповрежденными. Большая часть этой техники, как и танки, дрогающие около вокзала и в центре города, принадлежала мотобригаде «Валлония». Трупы солдат и офицеров из «валлонских» полков валялись на всех улицах. Потрепанная в предыдущих боях, поредевшая эсэсовская мотобригада получила в Корсуне смертельный удар. Лишь жалкие остатки ее, потерявшие почти всю технику, сумели отойти к Стеблеву.

Бой на улицах уже затихал, когда на центральной площади Корсуня вдруг появился немецкий танк. Выскочив из-за домов, машина неуверенно двинулась сначала в одну, потом в другую сторону и остановилась около большой воронки, вырытой бомбой на самой середине площади. Видимо, танкисты отстали от своих, заблудились и искали дорогу на Стеблев.

В это время из боковой улицы на площадь неторопливо вышли два пеших казака с автоматами на шее и с шашками на боку.

— Э, гляди, танк! — озадаченно проговорил один, останавливаясь.

Танк стоял, гудя мотором и выбрасывая белые облачка из выхлопных труб. Казаки появились позади машины, и немецкие танкисты не могли видеть их.

— Рванем? — спросил второй казак у товарища, доставая из-за пояса противотанковую гранату.

— А ну, стой! — удержал его тот. — Сейчас я им ультиматум скажу.

Он спокойно, вперевалку направился к машине, обошел гусеницу и остановился сбоку на краю воронки. Вытянув из ножен свою шашку, казак с силой постучал рукоятью по броне.

— Эй, фрицы! — крикнул он. — Вылезай, приехали!

Вероятно, немецкие танкисты были немало удивлены, увидев в смотровую щель небрежно стоящего около гусеницы однокого казака с шашкой. Но в следующую минуту танк взревел мотором и дернулся вбок, явно намереваясь задавить смельчака. Казак стремительно и ловко отпрыгнул в сторону, выхватил из-за пояса гранату, швырнул ее под гусеницу и ничком упал в воронку. Грохнул взрыв, и машина замерла неподвижно. Мотор заглох.

Казак не спеша встал на ноги, поправил кубанку, стряхнул рукавом грязь с ватника и, выбравшись из воронки, опять подошел к машине.

— Ну, теперь вроде договорились, — громко сказал он. — Все ясно! А ну, откупоривай свою банку, а то мне некогда!

Люк в башне медленно приоткрылся, и оттуда показались спачала поднятые руки, а затем голова танкиста.

— Плен, пан... плен... — повторял немец.

Казак усмехнулся.

— Ну, то-то! Главное дело — агитация, — подмигнул он товарищу, который, держа автомат наготове, наблюдал, как трое «валлонцев» один за другим спускаются из башни на землю, опасливо косясь на казаков и бормоча: «Плен, плен!»

Корсунь был очищен от противника. Преследуя отступающих к Стеблеву немцев, наши пехотинцы на другой день освободили село Яблоновка, где неделю назад советские парламентеры вручали командованию окруженных войск наш ультиматум. 15 февраля бои шли на окраинах Стеблева, который противник упорно оборонял, то и дело переходя в контратаки. В этом городке сосредоточились сейчас штабы немецких дивизий. Но командующий окруженной группировкой генерал

Штеммерман продолжал стягивать свои основные силы к югу, и по проселочной дороге из Стеблева на Шандеровку нескончаемым потоком двигались машины.

Около полудня 15 февраля в районе этого проселка советские танки выбили немецкую пехоту с высоты, господствующей здесь над местностью. С гребня холма как на ладони был виден большой участок дороги, ведущей на Шандеровку. Наши артиллерийские наблюдатели немедленно установили на холме свои приборы, корректируя отсюда огонь пушек по автоколоннам противника. И тотчас же в эфире была перехвачена отчаянная радиограмма командира 72-й пехотной дивизии полковника Хонна, солдаты которого обороняли этот участок фронта. Хонн радиировал генералу Штеммерману:

«К двенадцати часам русские перерезали дорогу Стеблев — Шандеровка. Обстановка создается крайне напряженная. Жду ваших указаний».

Больше тысячи автомашин и до двухсот повозок за день прошло из Стеблева в Шандеровку. Не было сомнения, что окруженные войска готовятся к новому рывку на южном отрезке кольца.

В этот день там, на юге, снова развернулись жестокие бои. Несколько раз пехотинцы полковника Ревенко врывались в Хильки и опять вынуждены были отходить под ответными ударами противника. Из рук в руки переходила Комаровка. Тяжелый бой за Ново-Буду вели стрелковые части генерала Меркулова и казаки Селиванова.

Захватив Ново-Буду два дня тому назад, противник принял все меры, чтобы удержать ее. Из нескольких сел, остававшихся в руках немцев, Комаровка и Ново-Буда были ближайшими к Лысянке. С этого исходного рубежа окруженные войска еще надеялись прорваться на юг.

Немцы подтянули к Ново-Буде много артиллерии, покрыли пулеметными гнездами командную высоту у села, усилили обороняющиеся здесь полки. И когда одна из частей Трофименко атаковала село, стрелкам не удалось пробиться сквозь густой огонь.

Это была та самая пехотная часть, которая еще недавно обороняла Квитки и в ряды которой влились добровольцы-квитчане. Сейчас эти добровольцы были уже опытными, обстрелянными солдатами. Но первые атаки их на Ново-Буду были безрезультатными. Не имела успеха и попытка казачьей части ворваться в село.

В разгар боя сюда подошли танкисты генерала Кириченко и гвардии подполковника Смирнова. Но первая атака танков также захлебнулась. Пушки противника, точно пристрелявшие местность, подбили несколько наших машин.

Дальнейшие попытки могли привести только к новым потерям. Сначала надо было хорошо разведать систему огня противника и подавить его орудия и пулеметы нашей артиллерией. Лишь после этого атака пехоты и танков могла принести успех.

Послать в село разведчиков удалось бы только ночью. А время не терпело. Оставался один способ. Следовало заставить противника открыть огонь из всех огневых средств, чтобы артиллерийские наблюдатели засекли расположение его орудий и пулеметов.

Собравшиеся в штабе пехотные, танковые, казачьи и артиллерийские командиры обсуждали план разведки боем. А в это время около наших передовых позиций в расположении одной из казачьих частей произошла встреча, которая неожиданно помогла решить все затруднительные вопросы.

Заместителем командира по политической части у казаков был майор Григорий Калабердин, сибиряк, старый коммунист, в прошлом буденновец и комиссар одного из полков Первой Конной, человек оригинального и резкого характера.

Калабердин пришел в казачью часть еще в 1941 году, когда она только формировалась. Комиссар гражданской войны, а в мирные годы один из руководителей сельского хозяйства в Сталинградской области, награжденный за свою работу орденом Ленина, он был политработником по самому складу характера, обладая редкой способностью коротко сходиться с людьми, находить путь к сердцу каждого бойца.

Ни один офицер в части не пользовался такой любовью казаков, как этот приземистый, плотный сорокапятилетний человек с крупными чертами широкого, открытого лица, с густыми русыми, без единой сединки волосами, с медлительной, спокойной речью и крепкой, перевалистой походкой бывшего кавалериста. Казаки по старой памяти до сих пор звали его «комиссар» и по одному слову Калабердина готовы были идти в огонь и в воду. Меткие шутки, острые словечки и необычные поступки майора были известны чуть ли не всем селивановским казакам. Разные любопытные истории о нем любили рассказывать новичкам ветераны части, которые за глаза с фамильярной нежностью звали его «наш Гриша», зная, что Калабердин имеет привычку в кругу друзей-офицеров говорить о себе в третьем лице: «Гриша приказал...», «Гриша увидел...».

Иной раз где-нибудь в пути на коротком привале рассятся на разостланных бурках вокруг пожилого донца молодые казаки, и тот, хитро щурясь, неторопливо рассказывает, попыхивая сигаркой:

— ...Так вот, приходит этот политрук, Аганин по фамилии, к нашему Грише. Приходит с одной полевой сумкой и,

как положено, докладывается: дескать, явился для прохождения службы. А Гриша ему сразу вопрос: «Где твой автомат?» — «Нету автомата». — «А пистолет где?» — «Обратно нету — не получил». — «Уходи, — говорит ему Гриша. — Ты не воин. Пусть ты политрук и с казаками беседуешь, — это одно дело, а ежели понадобится — должен ты истреблять врага, не только словами, а и своею собственной рукой. Иди, говорит, и без оружия до меня больше не приходи...»

Сам Калабердин не расставался о оружием, хотя, отлично зная свои обязанности и свое место в бою, никогда не позволял себе без нужды идти в огонь. Но если наступал критический момент, если возникало минутное замешательство в рядах казаков, Калабердин тотчас же появлялся в боевых порядках. И эскадрон, прижатый к земле огнем противника, словно забыв об опасности, разом бросался вслед за ним, поднятый горячим призывным словом своего майора. Как ни удивительно это было, Калабердин, десятки раз ходивший в атаки вместе с казаками, ни разу не был ранен и среди донцов пользовался славой неуязвимого человека.

Таков был этот казачий комиссар. Сейчас, когда цепи донцов залегли на подступах к Ново-Буде, ведя перестрелку с противником, майор, с досадой вспоминая только что захлебнувшуюся атаку, напряженно искал выхода из создавшегося положения. Направляясь в сопровождении ординарца на командный пункт эскадрона, Калабердин заметил в небольшой лощине танк, около которого хлопотал экипаж. Это был один из танков, поддерживающих казаков во время недавней атаки. Сейчас танкисты, отъехав в укрытие, осматривали свою машину.

Калабердина внезапно осенила какая-то мысль, и он, на секунду остановившись, вдруг резко свернул в сторону и подошел к танку.

Молодой лейтенант в шлеме и комбинезоне поднялся навстречу подходившему майору. Лицо лейтенанта было хмурым, — видимо, он еще переживал неудачный бой и гибель товарищей.

— Командир танка лейтенант Красильщиков! — сухо доложил танкист.

Калабердин козырнул. Глаза его испытующе, пристально смотрели на лейтенанта. И вдруг он резко спросил:

— Ты не трус?

Лейтенант опешил.

— Что, что? — переспросил он, растерянно моргая.

— Надо ворваться на танке туда, в село. — Калабердин махнул рукой в сторону Ново-Буды. — Сделать там панику, вызвать весь огонь на себя. Тогда наши артиллеристы накроют

их пушки, а мы пойдем в атаку. Ясно? Дело для смелых! Трусишь — не ходи!

Лицо лейтенанта медленно залилось краской. Он смотрел на Калабердина с неприязнью, зло. И так же неприветливо и хмуро смотрели на незнакомого казачьего майора трое товарищ за его спиной.

— Зачем вы все это говорите, товарищ майор? — медленно, с негодованием в голосе заговорил лейтенант. — Трусов здесь нет, можете запомнить. Надо ворваться — так просто и скажите, а людей обижать... нехорошо, товарищ майор...

Калабердин порывисто схватил лейтенанта за руку.

— Лейтенант, друг... Ребята вы мои, — горячо и взволнованно сказал он. — Да не хотел я вас обидеть. Сами видите, какая обстановка, — душа болит. И не такое скажешь. Село-то братъ надо.

Лица танкистов немного просветлели.

— Ну? Едете? — нетерпеливо спросил майор.

— Надо, — значит, едем, — просто сказал лейтенант. — Смерть мы, товарищ майор, видели и гусеницами давили. Нас не напугаешь! Поедем, ребята? — обернулся он к экипажу и добавил поспешно: — Дело добровольное.

— Чего там добровольно! — сердито сказал механик-водитель, вытирая концами замасленные руки. — Надо так надо. Ясно — поедем.

Пять минут спустя Калабердин звонил по телефону в штаб танкистов. Лейтенант Красильщиков получил разрешение ворваться на танке в Ново-Буду, чтобы вызвать на себя огонь противника. На наблюдательных пунктах артиллерии приготовились засекать огневые точки противника.

Экипаж машины шел на верную гибель. У танкистов почти не было шансов вернуться назад — они должны были принять на себя огонь всех немецких пушек.

С суровой сосредоточенностью четверо друзей в последний раз осмотрели танк. Командир танковой роты по очереди обнял всех четверых, и они один за другим заняли свои места в машине. Красильщиков стал в башне, не закрывая люка, и повел танк по лощине в сторону передовой.

Танк миновал лощину и стал взбираться на холм. По ту сторону высоты были окопы казаков, и в нескольких сотнях метрах впереди начиналось село.

На самой вершине холма, в маленьком окопе, Красильщиков увидел Калабердина. Майор что-то кричал ему. Танкист приветственно поднял руку и ничего не ответил.

В тот момент, когда танк выбрался на гребень холма, появившись на виду у противника, лейтенант скрылся в башне,

опустив за собой крышку люка, и машина, неистово взревев мотором, на полной скорости понеслась вперед.

Прежде чем противник успел опомниться, танк проскочил через окопы немецкой пехоты и вылетел на окраину села. Только тогда торопливо, вразнобой захлопали со всех сторон пушки.

Улицы Ново-Буды поднимались вверх по склону горы, и из наших окопов было ясно видно, как танк несется по селу, стреляя из пушки и строха из пулеметов. Красильщиков бросал машину то вправо, то влево, и разрывы вставали у обойх бортов танка. А наши артиллерийские наблюдатели поспешно засекали вспышки выстрелов, нанося на карты расположение немецких батарей. И сзади, за холмами, уже загремели первые выстрелы орудий, нащупывающих обнаруженные цели.

Калабердин, выпрямившись во весь рост в окопе, неотрывно следил за танком.

— Храбрец, храбрец! — кричал он стоявшему рядом с ним командиру эскадрона. — Гляди, как он дерется. А я в нем сомневался... Эх! Вот парень!

Видно было, как машина круто свернула за дом, вероятно обнаружив там орудие или пулемет. Тотчас же из-за дома показались бегущие врассыпную фигуры немецких солдат. Танк снова вылетел на улицу и понесся обратно к окраине, так же виляя то вправо, то влево.

— Домой идет! — крикнул Калабердин. — Правильно, лейтенант! Ты свое дело сделал. Теперь только бы прорвался.

Внезапно огонь разрыва блеснул на башне танка — снаряд ударили в машину. Танк приостановился, но сразу же вновь рванулся вперед. Калабердин с шумом вздохнул.

— Уцелел. Ну, быстрее, быстрее! — волнуясь, закричал он, словно танкисты могли услышать его.

Еще два снаряда ударили в броню, но танк уже миновал передний край и, стремительно взлетев на холм, съехал в безопасную лощину. Выпрыгнув из окопа, Калабердин побежал к остановившейся машине. Со всех сторон к ней бежали казаки, танкисты.

Передний люк открылся, и из танка вылез потный и грязный механик-водитель. Указав рукой на башню, он тяжело выдохнул:

— Лейтенант ранен!

Несколько человек вскочило на броню. Крышка башенного люка была сорвана взрывом. Из башни осторожно извлекли окровавленного лейтенанта. Его положили на разостланную палатку, и Калабердин, склонившись над ним, отер своим платком залитое кровью лицо раненого.

Красильщиков был еще жив, но последние силы уже оставляли его. Снаряд, сорвавший крышку люка, разорвался над его головой. Осколок пробил череп. Спасти танкиста было уже невозможно — он умирал.

Глаза лейтенанта были открыты, и, когда Калабердин наклонился к его лицу, ему показалось, что танкист узнал его. Губы раненого беззвучно пошевелились, что-то блеснуло в его глазах, и тотчас же смертная муть погасила этот блеск. Глаза потускнели, и казаки, столпившиеся вокруг танка, видели, как их комиссар медленно выпрямился, стянул с головы шапку и вдруг, махнув рукой, зашагал куда-то в сторону, словно не хотел, чтобы другие видели его лицо.

За холмами дружно били наши батареи. По соседней лощине подходили к исходному рубежу танки, облепленные пехотинцами. Войска готовились к новому броску.

Но, несмотря на то что артиллерия сделала свое дело и часть огневых средств противника наши орудия успели подавить, огонь из Ново-Буды все еще был силен. Как ни рвались танки к селу, им не удалось преодолеть огневой заслон немцев. Десантникам пришлось рассыпаться в цепь и вместе с пехотой медленно, метр за метром, продвигаться вперед под огнем.

Казачьи цепи задерживались. На этом участке в упор по атакующим эскадронам били уцелевшая немецкая батарея и несколько пулеметов. Казаки поднимались и тут же снова ложились под градом снарядов и пуль. С каждым разом им все труднее было отрываться от земли. И когда до окраинных домов села оставалось каких-нибудь полторы сотни метров, воля атакующих, казалось, была исчерpanа, и цепь остановилась, не в силах сделать даже шага вперед.

В этот миг сквозь дробный треск перестрелки прорвался знакомый казакам зычный голос:

— А ну, вставай, донцы-молодцы! Вперед! За мной, соколы!

В первой цепи во весь рост поднялся Калабердин. С пистолетом в руке он, даже не пригибаясь, пошел вперед, прямо туда, откуда стреляла немецкая батарея. Тут и там вскочили на ноги другие казаки, устремляясь вслед за майором, стараясь обогнать его.

Но они не успели даже поравняться с ним. Калабердин резко остановился, словно наткнулся грудью на невидимую преграду, уронил руку с пистолетом, сделал еще один неверный, машинальный шаг и тяжело упал навзничь.

На мгновение все замерли — и те, кто бежал вперед, и те, кто еще лежал, прижимаясь к спасительной земле. И вдруг раздался пронзительный крик, полный боли и гнева:

— Гришу убили! Гришу!

— Гри-и-шу! — прокатилось, как стон, по цепи:

И сразу, точно сама земля подбросила вверх этих людей, густые казачьи цепи встали, забыв о снарядах, о пулях, обо всем. Неудержимым, захлестывающим девятым валом волна атакующих понеслась к селу, и, все нарастая, гулко и грозно гремел над полем боя какой-то новый, еще незнакомый противнику боевой клич. Это не было «ура», с которым обычно ходили в атаку наши солдаты. Над трескотней пулеметов, над тяжелым, яростным топотом сапог повис рвущийся из сотен грудей протяжный крик:

— Гри-и-ша! Гри-и-ша!

Это слово гремело сейчас более страшно и зловеще, чем «ура». В нем, казалось, слились воедино и смертная тоска солдат о гибнущих друзьях, и неистовая ненависть, и жгучая жажда мести, и жестокая радость предчувствия близкой расплаты. Оно неслось от края до края по всей ширине казачьей цепи, и такая сила была в нем, что на правом и на левом флангах пехотинцы, вовсе не зная, кто этот неизвестный им Гриша, тоже подхватили это имя, и, подняв его как знамя, атакующие ворвались на улицы села.

А смертельно раненный казачий комиссар лежал, вытянувшись и закрыв глаза, на сырой, утоптанной ногами земле, не чувствуя холода, не слыша, как около него переговариваются люди, и кто-то громко кричит: «Санитара скорее! Санитара сюда!» В его ушах еще звучал тосклиwyй и гневnyй, грозnyй и торжествующyй клич казаков — его имя.

С гребня холма тяжело сбежал низенький казак, придерживая на боку брезентовую сумку с красным крестом. Стоявшие вокруг майора офицеры расступились, и запыхавшийся санитар присел на корточки около раненого, дрожащими руками расстегивая сумку.

Калабердин открыл глаза, обвел взглядом столпившихся около него товарищей, санитара, уже приготовившего индивидуальный пакет. Слабо улыбнувшись, он шевельнул рукой.

— Не надо, Сидоренко, — хрипло сказал он санитару. — Не надо, братцы... Дайте Григорию Калабердину спокойно умереть.

Он снова закрыл глаза, глубоко, с присвистом вздохнул и вдруг, дернувшись всем телом, застыл. С минуту все молча стояли, всматриваясь в лицо майора. Потом санитар нерешительно протянул руку и приподнял его веко. Калабердин был мертв.

Смерть майора Калабердина ожесточила казаков. С неожиданной яростью дрались они в этот день на улицах Ново-Буды. Немцы тоже сопротивлялись отчаянно, и бой в селе длился

ся несколько часов. Только после того, как казаки и пехота стали обтекать село с двух сторон, грозя противнику окружением, он начал отходить из Ново-Буды на север.

Но едва лишь первая группа немецких пехотинцев вышла на дорогу, выводящую из села, — она попала под огонь пулемета. Автоматчики рассеялись и залегли. Никто из них не мог заметить, откуда стреляет пулемет.

А из села выезжали машины, появились новые группы отступающей пехоты. И опять откуда-то наперерез им понеслись струйки пуль. Дорога была закупорена, единственный путь к отступлению закрыт.

Снова и снова поднимались немцы, но пулемет неизменно отвечал на все эти попытки точно пущенными, меткими очередями. Зато противнику удалось наконец определить, откуда ведется огонь. Еле заметные вспышки взblesкивали из-под большой соломенной скирды, одиноко стоящей на пригорке за селом.

В самом деле, пулеметчик стрелял оттуда. Оценив выгодное местоположение скирды, он выкопал себе окоп у ее подножья и огнем преградил дорогу противнику.

Этот пулеметчик был рядовой казак Коротецкий — молодой боец, отличившийся в недавних боях за Ольшану. Одним из первых он поднялся в атаку вслед за майором Калабердиным, видел, как погиб комиссар, и сейчас из этого окопа под скирдой открыл свой счет мести. Уже десятка два гитлеровцев валялись на дороге, скошенные его пулями.

Немцам была дорога каждая минута — наша пехота и казаки усиливали свой натиск на флангах. И отступающие спешли открыть себе путь для отхода. Автоматчики короткими перебежками продвигались по полю, окружая одинокую скирду. Но поблизости залегли товарищи Коротецкого, и их огонь не позволял немецким солдатам подойти к пулеметчику с тыла.

Однако и Коротецкому дорога назад была отрезана. Автоматчики, охватив скирду полукругом, своим огнем закрывали пулеметчику путь назад. Впрочем, казак не собирался отступать и зорко сторожил каждое движение противника.

Внезапно все увидели, как над скирдой стала подниматься тоненькая струйка дыма. Дым показался и с другой стороны — автоматчики подожгли солому зажигательными пулями.

Дым становился гуще, блеснули языки пламени, и вдруг огонь сразу жадно охватил всю скирду. Немцы толпой устремились на дорогу.

Но над полем вновь рассыпалась заливистая дробь пулемета. Толпа солдат опять в беспорядке отхлынула к селу, бросив на дороге трупы своих. А Коротецкий бил вдогонку

скучными, расчетливыми очередями сквозь пламя и дым, развеиваемые порывистым ветром.

С обеих сторон перестали стрелять. И наши солдаты и немцы с волнением смотрели на горящую скирду. В наступившей тишине слышалась только торопливая пулеметная строчка, и огромное, яркое полотнище пламени, гудя на ветру, разевалось над полем, как странное, невиданное знамя, победноносно водруженное на черном, вымокшем холме.

Дробь пулемета раскатилась в последний раз, резко оборвалась, и все затихло. И сразу пламя над скирдой стало спадать, как медленно и торжественно спускающийся к земле флаг.

Противник бежал из Ново-Буды.

У Комаровки и Хилек весь день и всю ночь не прекращались бои, которые не дали перевеса ни одной стороне. Только на другое утро — 16 февраля — силы немцев стали иссякать, и наши стрелки вытеснили пехоту Штеммермана из обоих сел. Но и после этого окруженные продолжали настойчиво атаковать, стараясь пробиться на юг через Хильки и Комаровку или в обход их. Было уже за полдень, когда бой на юго-западном участке кольца стал понемногу стихать. Противник, так ничего и не добившись, приостановил бесполезные атаки. Лысянка по-прежнему оставалась недосягаемой для окруженных войск.

А там, в Лысянке, в последние дни происходили решающие, переломные события. Наши танкисты снова начали теснить бронированные дивизии Хубе. На подступах к селу завязались сильные танковые бои.

Широкое шоссе спускается к Лысянке с северо-востока, со стороны Джурженцев, сбегая по длинному откосу крутой горы. Здесь, на склонах этой горы и у ее подножья, наши танки атаковали скопище «тигров» и «пантер», рвущихся отсюда на помощь к окруженным.

Сначала сюда подошла одна из танковых частей генерала Кравченко. Выйдя на вершину горы, передовой отряд выслал в село разведку — одну машину, экипаж которой смело вызвался прощупать силы врага.

Под огнем противника советский танк на большой скорости ворвался в Лысянку и оказался здесь лицом к лицу с десятками «тигров», «пантер» и «фердинандов», притаившихся за хатами, замаскированных в садах. С ошеломляющей дерзостью эта одинокая машина, неожиданно для немцев, вместо того чтобы поспешно спасаться бегством, атаковала тяжелые танки. Юркая, подвижная «тридцатьчетверка» летала по улицам, скрываясь за домами, появляясь то с одной, то с другой стороны, и поражала немецкие машины то в борт, то сзади.

Снаряды сыпались вокруг нее дождем, и все же наша машина успела поджечь и подбить восемь танков, прежде чем противник сумел уничтожить ее.

Когда дивизии Хубе были выбиты из Лысянки, наши танкисты разыскали в селе эту геройски погибшую машину. Изуродованный сожженный танк, тяжело накренившись, стоял на одной из окраинных улиц. В машине оказалось больше десятка пробоин и бесчисленное количество вмятин. Было непонятно, как могли танкисты столько времени продолжать борьбу в этой изрешеченной стальной коробке.

Первые атаки советских танков с северо-востока не принесли успеха. Зато и немцы были остановлены у подножья горы, и все их попытки подняться вверх по склону встречали решительный отпор со стороны нашей артиллерии и танков.

Хубе перенес центр своих атак к северу от села. Но там танкисты Богданова вскоре оттеснили его войска на юг и на запад. А затем последовал решительный контрудар наших частей.

Севернее Лысянки находится небольшой поселок Октябрь. В этом поселке незаметно для противника сосредоточились наши тяжелые и средние танки, получившие приказ отбить Лысянку.

Они двинулись на село двумя широкими стальными волнами. Центр первой волны занимала рота тяжелых танков — достойных и страшных противников «тигров» и «пантер». Крылья этой ударной колонны составляли группы средних машин, прикрывавшие ее тяжелое ядро от фланговых атак противника. Во второй волне с грозной медлительностью катилась вся основная масса тяжелых танков. Они огнем поддерживали атаку первого эшелона и были готовы своим натиском подкрепить успех авангарда.

Величественное зрелище представляла эта атака. По склонам холмов, спускающихся с севера к Лысянке, непрерывно извергая огонь, с тяжким гулом, сотрясавшим землю, неслись сотни машин. Вот уже первые танки прорвались сквозь огневые заслоны немцев и подошли вплотную к селу. Противник тотчас же контратаковал, и на окраине закипел встречный танковый бой.

А в это время фланги нашей первой волны стали охватывать село с запада и востока. Почуяв угрозу окружения, немцы направили все усилия на то, чтобы сдержать натиск на флангах. И тогда нанесло свой удар центральное ядро первого эшелона. Тяжелые танки ворвались в село. А вторая волна, остановившись у окраины, обратила на противника всю мощь своего огня.

На улицах Лысянки грохотало танковое сражение. Тяжелые машины рвались навстречу друг другу. Танки стреляли в упор, бешено вертелись, стараясь подставить под огонь свою лобовую броню и поймать в прицел уязвимый борт машины противника. Танки спибались в яростном таране, танки подстерегали друг друга в засадах, гонялись один за другим по улицам. Гром выстрелов и взрывов, могучий рев моторов, резкий лязг гусениц — все слилось в один оглушительный гул, волнами перекатывающийся над Лысянкой.

Противник не выдержал удара. «Тигры» и «Пантеры» попятились назад, отходя на южную окраину Лысянки, за реку Гнилой Тикич. Десятки машин с черными крестами горели на улицах села, как костры.

Отсюда, с южной окраины Лысянки, с трудом сдерживая напор наших танкистов на рубеже реки, Хубе днем 16 февраля радиовал окруженным:

«Ударным кулаком пробивайтесь ко мне».

И Штеммерман, приняв эту радиограмму, понял, что его войска теперь могут рассчитывать только на свои силы и что наступил момент последнего решительного боя.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ОКРУЖЕННЫХ

Еще немецкая пехота, истощая свои последние силы, продолжала кидаться в атаки у Комаровки и Хилек, а в штабе генерала Штеммермана командование окруженных войск уже разработало новый план прорыва.

Из восьмидесяти тысяч солдат и офицеров, которые были в конце января окружены на огромной территории, простиравшейся от Звенигородки до Канева и от Богуслава до Смели, теперь уцелела едва ли четвертая часть. Само кольцо сузилось настолько, что к полудню 16 февраля в руках окруженных фактически оставались только два населенных пункта — мелкое Стеблев и село Шандеровка. Остатки измотанных, обессиленных дивизий с машинами и боевой техникой, со штабами и тылами, со складами и госпиталями были стиснуты на этом «пятачке» в несколько десятков квадратных километров, каждый из которых день и ночь со всех сторон простреливалася наша артиллерия, бомбила авиация, выжигали своим огнем реактивные минометы.

Штеммерман и другие генералы понимали, что больше нельзя терять ни одного дня. Натиск советских войск, сильно уплотнивших свой фронт по мере сжатия кольца, возрастал час от часу, и, по всем признакам, русские готовились нане-

сти окруженным последний удар. Танковые дивизии Хубе в Лысянке перешли к обороне и с трудом удерживают берег Гнилого Тикича. Если советские войска на внешнем фронте усилят свой нажим, Хубе начнет отходить, и тогда надежда на прорыв рухнет окончательно. Недаром рация Хубе то и дело настойчиво повторяет: «Пробивайтесь ко мне... Пробивайтесь к Лысянке». Эта ночь решит судьбу окруженных—они должны прорваться или погибнуть.

Большую часть боевой техники и транспортных средств немцы решили уничтожить — запасы горючего и снарядов были ограничены. Освободившихся шоферов и обозников вооружили автоматами и винтовками, превратив их в пехотинцев. В тылах доверенные офицеры СС получили секретное предписание — ликвидировать тяжелораненых. Легкораненым было приказано идти в последнюю атаку вместе со всеми.

К ночи всю массу окруженных войск предстояло сосредоточить между Шандеровкой и Комаровкой и разделить для прорыва на две колонны. В левую, восточную колонну стягивались остатки эсэсовских подразделений танковой дивизии «Викинг» и мотобригады «Валлония», а также наименее потрепанные в боях части 72-й и 112-й пехотных дивизий. Здесь, в центре, охраняемые со всех сторон уцелевшими танками «Викинга», на бронетранспортерах должны были двигаться все штабы и все старшие офицеры окруженных частей. Вторая колонна, путь которой лежал несколько правее, была составлена из остатков 57, 82, 167-й и других пехотных дивизий. За ударными частями второй колонны следовали все тылы и обозы.

В два часа пополудни обе группы войск под покровом ночной темноты должны были выдвинуться на исходный рубеж около Комаровки и выступить в сторону Лысянки. Штеммерман надеялся, что ночная мгла хоть на некоторое время скроет наступающие части от советских разведчиков, обеспечит внезапность этого последнего удара и позволит окруженным к рассвету достигнуть Лысянки, где навстречу им снова рванутся «тигры» и «пантеры» Хубе.

Само построение колонн, весь задуманный боевой порядок наступающих красноречиво говорили о замысле Штеммермана. Почти вся оставшаяся техника и наиболее боеспособные части двигались в левой колонне. Здесь же сосредоточивались все штабы и командиры дивизий и полков — вне зависимости от того, в какой из колонн находятся их части. Именно левым флангом командование окруженных войск надеялось пробиться к Лысянке. А более многочисленная правая колонна, обремененная к тому же тылами и обозами, приносилась в жертву. Брошенные своими генералами на произвол судьбы, частей, наступающие в этой колонне, должны были отвлечь силы

о спасении солдат — оно стремилось лишь вырвать из кольца уцелевших генералов и старших офицеров. Во имя этого заранее обрекались на гибель тысячи остальных немцев — солдат и младших офицеров.

К концу дня приказ о прорыве был получен в штабах окруженных частей. С этим приказом ознакомили офицеров, и тотчас же началось интенсивное передвижение войск в район Шандеровки.

Офицерам было ясно, что наступает решительный час. Немногие из них еще верили в возможность спасения; и большинство понимало, что этот прорыв окончится полным разгромом окруженных войск. Одни намеревались при первом удобном случае сдаться в плен, другие решили выполнить приказ Гитлера и в последний момент покончить с собой.

Из рассказов многочисленных пленных, из прощальных писем, которые писали своим родным многие из солдат и офицеров окруженных частей, мы знаем, что происходило в войсках Штэймермана в эти последние часы.

Под вечер командир танкового полка «Германия» дивизии «Викинг» гауптштурмфюрер СС Датвейлер ехал из Стеблева в Шандеровку. Остатки его полка и обозов уже двинулись туда раньше, и гауптштурмфюрер, покончив со всеми делами, торопился на доклад к командиру дивизии Гилле. Дорога была запруженна грузовиками, продвигающимися к Шандеровке, и машина тащилась на первой скорости, подчиняясь этому медлительному течению общего потока.

Кроме шофера вместе с Датвейлером ехал его денщик Пауль Гросс. От взгляда денщика не укрылось необычное состояние его начальника. С тех пор как несколько часов тому назад Датвейлера вызвали в штаб дивизии, он явно был не в духе. Мрачно и равнодушно принял он доклад командира одной из рот, сообщившего о дезертирстве трех солдат, хотя раньше подобное сообщение вызвало бы у него приступ ярости. Вопреки обыкновению, он даже не проверил, как Пауль уложил его чемодан, а сейчас с несвойственным ему спокойствием переносил медленную и тягучую поездку по запруженной дороге. Гросс не сомневался, что в штабе гауптштурмфюрер узнал какие-то важные новости, приведшие его в столь мрачное настроение.

Искоса поглядывая на офицера, денщик прикидывал, как бы ему поискнее выведать эти новости. И вдруг Датвейлер заговорил сам.

— Пауль, — серьезно и даже торжественно начал он, — сегодня ночью решится наша судьба. Мы идем на прорыв.

Про себя Гросс подумал, что это не такая уж свежая новость — попытки прорыва предпринимались уже трижды. Но вслух он осторожно сказал:

— Да, господин гауптштурмфюрер.

— Это будет наша последняя атака, Пауль, — продолжал Датвейлер. — Мы должны прорваться или погибнуть. Но скажу тебе прямо, дела наши плохи. Наши танковые дивизии застряли у Лысянки и не могут пробиться сюда.

— Я слышал об этом, — подтвердил Гросс. — Вчера господин оберштурмфюрер Дебу и господин гауптштурмфюрер Леблюхлер говорили...

— К черту Дебу и Леблюхлера! — вдруг вспылил Датвейлер. — Этот Дебу — проклятый трус. Если два русских автоматчика стреляют по его батальону, он уже звонит в штаб, кричит, что его атакует полк, и просит, чтобы ему разрешили отойти. А Леблюхлер только и знает, что пьет. По его мнению, пьянство — единственная защита в этой обстановке, он прямо сказал мне: «Пока живы, надо жрать и пить, а там — пропади все пропадом». Этих трусов и пьяниц нечего слушать. Но сейчас я говорю тебе, что наше дело действительно плохо.

То, что Датвейлер обрушился на Дебу и Леблюхлера, не удивило Гросса — его начальник нередко ругал своих сослуживцев в его присутствии. Но то, что гауптштурмфюрер так настойчиво твердит о плохих делах, было ново и непривычно — до сих пор командир полка «Германия» считал своим долгом внушать всем своим подчиненным оптимизм.

— Меня, как офицера, русские, конечно, убьют, — мрачно рассуждал Датвейлер. — Да и тебя, как эсэсовца, — тоже. Поэтому давай, Пауль, условимся с тобой — в плен мы не сдадимся, а в последнюю минуту расстреляем друг друга. Хорошо?

— Да, господин гауптштурмфюрер, — смущенно пробормотал денщик.

Гросс в душе совсем не разделял зловещих намерений своего начальника. Он уже слышал, что русские вовсе не убивают эсэсовцев, и не имел никакого желания получить в лоб пулю из парабеллума своего командира. Про себя он решил при первой же возможности сбежать от гауптштурмфюрера и сдаться в плен, если до тех пор русские снаряды и пули пощадят его.

Но Датвейлер не заметил его смущения и, считая вопрос решенным, молчал до конца пути, видимо внутренне готовясь к предстоящей смерти. Впрочем, ему так и не пришлось привести в исполнение свой план. И Датвейлер и его денщик на другое утро оказались в русском плену, где и рассказали о своем разговоре на пути в Шандеровку.

Уже днем Шандеровка была забита войсками и машинами. На улицах в несколько рядов, тесно один к другому, стояли

тяжелые, неуклюжие грузовики, штабные автобусы, легковые автомобили офицеров, гусеничные тягачи с орудиями, бронетранспортеры. Машины, повозки, запряженные приземистыми, короткохвостыми битюгами, полевые кухни заполняли дворы около хат, виднелись под деревьями в садах, стояли на огородах. К вечеру подморозило, изуродованные колесами, истоптаные сапогами дороги стали каменно твердыми, машины могли ехать прямо через поля, и к Шандеровке со всех сторон подтягивались все новые и новые автоколонны и обозы.

Солдаты хлопотали около машин, толпились во дворах, набивались в хаты. Задымили печи, на огородах загорелись костры — немцы готовили себе ужин. С севера от Стеблева и с юга, со стороны Комаровки, доносился грохот орудийной перестрелки, по временам снаряды залетали и в Шандеровку, но сражение, кипевшее до полудня с таким ожесточением, сейчас затихло, словно отдыхая и собираясь с новыми силами.

В конце дня в село под усиленным конвоем эсэсовских солдат пригнали из Стеблева огромную колонну. Здесь были раненые военнопленные, мирные жители, согнанные из окрестных сел, в том числе старики, женщины и дети. В этой колонне шло около тысячи человек, исхудалых, оборванных, мерзнувших.

Большую часть этих людей загнали в деревянную шандеровскую церковь и заперли там. Остальных поместили в здании школы.

Начинало смеркаться, когда в разных концах села прозвучали отрывистые команды офицеров. На главную улицу из хат и из дворов торопливо бежали солдаты.

Коля Симша, тринадцатилетний житель Шандеровки, навсегда запомнил сцену, свидетелем которой он невольно оказался в тот вечер. Понуждаемый ненасытным мальчишеским любопытством, он уже в сумерки вылез из погреба, где прятался вместе с матерью, чтобы поглядеть, что делают во дворе немцы. Солдаты не тронули его, он побродил между тесно составленными повозками и пошел на улицу посмотреть на машины.

В это время, объезжая по обочине сгрудившиеся на улице автоколонны, со стороны Стеблева подъехал маленький легковой автомобиль. Машина остановилась рядом с Колиной хатой, у двора соседа, и из нее вышел высокий немец в нарядной шубе с пышным бобровым воротником.

— Генераль, генераль! — заговорили во дворе солдаты.

Генерал вошел в хату соседа, где немцы разместили свой штаб. Пять минут спустя из хаты выбежало несколько офицеров. Они пустились бежать в обе стороны по улице, на бегу выкрикивая какую-то команду. Подхваченная другими, эта

команда полетела по селу, и тотчас же захлопали двери хат, поднялась суета во дворах, и солдаты толпой бросились на улицу.

Рядом с вереницами машин на обочине дороги выстраивались солдатские шеренги. В спускающихся сумерках не было видно ни начала, ни конца этой длинной зеленой цепочки тесно стоящих солдат, но, вероятно, войска выстроились на всем протяжении большой шандеровской улицы — те же команды глухо доносились издалека, с другого конца села.

Мальчик, на которого никто не обращал внимания, прижавшись к плетню, с интересом наблюдал за всем происходящим.

Раздалась громкая команда, словно повторенная много-кратным затихающим эхом, разлетевшимся в оба конца улицы. Зеленые шеренги замерли. И тотчас же дверь хаты соседа открылась, и на пороге показался давешний генерал. Он был уже без шубы, в одном мундире с пестрыми рядами орденов на груди и с ярким золотым шитьем на погонах. За ним следовала свита офицеров.

Твердым, неторопливым шагом генерал вышел на улицу и остановился против оцепеневших шеренг. В руках его была какая-то бумага.

Громко и медленно он начал читать эту бумагу, делая долгую паузу после каждой фразы. Офицеры, стоящие перед шеренгами, также громко повторяли своим солдатам все, что читал генерал. Фраза за фразой, передаваемая по этой живой цепи, разлеталась в обе стороны улицы, затихая где-то далеко на окраине. Так был оглашен весь приказ.

Генерал сложил бумагу, спрятал ее в карман мундира и, сняв фуражку, бросил несколько слов. Коля с удивлением увидел, как разом шеренги солдат и офицеры, стоящие впереди, опустились на колени. Немцы молились. Одни, сложив вместе ладони и возведя глаза к небу, другие бессильно уронив голову на грудь, они бормотали слова молитвы, и бормотанье это сливалось в негромкий и странный шум. Только генерал не опустился на колени и стоял молча, склонив обнаженную седеющую голову.

Многие солдаты плакали. Потом в сгущающейся полутьме раздались тяжелые, глухие рыдания, чей-то тоскливыи стон. И Коля Симша, тринадцатилетний советский мальчик, которому было непонятно и чуждо это зрелище массовой молитвы, на мгновение всем своим детским сердцем ощутил безысходный ужас трагедии, нависшей над тысячами этих чужих и враждебных ему людей, склонивших колени на твердую, ехавченную морозом землю его родной Шандеровки.

Но это чувство промелькнуло у мальчика только на мгновение. В следующий момент генерал рывком вскинул голову, резким жестом надел фуражку и крикнул что-то зычно и властно. Словно от внезапного удара, колыхнулись шеренги солдат. Стой рассыпался. Торопливо вскакивая на ноги, немцы бросились к машинам, побежали во дворы и на огорода. Минуту спустя совсем близко на улице грохнул взрыв, что-то загорелось. И сейчас же взрывы загремели тут и там, и в разных местах села сгустившаяся ночь озарилась зловеще пляшущим пламенем. Переугаданный мальчик, чувствуя, что начинается что-то страшное, опрометью кинулся к погребу.

Окруженные войска уничтожали свою технику, свое имущество. Пошли в ход так называемые «пакеты фюрера» — пачки тола, предназначенные для взрыва артиллерийских орудий в критический момент. Солдаты бросали гранаты в стоящие на дороге машины, обливали бензином и поджигали грузовики с кладью. В огонь летели личные вещи, офицерские чемоданы, все награбленное за последние месяцы — сейчас было не до скарба, нужно было спасать собственную жизнь.

Во дворах горели огромные вороха бумаг — уничтожались штабные документы. Резкий холодный ветер, поднявшийся к ночи, раздувал эти бумажные костры, и горящие листки, как странные огненные птицы, летали над селом, падали на соломенные крыши хат, зажигая дома. Другие хаты поджигали эсэсовские факельщики. Дым плотным облаком заволок село, и жителям, которые осмеливались выглянуть на момент из погреба или землянки, казалось, что к утру вся Шандеровка превратится в одно сплошное пепелище.

В центре села хозяйничали солдаты «Викинга» и «Валлонии». Взорвав свои машины и орудия, они бросились в дома. Горе было жителям, которых они заставали в хатах. Автоматы беспощадно косили всех, в подвалах рвались гранаты, и огонь вспыхивал на краю соломенной стрехи, мгновенно охватывая дом. В хате старика Кияницы эсэсовцы наткнулись на раненого советского лейтенанта, который несколько дней назад так смело отвечал немецкому генералу. Раненого зверски убили. Потом, вспомнив о церкви, где были заперты пригнанные сюда днем люди, солдаты кинулись туда.

Церковь подожгли сразу с трех сторон. Старые, сухие бревна мгновенно вспыхнули, и высокое пламя взлетело к куполу. Ветер неистово рвал огонь, точно стараясь спасти запертых в церкви людей, изнутри доносились страшные вопли, а вокруг бензином бесновалась толпа эсэсовцев, стреляющих из автоматов в огонь.

Одновременно с церковью заполыхала школа, где тоже были заперты люди. Загорелась мельница на пригорке, вспых-

нули колхозные сараи. А на окраине около машин с тяжело раненными немецкими солдатами хлопотала специальная эсэсовская команда. Раненых пристреливали, машины обливали бензином, поджигали.

Шандеровка — большое красивое село — была объята пламенем и окутана дымом.

Около полуночи немецкие части начали покидать село, двигаясь в сторону Комаровки, к исходному рубежу последней атаки. Перед выступлением солдатам было разрешено съесть неприкосновенный запас продуктов и выдана тройная порция шнапса. Чтобы поднять дух войск, командиры объявили, будто котел уже прорван и передовые части Хубе установили связь с авангардами окруженных за Комаровкой.

Одни поверили в эту ложь, другие заставили себя поверить, — ибо верить было больше не во что. Третья надеялась, что им посчастливится сдаться в плен, прежде чем они будут убиты. Четвертые, уже не веря и не надеясь и будучи не в силах дольше терпеть невыносимое нервное напряжение последних дней, предпочитали смерть от собственной руки. В эту ночь в Шандеровке десятки офицеров и солдат покончили жизнь самоубийством. Стрелялись целыми группами, помогая друг другу быстрее отправиться на тот свет. Стрелялись в одиночку, зажав в руке фотографии родных и близких, посылая проклятия виновникам этой бессмысленной гибели и всем, кто остается в живых.

Но были и такие, которые вовсе не собирались ни прощаться с жизнью, ни рисковать ею зря.

Еще утром, когда в селе было сравнительно спокойно, в хату колхозника Григория Горбенко пришли два солдата. Один из них, поляк по национальности, хорошо говорил по-русски. Солдаты были голодны и потребовали есть. Пришлось отдать им чугунок картошки, только что сваренной для семьи.

Они ели жадно и долго. Опорожнив чугунок до дна, солдаты пришли в благодушное настроение и разговорились с хозяином. Горбенко осторожно спросил о положении на фронте.

— Дела наши плохи, пан, — ответил поляк. — Наверное, завтра или послезавтра сюда придут ваши войска. А мы...

И он безнадежно махнул рукой. Потом оба солдата вполголоса долго говорили между собой по-немецки. Немец полез во внутренний карман френча, достал оттуда какую-то бумажку и стал показывать ее поляку, опасливо косясь на хозяина, чтобы он не подглядел. Заметив, что мальчик, сын Горбенко, заглядывает ему через плечо, немец гневно закричал на него, и перепуганный мальчуган юркнул за печку.

— Пан, — вдруг обратился к Горбенко поляк, — ты имеешь погреб?

Горбенко сказал, что погреб у него на огороде за домом и что вся его семья ночует там, боясь обстрела.

— Покажи погреб, — потребовал поляк.

И Горбенко повел обоих солдат на огород.

Солдаты постояли у входа в погреб, поговорили между собой и, попрощавшись с хозяином, ушли. И тогда мальчик сказал отцу, что на бумажке, которую немец показывал поляку, было написано слово «пропуск». Горбенко догадался, что то была советская листовка.

— Зачем ты ему погреб показал? — упрекала жена. — Надо было сказать, что у нас его нет. Перестреляют нас ночью. Или гранату кинут.

Горбенко спорил с женой, успокаивал ее, но сам тревожился и не мог понять, для чего понадобился этот погреб солдатам.

Днем Шандеровка все больше и больше стала заполняться немецкими войсками, и семья Горбенко из предосторожности решила укрыться в своем убежище. Поздно вечером, когда в селе уже гремели взрывы и бушевали пожары, дверца погреба вдруг отворилась. На фоне багрового от зарева неба вырисовывались две фигуры, склонившиеся над ямой. Это были немецкие солдаты.

Сидевшие внизу в ужасе замерли, ожидая, что сейчас раздастся автоматная очередь и полетят гранаты. Но в руках одного из немцев мигнул фонарик, на миг озарив крученую лестницу, ведущую вниз, и первый солдат стал поспешно спускаться в погреб. За ним последовал второй, дверца опустилась, и в яме снова наступила темнота.

Прошло несколько секунд напряженного ожидания, фонарик зажегся снова, и лучик его, обежав сырье стены погреба, осветил прижавшихся друг к другу взрослых и детей.

— Пан, это мы, — услышал Горбенко знакомый голос. — Не бойся. Мы будем прятаться и идти в плен.

Только сейчас Горбенко понял, зачем поляку и немцу понадобился его погреб, зачем они хранили нашу листовку. Оба солдата решили дезертировать и искали надежное убежище, где можно было бы отсидеться до прихода советских войск.

Горбенко помог им устроиться в углу погреба на соломе, загородил их пустыми кадками, прикрыл рядом. Теперь, если бы даже немцы наткнулись на погреб и осветили его сверху фонарем, они не заметили бы беглецов.

Эта предосторожность была не лишней. В ту ночь множество солдат разбежалось по селу, прячась в хатах, погребах и подвалах, переодеваясь в одежду крестьян. Уже шли облавы, эсэсовцы обыскивали хаты, шарили на чердаках, в подвалах. И нескольких дезертиров им удалось схватить,

В полночь на главной улице Шандеровки, почти в самом центре села, перед выступлением в последний путь выстроились остатки знаменитого 199-го полка Листа. Грязные, обрванные, обросшие щетиной «сослуживцы Гитлера» были собраны, чтобы выслушать прощальную речь своего командира полковника Кенига. В ожидании полковника солдаты стояли, переминаясь с ноги на ногу, поеживаясь от холода и кашляя от густого дыма, облака которого то и дело приносил порывистый морозный ветер.

В темноте послышался шум, крики, и группа солдат в черных мундирах провела мимо строя полка троих только что пойманных дезертиров. Два немецких солдата покорношли впереди, понутив головы. Третий был венгерским солдатом. Его тащили насильно, а он вырывался и громко кричал.

— Свиньи! Мерзавцы! — раздавались его выкрики. — Убийцы! Все равно вы все сегодня умрете. Все... все! Русские всех вас перебьют!

Его тащили вдоль строя, и он кричал прямо в лица солдат, которые со страхом слушали эти слова, звучавшие как зловещее пророчество.

Сзади к конвоирам подбежал офицер и передал какое-то приказание. Резко свернув в сторону, эсэсовцы повели своих плениников в ближайший двор. Видимо поняв, что сейчас его расстреляют, венгр вдруг перестал вырываться и пошел сам, вскинув голову.

— Смерть Гитлеру! — закричал он вдруг.

И хотя конвоиры осыпали его ударами, он продолжал идти и кричать:

— Смерть Гитлеру!

Дезертиры и конвой скрылись в темноте, но выкрики венгра продолжали доноситься до выстроенных на улице солдат, пока резкая дробь автоматов не заглушила его голос.

Раздалась команда «смирно», и перед строем полка появился полковник Кениг.

— Солдаты! — начал полковник. — Сегодня в ночь решается наша судьба. Мы должны пробиться или, лучше сказать, прорваться с криком «ура» к Лысянке, где ждут нас доблестные войска Хубе. Я не хочу оставлять вас одних в тяжелый момент. Я с вами. Мы встретимся в Лысянке. Итак, вперед! Со старым боевым кличем нашего полка еще раз вперед!

Странной показалась солдатам эта речь. В словах полковника явно отсутствовала логика. «Почему полковник сказал, что мы встретимся в Лысянке, если он идет с нами?» — задавали себе вопрос солдаты. Но Кениг, еще раз выкрикнув «Вперед!», резко повернулся и скрылся в темноте, оставив их в недоумении. Нелогичность его объяснялась просто — он не

собирался идти с полком. Как и остальные старшие офицеры, он в этот последний момент бросал своих подчиненных на произвол судьбы, чтобы вместе с генералами попробовать прорваться через кольцо под защитой танков «Викинга». С солдатами оставались лишь командиры батальонов и рот.

Снова прозвучали отрывистые команды, шеренги перестроились, и полк выступил в сторону Комаровки. В тишине, нарушенной лишь однообразным стуком каблуков о мерзлую землю, кто-то из солдат громко и отчетливо сказал:

— Идем на Страшный суд!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В БУРАН

Около полуночи холодный резкий ветер принес первые снежинки. Снег заплясал, закружился во тьме, ложась на мерзлую землю. Невидимые в ночной мгле, с севера подходили тяжелые, метельные тучи.

Снегопад становился все гуще, плотнее. Уже через час ровный белый покров лег на холмы вокруг Шандеровки и Комаровки, на истолченные колесами и сапогами дороги, на брустверы окопов, на крыши хат. Но ночь не стала от этого светлее — сплошная снежная муть, повисшая над полями, делала мрак еще более непроглядным.

По мере того как густел снегопад, крепчал и ветер. Гоня перед собой плотные облака снега, он налетал могучими порывами, с шумом проносясь над полями, лихо скатываясь по склонам холмов, протяжно свистя в печных трубах. Швыряя наземь охапки сухого снега, выюга тотчас же вновь подхватывала их, вздымала над землей, закручивала белыми вихрями, тянула длинные хвосты поземки на дорогах, трепала скирды соломы на полях, рвала соломенные крыши деревенских хат. Ветер метался над полями, все сильнее взмучивая снежную пелену, бросаясь то в одну, то в другую сторону, так что нельзя было понять, откуда он дует.

Метель усиливалась час от часу. Свирепый буран разыгрывался над корсуньскими полями, над догорающей Шандеровкой, над притихшей Комаровкой, над необычно оживленными в эту ночь Джурженцами.

Советские войска готовились встретить последний рывок противника. Было ясно, что положение окруженных стало критическим и именно в эту ночь или с наступлением утра следует ждать развязки корсуньской трагедии. Весь вечер и всю ночь на южном участке кольца кипела напряженная работа. В район Комаровки, Хижинцев, Почапинцев подтягивались новые

артиллерийские части, подходили колонны танков. Подоспели к месту сражения и заняли оборону около Моренцев и Почапинцев переброшенные сюда генералом Коневым пехотные части генерала Цветкова. Гуще становилась цепь окопов переднего края, боевые порядки пехотинцев уплотнялись, новые рубежи обороны возникали в тылу. Плотнее сдвигались огневые позиции артиллерийских батарей. На опасных направлениях орудия стояли в несколько рядов, расставленные в шахматном порядке в десяти — двенадцати метрах друг от друга.

Буран словно совсем задул огонь боя. На всем фронте прекратилась даже обычная перестрелка. Непривычная тишина воцарилась над полями Корсуньской битвы, и только шумный посвист бурана раздавался во мгле. Но вместе с тишиной над линией фронта повисла смутная тревога ожидания, растущая с каждым часом. Затихшая боевая гроза копила в ночи все силы, чтобы разразиться внезапно новым взрывом, — это чувствовали десятки тысяч людей, притаившихся в окопах и траншеях, шагающих по дорогам, укрывшихся в заметенных землянках и блиндажах, в теплых хатах, в окна которых стучался и сыпал сухой снежной крупой буран. И чем дольше длилась эта предгрозовая тишина, тем сильнее росло в сердцах людей томительное предчувствие близящейся боевой бури. Тревога не давала сомкнуть глаз, заставляла усталых солдат внимательнее вглядываться в темную снежную муть, откуда рвался обжигающий лицо знайкий ветер. Никто в эту ночь не спал, чаще тянулись руки солдат к кисетам с махоркой, и неторопливые солдатские разговоры тихо звучали в окопах, помогая коротать медленно текущие, полные напряженияочные часы.

А по фронтовым дорогам всю ночь сквозь буран двигались войска. Шли к новым рубежам пехотинцы, меняя огневые позиции артиллерия, на мохнатых от снега, заиндевевших лошадях пробирались через холмы цепочки кавалеристов, и танки, заглушая ревом моторов шум ветра, сосредоточивались в лощинах, где постепенно превращались в огромные сугробы, из которых странно торчали длинные стволы пушек. Советские войска перегруппировывались. Наше командование не собиралось пассивно ждать удара противника — перед рассветом, в шесть часов утра, наши части должны были начать наступление по всему фронту кольца с тем, чтобы окончательно добить окруженнную группировку.

Можно было с уверенностью предугадать, где именно развернутся самые ожесточенные бои. Наши ли части первыми двинутся в наступление, или их опередит своей атакой противник — смысл боя будет один: окруженные приложат все силы, чтобы прорваться на юг и юго-запад к Лысянке, а советские войска не должны допустить этого прорыва. Не было сомнения,

что главные события произойдут на рубеже Хижинцы — Хильки — Комаровка — Почапинцы. Именно этот рубеж усиленно укреплялся нашими войсками, здесь сосредоточивались новые части и сюда подтягивались резервы.

В эту ночь большое село Джурженцы по самому своему местоположению естественно стало главным опорным пунктом советских войск.

От Джурженцев веером расходятся дороги на Хижинцы, Комаровку, Почапинцы, Лысянку. Село лежало как раз посередине того перешейка, который разделял окруженные войска и танковые дивизии Хубе. Немецкие колонны должны были пройти через Джурженцы или двинуться в обход этого села, пробиваясь к Лысянке. Правда, это создавало серьезную опасность для наших штабов, но зато отсюда можно было особенно оперативно и гибко управлять ходом боя.

В Джурженцах уже давно работало военно-полевое управление войск генерал-лейтенанта Трофименко. Теперь здесь разместилось еще несколько наших штабов.

Никогда еще село не было столь многолюдным и оживленным, как в эту темную, ветреную и снежную ночь. По улицам во всех направлениях двигались войска, тащили повозки, шумели машины, а иногда все звуки заглушал могучий рев проходящей танковой колонны и в окнах хат начинали тонко дребезжать стекла. На большой сельской площади, у церкви, рядами выстроились реактивные минометы. «Катюши» стояли пока прикрыты заснеженными брезентовыми чехлами, но тяжелые наклонные рамы уже были приподняты в сторону Комаровки, а расчеты дежурили наготове около машин и у штабелей ящиков со снарядами.

На северо-восточной окраине села, где находился полевой штаб Трофименко, то и дело по улице проносились броневички офицеров связи, в укрытых под деревьями автофургонах стрекотали на телеграфных аппаратах девушки-бодистки, бежали через дорогу посыльные, и дверь пункта сбора донесений беспрерывно хлопала, пропуская наружу полосу света. Метались вдоль своих линий связисты, которым буран доставил много хлопот.

Не спали и жители Джурженцев. Это необычное оживление, нескончаемый поток войск, текущий через село, деловитая суeta на улицах, озабоченные лица офицеров — все говорило о приближении больших и грозных событий. И, как всегда, жителей волновал один вопрос — не вернутся ли сюда немцы, удастся ли задержать и отбросить их? Люди выходили из нетопленных хат на темные улицы, где метался буран, и подолгу стояли, наблюдая проходящие войска. Размеренное, медлительное движение пехотных колонн, деловитая рысь казачьих отря-

дов, гулкая поступь танков — все это невольно успокаивало, прогоняло тревогу, создавало ощущение могучей, неодолимой силы, прочно заступившей дорогу врагу.

Около полуночи все находившиеся на улице услышали далекое тонкое жужжанье. Сама мысль об авиации в эту бурную, метельную ночь представлялась невероятной, но сейчас сомнений быть не могло — там, наверху, в густо затянутом тучами небе, откуда сыпались тонны снега, где беснуются, казалось, все ветры мира, шел целый отряд самолетов. Характерный трескучий звук напоминал наши легкие машины «У-2». Впрочем, и противник имел подобные же самолеты с таким же трескучим шумом мотора.

Они летели низко и медленно, с трудом пробиваясь навстречу бурану и держа курс на север. Здесь, на земле, люди, удивленно прислушиваясь к их рокоту, с невольной дрожью представляли себе, каким должен быть этот полет в непроглядном мраке, в густых снежных вихрях, в бешеных порывах ветра, швыряющего легкие машины.

Самолеты пролетели над Джурженцами в сторону Комаровки и Шандеровки. Минут десять спустя ветер донес оттуда глухие взрывы. Самолеты бомбили.

Пролетевшая над Джурженцами эскадрилья действительно состояла из советских самолетов «У-2». В эту выюжную, совершенно нелетнюю по обычным понятиям ночь советские летчики отправились на боевое задание. История этого удивительного вылета была такова.

Поздно ночью командующему фронтом генералу Коневу донесли, что окруженные войска сосредоточились в Шандеровке и готовятся к решительной атаке. Известие это не вызвало у Конева никакого удивления — он предвидел, что противник именно сегодня ночью сделает отчаянную попытку прорваться. Но он тут же подумал об авиации. Как ни страшна погода, все же было бы очень важно «тряхнуть» противника перед тем, как он рванется вперед. Конечно, тяжелые бомбардировщики посыпать в такой буран нельзя, но если машины будут легкими, а летчики смелыми...

Командующий вызвал к телефону командира авиаполка, стоявшего на аэродроме в Ротмистровке — большом селе близ Смелы. В этом полку самолеты были главным образом «У-2», а летчики — все до одного комсомольцы.

Генерал не приказывал, — в конце концов, погода была действительно совсем нелетной. Он лишь спросил у командира, не найдутся ли среди его летчиков добровольцы, которые сейчас, несмотря на буран, полетели бы бомбить окруженные войска в районе Шандеровки. Командир ответил, что, по его мнению, добровольцы найдутся, и просил у генерала разрешения через

десять минут доложить результаты разговора со своими комсомольцами.

Ровно десять минут спустя командир полка позвонил Коневу.

— Товарищ командующий, добровольцы есть, — доложил он.

— Сколько?

— Весь полк! — был ответ.

Ни один из комсомольцев-летчиков не захотел отступить перед труднейшей и почетной задачей, поставленной командующим. На летном поле, по которому с воем метался буран, началась работа. И хотя свирепый ледяной ветер забрасывал аэродром тучами снега, с силой швырял в лица людей сухую, колючую крупу и старался свалить набок легкие машины, — звенья самолетов одно за другим поднимались в снежную мглу ночи и вслепую шли в направлении Шандеровки. Злобные порывы бурана кидали самолеты из стороны в сторону, но летчики, с трудом выравнивая машины, продолжали упорно прокладывать себе путь среди снежных вихрей и медленно пробивались навстречу ветру.

Первое же звено, сбросив бомбы у окраины Шандеровки, накрыло немецкий обоз на дороге. Загорелись повозки и машины. Это послужило ориентиром для других самолетов, и большая колонна противника, вытянувшаяся между Шандеровкой и Комаровкой, в беспорядке разбежалась по полю под взрывы бомб и очереди пулеметов.

В то же время наша артиллерия обрушила на противника несколько сильных огневых налетов. Все это нарушило намеченный приказом Штеммермана план передвижения его частей к исходным рубежам, еще больше деморализовало немецких солдат. Окруженным пришлось приводить в порядок части, попавшие под обстрел и бомбёжку, и час атаки переместился ближе к рассвету. Цель, которую преследовал генерал Конев, посыпая к Шандеровке самолеты и пуская в ход артиллерию, была достигнута.

Нестерпимо медленно теклиочные часы. А буран все усиливался. В окопах нашего переднего края у Комаровки молчаливо и настороженно ждали пехотинцы генерала Меркулова. Уже давно был передан приказ приготовиться к бою, но проходил час за часом, а противник не появлялся. Словно все вымерло там, на севере, у Шандеровки. Только ветер резкими порывами то и дело налетал оттуда, и тогда плотная стена снега надвигалась из темноты и проносилась над окопами.

Умолкли солдатские разговоры — тревожное ожидание не давало сосредоточиться на чем-нибудь ином. Привалившись к промерзшей стене окопа, глубоко натянув на лоб теплые

ушанки и зябко засунув руки в рукава шинелей, с автоматами на коленях стрелки сидели, поглядывая наверх, в захлестывающую волнами снега темноту, где должна появиться сигнальная ракета. Время от времени кто-нибудь вставал, вытянув голову над бруствером, всматривался вперед, морщась от ветра, и тотчас же возвращался на место, махнув рукой.

— Ни зги! Для «него» это самое подходящее дело. Вплотную подкрадется.

А в редкой цепочке окопов, выдвинутых в сторону противника, до боли в глазах всматривались в снежную темь посты боевого охранения. Ветер обжигал лицо, причудливо меняющаяся снежная круговерть обманывала зрение, мгновенно создавая и разрушая странные белые призраки; шум бурана, казалось, приносил с собой какие-то неясные звуки, и чудились то близкие голоса, то лязг железа или рокот мотора. И порой приходилось делать усилие, чтобы сдержать разыгравшееся воображение, не нажать зря на спусковой крючок ракетницы. Эта внутренняя борьба с самим собой, напряженное стремление отделить реальное от кажущегося, мнимого было едва ли не самым трудным испытанием нервов и воли солдат боевого охранения.

Было около четырех часов утра, когда передовые посты услышали какой-то глухой гул и различили сквозь вихри снега черную колышущуюся массу, быстро и молчаливо накатывающуюся на них из темноты.

Над передним краем разом взлетела цепочка ракет. Их дрожащий, неровный свет на несколько кратких мгновений озарил вихревую муть бурана, и стало видно, как вслед за летучими облаками снега на окопы с тяжким топотом несется огромная плотная толпа.

И тотчас же передний край опоясался огнем. Слитно, разом, грянули пулеметы, автоматы, винтовки стрелков. Словно порыв огненного ветра понесся во тьму, гоня перед собой тысячи свистящих пуль. Навстречу снежному бурану рванулся буран свинцовый.

Низкий, почти звериный рев прокатился по толпе, и во тьме густо засверкали вспышки выстрелов. Атакующие открыли огонь. Грохнули первые разрывы гранат, за нашими окопами оглушительно захлопали минометы, сзади тяжело ударили орудия, и гул начавшегося сражения раскатился на километры вокруг, нарастаю с каждой минутой и заглушая собой все остальные звуки.

Скошенные огнем в упор, первые шеренги атакующих уже лежали в снегу. А по их трупам из снежного мрака катились новые людские волны и с криками, с воем, строча из автоматов, швыряя гранаты, неудержимо неслись к окопам.

В этой плотной толпе едва ли не каждая пуля наших стрелков находила свою цель. В самой гуще ее сверкали яркие вспышки рвущихся снарядов и мин, и передние шеренги редели, как вырубленные. Трупы ложились на трупы, и все же наступил момент, когда волна атакующих накатилась на окопы. Вскипела короткая рукопашная схватка, и противник одолел числом — широкая брешь образовалась в первом рубеже нашей обороны. В эту брешь хлынул поток немецких войск — ударные отряды прорыва, танки «Викинга», бронетранспортеры с генералами и офицерами, резервные части.

С флангов артиллерия в упор расстреливала колонну, огонь ее все больше усиливался — на окрестных холмах сквозь вихри метели тут и там часто взбескивали вспышки орудийных выстрелов. Уже в нескольких десятках метров за окопами атакующих встретил плотный пулеметный огонь. Пулеметы били навстречу немецкой колонне, они косили ее справа и слева. В темноте трудно было понять, откуда стреляют пулеметчики, и противник заметался по полю. Инерция первого натиска была потеряна, бой принимал длительный характер.

Под огнем артиллерии атакующие войска быстро теряли свой первоначальный порядок. На дороге образовались пробки, машины и повозки старались рассредоточиться, растекаясь по снежному полю; пехота машинально рассыпалась в беспорядочную цепь. Это не было привычным организованным перестроением в бою — толпами обезумевших, гибнущих людей сейчас никто не управлял, кроме их собственного инстинкта самоохранения. Офицеры уже не пытались командовать перепутавшимися, мечущимися в темноте солдатами, и каждый думал лишь о себе.

Только голова колонны, где были собраны отборные части и все командиры окруженных войск, сохраняла свой боевой порядок. Под командованием ближайшего помощника генерала Гилле, начальника штаба дивизии штандартенфюрера Бикмана, батальоны «викингов» и «валлонцев» ломились через промежуточные рубежи пехотинцев Меркулова, прорываясь сквозь пулеметный огонь или обходя в темноте наши узлы сопротивления. Топча своих убитых, не подбирай раненых, они шаг за шагом прокладывали дорогу всей колонне, и, рассеянные нашим огнем, беспорядочные толпы немецких солдат стремились вслед за ними.

Все больше редеющая колонна, обтекая Комаровку, двигалась полями и оврагами на юг. В непроглядной тьме ночи нельзя было вести точный прицельный огонь, пулеметы и орудия били почти вслепую, и противник то здесь, то там пробивался или просачивался сквозь нашу оборону.

К рассвету передовые отряды окруженных вышли на северо-восточную окраину Джурженцев и в район Почапинцев. Всего шесть-семь километров отделяли их от Лысянки.

У окраины Джурженцев противника встретили пехотинцы Трофименко и танкисты Ротмистрова. В медленном сером рассвете, с трудом проникавшем через снежную пелену бурана, на этом рубеже завязался долгий, упорный бой. Кое-где немцам удалось зацепиться за крайние хаты села. Автоматчики залегли в заснеженных огородах, засели на чердаках, в сараях. Пули засвистели на улицах села, снаряды рвались в крестьянских садах, под окнами домов оглушительно и торопливо бухали пушки. Джурженцы внезапно превратились в село переднего края, и непосредственная опасность нависла над находившимися здесь штабами.

Всего в нескольких сотнях метрах от занятой немцами окраины села генерал-лейтенант Трофименко с группой своих штабных офицеров продолжал руководить ходом боя. Уже не раз подчиненные, беспокоясь за своего командующего, осторожно намекали генералу, что ему следует уехать из Джурженцев в более безопасное место. Но генерал резко обрывал эти разговоры.

— Никуда я отсюда не двинусь, — сердито говорил он. — Противник от нас бежать должен, а не мы от него. И побежит скоро. Ну-ка, позвоните Яковлеву — готов ли он.

Майор Яковлев был командиром дивизиона реактивных минометов, стоявших на центральной площади села у церкви. Сейчас там, на огневых позициях минометчиков, заканчивались последние приготовления.

Сам майор взобрался на церковную колокольню, где командующий приказал ему оборудовать наблюдательный пункт. Связисты поспешили туда по крутой лесенке телефонный кабель. Внизу, у машин, торопливо работали расчеты. Рамы «катюш», уже расчехленные, с рядами тускло поблескивающих длинных снарядов, были повернуты к северо-востоку.

Майор напряженно смотрел в бинокль, стараясь разглядеть, что происходит на северо-восточной окраине. Вокруг все больше светлело, но снег мешал наблюдению. Буран шел порывами, то словно затихая, то вновь шумно проносясь над землей, в плотном белом облаке. В минуты затишья, когда снежные вихри оседали к земле, видны были темные фигуры, перебегающие у окраины села.

— Телефон установлен, товарищ майор! — доложил связист.

Яковлев молча кивнул, не отрывая глаз от бинокля. Очередной порыв бурана прошумел мимо колокольни и унесся в сторону Лысянки. И тотчас же майору стало видно, как из оврага, подступающего к северо-восточной окраине Джурженцев,

валом повалили солдаты. Немецкие части, задержавшиеся в Комаровке, догнали свои авангарды.

Яковлев схватил телефонную трубку и отдал несколько коротких приказаний. Минуту спустя внизу раздался тяжкий, свистящий вздох, взметнулось густое облако снега, огненные стрелы, косо встав над землей, пронизали летучую стену метели, и первая стайка снарядов со звонким шелестом унеслась вдаль. Яковлев приник к биноклю. В самой гуще толпы, выливающейся из горловины оврага, встали черные клубы дыма и часто загрохотали разрывы. Толпа заметалась, рассыпалась, отхлынула назад, в овраг, и на снегу лишь остались лежать десятки темных неподвижных фигур. А у подножья колокольни снова и снова вздыхали «катюши», засыпая своими страшными снарядами самый овраг.

Немцы рванулись вправо, влево, пытаясь обойти село. Но каждый раз гвардейские минометчики преграждали им дорогу, залпами своих батарей дочерна выжигая квадраты снежного поля. И наседавшие на Джурженцы отряды противника мало-мало подавались влево, в сторону Почапинцев, где на рассвете начался особенно упорный и кровопролитный бой.

Здесь, на хорошо укрепленном рубеже, держали оборону пехотинцы и артиллеристы Трофименко и гвардейцы генерала Смирнова. По холмам тянулись частые цепочки стрелковых окопов, многочисленные пулеметные точки на склонах высот готовы были мгновенно превратить заснеженные лощины в огневые мешки, поодаль в несколько рядов выстроились разнокалиберные пушки, словно частоколом оградившие виднеющееся вдали село Почапинцы. Этот рубеж был последней преградой для войск Штеммермана, — прорвав его, окруженные открыли бы себе путь на Лысянку.

Еще только разливался над полем серый предрассветный полумрак, еще неразличима была в этом полумраке темная полоса леса, стоящего в сотне метров впереди, когда первая цепь немцев появилась перед окопами. Авантюры эсэсовских частей начали штурм Почапинского рубежа.

Противник рвался вперед, не считаясь с потерями. Вслед за его авангардами сюда подошли танки, подтягивались отряды, которым удалось пробиться сквозь огонь наших войск у Комаровки. Атаки следовали все чаще, и с каждым разом число атакующих росло. Здесь и там противнику удавалось вклиниваться в нашу оборону, подавить огневые точки или пробраться мимо них лощинами. Бой приблизился к селу, и фланги вражеской колонны делали отчаянные попытки обогнуть Почапинцы справа и слева.

Казалось, бой достиг высшего напряжения. Зеленые, черные и белые фигуры трупами валились в снег под огнем пуле-

метов, как трава под взмахом невидимой косы, но стоило какому-нибудь пулемету смолкнуть на несколько секунд, необходимых для того, чтобы сменить ленту, и немецкие солдаты врывались в окоп пулеметчиков или успевали обойти огневую точку, отвоевывая еще несколько метров своего пути к Лысянке. Орудия стреляли, как пулеметы, накаленные стволы дышали жаром, снаряды, посыпаемые в упор, расплескивали в стороны толпы атакующих, а когда противник подходил совсем близко, бойцы орудийных расчетов пускали в ход свои автоматы. На огневых позициях артиллеристов вскипали рукошные схватки, и после того, как немцы, не выдержав, отступали назад, тела убитых оставались лежать на ящиках со снарядами, висели на станинах орудий.

Правый фланг немецкой колонны упорно, но безуспешно рвался вперед на всем протяжении от Джурженцев до Почапинцев. Здесь атака за атакой разбивались как о стену. В центре, около Почапинцев, немцам на какой-то момент удалось пробиться к крайним хатам села, но они тотчас же были отброшены назад контратакой гвардейцев-курсантов учебного батальона капитана Елистратова. И лишь на левом фланге, между Почапинцами и Моренцами, противник в одном месте сумел на короткое время разомкнуть непрерывную цепь нашей обороны.

Это была атака главного ядра колонны, отборных отрядов пехоты, подпираемых танками «Викинга». Но не танки проходили дорогу пехотинцам. Наоборот, своим огнем, своими телами пехота должна была проложить дорогу танкам, под охраной которых шли бронетранспортеры, везущие генералов и офицеров. Сотнями солдатских жизней противник хотел оплатить спасение кучки генералов, позорно бросивших свои войска.

Растянувшись по холмистому, снежному полю широкими и густыми цепями, пьяные и полубезумные солдаты шли вслед за облаками метели навстречу огню. Шли эсэсовцы в теплых валенках и шапках, надев на себя сразу по две шинели и натянув сверху белый маскировочный халат. Шли простые пехотинцы в драной, обтрепавшейся одежде, накрывшись вместо халатов простынями, захваченными в крестьянских хатах. Строча из автоматов, швыряя гранаты, испуская дикие вопли, они кидались на окопы, бежали прямо на огонь пулеметов, на пушки, торопливо выдыхающие пламя. Снег не успевал заметать трупы, а из белой мглы накатывались все новые цепи. И когда в одном месте атакующие достаточно глубоко вклинились в нашу оборону, послышался рев моторов и последняя ударная сила противника вступила в действие.

Эсэсовские танки, стреляя из пушек и пулеметов, вздымая тучи снежной пыли, вынеслись вперед, и гусеницы их

кромсали тела своих солдат, только что скошенных нашим огнем. Покачиваясь на ухабах, как лодки на волнах, вслед за танками спешили бронетранспортеры, где за стальными бортами, окруженные кольцом эсэсовцев, выставивших наружу автоматы, тесно, плечо к плечу, сидели укутанные в шубы, бледные и молчаливые генералы и офицеры, застывшие в ожидании своей неизвестной судьбы.

С грохотом рвались вокруг снаряды, звучную дробь выбивали осколки и пули о броню машин, здесь и там останавливались подбитые, горящие танки, но острие этого тарана все глубже проникало в толщу Почапинского оборонительного рубежа. Противник двигался здесь словно внутри глубокого огненного мешка, и каждый метр этого пространства, насыщенного летучим свинцом и сталью, дорого стоил ему. Но зато суживающийся конец мешка вытягивался все дальше.

Захлебнулись последние пулеметы в глубине нашей обороны, затопленные живым валом атакующей вражеской пехоты, на последнем рубеже артиллерии пушки, в упор выпустив последние снаряды, грузно валились набок под гусеницами танков. И хотя соседние батареи старались закрыть своим огнем путь противнику, остатки штурмующей колонны ринулись в образовавшуюся брешь. Перед ними лежало чистое поле — путь на Лысянку был открыт.

Эта брешь существовала всего десять — пятнадцать минут. Тотчас же наперерез противнику устремились наши танки и самоходки; тягачи подтаскивали пушки, и орудия, мгновенно развернувшись, открывали беглый огонь прямой наводкой; с близких холмов во фланг бегущим ударили новые пулеметы, и огневая пробка плотно закупорила отверстие, пробитое немецким тараном. Поток людей и машин, стремительно текущий в это отверстие, был рассечен надвое, и те, что остались сзади, наткнувшись на огневую стену, смешались в беспорядочную толпу, заметались и, смятые, рассеянные огнем, кинулись назад. А к месту прорыва уже подоспела пехота, вновь прочно занимая этот участок нашей обороны.

За эти десять — пятнадцать минут из огромного корсуньского котла вытекло лишь несколько капель. Группа танков и бронетранспортеров с генералами и три-четыре сотни пехотинцев, вырвавшись из кольца, бежали через заснеженные холмы и овраги на юг. Наши пушки били им вслед, несколько танков отправились в погоню, но бегущие уже скрылись за белой засадой метели, приближаясь к краю большой котловины, на дне которой лежит Лысянка. Гитлеровские генералы и офицеры, забыв о чести и о долге воина, бросив на поле сражения тысячи своих солдат, ведущих последний, смертельный бой, оставил без управления войска в тот самый момент, когда

в огне битвы решалась их судьба, дезертировали, спасая собственную жизнь.

Час спустя, потеряв еще несколько танков и больше сотни солдат, беглецы под покровом метели проскочили через линию нашего внешнего фронта и вышли в расположение немецких войск. Впоследствии жители небольшого села близ Лысянки, где произошла эта встреча, рассказали ее подробности.

Село это находилось в то время в непосредственной близости к фронту, и в нем уже несколько дней стоял штаб одной из немецких танковых частей, входящих в группу войск генерала Хубе.

В хатах расположились солдаты и офицеры, во дворах здесь и там стояли штабные автобусы и грузовики, на окраине села немцы разместили ремонтные мастерские и склад горючего. Совсем неподалеку, за холмами, слышались гулкие хлопки танковых пушек. Там по рубежу Гнилого Тикича проходил фронт, и войска Хубе отбивали атаки танков Ротмистрова, стараясь не пустить их на южный берег реки. А дальше, на северо-востоке, тяжело гудела канонада, и немцы с тревогой прислушивались к этому то затихающему, то нарастающему вновь гулу. Этот гул звучал для их ушей как далекий зов окруженных войск, на выручку к которым они были посланы. Но дивизии Хубе уже растратили свои силы в бесплодных атаках и теперь лишь заботились о том, чтобы удержать рубеж реки, надеясь, что сами окруженные сумеют пробиться сюда к ним.

И когда в эту темную, бурянную ночь на 17 февраля, после недолгого затишья, канонада на северо-востоке внезапно возобновилась с неистовой силой, солдаты Хубе и жители села поняли, что там, у Комаровки и Шандеровки, начался последний, смертельный бой, который должен решить судьбу окруженных.

Медленно тянулись рассветные часы, и с каждым часом гром артиллерии нарастал и приближался. Земля отвечала мелкой, лихорадочной дрожью на раскаты этого тяжелого грома, а он все больше рос ишился, захватывая весь невидимый во мгле северный и восточный горизонт.

Часов в десять, когда вдали громыхало еще сильнее, а буран продолжал гнать с севера непроглядные белые тучи снега, жители села услышали на улице крики и топот бегущих людей. Любопытство превозмогало страх, и кое-кто из крестьян, одевшись, выходил из дома поглядеть, что происходит.

По улице один за другим бежали немецкие солдаты, прикрывая лица от ветра руками. Из хаты, где стоял штаб, показались несколько офицеров и тоже поспешили вслед за солдатами. Из соседних домов выходили другие немцы,

взволнованно переговариваясь и указывая руками в сторону северной окраины села. Ветер доносил оттуда шум машин и какие-то выкрики.

Шум и крики приближались, и вскоре в снежной мутни бурана затемнела густая масса людей.

Впереди, окруженные солдатами и офицерами, медленно ползли два гусеничных бронетранспортера с высокими стальными бортами. Машины остановились у хаты, где помещался штаб, и из них один за другим стали выходить важные, одетые в богатые шубы офицеры, поднимаясь по ступенькам крыльца и скрываясь в доме. А за машинами двигалась странная и пестрая толпа.

Люди поняли, что это пришли немцы, вырвавшиеся из кольца русских войск. Они уже смешались с другими немцами, которые встретили их здесь, но их сразу же можно было отличить в толпе. Грязные, драные шинели; обросшие бородами, худые, изможденные лица; блуждающие, полубезумные глаза — все говорило о том, что пережили они, прежде чем добрались сюда.

Большинство шло молча, устало опустив голову или дико зорко озираясь по сторонам, словно не веря, что опасность миновала. Иные что-то нервно и возбужденно рассказывали. Некоторые, видно, совсем выбились из сил, и их вели под руки. Здесь были солдаты, одетые в шинели с меховыми воротниками и укутанные шарфами, и солдаты в одних мундирах и с непокрытыми головами. Стороной, у самого плетня, провели высокого немца. Он выпучивал бессмысленные, пустые глаза и время от времени хохотал заразительно весело. Этот хохот, как резкий скрежет железа по стеклу, заставлял людей вздрогивать и болезненно морщиться.

Прибывших постепенно развели по хатам, и улица снова опустела. И только на крыльце штаба еще долго стояло несколько немецких солдат с бледными, взволнованными лицами. Они вполголоса переговаривались и прислушивались к грохоту канонады.

Все нарастая, как близящаяся гроза, на севере тяжко и зловеще гудели раскаты сражения.

ГЛАВА ШЕСТЬНАДЦАТАЯ РАЗГРОМ

Наступала развязка корсуньской трагедии. Окруженные войска противника доживали последние часы.

Битва гремела теперь не только по всей окружности кольца, но и по всей его глубине, на всех промежуточных ру-

бежах. Пехотинцы Меркулова по-прежнему дрались у Комаровки, хотя за их спиной все еще шел бой за Почапинский рубеж. Около Хилек держали оборону казаки Селиванова, хотя отдельные отряды врага местами просочились через их рубеж и, обойдя Хижинцы, подходили в район Джурженцев.

Это были части второй, самой многочисленной колонны окруженных. Она начала свое наступление почти одновременно с тем, как первая колонна своими эсэсовскими авангардами атаковала пехоту Меркулова у Комаровки. Путь ее лежал несколько западнее — она должна была пройти между Комаровкой и Хильками, миновать Хижинцы и Джурженцы и пробиться к соседнему с Лысянкой поселку Октябрь, где предполагалась ее встреча с танками Хубе.

Но едва голова колонны выступила из Шандеровки, как ее авангарды были остановлены. Между Хильками и Комаровкой, где залегли пехотинцы Трофименко и казаки Селиванова, завязался долгий бой, длившийся до рассвета. Под покровом темноты небольшим отрядам противника удалось проскочить сквозь этот рубеж, и около тысячи немцев к утру оказались невдалеке от Джурженцев. Тотчас же вперед была выслана разведка, чтобы установить связь с танкистами Хубе в поселке Октябрь. Разведчики пробрались туда, но они принесли оттуда неутешительные вести — в поселке немецких танков не было и в помине, там наготове стояли танкисты Ротмистрова.

Солдаты совсем пали духом, и, когда впереди показались советские танки, прорвавшийся отряд поспешно откатился назад и вскоре снова очутился в гуще всей колонны, ведущей безуспешный бой между Хильками и Комаровкой.

А на севере, в тылу атакующих колонн, с первыми проблесками рассвета тоже загремел бой. Это начали свое наступление стрелковые части полковника Горобца, штурмую вместе с танкистами Стеблев и Шандеровку.

Арьергарды противника в Стеблеве, прикрывавшие тыл окружённых, были сразу же смыты и отброшены на юг. Преследуя их по пятам, танки с пехотой на броне ворвались в Шандеровку.

Немцы пытались удержать село, и пехота с трудом отвоевывала улицы, представляющие собой обширное кладбище боевой техники и машин, накануне сожжённых и взорванных противником. Тем временем танки, обезжная загроможденные дороги переулками, дворами, огородами, здесь и там подавляя огонь немецких пушек, постепенно приближались к южной окраине деревни.

Эта окраина была забита уцелевшими машинами и обозами, которые ждали исхода боя у Комаровки и Хилек, чтобы тотчас же рвануться в прорыв вслед за ударными частями

своей колонны. Они ждали уже несколько часов, но, хотя грохот сражения на юге все время усиливался, войска и обозы, сплошной лентой вытянувшиеся по дороге на Комаровку и Хильки, стояли без движения. Передаваемые по этой живой цепи, с поля боя приходили тревожные вести — части прорыва встретили сильный огонь русских, и продвинуться им не удается. А сзади все ближе раздавались орудийные выстрелы и все явственней слышалась дробь автоматов.

Появление танков было совершенно неожиданным. Четырехорудийная немецкая батарея, стоявшая поодаль от дороги, под деревьями, не успела открыть огонь, как танки, вырвавшись из-за гребня ближнего холма, оказались в нескольких десятках метров от пушек.

Впереди летела машина, которой управлял сержант Швецов. Прежде чем артиллеристы успели заложить первый снаряд, танк Швецова грузно перевалил через бруствер орудийного окопа, и гусеницы его заскрежетали по металлу, подминая и круша пушку. В несколько секунд все четыре орудия были раздавлены, и танки вынеслись на дорогу, запруженную повозками и машинами.

Пламя рвалось из длинных стволов пушек, жарко дышали огнем пулеметы, гусеницы дробили все на своем пути. Танки неслись по дороге, и месиво из машин и повозок, людей и лошадей оставалось там, где они проходили. Солдаты с воплями разбегались по сторонам; повозочные нахлестывали лошадей, гоня их напрямик через заснеженное поле; машины тяжело съезжали с дороги в снег и, беспомощно буксую, останавливались.

Удар с тыла сразу привел в движение всю колонну, растянувшуюся на несколько километров. На дороге творилось нечто невообразимое. Сзади масса людей, повозок, машин рвалаась вперед, бешено напирая на тех, кто загораживал им путь. Передние, еще не зная, в чем дело, сопротивлялись этому настиску и были не в силах сдержать его. Грузовики и повозки наезжали на людей, сталкивались, закупоривая дорогу безнадежными пробками, солдаты сбивались в кучу, а танки осипали их снарядами и давили гусеницами.

Колонна потеряла всякий порядок, рассыпалась, разлилась по полю. Толпы солдат, остатки обозов панически бросились прочь от Шандеровки к Комаровке и Хилькам, где вело бой ядро их колонны. Танки преследовали бегущих, подстегивая их огнем.

От первых хаток Комаровки до спускающихся с далекого пригорка окраинных садов Хилек вдали и вширь раскинулось большое поле, взгорбленное холмами, прорезанное оврагами. Местные жители называют его Бойковым полем,

В это холодное, метельное утро 17 февраля 1944 года Бойково поле стало центром всей Корсунь-Шевченковской битвы. На его просторах, затянутых густой, клубящейся завесой бурана, скопилась вся масса окруженных немецких войск. Здесь вели бой ударные отряды второй колонны, отчаянно и безуспешно пытающиеся пробить себе путь на юг. Здесь, в снежной мгле, метались, спасаясь от огня, жалкие остатки разгромленной первой колонны, уже не помышляющие об организованном сопротивлении, но еще таящие надежду отыскать какую-нибудь щелочку в огненном кольце, повсюду преграждающем дорогу к Лысянке. Сюда же, преследуемые танками, ринулись от Шандеровки обозы. Машины и повозки растекались по всему полю, с неимоверным трудом пробираясь по глубокому снегу.

Белые вихри бурана скрывали все вокруг. Лишь на расстоянии нескольких шагов можно было различить что-нибудь. Эта белая тьма, мешающая видеть всю картину боя, еще больше увеличивала панику. Потеряв всякую ориентировку, бессмысленно кидаясь то в одну, то в другую сторону, толпы мерзнувших, увязающих в снегу солдат, сотни повозок и машин вслепую кружили по полю, сталкиваясь друг с другом, натыкаясь на пулеметный огонь, попадая под артиллерийские налеты, скучиваясь в оврагах, куда реже залетали снаряды и мины и где не так сильно жгло ледяное дыхание бурана.

Временами откуда-то доносился протяжный крик идущей в атаку пехоты, тотчас же заглушаемый дробным треском ружейно-пулеметной перестрелки. Со всех сторон раздавались вопли и стоны раненых, умоляющих о спасении. Сквозь свист бурана то и дело прорывался протяжный вой снарядов, замирающий на низкой ноте и оканчивающийся звонким грохотом разрыва. И, покрывая все эти звуки, тяжело и мощно гудела вокруг канонада.

Этот гул нарастал с ночи, по мере того как ширился фронт битвы, по мере того как, подходя к полю боя, в сражение вступали все новые и новые силы. Громовые перекаты сотрясали близкие холмы, стремительный ветер доносил громыхание боя к Лысянке, где к нему с тревогой прислушивались солдаты дивизий Хубе, зная, что там, на севере, происходит развязка корсуньской трагедии. Этот далекий гром слышали Шпола и Смела, Канев и приднепровские села. А здесь, на Бойковом поле, обреченным на гибель, обезумевшим солдатам Штеммермана этот все нарастающий, раздирающий нервы грохот и в самом деле представлялся ревущей трубой Страшного суда, возвещающей конец света.

Тем временем за огненной линией, опоясавшей Бойково поле, заканчивались приготовления для последнего, смертель-

ного удара. К восточной окраине поля подходили танковые колонны генерала Кириченко. Со стороны Хилек к месту сражения подтягивались казачьи эскадроны селивановцев.

Последние судорожные усилия прилагал противник, чтобы проложить себе путь через огневое кольцо. Остатки отрядов прорыва кинулись в новую атаку по всему южному краю Бойкова поля. И тотчас же в тылу атакующих разнесся слух о том, что оборона русских прорвана. Со всех концов поля на юг устремились толпы солдат, поток машин и повозок.

В эту минуту с командного пункта генерала Конева был передан условный сигнал. Перед строем танков Кириченко, растянувшихся длинным фронтом вдоль всей окраины поля, на башне головной машины командир взмахнул флагом. Передаваемый от одного танка к другому сигнал, как электрическая искра, пробежал по всей этой стальной цепочке. Разом гневно заревели сотни моторов, и стальная волна с глухим гудением накатилась на затянутое буроном поле.

А на другой стороне Бойкова поля почти в эту же минуту перед неподвижно замершим строем конников командир казачьей части, донской полковник Мороз, привстав на стременах, выхватил из ножен шашку. Сверкающий клинок со свистом описал круг над головой полковника, и статный гнедой конь Мороза, вздрогнув от резкого толчка шпор, птицей рванулся вниз по склону холма. И сразу же свистнули в воздухе сотни клинков, и, развертываясь в атакующую цепь, гремя раскатистым «ура», казачьи эскадроны понеслись за своим командиром.

Слух о прорыве немецких авангардов оказался ложным. На южной окраине поля поток ринувшихся из тыла солдат столкнулся с отступающими после неудачной атаки цепями пехотинцев, за которыми по пятам катился огневой вал советской артиллерии. Только что вышедшие из боя автоматчики и бросившие свое ненужное оружие тыловики, охваченные паникой обозники и ищущие спасения раненые — все это смешалось в одну хаотическую многотысячную толпу, на которую тотчас же нахлынула волна артиллерийского огня. Толпа тяжело шарахнулась назад, спасаясь от снарядов.

И тогда слева, со стороны Комаровки, послышался глухой, однообразный шум — рокот сотен моторов, растущий, усиливающийся с каждой минутой. Тревожно прислушиваясь, толпа на мгновение остановилась. Рокот превратился в тяжкий рев, который, казалось, поглотил все остальные звуки. Впереди, в белом сугробовом тумане, смутно проступили контуры громоздких машин.

— Panzern! Panzern! — прокатилось по толпе.

Танки, уже различив за пеленой снега темную массу солдат, открыли огонь. И все то, что осталось от обеих немецких колонн, при виде этой неудержимо несущейся стальной стены, извергающей споны огня, сразу превратилось в паническое стадо. С криками ужаса, толкаясь, падая, давя друг друга, толпа солдат бросилась бежать от танков к противоположному, правому краю поля.

А оттуда, навстречу им, по всей ширине поля, быстро приближаясь, нарастало русское «ура» и доносился странный, частый топот. И вдруг у кого-то из бегущих впереди вырвался полный страха и отчаяния крик:

— Kosak! Kosak!

Наперед снежным волнам бурана, прямо на обезумевшую толпу солдат неслась плотная казачья лава. Победный, торжествующий клич гремел над рядами конников, увидевших противника; тяжко хранили кони, уже охваченные азартом боя, и поднятые ввысь клинки, взблескивая, шевелились над красноверхими кубанками всадников.

Казаки врезались в толпу, и началась сеча. Кавалеристы рубили врага так же, как когда-то на этих полях рубили польских шляхтичей запорожцы Богдана Хмельницкого, так же, как четверть века назад здесь же рубили махновцев конные полки Буденного. Свистели обагренные кровью клинки, кони топтали копытами трупы, и тысячи солдат в зеленых шинелях метались по полю. С востока на них неудержимо надвигалась стальная громада танков, словно тяжелым прессом отжимая их на другой край поля, где мелькали казачьи клинки, как в мясорубке перемалывая то, что осталось от окруженных войск.

Последняя воля к борьбе, последние надежды на спасение были сокрушены в прах этим двойным ударом танков и конницы. Остатки немецких колонн под этим ударом окончательно утратили всякие следы военной организованности и сразу превратились в беспомощное скопище обессиленных, морально раздавленных, полусумасшедших людей. Бросая оружие, поднимая руки, размахивая нашими листовками, они десятками и сотнями стали сдаваться в плен. И когда на середине Бойкова поля встретились танки Кириченко и казаки Мороза, на всей этой обширной холмистой равнине уже не было гитлеровских солдат, а были только пленные немцы.

Разрозненные группы противника еще бродили среди бурана, там и тут по временам снова вспыхивала короткая перестрелка. В Шандеровке с верхушки водокачки меткой пулей снайпера был снят последний немецкий автоматчик. Наши стрелки прочесывали окрестные овраги, вылавливая или уничтожая разбежавшихся солдат противника. Затихал бой на Почапинском рубеже.

К утру умолкла стрельба. Прекратился буран, сменившись морозным безветрием. Над заметенными снегом корсуньскими полями, где четырнадцать суток, не смолкая ни днем, ни ночью, громыхало могучее сражение, легла глубокая, ясная тишина.

Корсунь-Шевченковская битва закончилась.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ НОВЫЙ СТАЛИНГРАД

В первом часу пополуночи 18 февраля 1944 года в эфир понеслись знакомые всему миру позывные московской радиостанции. Как всегда торжественно и медленно, диктор Юрий Левитан прочитал приказ Верховного Главнокомандующего, посвященный корсунь-шевченковской победе.

Торжествующе прозвучала мелодия Гимна Советского Союза, затих протяжный звон кремлевских часов, и первый залп пушек Москвы гулко прогремел над страной.

Гром московского салюта, долетая по эфиру к линии фронта, сливался здесь с боевыми залпами полевой артиллерии. На Ленинградском и Волховском фронтах пушкам столицы вторили раскаты победных боев — здесь наши войска гнали немцев на запад, все дальше от города Ленина. Словно эхо повторяло этот салют на юге, — там, около Кривого Рога, начавшие новое наступление армии генерала Малиновского тоже громили противника.

А на полях Корсунь-Шевченковской битвы, куда были обращены залпы сегодняшнего салюта, боевая гроза уже затихла. Только вдали, в направлении Лысянки, порой взblesкивали огневые зарницы и будто негромко урчал уходящий гром — там, у Гнилого Тикича, танкисты Ротмистрова продолжали теснить дивизии Хубе.

Неторопливый зимний рассвет постепенно открывал широкую панораму корсуньского побоища. От Стеблева и Шандеровки до Комаровки и Хилек и дальше, до Моренцев, Почапинцев, Джурженцев, заснеженные поля и дороги были загромождены разбитой и брошенной техникой врага. Здесь было вооружение всех видов, были машины всех типов и марок, выпускаемых заводами Германии и оккупированной Европы. Запорошенные метелью железные скелеты взорванных бронетранспортеров и автомобилей; увязшие в глубоком снегу орудия и тягачи; танки с отлетевшими башнями; вездеходы, лежащие на боку; автобусы, поднявшие колеса вверх; грузовики, взгромоздившиеся один на другой, и сотни, тысячи трупов в самых невероятных позах, уже занесенные снегом, жестко

схватченные морозом, — все это являло собой картину грандиозного по масштабам и страшного по своему ожесточению военного разгрома.

По дорогам, ведущим в сторону Звенигородки, бесконечной серо-зеленой рекой текли колонны пленных. Бледные, изможденные, обросшие серой щетиной солдаты, хмурые, мрачно покрутившие головы офицеры брели в тыл, зябко поеживаясь под щипками мороза, пряча руки в рукава грязных, обтрепанных шинелей. Порой два-три наших автоматчика конвоировали далеко растянувшуюся колонну в несколько сот немцев. Пленные и не помышляли о побеге — ужас вчерашнего побоища подавил в них все чувства, все желания, кроме одного — желания жить. Они уцелели, и сейчас этого им было достаточно.

В наших штабах едва успевали допрашивать пленных офицеров. Когда им задавали вопросы о событиях прошлой ночи, о том, что происходило в окруженных войсках в последние часы битвы, выражение неподдельного страха появлялось в их глазах.

— О, это было нечто невообразимое. Это как кошмарный сон! — говорил один.

— Наше командование назвало в своем последнем приказе эту ночную операцию «бегом за жизнью», — рассказывал другой. — Но мы называли ее «бегом за смертью».

— Это был марш между шпицрутенами, — отвечал третий. — Мы не переживали ничего страшнее этой ночи.

Они говорили о том, как, брошенные своими генералами и штабами, войска метались в снежных облаках бешено выгути, повсюду натыкаясь на огонь, как везде косила их смерть. И в тоне их голоса слышалось удивление, словно каждый из пленных недоумевал, как мог он остаться в живых, пройдя через все это.

На шоссе и проселках, по которым прошлой ночью двигались немецкие колонны, сейчас работали отряды дорожников. Тягачи растаскивали в стороны взорванные машины, солдаты сносили к обочине мертвые тела. Местами убитые лежали так тесно, что их приходилось укладывать штабелями, чтобы освободить проезд.

Шагая прямо по глубокому снегу, трофейные команды обходили поле боя, подсчитывая потери противника, осматривая брошенную им технику. На окраине Бойкова поля близ Хилек по холмам и оврагам стояли сотни немецких машин, в большинстве своем совсем неповрежденных. Там уже оживленно хлопотали сельские мальчишки и, дружно подталкивая в гору маленький легковой автомобиль, с хохотом съезжали на нем по заснеженному склону холма. Хозяйственные шандеровские

селяне бродили около взорванных грузовиков и бронетранспортеров, подбирая то коробку от пулеметных лент, то лист железа — все, что может пригодиться в разрушенном хозяйстве. Командиру части, расположившейся в Шандеровке, принесли большой железный крест, найденный где-то на улице. Пленные объяснили, что этим крестом Гитлер в свое время наградил мотобригаду «Валлония». В помещении немецкого штаба нашли целые мешки крестов и медалей, присланных из Берлина для награждения солдат и офицеров окруженных войск.

В этот день на поле боя был обнаружен труп человека в мундире генерала немецкой армии.

Его нашли в снегу на окраине села возле большого каменного сарая, наполовину разрушенного нашими снарядами. В сарае стоял стол с несколькими телефонами на нем, мягкое кресло, видимо привезенное сюда из города, на полу был расстелен ковер. Судя по всему, тут помещался какой-то командный пункт.

Человек в генеральском мундире лежал навзничь в снежном сугробе. У него было худое лицо с резкими чертами, искаченными предсмертной судорогой, седоватый бобрик над высоким лбом, в котором чернело пулевое отверстие, тонкие губы, длинные, костлявые пальцы. В кармане мундира нашли воинское удостоверение на имя генерала артиллерии Вильгельма Штеммермана, пачку семейных фотографий, разрешение на право вождения автомашины. Рядом валялся наполовину разряженный парабеллум.

Сообщили в штаб войск Трофименко, и оттуда сейчас же приехали офицеры, которые привезли с собой ординарца Штеммермана, захваченного в плен прошлой ночью. Он сразу же опознал своего бывшего начальника. Теперь не было никаких сомнений — мертвый генерал был командующим корсунь-шевченковской группировкой гитлеровских войск Вильгельмом Штеммерманом.

Место его гибели тщательно обследовали. Но было трудно решить, как настигла смерть генерала. То ли поразил его меткий выстрел советского пехотинца, то ли, видя, как гибнут его войска, Штеммерман в отчаянии пустил себе пулю в лоб из своего парабеллума.

Тело Штеммермана уложили в кузов грузовика и повезли в Джурженцы. В пути машине пришлось задержаться: в одном месте дорога оказалась еще не восстановленной — саперы заканчивали тут ремонт мостишка через замерзший ручей. Пока офицеры, сопровождавшие грузовик, в ожидании прохаживались по дороге, сзади подъехал и остановился легковой автомобиль. Дверца кабины открылась, и на дорогу вышел высокий

кий, широкоплечий офицер в серой папахе. На погонах его блестели четыре большие генеральские звезды. Все узнали командующего фронтом генерала армии Конева.

— В чем задержка? — спросил генерал, оглядывая вытянувшихся перед ним офицеров.

Поспешно подбежавший командир саперов, волнуясь, доложил, что через десять минут мостик будет готов. Конев кивнул.

— А вы что везете? — обратился он к офицерам, стоявшим у грузовика.

— Везем труп немецкого командующего, товарищ генерал армии, — был ответ.

— Штеммермана? — живо переспросил Конев. — Да, мне докладывали, что его труп нашли.

Он подошел к борту грузовика и заглянул в кузов. Потом, обернувшись к офицерам, строго сказал:

— Положите его лучше и накройте как следует. Это генерал, павший на поле боя. И передайте мое приказание — похоронить его, как подобает хоронить генерала.

Вечером того же дня в селе Баранье Поле труп Штеммермана был предан земле. Генерала хоронили его соотечественники. Пленные немецкие солдаты вырыли в морозной земле могилу, и немецкие офицеры из комитета «Свободная Германия», во главе с генералом фон Зейдлицем, опустили в нее гроб с телом бывшего командующего разгромленной корсунь-шевченковской группировкой.

А в наших войсках бойцы хоронили своих погибших товарищес. На площадях сел у свежих холмиков братских могил в суровом, печальном безмолвии замирали шеренги солдат, склонялись к земле простреленные знамена полков, из толпы собравшихся на похороны колхозников рвались рыдания женщин и, заглушая их, гремели винтовочные залпы прощальных салютов.

Только эти короткие, сухие залпы тревожили сейчас тишину корсуньских полей. Постепенно затих даже дальний гул артиллерии, доносившийся со стороны Лысянки, — там тоже положение резко изменилось. Танкисты Ротмистрова, покончив с окружёнными, обратили все свои силы против дивизии Хубе. Наши танки вырвались на южный берег Гнилого Тичика, и под их ударами враг стал быстро откатываться на запад.

Теперь поля Корсунь-Шевченковской битвы стали тыловым районом. Фронт ушел за 40—50 километров отсюда.

Окрестные села уже жили новой, тыловой жизнью. Здесь расположились на отдых наши части. Мирно дымили во дворах и на огородах полевые кухни, заиграл на улице баян, понес-

лись песни, и к дружному солдатскому хору присоединялись высокие голоса сельских девчат. Из части в часть ездили лекторы, бригады артистов, коллективы художественной само-деятельности, кинопередвижки с последними фильмами. В ротах и на батареях шли партийные собрания, на которых коммунисты обменивались опытом недавних боев и принимали в партию героев Корсунь-Шевченковской битвы. Торжественное, праздничное настроение царило в отдыхающих войсках.

Вскоре все узнали о новых указах правительства. 20 февраля командующему войсками 2-го Украинского фронта генералу армии Коневу было присвоено звание Маршала Советского Союза. Маршалом бронетанковых войск стал генерал Ротмистров. Сотни других воинов — солдаты, офицеры, генералы, отличившиеся в дни Корсунь-Шевченковского сражения — получили правительственные награды. Некоторые были удостоены звания Героя Советского Союза.

Между тем уже закончили свою работу трофейные команды, в штабах подвели итоги потерям противника, и Советское Информбюро сообщило всему миру новые, уточненные цифры, характеризующие масштаб отгремевшего сражения. Из окруженных войск 55 тысяч солдат и офицеров были убиты в боях и 18 200 попали в плен. Противник потерял 471 самолет, 271 танк, 110 самоходных орудий, 10 тысяч автомашин и множество другого военного имущества.

Но это было не все. К потерям самой окружённой группировки следовало прибавить урон, который понес противник на внешнем фронте, пытаясь пробиться на выручку к дивизиям Штеммермана. 22 февраля Совинформбюро огласило новые данные. В боях на внешнем фронте, в период с 5 до 21 февраля, немецкие войска потеряли до 27 тысяч человек убитыми и почти полторы тысячи пленными. Здесь было уничтожено 329 самолетов, 827 танков, 446 орудий, 1638 автомашин. Наши части в этих боях захватили 115 танков, 270 орудий, около двух тысяч автомашин, броневиков, бронетранспортеров и другие трофеи.

Таковы были итоги Корсунь-Шевченковской битвы. Однако она имела и иной, не поддающийся точному учету результат. Никакими цифрами нельзя было выразить тот моральный, психологический эффект, который произвело это поражение в Приднепровье на всю гитлеровскую армию.

Огромная войсковая группировка, состоявшая из закаленных в боях кадровых дивизий, обладающих мощным вооружением, многочисленной боевой техникой, была, меньше чем за месяц, стерта с лица земли. Полтора десятка дезертировавших с поля битвы генералов и офицеров и сотня-другая солдат, прибежавших утром 17 февраля в расположение войск Хубе, — это было все, что осталось от корсуньского котла. Появление

этих беглецов произвело на немецкие войска неотразимое действие. Немцы, рвавшиеся на помощь к окруженным, знали, что на корсуньских полях идет ожесточенная битва, но у них не было ясного представления о масштабах и характере этого сражения. Увидев перед собой этих полубезумных, похожих на выходцев с того света людей, услышав их бессвязные рассказы, они испытали невольный ужас. Призрак Сталинграда снова ожидал перед ними в кошмарах Корсунь-Шевченковской битвы.

Для гитлеровского командования, испытывавшего на фронте поражение за поражением, разгром под Корсунем был роковым событием. Слишком часто в последние месяцы приходилось сообщать о «планомерных отходах», «сокращениях коммуникаций» германских войск, и известие об исходе Корсуньской битвы неизбежно вызвало бы самую тяжелую реакцию на фронте и в тылу. В ставке Гитлера решили прибегнуть к обычной тактике лжи и обмана.

Все время, пока шло сражение, вплоть до 17 февраля, германское командование в своих сводках замалчивало факт окружения войск Штеммермана и даже туманно сообщало об «успешных боях» в Приднепровье. Но когда окруженные были истреблены, стало ясно, что замолчать битву такого масштаба не удастся. И тогда в Берлине опубликовали сводку, где сообщалось, что в районе Корсунь-Шевченковского группа германских войск некоторое время сражалась в окружении, а затем прорвала кольцо русских и благополучно соединилась со своими.

Однако слух о том, что на самом деле произошло под Корсунем, распространялся все шире, и, чтобы придать достоверность своей лживой версии, фашистские главари задумали разыграть целый спектакль.

Генералы, бежавшие из Корсуньского котла — одни из них заблаговременно улетели оттуда на самолетах, другие дезертировали с поля боя в последний момент,—были вызваны в ставку Гитлера. Казалось бы, что военачальников, бросивших в бою своих солдат ради спасения собственной шкуры, может ожидать только военный суд и суровое наказание. Но генералов позвали вовсе не для того, чтобы покарать их. Вместо этого Гитлер лично вручил им высшие воинские награды «за их выдающиеся личные заслуги и за мужественную борьбу руководимых ими войск».

В тот же день берлинская печать сообщила, что Гитлер наградил высшим орденом также командующего войсками, сражавшимися под Корсунем, генерала артиллерии Вильгельма Штеммермана. Приводя это сообщение, газеты умалчивали о судьбе Штеммермана, и генерал, которого за несколько дней до

этого зарыли в мерзлую украинскую землю, был представлен немецкому обывателю благополучно здравствующим.

22 февраля Советское Информбюро опубликовало статью «Комедия в ставке Гитлера». Спектакль, поставленный в Берлине, был разоблачен и высмеян перед всей мировой общественностью. «Из комедии, так неумно разыгранной в гитлеровской ставке, — говорилось в сообщении Советского Информбюро, — одно очевидно: плохие времена наступили для немецко-фашистской армии на советско-германском фронте, коль Гитлер начал выдавать свои погибшие войска за действующие и награждать генералов, постыдно сбежавших с поля боя. Для всех очевидно также, что этот новый жульнический трюк потерявших голову гитлеровцев, эта их штая лыком новая комедия никого не может ввести в заблуждение относительно судьбы уничтоженных советскими войсками десяти немецких дивизий в районе Корсунь-Шевченковский».

Скрыть эту судьбу было невозможно. Ложь германской пропаганды разоблачалась не только Советским Информбюро, но и иностранными газетами и радио, подробно сообщавшими о Корсуньской битве. О том, что случилось под Корсунем, рассказывали очевидцы и участники боев. Немецкие солдаты писали об этом на родину. Среди офицеров, которым посчастливилось удрать из котла, нашлись такие, что, надеясь заработать славу героев, во всеуслышание выбалтывали характерные подробности сражения.

Одним из этих искателей славы был не кто иной, как гла-варь бельгийских фашистов Леон Дегрель — бывший политический руководитель мотобригады СС «Валлония», наголову разгромленной войсками генералов Трофименко и Коротеева в Корсуне и Стеблеве. В то время как весь личный состав вверенной ему бригады либо полег на поле боя, либо был внесен в списки военнопленных, оберштурмфюрер Дегрель оказался у себя дома в Бельгии, отдыхая от фронтовых потрясений.

Из котла он, как большинство других генералов и офицеров, бежал на самолете. Получив в одном из боев легкую царапину, Дегрель тотчас же воспользовался этим случаем, понимая, что дальнейшие события не сулят ничего доброго. Он разыграл роль опасно раненного и с помощью своих солдат втиснулся в транспортный самолет, которому затем удалось перелететь через фронт. Вернувшись в Бельгию и узнав о судьбе своих солдат, он решил выступить по радио с воспоминаниями о пережитом.

«Мотобригада СС «Валлония», — рассказывал он, — состояла из так называемых ударных частей и всегда занимала наиболее важные позиции. Вернее, мы всегда находились в авангарде. Погода была ужасная. Попробуй окопаться, когда вода

натекает в окоп быстрее, чем ты оттуда выбрасываешь землю. В лесу лежит снег, а наступишь на него — провалишься по пояс в мокрую кашу. На полях земля нагрета солнцем, но когда она лицнет к ногам пудовыми комьями, ты ненавидишь ее — эту проклятую землю. А если ляжешь — потом встанешь грязный как черт. Артиллерию и минометы нам по большей части приходилось тащить на руках. Солдаты достигали предела своих сил. Только упорная ярость, сознание близости врача заставляли их еще держаться на ногах. В последнее время мы стали ощущать недостаток в боеприпасах, в горючем, продовольствии, медикаментах, а самое главное некуда было деть раненых. Боеприпасы, горючее, продовольствие нам пытались доставлять по воздуху, но в течение последних нескольких дней ни один самолет не мог приземлиться. Грузы начали сбрасывать с самолетов на парашютах, но расстояние между нами и противником было очень малым, и много парашютов, гонимых ветром, попадало к русским. Время от времени Гитлер, обращаясь к нам по радио, спрашивал: «Ну как, вы живы?» Мы, словно из бездны, отвечали: «Живы!» Сотни русских танков атаковали нас с тыла, могучие, всесокрушающие армии теснили нас со всех сторон. Мы вязли по колено в грязи. Часть солдат осталась без сапог, потому что сапоги нельзя было вытащить из грязи, а босиком легче передвигаться. Положение было невероятно трудным. Мы были вынуждены приказать: «Кто остался без патронов — все равно никуда не уходит с передовой, а остается на своем месте и, вместо того чтобы стрелять, кричит «ура».

Слушая этот, не лишенный красок, рассказ эсэсовца, немецкие солдаты на фронтах и немецкие обыватели в тылу невольно чувствовали, какого характера и масштаба события произошли только что на Правобережье Днепра. Несмотря на уверения берлинской пропаганды, Корсунь-Шевченковская битва вставала перед германской армией и германским народом как новая катастрофа гитлеровской стратегии, как новый Сталинград.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ВЕСНА ИДЕТ

Буран, разразившийся 17 февраля, казалось, был последней вспышкой зимы. Как только метель улеглась, над заснеженными полями Правобережной Украины заголубело ясное небо, и солнце стало пригревать все сильнее. Весна бралась дружно и весело.

В штабе командующего Южной группой немецких армий фельдмаршала Манштейна, как и в ставке Гитлера, считали, что в ближайшее время можно не опасаться наступления Советской Армии на Украине. Во-первых, начиналась весенняя распутица, гиблое время непролазной грязи и дождей, когда по всем общепризнанным законам военной науки наступательные действия считались невозможными. Во-вторых, после крупного наступления 1-го Украинского фронта в районе Ровно и Луцка, после Корсунь-Шевченковской битвы, после того как на юге 3-й и 4-й Украинские фронты разгромили никопольскую и криворожскую группировки немцев, советским войскам потребуется время, чтобы пополниться и перегруппировать свои силы. Немецкие генералы думали, что их южным армиям обеспечена передышка по крайней мере на месяц-полтора, до тех пор пока подсохнет земля и дороги станут проезжими.

Из немецкого тыла спешно подтягивались на Украину подкрепления, шли эшелоны с боевой техникой. Противник снимал войска из Франции и Западной Германии и перебрасывал их на восток, пользуясь тем, что второй фронт по-прежнему не был открыт.

Тем неожиданнее были для противника новые удары наших войск. Советское Верховное Главнокомандование, последовательно проводя в жизнь свой план освобождения Правобережной Украины, в кратчайший срок сумело подготовить наступление огромной силы на фронте более чем в тысячу километров.

4 марта снова двинулся вперед 1-й Украинский фронт, 5 марта нанесли свой удар войска маршала Конева, а днем позднее перешли в наступление и части 3-го Украинского фронта. От белорусских лесов до Черного моря советские войска взламывали, рвали немецкий фронт, как ломает и крушит зимний лед взбухшая, полная весенних сил река.

Это было невиданное наступление. Ни одна армия никогда еще не предпринимала столь крупных операций по бездорожью, в самый разгар весенней распутицы.

Словно выбиваясь из своих могучих сил, натужно ревели танковые моторы, и тяжелые машины, глубоко зарываясь гусеницами в мокрый, жирный чернозем, пропахивали свой путь через поля. Ехали на броне вымокшие под весенними дождями, с ног до головы залепленные грязью автоматчики, мгновенно рассыпающиеся в цепь при встрече с очередным заслоном отступающего противника. А за передовыми отрядами по не-проезжим дорогам, по вязким полям двигалась основная масса пехотных частей. Танки с десантами то вырывались вперед,

то задерживались, завязывая бой на новом промежуточном рубеже врага, и тогда пехота нагоняла их и своим вмешательством решала судьбу боя.

Силы пехотинцев казались неисчерпаемыми. Дни и ночи продолжался этот выматывающий, беспрерывный марш, перемежающийся короткими, жестокими боями. Ноги глубоко вязли в цепкой густой грязи или разъезжались, как по льду, на скользкой глине. В сапогах противно хлюпала вода, тяжело давили плечи лямки набитого патронами вещевого мешка. Порой люди часами шли под непрекращающимся частым дождем; плащ-палатки, шинели, даже белье вымокали до нитки, и некогда было зайти в хату, чтобы хоть немного подсушить одежду.

По утрам уходящая зима напоминала о себе заморозками, раскисшая земля слегка затвердевала, а лужи затягивались тонким, хрустким ледком. Ноги стыли в сырых сапогах, знобкую дрожь вызывала мокрая одежда. Стоило в эти утренние часы остановиться где-нибудь на дороге танку или самоходке, и пехотинцы обступали машину, грея на теплой от мотора броне красные, зазябшие руки.

Беспомощно увязли на первых же километрах мощные трехосные грузовики. Застревали на дорогах обозные повозки, и обессилевшие кони валились в грязь. Только танки и люди шли и шли...

Когда останавливалась завязшая повозка, стрелки выгружали из нее боеприпасы и несли их дальше на плечах. Когда невмоготу становилось лошадям в артиллерийской упряжке, пехотинцы отпрягали коней и тащили орудие на канатах. Если в глубокой, залитой водой колдобине бессильно буксовал гусеничный тягач, люди, дружно навалившись, выталкивали его из грязной ямы. Они оказывались крепче моторов, прочнее металла, эти неутомимые, железные советские солдаты.

Каждый день войска оставляли за своей спиной новые просторы освобожденной украинской земли и все дальше уходили от исходных рубежей наступления. Сначала за десятки, потом за сотни километров в тылу остались базы снабжения. Автотранспорт был парализован бездорожьем, гусеничные машины и конные обозы могли доставить на передовую лишь малую часть грузов, а на железных дорогах, пролегающих по отвоеванной территории, враг разрушил буквально каждую шпалу, каждый рельс, и полотно было выведено из строя на многие месяцы. Снабжение войск становилось самым болезненным вопросом. Весна отрезала фронт от его тылов.

В ход пошла наша транспортная авиация. В воздухе не затихало басовитое гуденье тяжело нагруженных двухмотор-

ных самолетов, непрерывно снующих взад и вперед низко над землей. Но и этого снабжения по воздуху не хватало. И снова, как в дни Корсунь-Шевченковской битвы, на помощь армии поспешили крестьяне освобожденных районов. От тыловых баз вдогонку за наступающими войсками по полям и холмам люди понесли на плечах снаряды, мины, мешки с патронами.

Наступление продолжалось, и темп его не ослабевал.

Ошеломленные и деморализованные этими внезапными ударами, оставляя за собой накрепко завязшую в грязи колонны машин и боевой техники, армии Манштейна беспорядочно покатились на запад. Каждый день освобождая десятки городов, сотни сел, советские войска форсировали Южный Буг и Днестр, отбрасывая захватчиков за пределы украинской земли.

В английской и американской печати о весеннем наступлении советских войск писали как о чуде. Иностранные журналисты, находившиеся при фронтовых штабах, считали, что секрет этого необычайного успеха кроется в каких-то особых причинах. Высказывались предположения, что русские изобрели новый «вездеходный» танк, поэтому они так стремительно наступают, тогда как немецкие танки вязнут в грязи. На пресс-конференции в штабе 2-го Украинского фронта английские и американские корреспонденты засыпали маршала Конева вопросами о мифическом «секретном танке», а маршал, смеясь в ответ, советовал им побывать в частях и воочию убедиться, какими средствами добывается победа.

26 марта 1944 года войска маршала Конева, пройдя через Бессарабию, вышли к берегу Прута — на государственную границу СССР и Румынии. Тринадцать дней спустя на границу Советского Союза с Румынией и Чехословакией вышли войска 1-го Украинского фронта. Армии 3-го Украинского фронта тем временем освободили Одессу, форсировали Днестр и захватили прочный плацдарм на его западном берегу.

Теперь вся Правобережная Украина была освобождена от оккупантов. Государственный рубеж был восстановлен на протяжении четырехсот километров, и первый участок его восстановили недавние победители Корсунь-Шевченковской битвы — полки, на знаменах которых уже были вышиты шелком присвоенные им наименования «Корсуньских».

Они первыми перешагнули за пограничную черту — правительство отдало Советской Армии приказ перейти границу и преследовать противника вплоть до его разгрома и капитуляции,

ДВА ПАМЯТНИКА

22 июня 1953 года датская буржуазная газета «Афтенбладет» поместила на своих страницах следующее сообщение:

**«ПИРАТСКИЙ ФЛАГ СНОВА РАЗВЕВАЕТСЯ В ГЕРМАНИИ
ОТКРЫТ ПАМЯТНИК ЭСЭСОВЦАМ**

Геппинген, понедельник (Ассошиэйтед Пресс). Впервые после окончания последней войны вчера состоялось открытие памятника павшим эсэсовцам — отборным войскам Гитлера, вызывавшим ужас и в годы войны сеявшим смерть и террор в Европе. Открытие памятника имело место в присутствии 2000 бывших эсэсовцев, в том числе трех генералов.

Над памятником был поднят черный флаг с изображением белого корабля викингов — эмблемы дивизии «Викинг». Бывший командир дивизии генерал Герберт Гилле присутствовал при этом и заявил в своей речи о лояльности по отношению к западногерманскому правительству и европейской армии».

Мы не знаем больше ничего о подробностях этого фашистского митинга в Геппингене — небольшом немецком городке в американской зоне оккупации Германии, близ Штутгарта. Но совершенно очевидно, что сборище двух тысяч эсэсовцев и церемония открытия памятника могли состояться там только с разрешения и одобрения американских оккупационных властей. И легко можно представить себе, что должны были чувствовать мирные геппингенские обыватели, видя, как свободно и весело разгуливают по улицам их родного городка гитлеровские молодчики; слыша, как один из самых зловещих фашистских генералов произносит речь, безнаказанно прославляя «доблести» кровавых эсэсовских разбойников; глядя, как поднимается над памятником черный пиратский флаг «Викинга».

Десять лет тому назад на полях Корсунь-Шевченковской битвы этот черный флаг сухопутных пиратов Гитлера был втоптан в грязь сапогами советских пехотинцев, гусеницами наших танков, копытами казачьих коней. Десять лет тому назад черный генерал Герберт Отто Гилле потребовал, чтобы окруженные под Корсунем войска отвергли советский ультиматум, и погубил тысячи молодых немцев, а сам, бросив своих гибнущих в бою солдат, бежал с поля сражения. И вот уже снова на площади маленького немецкого городка открыто вьется черный флаг, а генерал и его сообщники готовятся опять надеть мундиры, на этот раз «европейской армии».

Солнечным осенним днем в селе Комаровке Корсунь-Шевченковского района был открыт памятник на братской могиле.

На краю большого колхозного сада, там, где к селу подходит Бойково поле, поднимается купа раскидистых многолетних тополей. В тени этих деревьев протянулись рядом два ровных земляных холмика, обнесенных оградой и пестреющих поздними осенними цветами. Под одним из них лежат похороненные более сорока лет назад красноармейцы и партизаны, погибшие в годы гражданской войны. Второй был насыпан в 1944 году — это могила советских воинов, павших в дни Корсунь-Шевченковской битвы.

Сотни колхозников — жителей Комаровки, Шандеровки, Хилек — собрались на открытие памятника. Здесь были участники войны — демобилизованные солдаты и офицеры, бывшие подпольщики и партизаны, отцы и матери, жены и дети погибших воинов. Когда под звуки оркестра было сдернуто покрывало, наброшенное на статую, толпа замерла, обнажив головы и не сводя глаз с памятника.

В изголовье обеих могил на высоком постаменте стояла фигура молодого солдата в военной шинели. Скорбно склонил он голову, печальным и строгим было его открытое русское лицо. Одной рукой он придерживал древко боевого знамени, полотнище которого опадало вниз тяжелыми складками. Другая рука сжимала висящий на груди автомат.

Начался митинг. Тихие, взволнованные речи звучали над могилами. Добрый, теплым словом поминал народ своих защитников, отдавших жизнь за его свободу и счастье. Люди говорили о том, сколько бедствий принес им враг, о том, как трудились они, заживляя раны своей земли, и какой теперь стала под их руками эта опаленная огнем, исхлестанная металлом земля, в которой спят павшие бойцы. И все заявляли, что они не допустят новой войны, что они хотят одного — мирно жить и трудиться на своей обновленной, возрожденной земле.

А над толпой, над могилами, над полем давнего сражения возвышалась статуя воина с автоматом на груди. И не только печаль этого почетного караула была в фигуре памятника. Солдат стоял здесь как страж трудового покоя людей, как грозное предостережение всем, кто посмел бы снова посягнуть на эту мирную землю. Суровым и мужественным было лицо воина. Твердо стиснула оружие его сильная рука.

Р АССКАЗЫ О НЕИЗВЕСТНЫХ ГЕРОЯХ

ЗАГАДКА ДАЛЕКОЙ МОГИЛЫ

Э

та история началась вдали от нашей Родины, в горах Лигурии, под синим небом солнечной Италии. Здесь, как и в других странах Европы, в годы второй мировой войны за освобождение Италии от фашизма бок о бок с ее гражданами сражались тысячи наших соотечественников, и свобода этой прекрасной земли омыта кровью советских героев.

Лигурия — одна из крупных провинций на севере Италии, ее столицей является Генуя. Белый город, раскинувшийся по склонам гор над синей подковой средиземноморского залива, Генуя — это важный европейский порт, и у ее молов и пристаний день и ночь швартуются суда под всеми флагами мира, а в узких крутых припортовых улочках всегда звучит речь на всех языках земли. Генуя — большой промышленный центр с огромными заводами и судостроительными верфями, город многочисленного и боевого рабочего класса. Поэтому она издавна была известна в Италии своими свободолюбивыми традициями, генуэзцы не раз самоотверженно поднимались на борьбу за права трудящихся, не только принося порой в этой борьбе тяжелые жертвы, но и одерживая славные победы.

Вероятно, читатель еще помнит бурные события, которые разыгрались в этом городе в июне — июле 1960 года, когда неофашистская партия «Итальянское социальное движение» решила созвать здесь свой съезд. Гордая Генуя справедливо восприняла это как оскорблениe своего достоинства и памяти своих героев. Многие тысячи демонстрантов вышли на улицы города. И хотя полиция применила против демонстрантов бомбы и слезоточивые газы, провокация не сломила боевого духа

генуэзцев. Они продолжали борьбу, и эта борьба была поддержана трудящимися других городов Италии. В конце концов неофашистам пришлось отменить свой съезд, а итальянское правительство Тамброни, допустившее провокации, полностью лишилось доверия народа и должно было уйти в отставку. Смешная борьба генуэзцев увенчалась полной победой.

Одним из самых героических периодов в истории Генуи и Лигурии были годы итальянского антифашистского Сопротивления.

После нескольких лет бесславной войны на стороне гитлеровской Германии, войны, в которую ввергла народ против его воли авантюристическая клика Муссолини, после того как в России в дни битвы на Волге была разгромлена на донских полях итальянская армия, а англо-американские войска высадились на юге страны, Италия свергла власть фашизма. В ответ немецкие войска оккупировали северные и центральные итальянские провинции. И тогда народ, понявший теперь, кто является его настоящим врагом, поднялся на борьбу против оккупантов. В городах создавались подпольные антифашистские группы, в горах и лесах начали действовать партизанские отряды и соединения, и итальянский народ, вышедший из несправедливой и позорной для него войны, именно в этой освободительной борьбе с захватчиками показал во всей широте и свою любовь к родине и свой смелый, отважный характер.

Лигурия была одним из главных центров партизанского движения. В Генуе активно действовали группы подпольщиков-антифашистов. В окрестных горах сражались десятки партизанских отрядов, против которых немцы вынуждены были предпринимать многочисленные карательные экспедиции, не приносившие, впрочем, решительного успеха. А когда в 1945 году наступили дни окончательного разгрома фашизма, лигурийские партизаны, не дожидаясь подхода английских и американских войск, спустились с гор и с разных сторон подступили к Генуе. Они окружили и заставили безоговорочно капитулировать крупную группировку гитлеровских войск. Генуя была освобождена оружием партизан. За этот подвиг город награжден высшей наградой в Италии — Золотой медалью Сопротивления. И с этих пор в центре города, на главной широкой улице 20 Сентября, появилась большая мраморная доска, всегда украшенная неувядающими венками и букетами цветов. На доске золотом записаны имена погибших героев генуэзского Сопротивления. Это место генуэзцы называют «святая святых». Именно сюда во время народных праздников стекаются жители города, здесь возникают митинги, сюда в дни борьбы трудящихся приходят демонстранты. Итальянский го-

род-герой справедливо гордится своим подвигом и свято чтит память бойцов, отдавших жизнь за его свободу.

Буквально в каждом городе, едва ли не в каждой деревне Италии, на кладбищах, где похоронены погибшие партизаны, вы обязательно встретите могилы, на плитах которых высечены фамилии и имена наших советских людей — русских, украинцев, белорусов, грузин, азербайджанцев, армян, казахов, татар и др. В годы Сопротивления почти во всех партизанских отрядах Италии сражались советские воины, бежавшие из гитлеровского плена, и многие из них навсегда остались лежать в итальянской земле. Итальянцы с трогательной заботой ухаживают за этими могилами, женщины постоянно украшают их цветами, а бывшие участники партизанского движения сохранили самую добрую память о своих советских товарищах, как погибших, так и живых.

Повсюду в Италии можно услышать удивительные истории о партизанских подвигах, истории, героями которых являются неведомые то Иван, то Тарас, то Ираклий, то Ашот. Ветераны Сопротивления с восторгом рассказывают о советских людях, боровшихся бок о бок с ними за свободу Италии, об их отваге и бесстрашии, презрении к смерти, упорстве и настойчивости в бою, о свойственном им высоком чувстве товарищества, долга и о том, как, сражаясь на чужой земле, оберегали они высокое звание гражданина первого в мире социалистического государства.

На всю жизнь запомнил я глубоко драматический эпизод тех дней, о котором однажды рассказали мне друзья в Генуе. По их словам, крестьяне в горах Лигурии до сих пор вспоминают этот случай как пример того, с какой беспощадной, не-примиримой требовательностью относились к самим себе наши люди, как охраняли они в чистоте достоинство советского человека.

Это было в одной из партизанских бригад Лигурии, в составе которой сражались несколько десятков советских бойцов. Как-то один из них, будучи на отдыхе в деревне, позволил себе напиться и пьяный совершил позорный акт мародерства.

И хотя раньше поведение этого человека было безупречным и он хорошо показал себя в боях, все же преступление его нельзя было оставить безнаказанным — оно бросало тень на всех партизан. Его решили судить по законам военного времени, и был создан трибунал, в который вошли шестеро итальянцев и шестеро советских граждан.

Суд происходил в присутствии всей бригады. Обвиняемый стоял перед товарищами, опустив голову, не смея взглянуть им в лицо. Сначала выступали итальянские судьи. Они с возмущением говорили о проступке партизана и требовали для

нега сурового наказания: один предлагал изгнать его из бригады, другой — подвергнуть длительному аресту. Наконец слово взял один из советских судей, и все партизаны думали, что он будет сейчас просить снисхождения для своего соотечественника. Но произошло неожиданное.

Он начал с того, что напомнил итальянцам, как в течение многих лет фашистская пропаганда клеветала на советских людей и на Советское государство. «Теперь, — сказал он, — мы с вами стали боевыми товарищами, и вы сами могли много раз убедиться в том, как беззастенчиво вам лгали о нас. Мы подружились с вами за это время, и вы знали нас как честных людей, верных товарищей и смелых бойцов. Но вот один из нас совершил позорный проступок, он уронил честь и достоинство советского человека, он запятнал репутацию партизана. Его преступление особенно тяжело потому, что он совершил его в чужой стране. И по жестокому, но справедливому закону войны ему не может быть пощады».

Советский судья от имени всех своих товарищей потребовал, чтобы виновный был расстрелян. Русские судьи остались непоколебимы, хотя некоторые итальянцы спорили с ними, возражая против такого строгого приговора.

Тогда последнее слово дали обвиняемому. К общему удивлению, он не стал оправдываться и заявил, что понимает всю тяжесть своей вины и примет наказание безропотно, каким бы оно ни было.

Трибунал проголосовал приговор. Один из итальянцев воровал за помилование, другой воздержался при голосовании. Но остальные судьи, и прежде всего шестеро советских, подняли руки за смертную казнь.

На рассвете четверо итальянцев и четверо советских партизан привели приговор в исполнение. Осужденный встретил смерть спокойно и с достоинством. Перед расстрелом он оставил одному из товарищей адрес своей семьи.

— Прошу, напишите, что я погиб в бою, — обратился он к своим по-русски. — И последняя моя просьба к вам: не стреляйте в меня, стреляйте в воздух. Страшно погибнуть от рук своих, ведь четыре пули убьют меня так же, как и восемь. Если можете, ребята, простите, что я опозорил вас.

Его просьба была исполнена, и ни один из итальянцев не упрекнул своих русских товарищ, что их винтовки выстрелили в воздух.

Мне кажется, семье этого человека не нужно стыдиться его могилы: он совершил тяжелый проступок, но искупил его достойной и мужественной смертью.

Конечно, это эпизод исключительный. В большинстве случаев итальянцы расскажут вам о героических подвигах совет-

ских людей в бою, об их отваге и ловкости, об их мужестве перед лицом гитлеровских палачей. Но, к сожалению, вам при этом, как правило, не смогут сообщить фамилии героя, а только назовут его имя — Иван или Петр, лейтенант Виктор или сержант Николай. Поэтому, если даже человек остался жив и вернулся на Родину, по таким скучным данным его будет необычайно трудно или просто невозможно отыскать на огромных просторах нашей страны. И уж конечно тем более трудны такие розыски, если герой погиб.

Вот о таком человеке, который долго оставался для нас неразгаданной тайной, я и хочу рассказать.

Есть в Генуе красивейшее кладбище Стальено — одна из достопримечательностей города. Раскинувшееся на большой площади по склону горы, среди зеленого массива, это кладбище — настоящий музей. Здесь издавна хоронили генуэзских богачей, и над их могилами знаменитые архитекторы и скульпторы Италии воздвигали затейливые гробницы, статуи, скульптурные группы, барельефы. Тут можно бродить часами, любуясь великолепными произведениями скульптуры, многие из которых имеют свою любопытную историю. Вам обязательно покажут тончайшей работы мраморную статую, которая изображает во весь рост старуху с морщинистым лицом, в платье, отороченном кружевом, и со связкой баранок в руке. Всю жизнь эта женщина торговала на улицах Генуи орехами и баранками, а к старости ее охватило честолюбивое стремление: во что бы то ни стало оставить потомству свой образ. Много лет из своих небогатых заработков она методически откладывала деньги и в конце концов скопила большую сумму, за которую еще при жизни знаменитый скульптор создал этот мраморный портрет. И вот уже много десятков лет скромно стоит мраморная торговка баранками среди надменных статуй знатных синьоров и богачей, словно она и в самом деле купила себе бессмертие у самого всемогущего волшебника на земле — у искусства.

На кладбище Стальено меня привез мой генуэзский друг Франческо Капурро — коммунист и бывший партизан, по прозвищу «Красный», человек лет пятидесяти, массивный, грузный и заметно прихрамывающий. Биография его такова, что о ней стоит хотя бы коротко рассказать. Бывший рабочий-шофер, а теперь частный предприниматель, собственник бензозаправочной станции, «капиталист», как мы, смеялись, его называли, Франческо был в годы Сопротивления смелым и отважным партизаном. Однажды он с группой товарищей был захвачен гитлеровцами в плен и... расстрелян. Да, именно расстрелян — поставлен к стенке вместе со своими друзьями и прострочен из автомата. Шесть пуль попали в него, одна из них — в голову, другая — в грудь. Сознание еще теплилось в нем, и он

постарался притвориться мертвым. Но гитлеровский офицер, командовавший расстрелом, видимо, был опытным палачом. Он подумал, что этот человек, быть может, еще жив, и решил добить его ударом приклада по голове. А через несколько часов после казни, весь окровавленный, Капурро все же сумел доплыть до своих.

Сейчас обо всем этом напоминают ему только шесть шрамов на теле, рубец на голове от удара фашистского автомата, несгибающаяся нога да часто одолевающие его болезни. Но это не мешает Франческо быть человеком поистине кипучей энергии, с каким-то особым, по-детски восторженным отношением к жизни. Пережив собственную смерть, он как бы вторично родился на свет уже в сознательном возрасте, и сердце его словно распахнулось навстречу всему светлому, хорошему, что есть на земле и что мы порой не замечаем в повседневности наших дел и забот. А самым святым и дорогим для него всегда остается память о годах партизанской борьбы, память о боевых друзьях, павших в эти тяжкие и славные годы.

Еще у входа на кладбище Франческо купил два больших красивых букета цветов. Быстрым шагом, сильно припадая на искалеченную ногу, он вел нас по длинным крытым галереям кладбища, равнодушно поглядывая на роскошные надгробные статуи, стоявшие по обе стороны этих галерей. Лишь в одном месте он мельком задержался, показав нам на мраморный барельеф над могилой какого-то своего дальнего предка — богатого генуэзского купца. Потом он вывел нас из галереи наружу, и мы оказались на большом открытом пространстве, сплошь занятом длинными и ровными рядами могил.

Это было «Кампо делла гlorия» — «Поле славы» — кладбище погибших партизан. Могилы были заботливо обсажены цветами, и в изголовье каждой стояла прямоугольная мраморная плита, на которой высечены имя и фамилия, а иногда рядом вделана в мрамор фотография павшего.

Уверенно пробираясь между рядами могил, Франческо остановился около одного холмика и, склонившись, положил на него цветы. С надгробной плиты на нас смотрел с портрета черноволосый молодой человек с красивым благородным лицом. Это был лучший друг Капурро — Рино Мандоли, зверски убитый гитлеровцами. Франческо сохранил самую нежную память о своем безвременно погившем друге, и фотография Рино Мандоли всегда стоит на его столе в рабочем кабинете.

Постояв немного, Франческо снова стал пробираться между могилами и привел нас к другому холмику, на который так же торжественно положил свой второй букет.

— Вот, — сказал он нам, показывая на могилу, — это ваш советский герой.

Мы подошли поближе. На мраморной плите в овале бронзового лаврового венка была укреплена перенесенная на фарфор, видимо старая и потертая, фотография молодого человека в советской солдатской гимнастерке образца первых лет войны. Даже на фотографии чувствовалось, что это человек сильный, крепкого телосложения, а весь облик его был типично русским — с открытым прямым взглядом, широким размахом бровей, с энергичным и смелым поворотом головы. И как ни стара была фотография, сразу можно было догадаться, что перед нами наш соотечественник — русский или украинец.

Под этой фотографией на мраморе были высечены золотые буквы: «Золотая медаль. Федор Александр Поетан (Федор). Канталупо, Лигурия. 2/II 1945».

Золотая медаль — высшая и очень почетная награда итальянского Сопротивления. Достаточно сказать, что в Италии генерал обязан первым отдавать честь солдату, награжденному Золотой медалью. Эту награду имеют очень немногие, и среди них нет ни одного иностранца. Человек, лежавший в этой могиле, был национальным героям Италии.

Кто же он, этот Федор Поетан, и какой подвиг совершил он?

Вот что мы знаем об этом человеке из материалов, опубликованных в итальянской печати, и из рассказов лигурских партизан.

Федор Поетан, советский военнопленный, в 1944 году находился в гитлеровском лагере близ города Александрии, в нескольких десятках километров от Генуи. Узнав, что неподалеку, в горах Лигурии, действуют итальянские партизаны, Федор с группой своих соотечественников ночью неожиданно напал на часовых, обезвредил их и, забрав их оружие, бежал из лагеря. 7 ноября 1944 года беглецы пришли в партизанскую дивизию Пинан Чикеро и были зачислены бойцами в бригаду «Оресте», в отряд «Нино Франки».

По рассказам его итальянских товарищей, Федор Поетан был высокого, почти двухметрового роста и отличался исключительной физической силой. Эта сила сочеталась в нем с удивительной природной добротой, хотя Поетан, как говорят, был человеком несколько замкнутым, молчаливым, может быть еще и потому, что он совсем не знал итальянского языка. Только к гитлеровцам он питал какую-то особую, бешеную ненависть, — видимо, слишком много пришлось перенести ему в немецком плену. Когда однажды два фашистских солдата, взятые партизанами в плен, выразили желание вступить в отряд, Федор горячо уговаривал командира не соглашаться на это. Он

чае он оказался прав: во время одной из карательных экспедиций фашистов, когда положение партизан стало тяжелым, оба «добровольца» снова убежали к своим.

Рассказывают, что Федор Поетан сразу же проявил себя дисциплинированным и исполнительным бойцом и что в нескольких трудных боях он выказал настоящую смелость и бесстрашие. Ему было свойственно удивлявшее его товарищей хладнокровие, которого он не терял в самые опасные моменты боя. Итальянские товарищи искренне полюбили этого русского и за могучее телосложение и высокий рост дружески прозвали его «гигантом Федором».

Зимой 1945 года, пользуясь тем, что англо-американское командование во всеуслышание заявило о приостановке наступательных действий до весны, немцы сняли с фронта несколько дивизий, перебросили их в тыл и начали широкие карательные экспедиции против партизан. Партизанские отряды с боями отходили все глубже в горы, гитлеровцы сжигали по пути деревни, зверски расправлялись с мирным населением. Положение партизан в некоторых провинциях Италии стало угрожающим.

В Лигурию гитлеровцы тоже стянули много войск, стараясь взять в кольцо и уничтожить основные силы партизан. Бой, который разыгрался 2 февраля 1945 года у маленького городка Канталупо, был очень важным и в значительной степени решил исход всей карательной экспедиции врага в этом районе.

Это было в широкой лесистой горной долине Валле Скривия, где действовала партизанская дивизия Пинан Чикеро. На рассвете 2 февраля колонна немецких грузовиков с солдатами въехала в долину и остановилась около моста, переброшенного через ущелье. Спешившись, отряд немцев — более ста человек — боевым порядком двинулся по дороге к городку Канталупо. Враг был вовремя замечен, и партизаны поднялись по тревоге. В район Канталупо был послан отряд «Нино Франки». Около полудня на дороге у окраины Канталупо начался бой, долгий и ожесточенный. Под напором партизан немцы отступили и перешли к обороне, но изгиб дороги и глубокий снег дали им возможность занять прочную позицию и отстреливаться в ожидании подкрепления. Попытки партизан приблизиться к окопам оказывались тщетными — огонь противника был слишком плотным.

Все понимали: времени терять нельзя, к врагу может подойти помохать. И тогда впереди партизан на снегу поднялась во весь рост могучая фигура Федора. В несколько прыжков он оказался у поворота дороги, за которым залегли гитлеровцы, и,

строча из автомата, громко и властно приказал врагу сдаваться в плен. Это дерзкое нападение смущило противника: немцам показалось, что их атакуют свежие силы партизан. Они прекратили огонь и один за другим стали вставать, поднимая руки. Вдруг раздалась автоматная очередь, и Федор упал на снег. Но партизаны, воодушевленные его смелостью, уже бросились вслед за ним, окончательно сломили сопротивление врага и обезоружили сдавшихся в плен солдат.

Только части карателей удалось уйти. Больше двадцати убитых гитлеровцев и около пятидесяти пленных — таков был итог этого боя. Партизаны потеряли лишь одного человека — Федора, который ценой своей жизни добыл победу, по существу означавшую провал немецкого плана окружения и уничтожения партизанских отрядов в долине Валле Скривия. Федор был убит наповал — пуля попала ему в горло. Товарищи с почестями похоронили его на кладбище в маленьком местечке Роккета, недалеку от Канталупо. Позднее, уже после войны, его прах торжественно перенесли на генуэзское кладбище Стальено. А в марте 1947 года был опубликован декрет итальянского правительства. Федор Поетан был награжден посмертно Золотой медалью Сопротивления. Так советский воин, павший в горах Лигурии, стал национальным героем Италии.

■

В партизанских архивах Лигурии хранятся очень скучные сведения о Федоре Поетане. В документах было записано, очевидно со слов самого героя, следующее. Федор Александр (видимо, Александрович) Поетан родился в 1909 году. Сержант артиллерии. По профессии кузнец. Житель Горлова (Москва).

Вот и все, что известно об этом человеке. И конечно, узнав его историю, я захотел попробовать отыскать следы Федора Поетана у нас на Родине, быть может, найти каких-нибудь его родственников, друзей или знакомых. Однако, когда я вернулся в Москву, в Советском комитете ветеранов войны мне сказали, что такие поиски уже проводились и были безрезультатными. Единственной путеводной нитью для поисков героя было упоминание о его местожительстве: «Горлов (Москва)». Но оказалось, что под Москвой или в Московской области нет городка или деревни с таким названием. Тогда сотрудники комитета подумали о крупном донбасском городе Горловке: не следует ли искать следы героя именно там? Были проведены поиски в горловских архивах, опрошены городские старожилы, но, к сожалению, никто не знал о Федоре Поетане, и такая фамилия нигде не значилась. На этом и пришлось прекратить работы.

Неразгаданная тайна Федора Поетана так взволновала и заинтересовала меня, что я решил возобновить поиски, надеясь на читателей и радиослушателей, которые уже не раз в прошлом помогали мне разыскивать неизвестных героев войны. Я несколько раз упоминал о Федоре Поетане в своих статьях, в 1958 году познакомил с его подвигом слушателей Всесоюзного радио, а в мае 1962 года подробно рассказал об этом человеке по Московскому телевидению. И это сразу принесло некоторые результаты, о которых я расскажу ниже.

Но сначала я попробовал порассуждать над теми небогатыми анкетными данными Поетана, которые были в моем распоряжении. Судя по всему, эти данные занесены в тетрадь писарем отряда или бригады со слов самих партизан. После имени, отчества и фамилии Поетана писарь поставил две буквы: «NN». Как мне объяснили, в Италии этими буквами обозначают людей, которые не знали своих родителей, — были подкидышами или найденышами и воспитывались государством. Вполне возможно, думал я, что Поетан был сиротой и воспитывался в одном из наших детских домов. Но носил ли он фамилию своего отца? Обычно если ребенок попал в детский дом маленьким и ничего не знает о своих родителях, то ему придумывают какую-нибудь простую русскую фамилию, а фамилия Поетан — очень странная, редко встречающаяся. Она слишком сложна, чтобы быть придуманной.

Возможно, родители Федора погибли во время первой мировой или гражданской войны, а может быть, умерли от голода или от тифа, которые в те годы унесли многие тысячи человеческих жизней. Но если это случилось так, то Федор Поетан, родившийся в 1909 году, к моменту смерти своих родителей был достаточно большим мальчиком, чтобы знать и свою фамилию и имя своего отца. Вполне вероятно, что он остался не один после смерти отца и матери, возможно, у него были сестры или братья, которые тоже воспитывались в детских домах. Наконец, нетрудно подсчитать, что к моменту начала войны Поетану исполнилось 32 года и он, вероятнее всего, имел жену, а может быть, и детей. Поэтому уместно было предположить, что в Советском Союзе живет кто-нибудь из родных Федора Поетана и уж во всяком случае есть люди, которые сталкивались с ним до войны, — его товарищи по работе, его соседи по месту жительства и т. д. Уже это внушало кое-какие надежды на успех поисков.

Дальше в сведениях, составленных партизанским писарем, значилось, что Федор Поетан был сержантом артиллерии. К сожалению, это свидетельство не давало нити для поисков, потому что если личные дела офицеров хранятся в Министерстве обороны, то пропавшего без вести сержанта так же трудно искать,

как простого солдата, а ведь известно, что миллионы наших людей пропали без вести во время Великой Отечественной войны. Мало что давало нам и указание на его гражданскую профессию — кузнец. Оставался только злополучный адрес: «Горлов (Москва)», который предстояло найти, если только итальянский писарь записал его правильно.

Должен сказать, что вначале я взял под сомнение и фамилию Поетан. Слишком уж непривычной, странной, непохожей на русские, украинские или белорусские фамилии казалась она. А судя по фотографии, герой явно принадлежал к одному из славянских народов нашей страны. Ни разу за время моих довольно многочисленных поездок по России, Украине и Белоруссии я не встречал такой фамилии. Никогда не слышали ни об одном Поетане и мои друзья или знакомые. Но особенно настороживало меня то, что после радиопередачи о Федоре Поетане не отозвался ни один человек с такой же или похожей на нее фамилией. Обычно же после каждой передачи приходили десятки писем от однофамильцев тех, кого я называл в своих выступлениях. Это молчание как бы подтверждало мои подозрения.

Уже тогда я подумал, что, возможно, фамилия Федора была Полетаев, Поликанов или еще как-нибудь в этом роде, а писарь-итальянец, не рассыпав как следует, записал ее в тетрадь искаженно, на свой итальянский манер. Такое предположение летом 1962 года я и высказал в своем очерке в журнале «Огонек», посвященном подвигу этого героя. Однако некоторые письма, позднее полученные мной от читателей и телезрителей, заставили меня более осторожно отнестись к такому предположению, и я вынужден был допустить, что фамилия Поетан могла быть настоящей фамилией Федора.

В июле 1961 года почтальон принес мне письмо, и, взглянув на конверт, я сразу же насторожился. На конверте внизу стояла фамилия отправителя — Поета Н. Л. С нетерпением я вскрыл письмо.

«Слишком поздно попала в наши руки газета, в которой была напечатана Ваша статья «Герои рядом с нами», — писал мне автор этого письма. — В этой статье Вы после поездки в Италию пишете, что итальянцы сообщили Вам о советском партизане, действовавшем в партизанской дивизии Пинан Чикеро неподалеку от Генуи, — Федоре Поетане, удостоенном высшей правительственной награды Итальянской республики — Золотой медали — и героически погибшем в 1945 году.

Вы пишете, что фамилия его, возможно, немного искажена. Поэтому мы решили обратиться к Вам и сообщить о советском человеке, на которого пришло в семью извещение о том, что он пропал без вести, о Федоре Поете.

Федор Андреевич Поета, рождения 1915 года, уроженец хутора Поеты Подольского сельсовета Варвинского района Черниговской области УССР. Ф. А. Поета до войны работал колхозником, был призван на переподготовку в Советскую Армию в мае 1941 года и в первые дни войны в письме к жене писал, что едет на опасный участок фронта бить врага. Возможно, что Федор Андреевич Поета попал и в плен на Юго-Западном фронте, где действовали итальянские войска, и был угнан в Италию, где потом и принимал участие в партизанском движении. От него не было больше никаких известий.

Жена Федора Андреевича, Елизавета Лукинична Поета, проживает и работает в колхозе имени Ленина села Гурбинцы Варвинского района Черниговской области.

Просим Вас сообщить в наш адрес, не найден ли другой человек, который партизанил в Италии, потому что нас очень интересует, не Федор ли Андреевич Поета действовал под именем Федора Поетана.

С уважением брат жены Ф. А. Поеты — Поета Николай Лукич».

Как раз осенью 1961 года мне предстояла длительная поездка в Италию в связи с работой над сценарием советско-итальянского фильма, и я надеялся во время этой поездки побывать в Генуе и попытаться собрать какие-нибудь дополнительные сведения о Федоре Поетане. Я написал сейчас же в село Гурбинцы, попросив рассказать мне подробнее о Федоре Поете и прислать его фотографию. Все это я получил накануне отъезда в Италию. Николай Лукич сообщал мне, что Федор Поета учился в Подольской семилетней школе, потом на курсах трактористов и работал в колхозе прицепщиком у тракторов. Он был призван в Советскую Армию в 1936 году, служил в течение двух лет в городе Кременчуге, а после демобилизации работал в селе Подол бригадиром полеводческой бригады в колхозе.

В 1939 году он снова был призван в армию, принимал участие в боях в Финляндии, где служил в расчете противотанковой пушки (прочтя это, я вспомнил, что Федор Поетан был сержантом артиллерии). После второй демобилизации он опять работал в колхозе имени Кирова конюхом. Накануне Великой Отечественной войны его призвали на переподготовку, и затем он ушел на фронт.

Николай Лукич описал мне также внешность Федора Поеты. По его словам, это был человек средней комплекции, ростом 171—173 сантиметра, с темно-русыми волосами и голубыми глазами. К письму были приложены две старые, потертые фотографии, на которых изображен очень молодой солдатик. Эти

снимки сделаны еще в 1936—1937 годах, более поздних фото-портретов Федора Поеты в семье не было.

Итак, появились следы человека, который носит то же самое имя, что и погибший герой, а очень редкая, необычная фамилия которого отличалась от фамилии Поетан отсутствием всего лишь одной последней буквы. Уже это было интересным совпадением. Различие в отчествах и в году рождения могло объясняться ошибкой итальянского писаря. Труднее было объяснить внешнюю несходность: Федор Поетан, по рассказам его итальянских товарищев, был настоящим богатырем, а Федор Поета, как мне его описали, оказывался человеком среднего роста и вовсе не отличался мощным телосложением. Но я подумал о том, что человек, совершающий героический подвиг, всегда как-то вырастает в глазах своих товарищев, бывших свидетелями этого подвига. Вдобавок итальянцы — народ с очень живым воображением, и могло случиться, что богатырская внешность Федора Поетана была просто плодом их фантазии, появившимся уже после смерти героя. Как бы то ни было, в моих руках сейчас находились две фотографии Федора Поеты, которые предстояло сличить с фотографией на могиле Федора Поетана, и это сличение могло принести самые неожиданные результаты.

И вот опять я в Генуе. Снова вместе с Франческо Капурро мы с цветами в руках идем к могилам Рино Мандоли и Федора Поетана. И начинается кропотливая, долгая работа — сличение фотографий. Сначала мы оцениваем общее сходство, потом сравниваем черты лица в отдельности. Спорим, соглашаемся, вновь расходимся во мнениях.

Дело оказалось куда труднее, чем я предполагал. Во-первых, фотография на могиле Поетана была старой, недостаточно ясной, сделанной, видимо, любителем, да и снимки Федора Поеты тоже оставляли желать много лучшего. Во-вторых, если даже на этих фотографиях изображен один и тот же человек, то разница во времени между снимками составляла по крайней мере шесть-семь лет, а ведь это были тяжелые годы войны и плена, и внешность нашего героя могла сильно измениться, учитывая все, что ему пришлось пережить.

Не знаю, может быть, мы выдавали желаемое за действительность, но в конце концов всем нам начало казаться, что между фотографиями существует несомненное сходство. Конечно, сказать что-нибудь с уверенностью было невозможно, и на этом наши исследования на кладбище Стальено закончились.

На другой день нам довелось побывать в красивой лесистой долине Валле Скривия — там, где действовала партизанская дивизия Пинан Чикеро. Ярко сверкало сентябрьское солнце,

вокруг царила тишина и покой, и как-то трудно было представить себе, что в этой мирной долине когда-то кипели бои. Видели мы и маленький солнный городок Канталупо, в бую за который погиб Федор Поетан. Неподалеку от этого городка, на скале, нависающей над каменистой дорогой, пробитой по склону горы, висит большая мраморная доска, украшенная цветами и венками. «Для того чтобы итальянцы помнили цену независимости и свободы», — написано золотыми буквами на этой доске. А ниже — три длинных ряда имен погибших здесь партизан. Тут значится и фамилия Федора Поетана, а вместе с ней и другие имена и фамилии советских людей: Иван Костиков, Афанасий Горшков, Онуфрий Рыбак, Саша Чирков...

Франческо Капурро привел нас к тому самому месту на дороге, где упал сраженный пулей Федор Поетан, где пролилась на итальянскую землю его кровь. А потом наш друг разыскал в одном из окраинных домов Канталупо бывшего партизана. Этот человек не знал лично Федора Поетана, но он видел его уже убитым и помогал перенести его тело в дом. Мы показали ему фотографии Федора Поеты, и он, внимательно взглянувшись в них, почти уверенно сказал, что он узнает убитого русского партизана. Но если учесть, что этот человек видел Поетана только один раз, мельком и то уже мертвым, то, естественно, его утверждение не могло быть для нас абсолютно убедительным. Предстояло еще показать фотографию Федора Поеты другим партизанам, которые воевали бок о бок с ним и помнили его живым.

К одному из таких людей Франческо привел нас на следующий день в пригород Генуи. И так же уверенно, как первый партизан узнал Федора Поетана, второй, рассмотрев фотографии Федора Поеты, заявил, что он совсем не похож на нашего героя. И хотя для нас такое заявление было жестоким разочарованием, все же пришлось признать второе свидетельство более веским: этот партизан знал Федора Поетана гораздо лучше и много раз встречался с ним при жизни. Кстати, он упорно настаивал на том, что Федор Поетан был человеком очень высокого роста и богатырского телосложения, а это, как мы знаем, не совпадало с внешним обликом Федора Поеты.

Мое пребывание в Генуе было ограничено по времени, и дальнейшими розысками заниматься я уже не мог. Мы условились с Франческо Капурро, что этим займется он сам. Я оставил ему обе фотографии Федора Поеты, он обещал снять с них копии, а оригиналы вернуть впоследствии мне. Франческо сказал, что он будет показывать эти фото всем, кто знал Федора Поетана, и в конце концов выяснит, действительно ли между обоими Федорами есть какое-то сходство.

Месяц спустя я получил от него оригиналы фотографий. А в мае 1962 года мне, в связи с работой над тем же сценарием, снова пришлось побывать в Италии, и мы опять встретились с Франческо, на этот раз в Риме. Он рассказал мне, что уже показывал фотографии Федора Поеты многим бывшим партизанам, и результаты были несколько обескураживающими. Половина этих людей узнавала в человеке, изображенном на фотографии, погибшего советского героя, а другая половина так же уверенно заявляла, что между ним и Федором Поетаном нет ничего общего. Но Франческо сказал, что теперь он ожидает одного очень важного свидетеля. Бывший командир отряда «Нино Франки», в котором сражался Федор Поетан, год или полтора тому назад уехал работать в Бельгию, на шахты, и в конце 1962 года должен был приехать в Геную. Этот человек якобы очень хорошо знал Поетана и может почти безошибочно сказать, похож ли на него Федор Поета. Таким образом, та ниточка, которая протянулась из маленькой деревни Гурбинцы в Черниговской области к знаменитому генуэзскому кладбищу Стальено, летом 1962 года еще не оборвалась, но и не привела нас ни к каким определенным выводам.

■

Раз существовал Поета, то вполне уместно предположить и существование Поетана. Значит, мои подозрения о том, что итальянский писарь исказил фамилию героя, были не очень основательными. Письмо о Федоре Поете, в фамилии которого недоставало только одной буквы, было первым опровержением этих подозрений. А после того как я выступил по Московскому телевидению, пришло еще два письма, также показавших, что мои сомнения, быть может, останутся напрасными. Вот что написал мне Г. А. Киселев, житель города Владимира:

«В октябре 1942 года я служил в 13-й механизированной бригаде в должности писаря роты технического обслуживания. Бригада находилась на отдыхе и пополнении в 20 километрах от города Тамбова. В числе прибывшего к нам пополнения был Федор Поята. Роста он был выше среднего, но не двух метров. Волосы черные, лицо похоже на ту фотографию, которая находится на могиле в Италии и которую Вы показали по телевидению. Я часто ездил с ним в кабине автомашины, часто ему помогал в уходе за машиной. Поята был малоразговорчив, о себе почти ничего не говорил. К немцам он выражал лютую злобу, но это у него вырывалось лишь иногда, негромко, как бы только для себя. Я чувствовал, что в его жизни произошло что-то тяжелое, — может быть, у него на оккупированной территории осталась семья, родные. Я узнал от него, что он не грек, не цыган, как я думал, а молдаванин. Он говорил, что

одинок и родных у него нет, но где родился и жил, этого он мне не говорил. Он был примерно 1915 года рождения. Как человек и товарищ был безупречен.

Последний раз мы были с ним на Сталинградском фронте. После трехдневного боя 13-я механизированная бригада вышла на пополнение в районе Сальских степей. Потом она влилась в 4-й механизированный корпус, который двинулся на освобождение городов Шахты и Ростова. С этого времени я Федора Пояты не видел».

Но еще более любопытно было письмо одной женщины из Липецка, которая подписалась инициалами Е. Л.

«Уважаемый товарищ Смирнов! Вчера слушала Ваш рассказ о герое-партизане Поетане Ф. Вы выразили сомнение, не исказена ли его фамилия итальянцами. Такая фамилия есть. Я работаю в городской поликлинике Липецка, а недели две тому назад в наш кабинет приходил молодой человек по фамилии Поетан. Поскольку фамилия редкая, у него спросили, правильно ли регистратор написал ее. Он ответил, что фамилия написана правильно и что он украинец. Через дней пять пришла на прием женщина по фамилии Поетан. Родственники они или нет, не знаю. Я пытаюсь разыскать их карточки в регистратуре, но пока безуспешно, так как карточки раскладываются не по фамилиям, а по адресам. Но все же я буду их разыскивать».

Словом, фамилия нашего героя дала несколько путеводных нитей для розысков. Эти розыски предстояло вести, и пока трудно было сказать, куда они нас приведут.

Но были и другие нити.

Кроме возможностей, которые давала редкая фамилия Поетан, оставался еще один путь, который мог привести к интересным результатам.

Ведь в бригаде «Оресте» и в самом отряде «Нино Франки», бойцом которого состоял Федор Поетан, воевали и другие советские люди. Конечно, они знали друг о друге гораздо больше, чем о них было известно итальянцам. Возможно, кто-нибудь из этих людей был близким другом Федора Поетана или беседовал с ним и слышал его рассказы о себе. Быть может, кто-нибудь из них уцелел и после войны вернулся на Родину, а теперь может помочь раскрыть тайну нашего героя.

Именно поэтому я еще в первый свой приезд в Геную просил друзей из местной ассоциации бывших партизан достать мне список советских людей, сражавшихся в партизанской дивизии Пинан Чикеро и вернувшихся после войны на Родину. Список вскоре был передан мне. В нем значилось больше сорока

человек, из которых двадцать три были бойцами бригады «Оресте», а из них, в свою очередь, семеро числились в отряде «Нино Франки». Но, к моему разочарованию, почти все они вступили в этот отряд уже в 1945 году, в марте или в апреле, то есть после того, как Федор Поетан совершил свой подвиг, и, следовательно, не могли знать его лично.

Итальянские партизаны, знавшие Федора Поетана, сказали мне, что все его близкие друзья погибли в боях или раньше его, или немного позже. По их словам, только один из его товарищей уцелел и впоследствии вернулся на Родину. Фамилию этого человека я нашел в переданном мне списке. Это был Григорий Васильевич Путилин, рождения 1908 года, проживающий в Ворошиловграде (ныне Луганск), как сказано было в анкетных сведениях о нем. Там значилось, что он вступил в отряд «Нино Франки» в конце 1944 года — почти одновременно с Федором Поетаном. Возможно, они бежали вместе из плена.

Кроме того, итальянские товарищи Федора Поетана указали мне еще одного человека, который будто бы дружил с Федором. Он был бойцом той же бригады «Оресте», но другого отряда — «Кастильоне». Его звали Петром Ильичом Мокиным (партизанская кличка «Пьетро»). В списке значилось, что Петр Ильич родился в 1916 году и живет в Сибири. В скобках около слова «Сибирь» стояло пояснение: «Восточная». Как видите, адрес был довольно неопределенным.

Но я привык к тому, что мне помогают читатели, радиослушатели и телезрители. Уже не раз удавалось с их помощью разрешать загадки, которые на первый взгляд кажутся безнадежными. Поэтому, выступая по Московскому телевидению с рассказом о Федоре Поетане, я назвал фамилии Г. В. Путилина и П. И. Мокина. И результат не заставил себя ждать.

Вот что написано в письме, которое пришло из Ленинграда летом 1962 года в Центральную студию телевидения в Москве:

«Уважаемые товарищи! Несколько недель тому назад писатель Смирнов в своем выступлении по телевидению рассказывал о партизане Поетане Федоре Александровиче. Он упомянул о том, что об этом товарище может что-то сказать тов. Путилин Григорий Васильевич, 1908 года рождения, проживающий в городе Ворошиловграде (ныне Луганске). Дело в том, что мы с женой луганчане и у нас там живут родители. По моей просьбе мой отец навел справку в Луганском областном адресном бюро, и выяснилось, что Путилин Григорий Васильевич, 1908 года рождения, прописан в Краснодонском районе Луганской области, посовет Урало-Кузбасс, по улице Клубной, д. 14. Прощу мое письмо с этой адресной справкой передать товарищу Смирнову. Шустер Ефим Борисович».

К этому письму и в самом деле была приложена маленькая адресная справка. Я тотчас же написал по адресу, любезно добытому для меня тов. Шустером, и вскоре получил ответ от Григория Путилина. Он сообщил мне, что хорошо помнит Федора и был очевидцем его гибели, но, к сожалению, не может дать о нем никаких дополнительных сведений, — Путилин, оказывается, не был близким другом героя и никогда не расспрашивал его о жизни до войны.

А тем временем приходили новые вести и из Италии. Мой друг Франческо Капурро в одном из писем сообщал мне, что он показывал фотографию еще нескольким партизанам, знавшим Федора Поетана. Некоторые из них вспоминают, что Федор был якобы из Киева или из Киевской области. Одновременно Франческо писал, что по его инициативе в Генуе создан комитет, который занимается подготовкой к сооружению монумента в честь подвига Федора. Этот комитет занимается сбором денег, на которые и будет построен памятник Поетану, национальному герою Италии и советскому гражданину, тайну которого, к сожалению, мы столько лет не могли разгадать.

■
Так обстояло дело осенью 1962 года, которая неожиданно принесла новые события. Вернее, это началось еще летом, сразу же после моего выступления по телевидению с рассказом о Федоре Поетане. Важный след, который я считал уже потерянным, снова появился передо мной.

«Горлов (Москва)» — так записал партизанский писарь местожительство Федора Поетана. После того как выяснилось, что в Московской области никакого Горлова нет, а справки, наведенные Советским комитетом ветеранов войны в донбасской Горловке, ни к чему не привели, казалось, что эта ниточка безнадежно оборвалась. И вдруг вместо нее появились целых две нити.

Это произошло буквально в первые минуты, как только окончилось мое выступление по Московскому телевидению с рассказом о Федоре Поетане. Едва я вышел в вестибюль студии, как дежурный арминистратор подозвал меня к телефону. Звонил один из телезрителей-москвичей, даже не назвавший свою фамилию.

— Я только что слышал ваше выступление, — сказал он. — Может быть, в Московской области нет села Горлова, но зато в самой Москве есть Горлов тупик. Это в районе Новослободской улицы. Советую вам поискать там следы Федора Поетана.

Не успел я положить трубку, как раздался второй звонок, потом третий, четвертый... Это были московские телезрители. Звонили инженер и учительница, домохозяйка и пенсионер. Все они, заинтересованные и взволнованные тайной Федора

Поетана, спешили сообщить мне, что в Москве есть Горлов тупик в районе Новослободской улицы.

Сначала это сообщение показалось мне весьма интересным и обнадеживающим. Но, рассудив, я подумал: зачем партизан стал бы указывать улицу, на которой он жил? В списках, переданных мне итальянцами, против фамилии русского бойца обычно значился его родной город или деревня, а рядом в скобках указывалась область. Почему же Федор, в отличие от товарищеской, решил указать какой-то московский тупик, а слово «Москва», стоящее в скобках, упомянул как бы между прочим? Нет, вариант с Горловым тупиком представлялся сомнительным, хотя, быть может, и не стоило совсем отбрасывать его.

Но вслед за этими первыми телефонными звонками тогда же раздалось и несколько других, позднее подкрепленных тремя или четырьмя письмами. Телезрители сообщали мне, что в Рязанской области, в Скопинском районе, близ станции Миллионная, есть село Горлово. Это село до войны находилось на территории Московской области и было районным центром, а впоследствии, при разукрупнении областей, вошло в состав Рязанщины.

Теперь все становилось на место. Если Федор Поетан был уроженцем или жителем Горлова, то запись в итальянской партизанской анкете оказывалась совершенно правильной. Я понял, что у меня в руках находится очень важная нить, и поспешил воспользоваться ею.

Первым делом надо было связаться со Скопином. Я позвонил туда, в райком партии, попросил секретаря ознакомиться с моим очерком «Тайна Федора Поетана», напечатанным летом в «Огоньке», и предупредил, что вскоре приеду в Скопинский район для розысков следов героя. Мне нужна была встреча с общественностью села Горлова, с его старожилами. Предстояло рассказать им о подвиге героя, а потом обратиться с вопросом: не помнит ли кто-нибудь из них кузнеца Федора с фамилией Поетан (или похожей на нее), который до войны работал в Горлове или в одном из соседних сел? Мне казалось, что такое обращение к жителям Горлова обязательно даст какой-то результат.

Однако я не смог выехать так быстро, как предполагал, и несколько раз откладывал поездку. Прошло недели две или три, и вдруг почта принесла мне письмо, содержавшее ключ к окончательной разгадке тайны нашего героя.

История этого письма такова. Осенью 1962 года в больнице шахтерского поселка Белого, близ Луганска, лежал забойщик местной шахты Николай Николаевич Петухов. Соседом его по

палате оказался парторг участка с той же шахты. Болезни у обоих были нетяжелые, и они часами разговаривали, рассказывая друг другу о себе, о своей жизни.

Однажды Петухов упомянул в разговоре о том, что в годы войны он попал в гитлеровский плен и его привезли в лагерь, находившийся в Италии, близ Генуи. Оттуда с несколькими товарищами он бежал и почти год сражался в рядах итальянских партизан.

Парторг заинтересовался этим рассказом.

— Слушай, а ты не читал недавно в журнале «Огонек» очерк писателя Смирнова? — спросил он. — Там говорится о каком-то погибшем герое, который тоже бежал из плена и партизанил вместе с итальянцами. Помнится, и о Генуе там написано. Вот только фамилию партизана я забыл, редкая такая фамилия.

Петухову этот номер журнала не попадался, но он обещал парторгу обязательно достать его. Через несколько дней, выйдя из больницы, он разыскал «Огонек» с моим очерком и, едва открыв его, изумленно замер: со страницы журнала на него смотрело знакомое и дорогое ему лицо. Это была фотография Федора Поетана, которая находится на его могиле в Генуе и которую я взял из итальянской прессы, где она много раз публиковалась. Николай Петухов узнал в этом портрете своего товарища по плenу, по побегу и по итальянской партизанской бригаде «Оресте». Только звали его не Федором Поетаном, а Федором Полетаевым.

В 1943 году в гитлеровском лагере для военнопленных в городе Вязьме встретились и подружились трое советских солдат: Федор Полетаев, Николай Петухов и Николай Кочкин. Потом из России их увезли в Югославию, а позднее — в Италию, в район Генуи. Здесь, несмотря на строгости охраны, они сумели установить связь с итальянскими патриотами-коммунистами, а через них с партизанским отрядом, который действовал неподалеку. Партизанам удалось незаметно передать пленникам девять ручных гранат и условиться с ними о встрече. На другой день Полетаев, Петухов и Кочкин с боем вырвались из неволи и присоединились к гарибальдийской бригаде «Оресте».

Сначала они воевали вместе, а потом Федор Полетаев и Николай Кочкин попали в отряд «Нино Франки», а Николай Петухов — в другой отряд той же бригады. В начале февраля 1945 года Петухов встретил Кочкина, и тот рассказал, что Федор Полетаев несколько дней назад погиб в бою.

Прошло еще месяца полтора, и Петухов узнал о трагической смерти Кочкина. Он стал жертвой несчастного случая: в руках одного из его итальянских товарищей разорвалась граната, и взрывом были убиты несколько человек.

Сейчас, читая мой очерк, где описывались подробности гибели Поетана, Петухов вспомнил рассказ Кочкина о смерти Федора — все обстоятельства совпадали. Совпадали и внешний облик Полетаева и Поетана — высокий рост и особая физическая сила, и черты характера — добродушие, немногословность, смелость и хладнокровие в минуты опасности.

Петухов не вспомнил точно возраста Федора, но знал, что тот был на несколько лет старше Николая Кочкина, родившегося в 1914 году. Не раз говорил Полетаев своим товарищам, что обладает большой физической силой, потому что много лет работал в колхозе кузнецом. Колхоз, как припоминал Петухов, находился где-то в средней полосе России, но в какой именно области — он забыл. Приходило на память одно: иногда он в шутку почему-то называл Федора то «курским соловьем», то «рязанским лапотником».

Обо всем этом Н. Н. Петухов написал мне, как только познакомился с очерком в «Огоньке». И, получив его письмо, я сразу понял, что Федор Поетан и Федор Полетаев — одно и тоже лицо и что мое прежнее предположение подтверждается: итальянский партизанский писарь просто неверно записал русскую фамилию, переиначив ее на свой лад.

Но это еще предстояло доказать, хотя, конечно, свидетельство Петухова было уже первым важным документом. Я решил поискать и другие.

В Главном управлении кадров Министерства обороны СССР есть отдел персонального учета потерь солдат и сержантов Советской Армии. Надо было прежде всего проверить, нет ли там каких-либо сведений о судьбе Федора Полетаева, и я позвонил по телефону начальнику отдела подполковнику С. Л. Федоренко.

Оказалось, что в прошлом и Министерство иностранных дел и Советский комитет ветеранов войны уже запрашивали отдел о Федоре Поетане. Но такой фамилии в списках погибших не значилось. Однако теперь речь шла не о Поетане, а о Полетаеве, и результат был совсем иным. Выяснилось, что Федор Полетаев упоминается в списках отдела, и притом даже не в одном. Я поспешил приехать к подполковнику Федоренко и познакомился с этими документами.

Первый поставил меня в тупик. Это был «Именной список безвозвратных потерь личного состава 28-го гвардейского артиллерийского полка 9-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии за период с 10 июня по 20 августа 1942 года». И в этом списке стоял красноармеец Федор Полетаев 1909 года рождения, призванный Горловским райвоенкоматом Рязанской области. Рядом было записано: «Жена — Полетаева Мария Никаноровна, Рязанская область, Горловский район,

село Петрушино». Но зато в графе «Когда и по каким причинам выбыл» значилось: «Погиб 22/VI—42 в деревне Ленинка Харьковской области».

Заметив мое недоумение, С. Л. Федоренко засмеялся.

— Не тревожьтесь, — сказал он. — Приговор был явно преждевременным. Есть примечание к этому списку, где говорится, что девятая стрелковая дивизия летом тысяча девятьсот сорок второго года попала в окружение под Харьковом. Она вела тяжелые бои, потеряла значительную часть солдат и офицеров, уничтожила штабные документы, а потом, когда остатки ее вырвались из вражеского кольца, штаб дивизии составлял этот список, опрашивая уцелевших в каждом полку людей. Другими словами, офицеры штаба сами оговариваются, что список весьма приблизительный и в ряде случаев в нем могут быть ошибки. Видимо, товарищи Федора Полетаева считали его погибшим, а он в этом бою попал в плен.

— Но ведь это только предположение, — возразил я. — Как это доказать?

— Очень просто, — торжествующе сказал подполковник. — Вот оно, доказательство!

И он положил передо мной другой список.

Сразу же после войны в Италии работал уполномоченный Совета Министров по делам репатриации. Организуя отправку на Родину наших соотечественников, собирая сведения об участии советских людей в партизанском движении, он составил также список граждан СССР, погибших в Италии. Позднее копия списка из консульского отдела Министерства иностранных дел поступила к подполковнику Федоренко.

В списке под порядковым номером 379 значился Полетаев Федор, 1909 года рождения, а в графе «Дата смерти и место гибели» стояло: «Февраль, 1945, Канталупо. Лигурия».

Все было ясно. Единственный бой под Канталупо произошел в феврале 1945 года, и единственной жертвой этого боя со стороны партизан оказался тот, кого они называли Федором Поетаном и кто в список уполномоченного по репатриации был занесен уже под своей настоящей фамилией — Полетаев.

Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что национальный герой Италии, прах которого поконится на генуэзском кладбище, и пропавший без вести кузнец из рязанского села — одно и то же лицо.

Снова я позвонил по телефону в Скопин и попросил срочно найти в селе Петрушино Марию Никаноровну Полетаеву. Но уже на другой день выяснилось, что она живет не там, а в одном из соседних сел того же Скопинского района — в Катине, на родине Федора Андриановича Полетаева (оказалось, что итальянский писарь допустил и другую ошибку и неправильно

записал не только фамилию, но и отчество героя, переделав Андриана в более привычное для итальянцев Александра).

А через несколько дней я побывал в Катине, в старой небогатой избе семьи Полетаевых, построенной руками отца Федора Андриановича, в избе, где на потолке и сейчас еще ввернуто кольцо, куда, бывало, подвешивали люльку с маленьким Федором.

Вдова героя Мария Никаноровна — одна из тех русских женщин, про которых можно сказать, что они в тылу вынесли на своих плечах войну, как на фронте вынесли ее их мужья. Все пережили и вытерпели эти героические женщины: и одиночество, и нужду, и лишения, и тяжкий труд военной поры. Они заменили мужчин на тяжелых полевых работах и на заводах, они давали фронту хлеб, продовольствие, одежду, боеприпасы, вооружение; отказывая себе во всем, они стали корыстными семью, они берегли и растили для Родины детей. Победа над врагом была не только победой армии, но и их победой.

Когда муж ушел на фронт, Мария Никаноровна осталась с четырьмя детьми и старухой матерью Федора. Старшей дочери Александре тогда исполнилось десять лет, но она еще в раннем детстве перенесла тяжелое мозговое заболевание и навсегда осталась умственно неполноценным человеком и глухонемой. Остальные — дочь Валентина, сыновья Николай и Михаил — были маленькие.

Полетаевы жили всегда скромно и не имели особых достатков, хоть Федор и считался одним из лучших кузнецов в районе. Война же принесла в их многодетный дом острую нужду, как, впрочем, и во многие другие семьи. Нелегко приходилось Марии Никаноровне в эти трудные годы, но она, не щадя себя, работала в колхозе, вела свое скучное хозяйство дома и все-таки сумела прокормить и воспитать детей без мужа. И дети выросли хорошими людьми, стали самостоятельно трудиться, обзавелись своими семьями, разъехались по стране. Валентина с мужем и двумя детьми живет в Калинине. Николай отслужил в армии, тоже женился и уехал на Алтай, а Михаила совсем недавно призвали на военную службу, и только его молодая жена осталась там, в Катине.

Когда в семью, потерявшую своего близкого, спустя много лет приходит такое известие, какое пришло в старую избу Полетаевых, родные погибшего испытывают сложные, разноречивые чувства. Снова переживают они печаль безвозвратной утраты, но время с неизбежностью пригупило давнее горе, и уже сильнее в сердцах людей поднимается гордость за славный подвиг дорогого человека, радость от сознания, что он не пропал без вести, а погиб как герой, своим деянием возвеличив

Родину, близких, обессмертив свое имя. И то, что в далекой стране нашлась наконец могила отца и мужа и что народ этой страны чтит его как своего национального героя, это, конечно, усиливало чувства гордости и радости, которые испытали жена и дети Федора Полетаева.

Эти чувства делили с ними и все жители Катина, и колхозники села Петрушина, где жил и работал перед войной Федор Андрианович, и все рязанцы, взволнованные вестью о героическом подвиге земляка. Односельчане, соседи Полетаева, его старые друзья и товарищи по работе сразу же уверенно узнали своего Федора в той фотографии, которая находится на его могиле в Генуе и которая так часто воспроизводилась на страницах итальянских газет и журналов. И так рассказывали о нем в Катине и Петрушине, что было ясно: этот человек оставил у людей по себе самую лучшую память. Не только уважение к подвигу, но прежде всего личные душевые качества Федора заставляют тех, кто его знал, вспоминать о нем с неподдельной теплотой и любовью.

Сын бедняка и сам бедняк, Федор всем был обязан Советской власти. Неграмотным крестьянским парнем, человеком без профессии ушел он в 1931 году в армию и три года спустя вернулся, не только научившись читать и писать, но и, получив хорошую, нужную в деревне специальность кузнеца.

Как раз тогда в Катине возник колхоз. И все были удивлены, когда известный «молчун» Федор, сроду не выступавший по застенчивости ни на каких сходках, вдруг появился на сельском собрании и вышел на трибуну, призывая людей записываться в организованную артель. Сам он стал хозяином колхозной кузницы, хозяином добросовестным, заботливым, работающим.

Все вспоминают, каким работником он был — безотказным в любом порученном ему деле, неутомимым до самозабвения в своем нелегком труде кузнеца, мастером золотые руки, настоящим рабочим-умельцем. А о его богатырской силе рассказывают буквально легенды. Говорят, что норовистых лошадей он ковал «на весу», поднимая на своем плече. Около кузницы в Петрушине до сих пор лежит большой мельничный жернов пудов на 25—30. Как-то на праздник здесь собирались мужики, беседуя и дымя самокрутками, и один из них, слегка подвыпивший, стал хвастаться, что он, мол, самый сильный в деревне. Федор слушал, по обыкновению, молча, а потом, усмехнувшись, показал на жернов, глубоко вдавившийся в землю, и коротко предложил хвастуну:

— Подними!

Все засмеялись, а озадаченный силач все же решил попробовать. Но сколько он ни топтался и ни пыжился, ему не уда-

лось приподнять жернов ни на миллиметр. Наконец, красный, сконфуженный, он сказал, что ни один человек не справится с такой тяжестью. Тогда Федор, не говоря ни слова, подошел к жернову, расправил плечи и, широко расставив ноги, склонился над камнем. Заходили, напружинились под рубахой мускулы, лицо и шея кузнеца побагровели от натуги, и вдруг рывком он приподнял жернов. Столпившиеся вокруг товарищи одобрительно зашумели. Федор выпустил камень и отошел, посмеиваясь и утирая раскрасневшееся лицо. С тех пор незадачливый силач уже не осмеливался хвастаться в его присутствии.

Федор единственный в округе мог «поцеловать кувалду» — выполнить профессиональный фокус кузнецов, доступный только самым сильным людям. Держа в вытянутой руке тяжелую кузнечную кувалду, человек медленным движением кисти наклоняет ее на себя, пока она не коснется губ. Надо иметь поистине железные мускулы, чтобы за конец деревянной рукоятки удержать массивную кувалду, нависшую над твоим лицом и грозящую вот-вот сорваться и расквасить тебе физиономию.

Могучей силой настоящего русского богатыря обладал Федор. И это была добрая сила — он никогда не употреблял ее во зло и, как рассказывают, с детства не любил драк и ссор. Только против врага, против фашистов, обратил он эту богатырскую силу и отдал ее всю без остатка вместе со своей простой, чистой и светлой жизнью.

И Родина теперь, спустя почти двадцать лет, когда имя героя стало известно, почтила его самоотверженный подвиг. 27 декабря 1962 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым «за героизм и мужество, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков в составе отряда итальянских партизан в период второй мировой войны, рядовому Советской Армии Федору Андриановичу Полетаеву присвоено посмертно звание Героя Советского Союза».

А десять дней спустя, 7 января 1963 года, в Министерстве обороны состоялась торжественная церемония, на которой собрались маршалы Советского Союза, генералы и офицеры, посол Итальянской республики в СССР господин Карло Альберто Странео, военный, военно-воздушный и военно-морской атташе Италии, советские дипломаты, журналисты, представители партийных и общественных организаций.

В центре всеобщего внимания были пятеро родных героя: его жена Мария Никаноровна, сестра Анастасия Андриановна Батова — свинарка катинского колхоза, дочь Валентина Емельянова и сын Михаил со своей женой Валентиной.

От имени Советского правительства заместитель министра обороны прославленный полководец Великой Отечественной

войны маршал Василий Иванович Чуйков вручил Марии Никаноровне Полетаевой грамоту с Указом Президиума Верховного Совета, а потом посол Италии передал вдове Золотую медаль «За военную доблесть» и бронзовую пятиконечную звезду партизана-гарибальдийца вместе с соответствующими дипломами — награды итальянского народа, пролежавшие пятнадцать лет в ожидании того дня, когда они будут вручены семье погибшего владельца. Посол говорил о благодарности итальянцев, о том, что они свято хранят память о Федоре Полетаеве, подвиг которого останется символом боевого единства советского и итальянского народов в совместной борьбе за свободу, против фашизма. Он пригласил родных Полетаева в любое удобное для них время приехать на могилу их отца и мужа, обещая им сердечную встречу в Италии.

На другой день семья Полетаевых по единодушному решению передала награды на вечное хранение в Центральный музей Советской Армии, где они теперь выставлены для обозрения. В эти же дни музей получил и другую ценную реликвию, связанную с именем Федора Полетаева: моряки нашего танкера «Николаев» доставили из Генуи боевое знамя итальянских партизан, под которым воевал герой и которое передали в дар Советскому Союзу ветераны антифашистского Сопротивления Лигурии.

Имя Героя Советского Союза и национального героя Италии Федора Андриановича Полетаева присвоено колхозу в его родной деревне Катине. Его жене и неизлечимо больной дочери Александре установлены пожизненные государственные пенсии. Учащиеся Катинской школы решили создать у себя музей, посвященный памяти своего славного земляка. Сотни писем приходят теперь в избу рязанского кузнеца: отзываются прежние друзья героя, советские люди выражают восхищение его подвигом, пионеры сообщают о присвоении дружинам и отрядам имени Федора Полетаева.

Летом 1963 года жена и дети Полетаева совершили поездку в Италию, где их ждал душевный, дружеский прием. Они побывали на могиле своего мужа и отца, на месте его гибели в городке Канталупо, присутствовали на церемонии присвоения имени Федора Полетаева новому танкеру, который строился для Советского Союза на генуэзских верфях. Этот танкер весной 1964 года вышел в свое первое плавание и теперь под красным флагом несет имя героя по морям земного шара.

А в деревне Катине появился новый Федор Полетаев. Это внук героя, сын гвардейца-танкиста Михаила Полетаева, родившийся весной 1963 года.

■ Так заканчивается история Федора Поетана — Федора Андриановича Полетаева. Разгадана его тайна — одна из тех волнующих тайн, которыми так богата героическая летопись Отечественной войны.

Ее удалось разгадать только потому, что в моих розысках я имел удивительного и всемогущего помощника и союзника, у которого тысячи умов, тысячи глаз, тысячи ушей и тысячи участливых и добрых сердец, раскрытых навстречу всему героическому, славному, дорогому для истории нашего народа. Этот союзник и помощник — многотысячная армия наших советских читателей, радиослушателей и телезрителей. Именно они, все вместе, с моей помощью разгадали эту загадку, и только благодаря им пришла в рязанскую деревню Катино весть о славном подвиге сельского кузнеца и солдата Отечественной войны, простого и доброго богатыря русской земли, героически павшего на земле солнечной Италии в борьбе против фашизма, за свободу и счастье людей на всей земле.

КАТЮША

П

Первое известие о ней пришло ко мне еще несколько лет назад, когда я рассказывал по радио о подвигах женщин на фронтах Великой Отечественной войны. Бывший морской врач-хирург, а теперь инвалид войны А. Н. Тишин из города Майкопа в коротком письме сообщал, что в Дунайской военной флотилии в разведке батальона морской пехоты служила героическая девушка — главный старшина Катя Михайлова. По его словам, эта девушка с оружием в руках участвовала во многих боях, ходила в боевые и диверсионные десанты, порой водила матросов в атаки, была не раз ранена, награждена несколькими орденами и медалями и стала любимицей и гордостью дунайцев, восхищенных ее мужеством и бесстрашием. А. Н. Тишин просил рассказать об этой героине и узнать, где она сейчас живет и чем занимается. К письму была приложена вырезка из флотской газеты — портрет девушки с миловидным, типично русским лицом и со взглядом открытым, прямым, полным какой-то особой, отчаянной смелости.

Девушка — боевой моряк, десантник, герой флотилии, любимица матросов! Случай весьма редкий, тем более что на флоте всегда существовало традиционное предубеждение против женщин. Видимо, Катя Михайлова в самом деле была незаурядным человеком.

В 1963 году я упомянул о ней в одной из телевизионных передач, просил откликнуться ее или тех, кто знает нынешнее местопребывание этой героини войны. И тотчас же на студию телевидения пришло несколько писем. Писали бывшие моряки-дунайцы, с восторгом вспоминавшие о подвигах отважной девушки и дополнявшие рассказ А. Н. Тишина новыми подробностями. Троє или четверо врачей из разных городов Союза сообщали, что после войны они учились вместе с демобилизованной морячкой Екатериной Михайловой в Ленинградском медицинском институте. Но никто из них не знал, где она находится сейчас.

Только месяц спустя почта принесла на телевидение необычайно лаконичную, деловую записку: «Мои товарищи по

работе слушали Ваше выступление по телевизору. Вы просили помочь разыскать Катю Михайлова. Теперь у меня другая фамилия. Сообщаю Вам свой адрес. Демина Екатерина Илларионовна».

Адрес оказался совсем близким. Е. И. Демина жила в нескольких десятках километров от Москвы, в городе Электростали, и работала врачом в заводской поликлинике. Вскоре мы встретились с ней.

Сейчас, глядя на эту моложавую маленькую женщину, очень трудно представить ее боевым моряком, прошедшим — не в переносном, а в самом буквальном смысле — сквозь огонь и воду бешеных сражений на азовском и черноморском побережьях, на отмелях Днестровского лимана, на берегах Дуная. И только особое, спокойное и скромное достоинство, с которым она держится, да тот же, что и на фотографии, прямой, уверенный и смелый взгляд серых глаз как бы говорит вам, что за плечами этой женщины большой и нелегкий жизненный путь и что за свой не столь уж долгий век она пережила и повидала такое, что иным хватило бы на добрый десяток биографий.

А между тем, при всей необычности, ее биография довольно типична для девушек той славной военной поры.

Вы помните почти символическую историю русской девушки Катюши из песни Михаила Исаковского и Матвея Блантера, которую мы так любили петь в предвоенные годы? Это история нежной, любящей певуньи, выходившей на берег весенней, повитой туманом реки.

Началась война, и вдруг по всем фронтам прокатилось ее имя, радостно-легендарное для нас, страшное для врагов. «Катюша» пришла в боевой строй народа, она стала нашим новым и грозным оружием — гвардейским минометом.

История Катюши Михайловой очень похожа на историю ее тезки из знаменитой песни. Ей было шестнадцать, когда началась война. Дочь командира Красной Армии, оставшаяся в раннем детстве круглой сиротой, она воспитывалась в ленинградском детдоме, а потом жила в семье своей старшей сестры, врача. Девять классов да пришкольные курсы медсестер составляли все ее образование к лету 1941 года.

Брат, служивший в то время летчиком на границе, в Бресте, пригласил ее на каникулы приехать к нему. По дороге она несколько дней провела в Москве, обошла музеи столицы, побродила по улицам, а вечером 21 июня села в поезд, идущий на Брест. Утром, уже за Смоленском, ее разбудили взрывы: немецкие самолеты бомбили поезд, и она впервые увидела панику, кровь и смерть.

В одном легком платьице, с ручным чемоданчиком, где лежали только полбатона хлеба и кусок колбасы, она вместе с

уцелевшими пассажирами пешком вернулась в Смоленск. На другое утро она пришла в городской военкомат и попросила послать ее на фронт медсестрой.

Осаждаемый толпой добровольцев, злой и бессонный военком с раздражением смотрел на маленькую девушку, стоявшую у его стола.

— Тебе в детский сад надо, а не на фронт, — жестко отрезал он и выставил ее из кабинета.

Катя вышла на улицу с тем же, но уже пустым чемоданчиком. В Смоленске она никого не знала. У нее не было никаких документов, — даже комсомольский билет она оставила дома, в Ленинграде. Но она не привыкла унывать. На окраине города оказался военный госпиталь, и она начала работать там добровольцем — помогать медсестрам и санитаркам. Потом фронт придвигнулся ближе. Однажды госпиталь разбомбили, а оставшихся раненых вывезли на восток. Тогда Катя пришла в стрелковую часть, занявшую оборону под Смоленском.

Так Катюша Михайлова вышла на берег войны, стала боевым солдатом переднего края. Она ходила в разведку, вместе с пехотинцами огнем отбивала атаки врага, перевязывала раны товарищей. Поздней осенью на дальних подступах к Москве под Гжатском ее тяжело ранило в ногу, и она попала в госпиталь, сначала на Урал, потом в Баку.

Катя с детства мечтала о море, о службе на кораблях. И как только ее нога немного зажила, она попросила бакинского военкома направить ее на флот. Теперь у нее были новые документы — комсомольский билет и справка о ранении, и в них, чтобы к возрасту ее не придирились, она прибавила себе два года.

Ее послали медсестрой на санитарный корабль. Шли бои под Сталинградом, санитарные суда поднимались вверх по Волге, забирали раненых и везли их через море в Красноводск. И тут оказалось, что Катя обладала качествами настоящего моряка — осенний штурмовой Каспий не мог укачать ее, в самые сильные бури она оставалась на ногах.

Здесь ей вскоре присвоили звание главного старшины и наградили значком «Отличник Военно-Морского Флота». Но служба на санитарном транспорте тяготила девушку, ей хотелось перейти на боевой корабль или во фронтовую морскую часть.

Летом 1942 года она узнала, что в Баку из добровольцев формируется батальон морской пехоты для Азовской военной флотилии, и явилась к комбату. Тот, истовый и суровый моряк, отказал наотрез: «Женщин не берем». Она пришла во второй, в третий раз, но никакие уговоры не помогали. Тогда Катя

написала письмо в Москву, в правительство, и оттуда было получено предписание зачислить ее в батальон.

Комбату оставалось только подчиниться. Но моряки встретили ее недружелюбно. Им казалось чуть ли не оскорблением приход в батальон девушки, да еще маленькой, хрупкой на вид. Кто-то из остряков-одесситов тут же наградил ее насмешливым прозвищем «шмакодявка». Но Катя стойко сносила все насмешки и не позволяла себе никаких поблажек ни в службе, ни в учебе. С самого начала она стала полноправным товарищем морских пехотинцев.

А потом, перед отправкой батальона на фронт, был 50-километровый марш-бросок по палящей кавказской жаре, с полной выкладкой, причем часть пути предстояло пройти в противогазах. И тут Катя удивила моряков. Не все здоровяки матросы выдержали этот трудный переход: одних свалил солнечный удар, другие натерли ноги, и кое-кто из бойцов оказался в шедшей следом санитарной машине. Но Катя шагала, ни разу не отстав, не выбившись из сил, и даже подбадривала товарищей и помогала им. «Гляди ты, на вид шмакодявка, а какая выносливая!» — озадаченно говорили морские пехотинцы. И она почувствовала, что отношение к ней сразу изменилось.

Никто из матросов не знал, что на обратном пути Катя то и дело незаметно ощупывала раненую ногу. Она распухла и сильно болела — девушке стоило больших усилий не хромать. Когда в десяти километрах от Баку сделали привал и Катя присела на траву, она с ужасом почувствовала, что уже не сможет встать.

В это время духовой оркестр, высланный навстречу морякам, заиграл вальс, и молодой лейтенант остановился около Кати.

— Ты у нас одна девушка. Пойдем потанцуем, — пригласил он ее.

И хотя от боли у нее темнело в глазах, она встала и пошла кружиться по траве, потому что больше всего на свете боялась, как бы командиры не узнали про больную ногу и не отчислили ее из батальона. А когда вернулись в расположение части, она несколько дней потом пролежала в отведенной ей комнате, скавшись больной гриппом. Мало-помалу раненая нога снова пришла в норму.

Летом 1943 года морских пехотинцев перебросили на азовское побережье. Там начался боевой путь батальона, который пролег потом на многие сотни километров и закончился в столице Австрии Вене.

Три боевых ордена, пять боевых медалей бережно хранит дома Е. И. Михайлова-Демина. И за каждой из этих наград — важный незабываемый этап ее фронтового пути. Каждая из

них олицетворяет собой берег, на который Катюша Михайлова выходила с боем вместе с товарищами, берег, занятый фашистами, изрыгающий огонь и смерть.

Медаль «За отвагу». Это взятие Темрюка, боевое крещение нового батальона. Это десант в плавнях, когда вода в тихих заводях вставала столбами под взрывами мин, кипятком кипела под пулями и камышовые стебли, срезанные как невидимой косой, падали на головы десантникам. Она была там, в самой каше, ходила по грудь в соленой воде, стреляла, втаскивала в лодки раненых. Темрюк — маленький городок, но он стоил дорого: больше половины батальона осталось там, в плавнях и на берегу.

Орден Отечественной войны. Керчь. Ночной десант в штурм на пустынном берегу и потом на много дней маленький «пятачок» отвоеванного врукопашную плацдарма у деревень Жуковка и Глейка. По ночам с таманского берега прилетали девушки-летчицы на трескучих «У-2» и сбрасывали морякам сухари и консервы. А колодец с пресной водой был на ничейной земле — между немецкими и нашими окопами. Ночью удавалось набирать воду, днем людей мучила жажда. И только Катя иногда выручала моряков.

Немцы уже успели узнать, что среди матросов, оборонявших маленький плацдарм, есть одна девушка. Они даже знали ее имя. Бывало, в часы затишья из немецких окопов кричали:

— Рус матрос! Рус Иван! Покажи Катюша! Стрелять — нет...

Тогда она, оставив на бруствере свой автомат, брала ведро и во весь рост шла к колодцу. «Катя, вернись! Катюша, убьют!» — кричали вслед матросы. Но она шла, и немцы не стреляли, они, смеясь, высывались из окопов, махали ей руками и играли на губной гармошке: «Выходила на берег Катюша». Девушка возвращалась с полным ведром и поила моряков.

Наступил день, когда они атаковали врага, отбросили его и соединились с войсками, занявшими окраины Керчи. Там, у завода Войкова, они однажды были окружены гитлеровцами — несколько десятков моряков, группа раненых и она, Катя.

Немцы потребовали, чтобы они сдались, угрожая взорвать заводское здание, где засели моряки. В ответ они дали клятву умереть в бою. Раненые кровью писали на стенах: «Здесь стояли насмерть моряки!», «Будут помнить, гады, моряков на берегу!» Им удалось продержаться до ночи, а потом с боем прорваться сквозь кольцо врага. При этом они вынесли с собой всех раненых.

Крым был освобожден. Наступила очередь Дуная. Батальон перебросили под Одессу, и он вошел в состав Дунайской воен-

ной флотилии. Первой боевой операцией дунайцев стал штурм Белгорода-Днестровского.

Его брали ночью, высаживаясь с резиновых шлюпок у обрывистого берега Днестровского лимана. Высаживались под пулеметным огнем врага, при ярком сиянии осветительных ракет. В воде у берега было семь рядов колючей проволоки, а за ними поднимался пятиметровый обрыв, с гребня которого строчили пулеметы и летели в атакующих десантников немецкие гранаты.

Первый штурмтрап с катера, где находилась Катя, подорвался на мине. По второму впереди других спрыгнула в воду девушки. Крича «ура!» и свое неизменное «полундра», моряки забросали проволоку шинелями и плащ-палатками. Катя одной из первых оказалась под обрывом. Маленькая, ловкая, она цепляясь за корни и ветки кустов, быстро забралась наверх и, спустив вниз обмотки, втаскивала к себе товарищей, поднимала пулемет. Потом они кинулись в атаку и очистили гребень от фашистских пулеметчиков. Утром Белгород-Днестровский был взят. Катя получила здесь легкую рану, а позднее командующий вручил ей за этот бой первый орден Красного Знамени.

Начался памятный освободительный поход по Дунаю — дорога с боями через Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию и Австрию. Вот они, медали «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». Но из всех боев самый памятный для нее — штурм крепости Илок в декабре 1944 года.

Илок стоит на высокой горе над Дунаем в районе югославского города Вуковар. Брать его надо было со стороны суши, но, чтобы отвлечь силы врага, на маленький дунайский островок около крепости высадился десант — полусотня морских пехотинцев, среди которых находилась и Катя Михайлова.

Дунай разлился, затопил низменные берега, и, когда ночью катера привезли десантников на островок, он оказался под водой. Тогда моряки устроились на ветвях полузатопленных деревьев и открыли огонь, привлекая на себя внимание противника.

Гитлеровцы всполошились: островок был совсем рядом с крепостью. На десантников посыпались мины, и пехота врага на шлюпках с пулеметами окружила их.

Появились раненые, убитые. Вражеская пуля пробила Кате руку. Она наскоро перетянула рану и продолжала стрелять. Но ей приходилось и перевязывать раненых товарищей. Порой по горло в холодной декабрьской воде она ходила от дерева к дереву, взбиралась на ветки к раненым и привязывала их к стволу бинтами и поясными ремнями, чтобы не свалились

вниз. Когда перевязывать было некого, она снова из автомата отбивалась от наседавших гитлеровцев.

Через два часа из пятидесяти десантников осталось лишь тридцать боеспособных, но и они все были ранены. Подходили к концу боеприпасы. Положение было критическим, когда они услышали вдали «ура!» и вспыхнувшую в районе крепости перестрелку. Воспользовавшись тем, что противник оттянул силы на подавление десанта, наша и югославская пехота кинулась вперед и взяла Илок с суши. Десантники выполнили свою задачу.

Катю, уже ослабевшую от потери крови, окоченевшую в ледяной воде, оставшиеся в живых десантники перенесли на руках в подошедший катер. Рана была серьезной, хотя пуля и не задела кости. Вдобавок сказалось двухчасовое пребывание в ледяной воде, и Катя тяжело заболела. В конце концов ее отправили в тыловой госпиталь моряков в Измаил.

Оправившись после болезни, она нетерпеливо ловила дохдившие с фронта известия о родном батальоне. Шла будапештская битва, и десантники вели бои в венгерской столице. Катя рвалась туда, но врачи не отпускали — рана на руке еще не зажила.

И вдруг раненая исчезла. Она попросту сбежала из госпиталя на фронт, к своим. Врачи подняли тревогу, и по всем дунайским городам, где стояли гарнизоны флотилии, были разосланы распоряжения задержать и вернуть обратно беглянку. А Катя тем временем со своей забинтованной рукой «голосовала» на дорогах и мало-помалу продвигалась на попутных машинах к фронту. У моряков она находила приют и пищу — друзья были повсюду.

В Галаце ее чуть не поймали. Она заночевала у дружков-матросов в порту, как вдруг появился офицер — старший морской начальник порта. Мгновенно девушку спрятали в шкаф. На вопрос, не была ли здесь сбежавшая из госпиталя главстаршина Михайлова, матросы с невинным видом отвечали: «Ни-как нет. Не видели». А когда строгий старморнач ушел, девушку поспешно устроили на шедшую мимо машину и отправили дальше. Она догнала свой батальон за Будапештом, около Комарно, и снова участвовала во всех боях и десантах, в том числе и в знаменитом штурме имперского моста в Вене, когда моряки среди бела дня высадились в глубине расположения противника и в яростной атаке захватили и удержали до подхода своих единственный сохранившийся мост австрийской столицы.

Катя Михайлова за бой под Илоком была представлена к званию Героя Советского Союза. Бывший командующий Дунайской флотилией вице-адмирал Г. Н. Холостяков вспоми-

нает, что вышло с этим представлением. В наградном листе написали примерно так: «Главстаршина Екатерина Михайлова, будучи сама ранена, стоя по горло в воде, участвовала в бою и оказывала помощь другим раненым». В наградном отделе, прочитав это описание подвига, сочли его явным вымыслом и вернули представление в штаб флотилии.

— Что мне оставалось делать? — говорит вице-адмирал Холостяков. — Как командующий, я мог своей властью наградить ее только вторым орденом Красного Знамени. Это я и сделал перед строем моряков.

Пришла победа. Распрощавшись с боевыми товарищами, демобилизованная Михайлова в черной, видавшей виды морской щинели и с тощим вещевым мешком за плечами вернулась в родной Ленинград. Уже не было у нее дома, не было родных — сестра и ее муж погибли на фронте, брат-летчик пал смертью героя в последние дни войны. Она почувствовала себя одинокой.

Сколько молодых людей, выдержав испытание войной, но выдержали потом испытаний мирной трудовой жизни! Для многих из них, пришедших на фронт со школьной скамьи, слишком труден оказался переход к нормальной человеческой обстановке с необходимостью учиться, работать, с будничными хлопотами и заботами о пище, о жилье, об одежде.

Катя Михайлова принесла с войны не только мужество перед лицом опасности, уменье смотреть смерти в глаза. Служба на флоте еще больше закалила ее упорный характер, привила идти к цели через все препятствия, не бояться никаких трудностей, никакой тяжелой работы.

Она уже давно решила, что станет врачом, и сразу же после приезда в родной город подала заявление в Ленинградский медицинский институт. Ее приняли на льготных условиях, как фронтовика. Но каким тяжким и долгим сражением оказалась для нее на первых порах эта учеба!

Ей только недавно исполнилось двадцать лет, и она была почти однолеткой других первокурсников, пришедших сюда после школы-десятилетки. Но они казались детьми по сравнению с ней, человеком такой насыщенной биографии, боевым моряком, фронтовым коммунистом, воином, прошедшим сквозь пекло сражений и не раз пролившим кровь. Зато в другом сверстники оставили ее далеко позади: они пришли в институт хорошо подготовленными, а у нее за четыре года войны школьные знания изрядно выветрились. Надо было догонять товарищей, и как можно скорее.

Но надо было есть и одеваться — Катя не привезла с фронта никаких трофеев. Маленькая студенческая стипендия в те скучные послевоенные годы не могла прокормить даже привыч-

ного ко всему фронтовика. Приходилось работать то ночным сторожем, то резчицей овощей на базе, то санитаркой в больнице. И каждую свободную минуту учиться, учиться с тем же каменным морским упорством, не отыхая, урывая часы от сна, пользуясь дружеской помощью товарищей.

Катюша вышла на этот крутой гранитный берег науки. Она прошла через это, как сквозь бои на фронте, и оказалась победительницей, как и там. Диплом врача она праздновала, словно День Победы. И подмосковный город Электросталь радушно принял молодого медика. Здесь она встретила своего будущего мужа — конструктора В. П. Демина, такого же фронтовика, только не моряка, а связиста. Здесь у нее родился сын. Здесь она впервые вошла в свою квартиру, предоставленную ее семье заводом.

Мирная, простая женщина-врач, оберегающая здоровье людей, жена, мать, хозяйка дома. И только фронтовые фотографии в альбоме, ордена и медали в коробочке да шрамы, оставленные немецким железом, напоминают о том, что было двадцать лет назад. Да еще до конца жизни останется особое, благодарное, теплое чувство к флоту, к морякам, которые в те суровые военные годы любили и берегли ее, как сестру, и гордились ею, как героиней.

Почетная биография! Достойный путь замечательной советской женщины, славной русской Катюши!

■

Этот очерк был напечатан в «Правде» в Международный женский день 8 марта 1964 года. И как только читатели познакомились с боевой биографией Кати Михайловой, поток писем хлынул в редакцию «Правды» и в город Электросталь на имя самой героини. Порой, не зная точного адреса Е. И. Деминой, на конвертах писали: «Электросталь. Катюше». И письма эти всегда безошибочно находили адресата — почтальоны уже знали, о ком идет речь. Люди самых разных возрастов, профессий, живущие в различных уголках Советского Союза, спешили поздравить героическую женщину-моряка с праздником 8 Марта, выражали свое восхищение ее подвигами, посыпали ей свои лучшие пожелания. И со всех концов страны тотчас же отзывались прежние фронтовые товарищи Катюши Михайловой — моряки Дунайской флотилии.

Не впервые приходилось мне разбирать такую почту — отклики на статью или телевизионный рассказ о герое войны. Редко случается, чтобы среди потока писем, подтверждающих и дополняющих то, что ты написал об этом человеке, не попалось два-три кислых, а то и сердитых отзыва. Человеческие отношения сложны — к ним всегда примешиваются личные

симпатии и антипатии, давние счеты и обиды или просто даже обычная зависть. Да и сам герой никогда не бывает «сверхчеловеком»; он способен не только совершать подвиги, но и допускать иногда какие-то ошибки, проявлять какие-нибудь человеческие слабости. Глядишь, кто-то не забыл об этом и решил подбавить ложку дегтя к твоему рассказу о герое.

Должен сказать, что меня просто поразило редкое единодушие бывших моряков-дунайцев в их отношении к Катюше Михайловой. Среди большого потока писем не было ни одного «кислого» или даже сдержанного отклика. А моряки, как известно, народ не сентиментальный и даже непримиримый, не прощающий малейшего малодушия, слабости воли в боевой обстановке. Они не так просто дарят человеку свое доверие, дружбу и уважение, их симпатию очень нелегко заслужить. Но, судя по письмам, Катюша и в самом деле была их любимицей и гордостью. Посмотрите сами, что пишут эти матросы и офицеры, столько сделавшие и повидавшие за годы войны, прошедшие через сто смертей и не привыкшие зря выражать свое восхищение.

Из далекой Якутии, из города Мирного, бывший моряк-десантник Петр Мануйлов так пишет о ней: «Сильная духом, скромная, веселая. Помню, в уличных боях в городе Керчи немецкий танк был прямой наводкой в дом, откуда мы отстреливались, и в это время Катя нас рассмешила. Она отважная была. Мы, моряки-десантники, про нее песенку пели. Песня была, правда, всем известна — «Катюша», но наши ребята выбросили из нее несколько слов и вставили фамилию Михайловой. Пели в блиндаже «под гитару». «При всех операциях и десантах Катя находилась с нами, разведчиками, — пишет радиомеханик из Краснодара, ударник коммунистического труда и депутат райсовета В. С. Петренко. — Больше всего ее влекли к нам постоянный риск, желание быть всегда впереди, первой наносить удары по врагу. Весь боевой путь, начиная с Темрюка и кончая Веной, прошла Катя вместе с нами». «Мы, твои бывшие товарищи, не удивляемся, что о тебе написана в газете статья, — обращается к Е. И. Деминой В. Калялов из Омска. — Ведь мы хорошо знаем, что ты это заслужила. Мы, Катя, всегда тобой гордились, оберегали тебя. У меня лично (это, видимо, многие тебе будут говорить в письмах) сохранились о тебе самые теплые, душевые воспоминания, как о хорошем товарище, друге, милой и чистой девушки. Это я сохраню на всю жизнь, поверь!»

«Все, от командира до матроса, называли ее Катюшой, — пишет бывший пропагандист батальона, а теперь капитан второго ранга в запасе Анатолий Ежиков из Рязани. — Почет, уважение, всеобщее признание, которым она была окружена, в то

время мог завоевать только храбрый человек, хороший друг, товарищ, брат по оружию. Человек большой смелости, храбрости и в то же время исключительно скромная — такой мне запомнилась Катюша. У нее никогда не проскальзывало свое «я», и она не любила, когда распространялись о ее геройских делах. Помню, когда после илокского боя я встретился с Катей в городе Рени (где располагался штаб батальона) и просил рассказать об этой операции и о ее подвиге, Катюша, как обычно, ответила: «Операция как операция, особенного ничего не было». А ведь сложность этой операции заключалась не только в том, что небольшая группа моряков выдержала долгий и неравный бой в окружении, но и в том, что это происходило в зимнее время и в ледяной воде. Когда наши катера пришли, чтобы снять оставшихся в живых десантников, то некоторых было трудно оторвать от деревьев — так они закоченели».

«Для нас, рядовых матросов-десантников, Катюша была святым человеком, — пишет другой ее товарищ, капитан-лейтенант запаса Николай Николаев из Куйбышева. — Не было ни одного человека в батальоне, кто мог бы сказать о ней плохо. Если можно так выражаться, ее мужество было «правофланговым» в батальоне. Она была для нас верной боевой подругой, и ее имя должно занять достойное место в боевой истории нашей Родины. Велика слава Даши севастопольской, но не менее велика и прекрасна слава нашей родной Катюши — черноморской и дунайской».

Из писем однополчан стали известны новые эпизоды боевой биографии Кати Михайловой, о которых сама она то ли забыла, то ли умолчала по скромности. Бывший десантник, а теперь железнодорожный проводник Павел Жаров из Ростова-на-Дону так описывает бой за Белгород-Днестровский:

«При форсировании Днестровского лимана немцы обнаружили нас недалеко от берега, когда мы еще находились в воде. Начальником штаба нашего отряда был старший лейтенант Богородский. Его тяжело ранило разрывной пулей, он начал падать в воду. Я заметил это и бросился на помощь, поддержал его руками и потащил по воде к берегу. Но впереди оказалась колючая проволока в несколько рядов, а немцы бьют из пулеметов, автоматов, бросают гранаты. И вдруг под пулями и осколками гранат подбегает Катюша. Мы взяли старшего лейтенанта на руки и понесли через проволоку, забросав ее плащ-палатками и чем попало. Вынесли его на берег под обрыв. Катюша перебинтовала командиру руку и быстро исчезла с автоматом в руках. Старший лейтенант Богородский благодаря ей остался жив».

Как известно, Катюша «исчезла», взобравшись первой на верх, на обрыв. А теперь из письма одного из товарищей стало

известно, что, после того как девушка помогла влезть на кручу другим морякам, она кинулась в сторону, откуда был гитлеровский пулемет, и забросала его гранатами, уничтожив весь расчет.

Командир одного из дунайских бронекатеров, а теперь старший лаборант кафедры физики в Саратовском пединституте Леонид Честнов познакомился с Катюшой в госпитале, где она лежала после ранения под Илоком. Он вспоминает, с какой теплотой она говорила о своих ребятах-разведчиках, и все беспокоилась: «Как они там без меня воюют?»

Мы уже знаем, что в конце концов она не выдержала госпитального безделья и сбежала на фронт, догнав свой батальон за Будапештом. Бывший разведчик Алексей Чхеидзе из Тбилиси рассказывает в письме о бое за один дунайский мост, в котором Катя участвовала с еще не зажившей раной на руке.

Этот мост соединял венгерский городок Комаром и чехословацкий город Комарно. Он был заминирован, и немецкие саперы уже подожгли бикфордовы шнуры, когда группа разведчиков, среди которых находилась и Катя, под обстрелом врага подбежала к мосту. Они были авангардом десанта. Все решали секунды, и моряки кинулись вперед. Разведчик Георгий Веретенников добежал до горящих шнуротов и оборвал их. Катя оказалась рядом с ним, и, пока он затаптывал тлеющие шнуры, она, увлекая за собой весь десант, бросилась с автоматом через мост и первая ворвалась на улицы Комарно. «После этого, — пишет Чхеидзе, — Георгий Веретенников от имени всего отряда флагманских разведчиков в знак глубокого уважения к ее мужеству подарил ей свои золотые часы в форме сердца».

Бывший член Военного совета Азовской и Дунайской военных флотилий контр-адмирал А. А. Матушкин сейчас находится в запасе и живет в Москве. В свое время он подписал представление Кати Михайловой к званию Героя Советского Союза за бой у югославской крепости Илок, которое, как известно, было возвращено назад из-за того, что в наградном отделе не поверили в описанный там подвиг девушки. А. А. Матушкин прислал в редакцию «Правды» письмо, в котором подтверждает все факты, изложенные в очерке «Катюша», и дополняет их новыми подробностями.

«В бою за Керчь, — пишет он, — пробив плотную завесу огня, корабли на больших скоростях подходили к уцелевшим, но разбитым причалам. Несмотря на плотный, губительный огонь, военные моряки выскоцили на стенку и метр за метром очищали от врагов берег. Среди первых выскоцила на берег Катюша. Немцы, оправившись от первых ударов, многократно атаковали позиции батальона, но каждый раз откатывались назад. Е. И. Михайлова на своих плечах вынесла из боя не

один десяток раненых бойцов, а часто ей приходилось вместе со своими товарищами отбивать атаки наседающего врага. Тем более что она автоматом, пулеметом и всем стрелковым оружием владела мастерски.

Во время штурма Белгород-Днестровского в пылу боя около взвода морских пехотинцев во главе с капитаном Ивановым оторвались от основных сил батальона и были отсечены противником. Разгорелась жаркая схватка (вплоть до рукопашной), в которой капитан Иванов был убит. Среди окруженных противником десантников произошло короткое замешательство. Катюша, которая находилась в этой группе, со словами: «Вперед, братва! Наши близко!» — поднялась во весь рост, а за нею и все остальные ударили по цепи окружения противника и соединились с основными силами батальона. Катюша в этом бою была легко ранена.

Рассказывая о памятном бое десантников на полузатопленном дунайском островке у крепости Илок, контр-адмирал Матушкин высоко оценивает мужественное поведение серьезно раненной тогда Кати Михайловой. «Когда бой кончился, — говорит он, — боевые друзья Катюши бережно, на руках вынесли ее из воды, и вскоре она была эвакуирована на плавучий госпиталь флотилии. В тот день я обходил раненых в этом бою и прибывших на плавгоспиталь. Зашел и к Катюше. Она была в полу забытьи, так как, кроме тяжелого ранения, она серьезно простудилась, находясь по горло в холодной декабрьской воде, и заболела двухсторонним воспалением легких. На флотилии Катюшу любили все, а тем более ее коллеги — медики. Они очень много сделали, чтобы спасти жизнь Катюши (а она длительное время была между жизнью и смертью), поднять ее на ноги и вернуть в отряд. И им это удалось».

«За совокупность боевых подвигов Катюши, — заключает А. А. Матушкин, — и в особенности за ее последний подвиг Военный совет флотилии представил Катюшу к званию Героя Советского Союза. Но, вероятно, мы не сумели должным образом обосновать это. Поэтому убедительно прошу ходатайствовать перед правительством, чтобы восстановить справедливость и присвоить Е. И. Деминой звание Героя Советского Союза, к которому она представлялась ранее. Она это воистину заслужила».

Обратились с письмом в редакцию «Правды» также бывший командующий Дунайской военной флотилией вице-адмирал Г. Н. Холостяков и бывший начальник штаба флотилии капитан первого ранга А. В. Свердлов. «Героические действия главного старшины Михайловой Е. И., неоднократно отмечавшиеся в морских десантах под Темрюком, Керчью и Белгород-Днестровским, достигли своей вершины в бою за Илок, — пи-

шут они. — Командование флотилии представляло Е. И. Михайлова к званию Героя Советского Союза, но подлинному героизму, осуществленному в крайне сложных условиях, не поверили органы, ведавшие оформлением, и представление возвратили. Пришлось властью командующего флотилией ограничиться награждением Е. И. Михайловой орденом Красного Знамени. Героизм главного старшины Е. И. Михайловой является исключительным примером беззаветного служения своей социалистической Родине и заслуживает быть достойно отмеченным».

Рабочий таганрогского завода «Красный котельщик», бывший старшина Дунайской флотилии Иван Дроздов пишет, каким замечательным, отзывчивым товарищем была для него Катя Михайлова. Под Илоком в том самом памятном десанте, он получил тяжелое ранение в живот, и девушка сделала ему первую перевязку. Уже после войны, в 1947 году, из-за этой раны Дроздову пришлось перенести операцию. Его направили в военно-морской госпиталь, в Ленинград. Катя вскоре узнала о приезде своего сослуживца и тотчас же пришла к нему.

Это было трудное время для девушки — она и работала и училась, напряженно догоняя однокурсников, но навещать боевого друга она считала своим важным долгом. Три месяца, пока Дроздов лежал в госпитале, она бывала у него, уговаривала его согласиться на сложную операцию, поддерживала больного, внушала ему уверенность в успехе врачей. С глубокой благодарностью вспоминает сейчас об этом бывший моряк. «У нее хорошая, простая русская человеческая душа», — заключает он.

Герой всегда герой — и в бою, и в мирной работе, и в учебе. Те, кто учился с Катей Михайловой в Ленинградском медицинском институте, не забыли, как много трудилась эта девушка, наверстывая упущенное в годы войны, как, бывало, поздно вернувшись с работы в общежитие, она, до предела усталая, и в постели не расставалась с учебником. С книгой в руке засыпала на два-три часа, но, едва проснувшись, снова принималась читать. «Она была великой труженицей», — пишет о Кате одна из ее бывших со курсниц.

А вот какова нынешняя Катя Михайлова, врач из города Электростали Е. И. Демина. Я беру эти строки из письма в редакцию «Правды», подписанного секретарем Электростальского городского комитета партии М. Василенко и председателем исполкома горсовета Н. Малинкиным.

«Боевой путь Екатерины Илларионовны теперь хорошо известен, — пишут они. — Электростальцы имеют все основания сказать, что в дни мира она осталась образцом гражданина и коммуниста, скромного труженика, рядового великой армии строителей коммунизма.

Екатерина Илларионовна с 1950 года, сразу же после окончания института, начала работать врачом заводской поликлиники. Уже в 1953 году ее назначили заведующей лабораторией. Лаборатория только создавалась, дело для всех было новое, не было лаборантов. Екатерина Илларионовна, как и в грозные дни боев, забыв об усталости, с огромной энергией взялась за выполнение этой сложной задачи. В самые короткие сроки были подготовлены необходимые кадры, которые под ее руководством успешно освоили сложное оборудование и методику исследований.

Коммунист Е. И. Демина — человек удивительной скромности. Партийная организация поликлиники не раз поручала ей, как агитатору, проводить беседы — и в коллективе поликлиники, и в агитпункте среди населения, и в школе. Она много рассказывала своим слушателям о подвигах советских людей в дни Отечественной войны, но никогда ни одним словом не обмолвилась о том огромном ратном труде, который выпал на ее долю.

...За свой добросовестный труд, за чуткое, отзывчивое сердце, за принципиальность Екатерина Илларионовна пользуется настоящим, большим авторитетом среди электростальцев, которые знают и любят ее.

В 1963 году коммунисты города избрали ее членом Электростальского ГК КПСС. Она активно выполняет все партийные поручения, принимает самое деятельное участие в работе городского комитета партии».

Так за строчками всех этих писем раскрывается все шире и полнее большой, цельный, поистине героический характер маленькой скромной женщины — ветерана великой войны. И конечно, такая биография, такой характер не могли оставить равнодушными читателей. Их письма были полны самых горячих, сердечных чувств.

«Дорогая, дорогая Катюша — Екатерина Илларионовна! — говорится в одном из писем. — Сегодня многие прочитавшие о Вас, вероятно, пошлют Вам, как и я, приветственные письма, но не всем исполнится скоро 90 лет и 70 лет беспрерывного стажа на фронте искусства. Примите мои объятия, сердечный материнский поцелуй, пожелания большого, крепкого здоровья и очень долгой жизни. Вам, дорогой геройне, я благодарна за все доброе, что Вы сделали. Елена Фабиановна Гнесина».

Это письмо прославленного ветерана нашей музыки, основательницы известного музыкально-педагогического института и училища имени Гнесиных.

«Сегодня прочитал рассказ о Вашей замечательной жизни, — пишет читатель Н. Шумский из Саратова. — Преклоняюсь перед такими людьми, как Вы. У Вас мужественное и

доброе сердце, несгибаемая воля... Жизнь не испытывала меня так сурово, как Вас. Думаю, что я слабее Вас духом, хоть я и мужчина. Ваш сын должен гордиться своей матерью, а муж — женой. Адрес свой не указываю — ни к чему. Хочу просто выразить Вам свое восхищение за то, что Вы такой замечательный человек».

«Прошу через газету передать нашей Кате Михайловой — именно нашей — большое, большое спасибо от темрюкан. Ведь она одна из тех, кто боролся за освобождение нашего родного города Темрюка. Идешь сейчас по улицам Темрюка и думаешь: сколько трудностей перенесла наша славная морячка Катя Михайлова, чтобы нам радостно жилось! Мы никогда не забудем Вас, Екатерина Илларионовна, наша славная героиня, чьи подвиги будут бессмертным примером для нас, комсомольцев. От всей души приглашаем Вас в наш город Темрюк. Посмотрите, каким он сейчас стал. Вы будете у нас настоящим почетным гостем. С комсомольским приветом Галина Серебрянская, оператор Темрюкского узла связи».

«Ваша фотография с наградами за героизм, которую нам с трудом удалось достать в 1954 году в штабе Дунайской флотилии, восхищает наших посетителей — они подолгу задерживаются у этого портрета, — пишет Е. И. Деминой научный сотрудник Белгород-Днестровского краеведческого музея В. Яковлев. — Учащиеся, студенты, туристы, все посетители задают вопросы: а где сейчас тов. Михайлова? Какова ее судьба? Но фото Ваше молчало 10 лет. Кроме вашей девичьей фамилии, инициалов и того, что Вы участвовали в боях за город Белгород-Днестровский, никто о Вас ничего не знал. Ваш боевой путь в годы Великой Отечественной войны, прошедший через наш город, является ярким примером советского патриотизма, мужества и стойкости в борьбе за наши идеалы. На примере Вашей жизни должна воспитываться наша молодежь».

«Вы служите блистательным примером для всех. Я плакала над Вашей фотографией, полной высокого мужества и любви к Отечеству, — вторит В. Яковлеву учительница Ф. Фурманова из Москвы. — Скоро я уезжаю в ряд городов Урала и Казахстана, чтобы читать лекции по воспитанию. Как маяк, Вы передо мной. Готовлюсь начать свои лекции рассказом о Вас. Вы и Ваши глубокие чувства преданности Родине словно войдут в залы и откроют сердца людей для больших дел в труде и быту. Я так заряжена Вашим обликом, что расскажу хорошо о Вас».

«В день 8 Марта наш третий класс «Б» приняли в пионеры. Мы заслужили право учиться в ленинской комнате, — пишут героине школьники из поселка Афипского Краснодарского края. — Выбирая имя отряду, мы решили в память Вашей юности назвать наш отряд именем Катюши Михайловой. Просим

у Вас на это согласия». А юные туристы из Керченского Дома пионеров, приглашая в гости Е. И. Демину, рассказывают ей, как растет и хорошеет их город, за который она воевала. «Нам дорого Ваше имя, мы очень хотим быть похожими на Вас и так же любить свою Родину, как Вы», — пишут они.

Приглашений было много. Из Минска писал бывший командир Могилевского партизанского соединения С. Г. Сидоренко-Солдатенко: «Позвольте мне от имени всех моих боевых друзей горячо и сердечно приветствовать Вас, героя борьбы и труда. Мы дружески обнимаем Вас и приглашаем к себе в гости в Минск — столицу белорусского народа, проявившего героизм в борьбе и труде во славу Родины». Звали посетить их супруги Ребровы из Москвы, семья Пеклер из города Николаева, приглашал приехать вместе с семьей в гости бывший сослуживец Кати Михайловой, комсорг батальона морской пехоты, а теперь капитан первого ранга Д. А. Дюков. «Горжусь тобой, Катюша, и с благодарностью вспоминаю тебя и нашу совместную службу в годы войны», — писал он.

В эти дни отыскались многие прежние друзья и знакомые дунайской героини. Из Баку приехал в Москву фотокорреспондент Азербайджанского телеграфного агентства С. Кулишев. Прочтя очерк в «Правде», он вспомнил, что в годы войны снимал Катю Михайлова и когда батальон морских пехотинцев проходил в Баку боевую подготовку, и позднее, в дни боев под Керчию. Он отыскал в своем архиве старые негативы и привез в подарок Е. И. Деминой памятные фронтовые фотографии. А в архиве фотокорреспондента «Правды», известного нашего мастера Евгения Халдея нашлась еще более интересная фотография девушки-моряка. Он снял ее в 1943 году, в разгар боев за Керчь, в окопе, на плацдарме, только что занятом моряками, когда Катя в боевой обстановке перевязывала раненого. Обнаружены даже куски кинохроники военных лет, где запечатлены эпизоды фронтовой жизни батальона десантников и где в некоторых кадрах появляется и Катя Михайлова. Эта хроника включена в документальный фильм «Катюша».

Екатерина Илларионовна Демина не любит, когда ее называют героиней, и всегда протестует против этого. Но как бы то ни было, она истинная героиня своего народа, хотя пока и не носит на груди Золотой Звезды. Недаром в сотнях писем, коллективных и индивидуальных, которые пришли в редакцию «Правды» вслед за опубликованием очерка «Катюша», советские люди — рабочие, колхозники, интеллигенты, военнослужащие, студенты и школьники, как и однополчане Кати Михайловой, в один голос заявляют, что весь боевой жизненный путь этой женщины, ее подвиги в годы войны делают ее достойной самой высокой награды Родины.

ГОСПИТАЛЬ В ЕРЕМЕЕВКЕ

Среди многих тысяч писем, полученных мною в 1957—1958 годах после серии передач по Всесоюзному радио с рассказами о поисках героев Брестской крепости, было письмо медицинской сестры Оксаны Трофимовны Романченко из села Веприк Гадячского района Полтавской области. Из него я впервые и узнал краткую историю госпиталя в Еремеевке. Позднее я рассказал об этом госпитале в одном из дальнейших радиовыступлений, и тогда пришли десятки новых писем от многочисленных участников и очевидцев событий. С некоторыми из этих людей мне потом довелось встретиться и лично, а лет пять тому назад я побывал на месте действия, в селе Еремеевке, вблизи Кременчуга, где и сейчас живут несколько действующих лиц моего рассказа.

Теперь обстоятельства этой волнующей истории вполне ясны, и я могу описать ее читателю со всеми подробностями. Пусть же с этим рассказом в историю Великой Отечественной войны войдет еще один яркий эпизод борьбы советских людей против фашистских захватчиков и Родина почтит память славного героя, подвиг которого доныне оставался неизвестным.

В сентябре 1941 года, после упорных боев на подступах к Киеву, советские войска оставили столицу Украины и отошли на левый берег Днепра. Но противник продолжал наступление. Две мощные танковые группы немцев, прорвав нашу оборону на флангах фронта, проникали все дальше на восток. Клинья этого немецкого наступления сходились все ближе и сомкнулись в районе городов Ромны и Лохвица. Основные силы Юго-Западного фронта оказались во вражеском кольце. На Левобережном Приднепровье разыгралась тяжелая трагедия.

Лишь части наших войск удалось прорваться из окружения, остальные были уничтожены в боях или пленены. Погиб командующий фронтом генерал-полковник Кирпонос, погибали или попадали в руки врага штабы частей и соединений,

тыловые подразделения, медсанбаты и госпитали, полные раненых. Кольцо врага день ото дня суживалось, и наконец наступил финал этой трагедии, центром которого стали село Оржица Полтавской области и прилегающий к нему район.

Оржица — большое село, раскинувшееся на берегу реки того же названия. Один берег этой реки высокий и крутой, а другой — низменный и болотистый. Болота, гибкие и непроходимые, особенно во время осенних дождей, тянутся далеко на восток, и единственная дорога здесь пролегала по гребню широкой и длинной земляной дамбы, построенной как мост через эти топи. Вся масса войск, сдавленных в тугой петле вражеского окружения, со своим транспортом и техникой устремилась сюда, на дамбу, надеясь вырваться из кольца, но путь этот практически был уже закрыт.

Немецкие орудия и пулеметы держали дамбу под непрерывным огнем, и она на всем протяжении была усеяна сгоревшими или подбитыми машинами, опрокинутыми повозками, трупами людей, убитыми лошадьми. Но каждый день все новые отряды окруженных шли на прорыв по этой дороге смерти или пытались пробраться к своим напрямую через болота. Лишь немногим это удалось — большинство людей погибало под вражеским огнем,тонуло в глубокой трясине или попадало в плен. И наступил день, когда кольцо сжалось до предела и в Оржице уже не было наших войск: все, кто мог ходить, даже легкораненые, ушли на прорыв.

Но и после этого часть села оставалась недосыгаемой для немцев. На окраине Оржицы, у высокого берега, изрытого окопами и траншеями, продолжался бой. И когда немецкие разведчики донесли своему командованию, кто ведет этот бой, генералы не сразу поверили — слишком уж невероятным казалось донесение. Там, в окопах над рекой, залегли те советские бойцы и командиры, которые физически не могли уйти вместе со своими товарищами, — люди, тяжело раненные или раненные в ноги.

Одни из них уже не могли передвигаться и только стреляли, лежа на месте. Другие еще были в состоянии ползать и под прикрытием огня товарищей то и дело пробирались к окраинным улицам деревни, где стояли брошенные обозные повозки, нагруженные патронами, так же ползком возвращались обратно, волоча за собой тяжелые патронные ящики или куски мяса, отрезанные от туш убитых лошадей.

Здесь, на этой выгодной позиции, можно было продержаться долго, и раненые приняли молчаливое решение дорого продать свою жизнь и погибнуть в бою, но не сдаться в плен. Обреченные на смерть, истекающие кровью, обмотанные грязными

бинтами, из последних сил сжимающие в руках приклад винтовки или рукояти пулемета, лежащие под бесконечным осенним дождем на раскисшей земле, в залипых водой окопах, эти люди уже спокойно смотрели навстречу своей неизбежной судьбе и старались не поддаваться унынию. Они даже смеялись и шутили. Они окрестили свою высокую удобную позицию «галеркой», а противоположный низкий берег — «партером», и, как только на этом «партере» или же со стороны деревни показывались зеленые цепи атакующих немцев, меткий огонь раненых вычесывал ряды гитлеровцев и заставлял их снова залечь.

Несмотря на обстрел из пушек и минометов, которые подтянули сюда противник, неравная борьба все же продолжалась несколько дней. Рассказывают, что самолеты, летая на бреющем полете над берегом, разбрасывали листовки, отпечатанные на машинке в немецком штабе.

«Безногие солдаты Оржицы! — говорилось в этих листовках. — Ваше сопротивление бессмысленно. Немецкая армия вступила в Москву и в Петербург. Красная Армия разбита. Спасайте свою жизнь и сдавайтесь в плен. Немецкое командование немедленно обеспечит вас протезами и хорошим питанием».

Но на эти призывы из окопов все так же отвечали огнем, который, впрочем, слабел с каждым часом. Сопротивление прекратилось, когда почти все защитники «галерки» были убиты. Лишь несколько «безногих солдат Оржицы», еле живых, лишившихся сознания, попали в плен.

Так закончилась трагедия на Левобережном Приднепровье. Но еще долго после этого на всем обширном пространстве, где недавно кипела битва, валялись неубранные трупы и повсюду — в полях и в болотах, на огородах и в придорожных кустарниках — под осенним дождем в грязи стонали, умоляя о помощи или о смерти, тяжело раненные люди, которых гитлеровцы безжалостно обрекли на медленную и мучительную гибель.

■
Начало нашего рассказа относится к последним дням этой оржицкой трагедии.

Неподалеку от Оржицы лежит другое большое село — Крестителево. Противник овладел им после упорного боя, и цепи немецкой пехоты, методически прочесывая одну улицу за другой, вышли к окраине села, где на отшибе от хат стояло несколько длинных колхозных сараев. Опасаясь засады, автоматы приближались к ним осторожно и недоверчиво, время от времени выпуская очереди по этим постройкам,

И тогда в дверях одного из сараев появился человек. Он по-немецки закричал солдатам, чтобы они не стреляли, потому что в сараях находятся только раненые.

Человек был высокого роста, широкоплечий и сильный. Он носил гимнастерку командира Красной Армии, но без знаков различия на петлицах. На голове у него был кожаный летный шлем. Видимо раненый, он заметно прихрамывал, опираясь на палку.

Когда автоматчики прекратили огонь, этот человек, припадая на раненную ногу, пошел навстречу фельдфебелю, который командовал немецким отрядом. Выбросив вперед вытянутую руку, он по всем правилам отдал фашистское приветствие, гаркнул «Хайль Гитлер!», а потом на превосходном немецком языке объяснил, что он врач и просит отвести его для переговоров к кому-нибудь из старших офицеров. Спокойные, увереные манеры незнакомца и отличное знание языка произвели на фельдфебеля впечатление, и он приказал одному из солдат проводить русского врача в штаб части.

Оказавшись перед старшими немецкими офицерами, человек отрекомендовался доктором Леонидом Андреевичем Силиным. Поздравив их с победой, он недвусмысленно дал понять, что радуется успехам германских войск и сам является ярым сторонником немцев. Потом он сказал, что обращается к немецкому командованию с просьбой разрешить ему организовать госпиталь для раненых советских пленных.

По его словам, он уже собрал в сараях на окраине Крестителева несколько десятков бойцов и командиров, получивших ранения, а кроме того, на полях вокруг села валяется множество тяжело раненных людей, и им по международным законам следует оказать медицинскую помощь.

Доктор Силин просил позволить ему отобрать из попавших в плен русских группу врачей, медицинских сестер и санитарок, с их помощью перенести лежавших под открытым небом тяжелораненых в те же сараи на окраине Крестителева и там создать импровизированный госпиталь. «Я могу дать подписку и готов отвечать своей головой, — добавил он, — что ни один человек из раненых или из медицинского персонала не попытается бежать».

Русский врач явно понравился немцам. Несколько раз брошенными словами он сумел польстить их самолюбию, его почтительный, даже заискивающий тон был приятен им, а когда в ответ на вопрос, откуда он знает так хорошо немецкий язык, доктор Силин ответил, что его мать была чистокровной немкой, он окончательно расположил офицеров в свою пользу. Командир части позвонил по телефону генералу, и разрешение на организацию госпиталя было

дано. Но при этом немцы поставили врачу несколько категорических условий.

Во-первых, Силина предупреждали, что он понесет самую строгую ответственность, если кто-нибудь из его будущих подчиненных или пациентов попытается бежать из плена. Во-вторых, ему запрещалось подбирать с поля боя и принимать в свой госпиталь тяжело раненных коммунистов, командиров Красной Армии, евреев и русских. Он имел право оказывать медицинскую помощь только беспартийным, украинцам по национальности и в звании солдата или сержанта. В-третьих, немецкое командование ставило в известность врача, что оно не намерено снабжать будущий госпиталь ни продуктами питания, ни медикаментами и все это Силину и его помощникам предстоит добывать самим.

В ответ доктор рассыпался в похвалах великодушию немцев, заявил, что все поставленные ему условия будут точнейшим образом выполнены, и просил разрешения немедленно приступить к делу. Немецкому офицеру поручили сопровождать его, и Силин отправился вместе с ним в ближайший лагерь для советских военнопленных, чтобы там подобрать медицинский персонал для своего госпиталя.

Лагерь для пленных находился неподалеку от Крестителя. Это был просто большой участок земли, огороженный колючей проволокой, и там под открытым небом, с которого день и ночь сыпался мелкий осенний дождь, в холода, голоде и грязи томились десятки тысяч человек. Здесь оказался и медицинский персонал полевого госпиталя одной из наших армий, захваченный гитлеровцами. Разыскав группу девушек — медицинских сестер и санитарок, Силин представился им и предложил работать в будущем госпитале.

— Предупреждаю, девушки, работать придется много и тяжело, — сказал он. — Я буду строго требовать от каждого из вас добросовестного выполнения обязанностей. Но вы медики, а на полях сейчас умирают от тяжелых ран сотни наших людей. Этим, — он кивнул на сопровождавшего его немецкого офицера, — на них наплевать, а мы с вами должны спасти их от смерти, сохранить для Родины.

Девушки, истомившиеся за несколько дней в лагере, с радостью приняли это предложение. Потом Силин отправился разыскивать врачей. В новом госпитале согласились работать пожилой опытный хирург из Одессы Михаил Александрович Добровольский, хирурги Михаил Салазкин из Москвы и Николай Калюжный из Киева, женщины-врачи Федорова и Молчанова и другие. Силину даже удалось уговорить немцев отдать

ему из лагеря двух обреченных на смерть евреев — ростовского хирурга Портнова и днепропетровского окулиста Геккера. Ему разрешили взять их на работу в госпиталь при условии, что они тотчас будут расстреляны, как только все раненые окажутся вылечеными.

В тот же день врачей и медицинских сестер выпустили из лагеря, и Силин собрал весь персонал своего госпиталя в одном из сараев на окраине Крестителева.

Он предупредил, что никто не должен пытаться бежать из госпиталя, иначе немцы расстреляют его самого, а с ним, может быть, и других. Потом он объявил, что назначает главным врачом госпиталя доктора Михаила Добровольского, а каждый из остальных врачей-хирургов получил в свое ведение «палату» — один из сараев, а в подчинение — группу медицинских сестер и санитарок. В заключение Силин рассказал о том, какие жесткие требования поставили немцы в отношении раненых.

— Мы должны брать всех тяжелораненых, — пояснил он. — Но в нашем госпитале не должно быть ни одного коммуниста, командира, еврея или русского. Надеюсь, вам ясно, что я имею в виду?

Он так многозначительно сказал это, что все поняли его без дальнейших объяснений. И тут же врачи и сестры, вооружившись примитивными носилками, отправились в окрестные поля искать тяжелораненых. Они подбирали подряд всех, кто нуждался в помощи, и никого ни о чем не спрашивали. Но когда раненых приносили в сарай и регистратор заносил их имена в госпитальный журнал, биографические данные каждого претерпевали существенные изменения. Иванова записывали в книгу учета как Иваненко, Семенова — как Семенюка. Если человек был командиром Красной Армии, с него тотчас же снимали офицерскую гимнастерку и взамен надевали солдатское обмундирование, а в список он заносился как солдат или сержант. И спустя два или три дня, когда в госпитале было уже несколько сот раненых и Силин представил немецкому командованию список своих пациентов, там не значилось ни одной русской фамилии, не было ни одного командира, еврея или коммуниста. Немцы остались весьма довольны тем, что врач так дотошно выполнил их требования.

Ни о койках, ни о постельных принадлежностях не приходилось и мечтать. Раненых укладывали прямо на соломе, расстеленной на земляном полу сараев, стараясь положить их так, чтобы сквозь дырявые соломенные крыши на них не лил дождь. В госпитале не было никакого оборудования, не было лекарств и перевязочных средств, и Силин с врачами отправился на поле недавнего сражения. Они осматривали брошенные обозные повозки, санитарные фургоны, госпитальные машины

и искали бинты, медикаменты, медицинский инструмент. Кое-что они нашли, и, хотя медсестрам приходилось, меняя повязки, стирать бинты и снова пускать их в дело, хотя лекарств было недостаточно, а врачи при операциях порой должны были по очереди пользоваться одним и тем же инструментом, все же эти находки дали возможность оперировать и лечить людей. Госпиталь начал работать.

Надо было подумать о питании раненых, и Силин со своими помощниками пошел в Крестителево и в окрестные села. Они обходили хату за хатой, беседовали с колхозниками, рассказывая им о госпитале и прося их добровольной помощи. И все отзывались на эти просьбы с величайшей охотой — кто давал пару кринок молока, кто несколько караваев хлеба домашней выпечки, кто добрый кусок сала, кто ведро картошки или других овощей. Конечно, не легко было на эти пожертвования кормить несколько сот человек, но все же люди были спасены от голодной смерти, обеспечены кое-каким лечением и мало-помалу начинали поправляться. На примитивных, грубо сколоченных операционных столах врачи госпиталя при тусклом, колеблющемся свете коптилок ухитрялись делать сложнейшие операции. Особенно славился своим искусством хирург Михаил Добровольский — немецкие военные медики нередко специально приходили в сарай посмотреть на его операции и громко выражали свое восхищение.

Силин как-то сразу сумел установить самые тесные приятельские отношения и с офицерами воинской части и с чинами организованной в Крестителеве немецкой комендатуры. Он заметил, что большинство гитлеровцев падко на похвалы в свой адрес, и, пользуясь этим, расточал им самую грубую лесть, которая иногда даже коробила его товарищей-врачей. Вдобавок он был веселым собутыльником и знал массу забавных анекдотов, которые мастерски рассказывал, часами заставляя немцев надрывать животы от хохота. Офицеры удивлялись тому, как он знает их язык, и порой признавались, что Силин говорит по-немецки лучше, чем они сами. Кроме того, им нравилась суровая дисциплина, которую Силин установил в своем госпитале, и его властная, требовательная манера обращения с подчиненными.

Наши врачи и раненые с недоумением и недоверием наблюдали за этим непонятным для них человеком. С одной стороны, все понимали, что они обязаны ему, знали, что он спасает их от смерти, избавляет от тяжких страданий в гитлеровских лагерях для военнопленных. Они поражались его изобретательности, энергии, выдающимся организаторским способностям.

С другой стороны, поведение Силина, казалось, характеризовало его как верного фашистского прихвостня. Стоило ему появиться в госпитале в сопровождении немцев, как он набрасывался с ругательствами на врачей и медсестер, грубо кричал на раненых, выказывал явное презрение к советским людям и тут же, всячески заискивая перед гитлеровцами, подобострастно принимал их снисходительные похвалы, сыпал в ответ комплиментами, рассказывал анекдоты и сам дружески смеялся вместе с офицерами. Зато когда он приходил один, то становился совсем другим — заботливым и ласковым с ранеными, по-товарищески дружелюбным с врачами.

Поведение начальника госпиталя было таким противоречивым и странным, что многие врачи и раненые долго относились к нему с настороженностью и подозрением и считали его предателем. Другие недоумевали: какое же лицо Силина является действительным и какое — только маской? Третьи уже начинали понимать, что этот человек ведет с врагом тонкую и опасную игру.

К этому времени кое-кто из врачей, и прежде всего Михаил Добровольский, который, как главный хирург, чаще других общался с начальником госпиталя, стали подозревать, что Силин не тот, за кого себя выдает. Добровольский обратил внимание на то, что он никогда не осматривает раненых один, а всякий раз делает это в сопровождении кого-нибудь из других докторов. Ни разу не случалось так, чтобы Силин сам поставил диагноз или оспаривал заключения других врачей, — он всегда одобрял методы лечения, предложенные ими.

Был ли этот человек настоящим медиком? Несколько раз, чтобы незаметно проверить свои подозрения, Добровольский, совершая обход раненых вдвоем с Силиным, нарочно высказывал суждения, самые нелепые с точки зрения медицины, и всегда Силин соглашался с ним. В конце концов хирург понял, что его начальник не имеет специального образования, ничего не понимает в медицине, но более или менее ловко скрывает свое незнание.

Лишь спустя некоторое время, когда Силин присмотрелся к главному хирургу и понял, что может вполне доверять этому человеку, он однажды в дружеском разговоре с Добровольским честосердечно признался в своем обмане и рассказал ему свою настоящую биографию. Да, Леонид Андреевич Силин вовсе не был врачом. Юрист из Москвы, он пошел добровольно на фронт, стал секретарем и членом военного трибунала одной из наших стрелковых дивизий, которая попала в окружение недалеку от Крестителева, а оказавшись в плену, решил спасать раненых и выдал себя за медика. В его жилах вовсе не

было немецкой крови, как он уверил в этом немцев, а превосходное знание языка объяснялось весьма просто.

Силин родился в Риге, в семье мелкого служащего, и вырос в том районе города, где жило много немецких семей. С детства, играя вместе с немецкими мальчиками, он изучил их язык и владел им совершенно свободно. В юности он стал активным комсомольцем, служил на флоте в Севастополе, а потом по тяжелой болезни сердца был освобожден от военной службы, перебрался в Москву, здесь работал на заводе «Шарикоподшипник» и одновременно поступил на заочное отделение Московского юридического института. По окончании института он служил в Москве как юрист, а когда началась война, вступил добровольцем в армию, но вскоре был демобилизован — скрыть от врачей болезнь сердца не удалось. С большим трудом он добился, чтобы его вторично послали на фронт, в дивизионный трибунал, и почти сразу после этого вместе со своей дивизией попал в окружение и очутился в плену. Силин рассказывал Добровольскому, что в Москве у него остались жена Анна и двое маленьких сыновей — Леонид и Геннадий, о которых вспоминал с любовью и тоской. Он признался хирургу, что всей душой ненавидит немцев и его поведение с ними было только ловкой игрой.

С этих пор Силин и Добровольский стали настоящими близкими друзьями и уже не скрывали друг от друга ничего. По просьбе Силина хирург начал заниматься с ним по вечерам медициной, чтобы начальнику госпиталя, чего доброго, в критический момент не пришлось попасть впросак перед немцами. И Силин теперь никогда не упускал случая бросить перед немецкими врачами какой-нибудь специальный термин или собственноручно выписать рецепт, чтобы лишний раз убедить их в своей полной компетентности.

Эта дружба укрепилась еще больше благодаря одному происшествию. Случилось так, что опасно заболел кто-то из эсэсовцев, служивших в немецкой комендатуре Крестителева. У больного был гнойный аппендицит, который перешел в воспаление брюшины. Немецкий врач заявил, что он отказывается делать операцию — случай был, по его мнению, безнадежным. Тогда комендант Крестителева обратился за помощью к Силину. Тот сразу же понял, какие выгоды сулит это дело в случае успеха, и кинулся к Добровольскому.

— Ты должен во что бы то ни стало спасти этого эсэсовца. Это для нас очень важно, — убеждал он хирурга.

И хотя случай был очень тяжелый, действительно почти безнадежный, и риск слишком велик, все же Добровольский сделал операцию, и она оказалась успешной. Эсэсовец выздоровел, немцы были поражены искусством русского врача, и по

магу, в которой от имени оккупационных властей хирургу объявлялась благодарность за спасение жизни немецкого солдата. Этой бумагой Силин потом ловко пользовался в интересах госпиталя, а значительно позднее, уже через год, она спасла от расстрела самого Добровольского.

И может быть, именно благодаря этой успешной операции немцы не расправились с госпиталем Силина, когда случилось вскоре другое, уже весьма неприятное происшествие. Из госпиталя, нарушив уговор, бежал один фельдшер.

Как только это стало известно, явился немецкий комендант с солдатами. Весь медицинский персонал во главе с Силиным был выстроен около сараев, и комендант сказал, что за этот побег будет расстрелян каждый пятый. Все свое влияние и красноречие Силину пришлось употребить, чтобы отговорить немцев от такого намерения. В конце концов они все же вывели из строя другого фельдшера, привязали его к дереву и расстреляли на глазах у товарищай. А комендант заявил, что отныне в госпитале вводится круговая порука. Все врачи, медсестры и раненые были поделены на пятерки и предупреждены, что, если один из пятерки убежит, остальные четверо будут расстреляны.

Эта расправа окончательно убедила Силина в том, что госпиталю нельзя оставаться в Крестителеве. Большое село, лежавшее на перекрестке дорог, всегда было полно немцев, здесь находились комендатура и жандармерия, а такое соседство не сулило ничего доброго. Силин уже давно говорил Добровольскому, что надо бы разместить госпиталь где-нибудь в стороне от больших дорог, в глубинке, подальше от немецких оккупационных властей.

Перед немецкими властями можно было выдвинуть весьма основательный предлог для такого переезда. Госпиталю пора было подумать о зимних квартирах. Стояла поздняя осень, холодные утренники предвещали близкую зиму, и оставаться дольше в неотапливаемых сараях с дырявыми соломенными крышами было просто невозможно. Силину наконец удалось доказать это коменданту, и тот разрешил ему съездить в Кременчуг к высшему немецкому начальству.

И тут связи и знание языка помогли Силину добиться успеха. Ему позволили поискать в окрестных селах подходящее помещение для госпиталя, и он после многодневной поездки нашел место, которое вполне отвечало его замыслам, — село Еремеевку.

Еремеевка лежала в стороне от больших проезжих дорог, почти на самом берегу Днепра. Так как она находилась на отшибе, то здесь не было ни комендатуры, ни жандармерии, и

единственным представителем немцев являлся староста Мамлыга, осуществлявший свою власть с помощью нескольких полицаем — жителей того же села. Село было богатым — до войны здесь работали двенадцать колхозов и рыболовецкая артель, и, поскольку немцы показывались тут сравнительно редко, жители Еремеевки пострадали от оккупации меньше, чем крестьяне других сел. Это было немаловажным обстоятельством — от него зависело питание раненых, и Силин мог надеяться, что ему удастся наладить бесперебойное снабжение госпиталя продуктами. И главное, здесь, в Еремеевке, было очень подходящее для госпиталя помещение — двухэтажное кирпичное здание бывшей школы, стоявшее на краю большой сельской площади, где по воскресеньям собирался базар, на который съезжались крестьяне со всей округи. Словом, это село оказалось для Силина тем идеальным местом, которое он искал.

Он заручился согласием старосты, получил в Кременчуге разрешение на переход и, вернувшись в Крестителево, тут же начал готовить раненых в дорогу. В окрестных селах было мобилизовано несколько десятков крестьянских телег, и в последних числах ноября длинный конный обоз госпиталя двинулся в двухдневный путь из Крестителева в Еремеевку.

На новом месте раненых ждала трогательная встреча. Заранее извещенные о приезде госпиталя, колхозники толпой собрались у здания школы. Многие принесли с собой гостины, и специально к этому дню не одна еремеевская хозяйка напекла пирогов. И как только обоз въехал на школьный двор, женщины бросились к повозкам, и стали завязываться знакомства, начались расспросы, проливались слезы сочувствия. При этом раненым насовали столько всяческой снеди, что пришлось вмешаться врачам.

Встреча взволновала всех и заставила раненых как бы на время забыть о своем беспомощном состоянии и о том, что они находятся во власти оккупантов, словно эти люди сегодня снова попали на родную, свободную советскую землю.

И для жителей Еремеевки приезд госпиталя был лучиком света в мрачном царстве гитлеровской оккупации. Эти израненные люди в красноармейских гимнастерках были для них символом прежней, довоенной жизни, напоминанием о родных и близких, ушедших с Красной Армией на восток, и живым свидетельством того, что там, на востоке, продолжается упорная, жестокая борьба, исход которой, вопреки хвастливым заявлениям гитлеровцев, еще не решен. Госпиталь Силина с момента приезда стал центром внимания всего села, и люди не жалели ничего, чтобы помочь раненым.

Теперь палаты госпиталя размещались в теплых, просторных и светлых классах двухэтажной школы. Сначала, как и в Крестителеве, раненых положили просто на солому, расстеленную на полу. Но Силин достал у крестьян кровати, организовал изготовление деревянных коек, а затем появились соломенные тюфяки, подушки и, наконец, даже постельное белье. При этом Силин, показывая пример подчиненным, продолжал спать в своем кабинете на соломе, накрывшись шинелью, пока каждый из раненых, а за ними и все врачи и медицинские сестры не были обеспечены кроватями и бельем. Только тогда он разрешил поставить и в своем кабинете кровать.

Что же касается питания раненых, то в Еремеевке благодаря помощи колхозников оно стало таким обильным, что это даже приходилось скрывать от немцев. Если в обеденное время в госпиталь приезжал из районного центра Градижска или из Кременчуга какой-нибудь представитель оккупационных властей, Силин тотчас же посыпал незаметный сигнал в кухню, и начальство, обходя палаты, видело, что раненым разносят на обед какую-то сомнительную и мутную похлебку, напоминающую лагерную баланду, и скучную порцию жидкой каши. Но как только начальство уезжало, в палатах снова появлялись и молоко, и жирный, наваристый борщ, и густая каша с мясом. И эта хорошая, сытная пища в сочетании с заботливым уходом и лечением способствовали тому, что раненые начали быстрее поправляться.

Но здесь возникла другая опасность. Выздоровевшие подлежали отправке в лагерь для военнопленных в Кременчуге, где, как было известно, ежедневно сотни людей умирали от голода и тифа, где за малейшую провинность виновного ждали побои, а то и пуля охранника. Спасти людей от смерти в Еремеевке, чтобы обречь их на гибель в Кременчуге, — это вовсе не входило в намерения Силина. И до поры до времени ему ловко удавалось водить за нос гитлеровцев.

Время от времени немцы присыпали в госпиталь комиссию, которая должна была определить, кто из раненых выздоровел и может быть переведен в лагерь. И каждый раз повторялось одно и то же. Членов комиссии встречал сам Силин, изливался перед ними в любезностях, сыпал шутками и анекдотами и первым делом вел к себе в кабинет. Вызвав своих помощников, он вполголоса давал им какие-то распоряжения, и вскоре на столе в кабинете появлялись бутылки с самогоном, всевозможная закуска, и гости, проголодавшиеся с дороги, конечно, не могли отказать хлебосольному хозяину и усаживались закусить чем бог послал. А пока Силин усердно потчевал немцев, подливая в их стаканы самогон, и заставлял их смеяться над своими анекдотами, во всех палатах госпиталя шла лихорадочная, то-

ропливая работа. Медсестры, фельдшеры, врачи хлопотали вокруг уже выздоровевших людей, делали им перевязки, прибивывали шины к невредимым рукам и ногам. И когда после угощения уже изрядно захмелевшая комиссия в сопровождении Силина обходила палаты, оказалось, что все раненые еще находятся в довольно тяжелом состоянии и отправить в лагерь никого нельзя. Немцы уезжали ни с чем, но, впрочем, весьма довольные оказанным приемом.

В Еремеевке Силин однажды посвятил Михаила Александровича Добровольского в свои дальнейшие планы. Обманывая гитлеровцев и задерживая у себя выздоравливающих, он надеялся дотянуть до того момента, когда подавляющее большинство раненых встанет на ноги. По его расчетам, это должно было произойти в конце весны или в начале лета. И тогда в один прекрасный день весь госпиталь во главе с самим Силиным — излеченные раненые, и врачи, и медсестры — уйдет в глубину окрестных приднепровских лесов, превратится в партизанский отряд и в ожидании подхода наших войск начнет вооруженную борьбу против немцев. Тем, кто не сможет или не захочет идти в партизаны, придется тогда же бежать из Еремеевки и укрыться в других местах. И лишь несколько человек, у которых были особенно тяжкие ранения, пришлось бы при этом оставить, но Силин предполагал спрятать их у надежных людей в Еремеевке или в соседних селах.

К счастью, таких тяжелораненых было немного. Среди них особенно выделялся подполковник Константин Николаевич Богородицкий, единственный командир, содержащийся в госпитале легально. В свое время он наотрез отказался снять гимнастерку со знаками различия подполковника и изменить фамилию. Силину с трудом удалось добиться разрешения немцев, чтобы оставить его на лечение. Они позволили только потому, что знали, как тяжело искалечен этот человек. У Богородицкого была ампутирована правая нога, выбит один глаз, поврежден позвоночник, он испытывал тяжелые физические страдания, но при этом сохранял ясность ума, бодрость духа и удивительную веру в то, что в конце концов враг будет разбит. Гимнастерка его с тремя шпагами на петлицах всегда была на нем или висела на спинке кровати у изголовья. Этот офицер пользовался большим уважением и у раненых и у врачей, сам Силин нередко приходил советоваться к нему, и они подолгу вполголоса разговаривали между собой. Видимо, советы подполковника Богородицкого, старого коммуниста, опытного командира, много повидавшего человека, не раз помогали Силину в его нелегкой работе и ловкой игре с немцами.

Здесь, в Еремеевке, госпиталь Силина окончательно превратился в маленькую советскую колонию. За это время

люди — и раненые, и врачи, и сестры — сжились, лучше познакомились друг с другом, и общность сложной судьбы сделала их дружным, спаянным коллективом. Уже никто из них не сомневался в Силине, и все понимали, какую трудную и дерзкую игру с врагом вел этот человек. И он, лучше узнав своих подчиненных и пациентов, уже не таился от них. Приходя в палаты и беседуя с ранеными, он теперь прямо говорил им, что они должны скорее поправиться, чтобы снова взять в руки оружие и бороться с фашистами, приближая момент своего освобождения. Он неустанно твердил, что Германия неминуемо будет разгромлена, внушал товарищам веру в то, что победа Красной Армии не за горами, и не терял эту веру даже тогда, когда с фронта приходили совсем неутешительные известия. Он был прирожденным агитатором, умел подобрать к своим доводам очень яркие примеры, говорил так красноречиво и убежденно, что у людей невольно рождалась надежда на близкое освобождение, пропадало отчаяние, появлялось желание жить и бороться.

31 декабря, в канун нового, 1942 года, Силин организовал раненым праздник, который навсегда остался для них памятным днем. В этот вечер все они получили ужин, о котором даже не мечтали, — по две большие мясные котлеты и по чарке самогона. Незадолго до полуночи Силин вышел из своего кабинета, одетый в полную командирскую форму, с красной звездочкой на околыше фуражки. В сопровождении всех врачей он обходил одну палату госпиталя за другой и в каждой обращался к раненым с краткой речью. Он поздравлял их с наступающим Новым годом, желал здоровья и выражал уверенность в том, что этот год принесет им желанное освобождение от фашистской власти. Потом он велел открыть двери всех палат, ведущие в коридор, снова скрылся в кабинете и вышел оттуда опять, когда часы уже били двенадцать. В руках у него был играющий патефон. По всему госпиталю разнеслись давно не слышанные звуки «Интернационала». Силин ухитрился достать пластинку с «Интернационалом» неведомо где, и сейчас пролетарский гимн звучал в далеком украинском селе у берегов Днепра, в глубоком тылу гитлеровских войск так же, как звучал он в эти минуты над Москвой, над всей свободной территорией Советского Союза.

Это был такой необычный и такой дорогой для всех новогодний подарок. При звуках гимна одни вскочили с постелей и стояли «смирно», как положено бойцу и командиру, в торжественном молчании слушая знакомые музыку и слова. Другие, прикованные к кровати, только вытянулись и приподняли головы с подушек. И все плакали открыто, не стесняясь этих слез, полных тоски и радости, боли и надежды. А патефон но-

сили из палаты в палату, он снова и снова играл «Интернационал», и долго не могли заснуть люди в эту ночь, охваченные необычайным волнением, отдавшиеся дорогим для каждого воспоминаниям, полные тревожных мыслей о судьбах Родины и о своей нелегкой судьбе. И с теми же воспоминаниями и мыслями, с теми же надеждами и тревогами встречали вступающий на заметенные снегом улицы села новый, 1942 год жители Еремеевки.

В селе у Силина было уже немало друзей. Энергичный, общийтельный, веселый, он с первых же дней перезнакомился с добрым половиной местных жителей и был желанным гостем во многих домах. Исподволь, с пристальным вниманием приглядываясь он к людям, определяя, кому из них можно верить, и с одними говорил прямо и откровенно, сразу же устанавливая дружеский контакт, а перед другими ловко разыгрывал из себя немецкого прихвостня. В короткое время он сумел стать заметной фигурой в селе, и честные, смелые люди с радостью принялись помогать Силину, а предатели и немецкие пособники завидовали ему и явно опасались его влияния, возраставшего с каждым днем.

Жители Еремеевки вскоре увидели в Силине своего покровителя и защитника. При этом он действовал так умело и тонко, что доверие немцев к нему все время росло, и Силину порой удавались весьма рискованные и дерзкие замыслы. Конечно, большую роль здесь играло отличное знание немецкого языка.

Хотя в Еремеевке не было ни комендатуры, ни жандармерии, немецкое начальство нередко наезжало сюда из соседнего большого села Жовнина или из города Золотоноши. Сам комендант района подполковник Тесске, штаб-квартира которого была в Золотоноше, частенько жаловал в Еремеевку собственной персоной, то произнося речи перед жителями села, то принимая в помещении сельской управы заявления и жалобы крестьян. Сначала он приезжал со своим толмачом-немцем, но у того были явные нелады с русским языком, и, познакомившись с Силиным, подполковник Тесске сделал его своим постоянным переводчиком в Еремеевке, — Силину приходилось и переводить речи коменданта перед народом, и вместе с ним принимать в сельской управе посетителей. Нечего и говорить, что он ловко пользовался представившимися ему возможностями.

Еремеевские колхозники вспоминают, как однажды Тесске, приехав в село, велел созвать всех жителей на площадь перед сель управой и с крыльца дома обратился к ним с особенно

длинной и торжественной речью, переводить которую должен был Силин, несмотря на то что личный переводчик пана коменданта находился тут же. Тесске простирая и прочувствованно говорил о тех благодеяниях, что принесла с собой немецкая власть украинскому народу, и Силин добросовестно пересказывал фразу за фразой. И вдруг многие в толпе почувствовали что-то неладное — речь коменданта в переводе Силина стала звучать как-то удивительно глупо и нелепо. Силин переводил сказанное вполне точно, но при этом делал какие-то странные ударения во фразах, меняя интонацию так, что самые торжественные и высокопарные тирады Тесске вдруг приобретали совсем иной, иронический и смешной смысл.

Переводчик коменданта, недостаточно хорошо знавший русский язык, не мог, разумеется, почувствовать этих тонких оттенков в речи Силина и только согласно кивал головой, вполне одобряя точность перевода своего коллеги. А те люди в толпе, которые поняли, чего добивается Силин, стали с напряженным вниманием следить за его сложной игрой, и комендант, заметив это внимание, приписал его, конечно, своим ораторским способностям и тому, что русский доктор очень хорошо перевел его речь. Все это прошло незамеченным и только укрепило доверие коменданта к Силину.

Иногда Силин решался на еще больший риск, чтобы помочь еремеевским колхозникам, спасти их от расправы или от грабежа. Так, один раз, когда он в качестве переводчика вместе с комендантом принимал в сельской управе посетителей, сюда явился приехавший в село бывший еремеевский кулак Яков Копейка. В годы коллективизации у этого кулака отобрали принадлежавший ему дом, и теперь в нем жила семья бойца Красной Армии, сражавшегося на фронте, — колхозница Анастасия Шендрия с несколькими детьми. Копейка уже давно поселился в Черкассах, но сейчас приехал в Еремеевку, надеясь с помощью немцев возвратить себе прежнюю хату, и для этого привел к коменданту плачущую Анастасию.

Через Силина Копейка стал объяснять Тесске, в чем дело: он покорнейше просил немецкое командование выселить из его бывшего дома жену красноармейца и возвратить ему все имущество. Однако в переводе на немецкий язык просьба зазвучала совсем по-другому. Силин изобразил коменданту дело так, что этот человек, имеющий в Черкассах прекрасный дом, теперь приехал требовать принадлежавшую ему когда-то старую хату и хочет выбросить на улицу бедную вдову с детьми. По его словам, Копейка заявил, будто немецкие власти обязаны немедленно вернуть ему прежний дом, а если, мол, комендант откажется удовлетворить эту претензию, он будет жаловаться на него высшему начальству. Словом, покорнейшая

просьба Копейки была представлена как категорическое, наглое и непочтительное требование жадного хапуги. Взбешенный такой наглостью, Тесске вскочил из-за стола, схватил тяжелое пресс-папье и стукнул Копейку по голове. Потом он приказал Силину, чтобы этот человек в двадцать четыре часа убрался из села, иначе он прикажет расстрелять его. Нечего и говорить, что Копейка поспешил исполнить предписание коменданта, а Анастасия Шендрия, счастливая, вернулась в свой дом.

В другой раз во время очередного приема к коменданту явилась одна из жительниц села, антисоветски настроенная баба, захотевшая выслужиться перед фашистскими властями. Она принесла составленный ею список, где значилось десятка полтора фамилий бывших сельских активистов, которые, по ее словам, были враждебно настроены к новому немецкому порядку. Все это она объяснила Силину, а когда Тесске спросил у него, чего хочет эта женщина, то Силин ответил, что она принесла спиек крестьян, которые желали бы записаться в украинскую полицию. Он предупредительно добавил, что, дескать, господин подполковник может не заниматься такими пустяками, а он сам возьмет список и передаст его потом начальнику районной полиции Ющенко. С этими словами Силин спокойно взял бумагу из рук женщины и положил ее к себе в карман. В тот же день список был уничтожен. А когда в следующий приезд коменданта эта женщина явилась узнать, какие меры приняты по ее доносу, Силин устроил так, что Тесске выгнал ее и запретил впредь показываться в управе.

Уже с первых дней пребывания госпиталя в Еремеевке Силин, присматриваясь к старосте села Мамлыге, увидел, что на помощь этого человека ему не приходится рассчитывать. Безвольный и трусоватый, Мамлыга всячески старался угодить гитлеровцам. Зато совсем другим человеком был его заместитель Иван Константинович Калашник. Он сразу же стал энергично помогать Силину, и, узнав друг друга, они вскоре подружились. Иван Калашник, один из сельских активистов, оставленный здесь для подпольной работы, принял должность заместителя старости по совету своих товарищей только для того, чтобы помогать односельчанам и саботировать немецкие распоряжения. Калашник познакомил Силина с сельскими активистами Иваном Кузьменко и Василием Фесенко, работавшими в сельпо, с братом и сестрой Николаем и Марией Рубачевыми, с Петром Шарым и многими другими. В Еремеевке оказалась большая группа вполне надежных людей, преданных партии и советской власти и готовых действовать вместе с Силиным.

Окончательно убедившись, что Мамлыга будет только мешать его замыслам, и посоветовавшись с новыми друзьями,

Силин решил добиваться смещения старосты. Ему удалось внушить гитлеровцам подозрения, будто бы Мамлыга связан с коммунистами. Позднее он подсунул коменданту заранее сфабрикованные документы, косвенно уличавшие старосту. Мамлыгу наконец сместили, и вместо него на эту должность был назначен Иван Константинович Калашник. Теперь действовать стало значительно легче — Силин и Калашник работали в полном контакте друг с другом.

С помощью нового старосты удалось окончательно разрешить нелегкую проблему снабжения госпиталя. Силин добился от немецкой комендатуры позволения производить сбор добровольных пожертвований в пользу раненых не только в самой Еремеевке, но и в окрестных селах — Гусином, Москаленках, Матвеевке, Галицком и других. Удалось даже добыть у гитлеровцев кое-какие продукты — госпиталю разрешено было получать горячее зерно, оставшееся после пожара на кременчугском элеваторе, и выписать со склада несколько маленьких поросят. Вместе с Калашником Силин потом обменял это жженое зерно в колхозах на хорошую муку, а маленьких поросят — на больших откормленных кабанов, обеспечив тем самым свой госпиталь на некоторое время хлебом и мясом. Он договорился с еремеевскими колхозниками, и теперь каждого из выздоровевших раненых по воскресеньям приглашала к себе в гости какая-нибудь семья. Это давало возможность человеку провести день в уже забытой семейной обстановке и, с другой стороны, облегчало проблему питания. Добился Силин и того, что врачам госпиталя разрешили оказывать медицинскую помощь крестьянам. В госпитале установили определенные дни для приема колхозников, а так как жители окрестных сел до того времени оставались без медицинского обслуживания, то в посетителях не было недостатка. Каждый из пациентов, конечно, приносил врачам что-нибудь в благодарность за лечение, а эти продукты тоже шли главным образом на питание раненых.

Наконец, Силин и Калашник нашли еще один способ добывания средств для госпиталя. Они убедили немецкого коменданта разрешить открыть в селе клуб, доход от которого должен был идти в пользу раненых. При клубе создали драм-кружок, ставивший пьесы из украинского классического репертуара — «Ой, не ходи, Грыцю», «Наташка-Полтавка», «Наймичка» и другие. Артистами были и колхозники, и врачи, и медсестры. Люди, уже истосковавшиеся без всякой культуры за долгие месяцы гитлеровской оккупации, сейчас с удовольствием шли по вечерам в клуб поразвлечься. Плата была скромной, а после спектакля нередко сам Силин или кто-нибудь из

«артистов» обходили с шапками присутствующих, собирая пожертвования в пользу раненых. Этот клуб давал каждую неделю две-три тысячи рублей дохода и стал важной статьей в бюджете госпиталя.

Но рядом с этой открытой, легальной деятельностью все время продолжалась и ширилась подпольная работа Силина и его друзей. После того как оборудование госпиталя было закончено, Силин перешел жить в село, в хату одного старика, который зарабатывал себе на жизнь, изготавливая иконы, кресты и другие религиозные принадлежности. Там, в этом доме, с помощью выездовевшего раненого Алексея Аржанова, связиста по специальности, установили радиоприемник. И сам приемник и провода, идущие от него, были тщательно замаскированы в стене. По просьбе Силина его хозяин сделал ему большой нагрудный крест на длинной металлической цепочке. Теперь, как только в село приезжали гитлеровцы, Силин встречал их, надев этот крест поверх полушубка, — представляясь религиозным человеком, он внушал им еще большее доверие к себе. Но это «оборудование», как называл его шутя Силин, имело и вполне практический смысл. Когда на его квартире включали радиоприемник, то цепочка служила антенной, а сам крест — заземлением. Теперь Силин и его товарищи регулярно принимали из Москвы сводки Советского Информбюро и были вполне осведомлены о положении на фронтах. Эти сводки Силин каждый день пересказывал своим раненым и врачам, и их содержание становилось также известным и колхозникам Еремеевки.

Время от времени подпольщики затевали и прямые диверсии. То исчезнут со склада местного «Заготзерна» несколько сот мешков приготовленной для отправки в Германию пшеницы. То кто-то выроет и тщательно замаскирует на середине дороги глубокую яму, куда попадает грузовик, полный солдат, и в результате несколько автоматчиков получают тяжелые увечья. То остановившиеся на ночлег в соседнем селе шоферы фашистской автоколонны утром неожиданно обнаруживают, что на колесах машин из покрышек и камер кто-то вырезал большие куски резины и надо менять все баллоны. То у напившихся полицаев пропадают винтовки или автоматы.

Это были пока лишь совсем небольшие, отдельные акты сопротивления врагу — Силин и его товарищи лишь пробовали силы, готовясь к будущей партизанской борьбе. Их подпольная деятельность только начиналась, и приходилось быть очень осторожными, осуществляя каждую из этих мелких диверсий, чтобы не привлечь внимания гестапо к Еремеевке и не возбудить подозрений своих врагов в самом селе.

Силин имел в Еремеевке очень опасного и злобного врага. Это был старший полицай Иван Атамась, по прозвищу «Дракон». Человек без чести и без совести, жестокий и жадный, он готов был на все ради своей карьеры и лез из кожи вон, стараясь выслужиться перед фашистами. Самой сокровенной мечтой его была должность следователя районной полиции, и он прилагал все усилия, чтобы добиться ее. Он давно уже присматривался к Силину, завидовал его влиянию среди гитлеровцев и явно что-то подозревал. Но до поры до времени у Атамася не было никаких улик против этого человека.

Однажды Дракон подал начальнику районной полиции Ющенко список с фамилиями двадцати семи сельских активистов Еремеевки, которые, по его словам, были здесь оставлены специально для партизанской борьбы. Но Ющенко уже успел подружиться с Силиным и нередко оказывал ермееевским подпольщикам важные услуги, вовремя предупреждая их о тех или иных намерениях немцев. Ющенко передал этот список Силину, а тот показал Калашнику и просил старосту предупредить всех, кто был перечислен в доносе Атамася, чтобы они соблюдали осторожность и в случае необходимости могли бы быстро скрыться. Список же в конце концов Силин уничтожил.

Но, видимо, Атамась, не ограничился только этим доносом. В декабре 1941 года в село неожиданно приехала группа фашистских солдат во главе с офицером, и сейчас же были схвачены шестеро сельских активистов из числа тех, что значились в списке Атамася. Остальным удалось вовремя спрятаться. Шестерых арестованных заперли в помещении сельской управы, и Силину стало известно от гитлеровцев, что на рассвете они будут расстреляны здесь, во дворе. Тут же, связавшись с Калашником, Силин вместе с ним выработал план спасения этих людей.

Прежде всего он свел дружбу с немецким офицером, возглавлявшим карателей, и за бутылкой самогона они с Калашником стали доказывать немцу, что было бы неправильно расстреливать приговоренных во дворе сельской управы, в самом центре села. Это, говорил Силин, произведет неприятное впечатление на всех крестьян и может повредить в их глазах немецким властям. Он даже указал на более удобное место для расстрела — за окраиной села, и офицер, согласившись, послал туда полицаев, чтобы заранее выкопать могилы приговоренным. Удалось убедить гитлеровца и в том, что не стоит расстреливать на рассвете, когда многие из крестьян уже не спят, а лучше сделать это глубокой ночью, после полуночи. Так и было решено.

Силин с Калашником продолжали поспешно осуществлять свой план.

По всему селу было объявлено, что сегодня в клубе состоится большой торжественный вечер, посвященный организации украинской полиции. По поручению Силина Калашник раздобыл самогона и обильную закуску — после торжества предполагалось устроить вечеринку. На вечеринку пригласили всех немцев во главе с офицером, а также полицаев, которым было поручено расстрелять приговоренных. Еще днем Силин предупредил нескольких красивых молодых девушек и женщин, что они обязательно должны быть на празднике, любезничать с немцами и задержать их как можно дольше в клубе. Среди этих женщин были учительницы Мария Рубачева и Александра Шевченко — жена одного из арестованных. Когда Шевченко стала отказываться от участия в вечеринке, говоря, что она не может веселиться в то время, как самому близкому для нее человеку грозит смерть, Силин прямо сказал ей: «Если ты хочешь спасти мужа, ты должна прийти в клуб — пить, плясать и веселиться». Ближе к вечеру Силину и Калашнику удалось также предупредить заключенных о том, как им следует вести себя по дороге на расстрел.

Вечер был не очень многолюдным, но все прошло как надо. А потом приглашенные уселись за столы, немцев и полицаев усердно стали угождать самогоном, и офицер со своими солдатами охотно танцевали с девушками. Время подходило к полуночи, и Силин все чаще поглядывал на часы. Затруднение заключалось в том, что ночь оказалась безоблачной и светила полная луна. Бежать в такую светлую ночь было бы гораздо труднее. Однако луна должна была зайти после часу ночи, и Силин всячески старался затянуть вечеринку, чтобы задержать немцев и полицаев. По его поручению Мария Рубачева то и дело приглашала танцевать немецкого офицера, а потом попросила проводить ее домой. Она нарочно выбрала самый длинный, кружной путь к своему дому и отделалась от спутника, лишь когда луна была совсем уже на заходе.

Освободившись, офицер пришел в сельуправу и приказал полицаям вести осужденных на расстрел. Конвоиры были порядком-таки пьяны, и им пришлось дать в провожатые еще двух немецких солдат. Когда они подходили к окраине села, осужденные внезапно сбили на землю обоих немцев и бросились бежать в разные стороны. В то время как пьяные полицаи наугад стали палить в темноту, беглецы успели скрыться. Только один из них — бывший военнопленный Попов, который был ранен в ногу, не смог убежать и остался на месте. Остальным удалось надежно спрятаться в крестьянских хатах, в заранее подготовленных тайных убежищах.

Немцы были взбешены этим побегом. Наутро они решили расстрелять каждого пятого в селе и для устрашения жителей

сжечь десятка два домов. Несколько часов потратили Силин и Калашник, убеждая офицера, что этого не следует делать. Они свалили всю вину на перепившихся полицаев, снова устроили для немцев угощение и задобрили их всевозможными подарками. В конце концов гитлеровцы удовлетворились тем, что расстреляли раненого Попова во дворе сельуправы, а Силин обещал им сказать в комендатуре, что все сельские активисты были казнены. С трудом, но все же удалось выпроводить карателей, и Еремеевка на этот раз не пострадала.

■

И все же игра, которую вел Силин с фашистами, была слишком смелой и рискованной. Рано или поздно это должно было плохо кончиться для него и его товарищей. Атамась не спускал с Силина глаз, следил за всеми его поступками и настойчиво и прилежно собирал улики против этого человека. Видимо, нашелся и предатель в самом госпитале. Роковой час все же наступил.

Ночью 1 марта Силин разбудил нескольких врачей и выздоровевших раненых, с которыми был особенно дружен. Он сообщил им: получены тревожные сведения. Ему дали знать, что к немцам поступил донос, в котором он обвинялся в укрытии евреев и коммунистов в госпитале. Он посоветовал товарищам подготовиться к побегу и предупредил, что, возможно, он и сам попробует убежать. Но когда наступило утро, оказалось, что уже поздно. Госпиталь с рассветом был окружен приехавшими из районного центра немецкими солдатами и украинской полицией.

Вскоре явилась немецкая медицинская комиссия. На этот раз Силин уже ничего не мог сделать — всех раненых подвергли осмотру, отбирая выздоровевших для отправки в лагерь. Вместе с ними отобрали всех коммунистов, командиров, евреев и часть русских, — судя по этому, доносчик хорошо знал коллектив раненых и предал всех, кого мог. Арестован был и Силин — ему запретили выходить из своего кабинета в госпитале.

И все же вечером следующего дня Силин вместе с врачом Михаилом Салазкиным бежал из госпиталя. Это бегство было заранее предусмотрено его друзьями. На окраине села в одной из хат для Силина была приготовлена гражданская одежда и лошадь с повозкой, на которой он мог уехать в безопасное место. Чтобы облегчить побег, его друзья организовали в селе вечеринку, на которую был приглашен и Иван Атамась. И хотя Атамася усердно потчевали самогоном, все заметили, что в этот вечер он пил мало и то и дело прислушивался, точно ожидал чего-то. Действительно, поздно ночью раздался стук в окно — Атамася вызвал его ближайший помощник полцайды Сергей Па-

леный. Дракон ушел тотчас же с вечеринки и вернулся спустя полчаса, довольно потирая руки. «Силин хотел бежать, — сказал он присутствующим, — но я поймал его. Теперь он у меня уже не вырвется».

Увы, это было горькой правдой. Силин сумел незамеченным выйти из госпиталя, перерезать телефонные провода, ведущие в сельскую управу, и добраться до окраины Еремеевки. Но Сергей Паленый, которому Атамась приказал неусыпно наблюдать за Силиным, выследил его и донес своему начальнику. Доктору Салазкину удалось бежать, а Силина Дракон застиг в тот самый момент, когда тот переодевался в крестьянское платье. Угрожая пистолетом, Атамась повел беглеца назад в госпиталь. Он сам рассказывал потом, что по дороге Силин уговаривал его позволить ему бежать. «Если ты отпустишь меня, это послужит в твою пользу, когда придут наши, — говорил он. — А если ты выдашь меня немцам, люди припомнят это, и тебе не миновать виселицы». Но Дракон только смеялся в ответ и обещал застрелить Силина, как только тот попытается бежать. Он снова передал беглеца немецкой охране у школы. Силина связали и заперли до утра в его кабинете.

На другой день, 3 марта 1942 года, около сорока отобранных немцами раненых и врачей увозили из госпиталя в Кременчугский лагерь. Был базарный день, и ранним утром на площади перед школой открылся базар, на который съехались сотни крестьян из окрестных сел. Когда к школе, охраняемой немецкими солдатами и полицаями, подъехало десятка полтора саней и на крыльце стали выводить раненых; все, кто был на базаре, толпой хлынули к госпиталю, и с разных концов Еремеевки сюда побежали люди.

Одни раненые выходили сами, других выволакивали и бросали в розвальни немцы и полицаи. Все уже понимали, что их везут на смерть, и, заметив в толпе знакомые лица, люди громко прощались с друзьями, выкрикивали свои адреса, чтобы жители Еремеевки смогли сообщить семьям об их гибели. Из толпы неслись ответные крики, слышались женские рыдания, детский плач, и вдруг все разом стихло.

Последним, вслед за врачами Геккером и Портновым, на крыльце вышел Силин. Его сопровождал Атамась с двумя пистолетами в руках. Силин был без шинели, в своем кожаном шлеме и гимнастерке и со связанными назад руками. Кто-то набросил ему на плечи рваный овчинный полуушубок, но он тут же упал на крыльце. Толпа зашумела, закричала, требуя, чтобы Силину освободили руки. Немецкий офицер молча кивнул в знак согласия. Атамась распутал узел, но тут же связал Силину руки уже впереди и накинул на него полуушубок.

Силин молча оглядел собравшуюся толпу, раненых, лежащих на санях, а потом обернулся и посмотрел на окна госпиталя. Они были открыты, и откуда выглядывали оставшиеся раненые, врачи и немецкие солдаты с фотоаппаратами, снимавшие эту сцену. Потом он обратился к офицеру и попросил разрешить ему поблагодарить товарищами. Получив разрешение, он подошел к краю крыльца и медленно начал говорить, обращаясь и к тем, кто глядел из окон, и к тем, кто лежал на санях.

— Дорогие мои друзья и товарищи! — говорил он. — Я сделал для вас все, что мог. Я старался спасти вас от смерти и организовал этот госпиталь, превратив его в советскую колонию в тылу врага. Но мне не удалось до конца уберечь ни жизней многих из вас, ни своей жизни. Я знаю, что меня расстреляют, а потому сейчас слагаю с себя дальнейшую ответственность за вас и каждому передаю в руки его собственную судьбу. Спасибо вам за все, и не поминайте меня лихом.

Потом он обратился к толпе:

— И вам, дорогие товарищи из Еремеевки и из других сел, большое спасибо! Спасибо за помощь, за доброе, сердечное отношение к раненым солдатам и командирам. Помните, вам уже недолго осталось страдать под проклятой властью врага. Расстреляют меня, может быть, расстреляют других моих товарищей, но таких, как мы, миллионы, и всех нас не могут расстрелять. Красная Армия уже разбила врага под Москвой, она скоро погонит его на запад, освободит и вашу украинскую землю, и вы снова станете свободными советскими людьми. Когда наступит этот радостный час и сюда придут советские войска, не забудьте помянуть нас, которые погибли в борьбе. Вспомните нас так, словно все мы живыми вернулись сюда вместе с нашей родной Красной Армией. И еще одна моя просьба. У меня остаются в Москве жена и два сына. Напишите им, как я погиб, скажите моим сыновьям, что в Красном знамени нашей Родины есть капля крови их отца.

Голос его слегка дрожал от волнения, но он говорил необычайно проникновенно, с бьющей в душу силой. И вся толпа — несколько сот мужчин и женщин, — слушая его, плакала навзрыд.

Фашистский офицер, видя, какое действие на людей оказывает эта прощальная речь, сделал знак Атамасю. Тот толкнул Силина, приказывая ему замолчать и идти к саням.

— Прощайте, дорогие товарищи! — сказал, обращаясь ко всем, Силин и низко поклонился народу. Потом он сошел с крыльца и сел на последние сани.

Рядом с ним поместились Атамась и еще два полицая. Все еще громко плачущая толпа придвигнулась ближе. Немцы и полицаи угрожающе взяли на изготовку автоматы.

И вдруг все увидели, как Силин связанными вперед руками неловко полез к себе в карман и вытащил оттуда белый носовой платок. Потом быстрым движением он поднес руки к рту и прокусил себе вену. Полилась тонкая струйка крови, и он подставил под нее платок. Когда на белом полотне расплылось большое красное пятно, он, высоко подняв обе руки, бросил платок в толпу, крича: «Передайте это на память моим сыновьям».

— И мне! — раздался чей-то возглас из плачущей толпы, и на колени Силина упал еще один белый платок. Он смочил его своей кровью и бросил обратно. И тотчас же десятки платков с разных сторон полетели к нему.

— И мне! И мне! — слышались взволнованные голоса, и он хватал эти платки, прижимал к своей окровавленной руке и бросал назад тем, кто хотел сохранить как самую дорогую память следы горячей крови этого смелого борца и мученика, бестрепетно идущего сейчас на смерть.

Немцы заторопились, чтобы скорее прервать эту сцену, конвой вскочил на сани, раздалась команда офицера, и обоз тронулся в путь. Толпа, все еще плача, закричала и побежала вслед за санями, и полицаи предупреждающие стали стрелять в воздух. Лошади пошли рысью, а люди все еще бежали следом. Силин стоял на коленях в последних санях и, подняв над головой связанные руки, прощально махал ими.

Потом обоз поравнялся с постаментом, на котором до войны стояла статуя Ленина, позднее разрушенная оккупантами. И еще издали увидели, как Силин, показывая на этот постамент, начал что-то грозно кричать, обращаясь к немцам и полициям. Атамась толкнул его в бок, заставил лечь в сани, лошади прибавили шагу, и вся колонна скрылась из виду за поворотом.

Госпиталь продолжал существовать, но ощущение большой, непоправимой беды охватило всех — и раненых и врачей. И в селе настроение было подавленным, тяжелым, словно из жизни людей исчезло что-то важное и незаменимое. Собираясь весенними вечерами у ворот, Еремеевские женщины то и дело начинали вспоминать Силина, снова переживая сцену прощания с ним и с другими ранеными и вытирали платками повлажневшие глаза. Опустевший стоял вечерами клуб, помрачнел, посурошел староста Иван Калашник, и, когда теперь наезжали в Еремеевку немцы, село притихало в страхе и тревоге. Не стало у людей их ловкого, умелого заступника.

Восьмого марта Мария Рубачева и еще одна девушка из села отправились пешком в Кременчуг, собрав кое-какие

печальными вестями девушки вернулись назад в Еремеевку.

А на другой день поздно вечером к медицинской сестре госпиталя Оксане Романченко пришел человек, бежавший из Кременчугского лагеря. Он передал ей короткую записку, напиранную карандашом на клочке бумаги. Это было прощальное письмо Силина, адресованное его жене и детям. Он написал его, идя на расстрел, незаметно сунул этому пленному и наказал ему при первой возможности отдать Романченко, с тем чтобы, когда Еремеевка будет освобождена Красной Армией, она переслала его последний привет семье по адресу, заранее оставленному им.

А по селу в те дни передавали из хаты в хату другой исписанный листок — стихи, посвященные Леониду Андреевичу Силину, которые написал находившийся в госпитале боец и молодой поэт Григорий Заболотный. Люди переписывали это стихотворение, как последнюю память о своем погибшем друге. Оно кончалось такими строчками:

Нет Силина, но в памяти народной,
В глазах народа и в его сердцах
Навеки жив твой образ благородный
Бессстрашного советского борца.

Но только гораздо позднее, когда в Еремеевку вернулся один из тех раненых, что были увезены вместе с Силиным, Павел Иванов, люди узнали о том, как погиб Леонид Андреевич.

Павел Иванов был русским, из Калининской области. Когда, раненым, он попал в плен под Оржицей и оказался в госпитале у Силина, ему, как и другим, дали украинскую фамилию, и он стал Павлом Иваненко. Это до некоторой степени и спасло ему жизнь.

По словам Иванова, во все время пути, пока раненых везли в районный центр Градижск, а оттуда в Кременчугский лагерь, Силин уже не заботился о себе, не сомневаясь в том, какая участь ему уготована, но старался придумать что-нибудь для спасения своих товарищей. На одном из перегонов они оказались в санях вместе, и Силин шепотом давал Иванову последние инструкции.

— Имей в виду, ты можешь спастись, — сказал он. — Ты записан в списках как Иваненко, и в лагере, вероятно, не будут знать, что ты бывший солдат. Поэтому говори все время,

сколько дней, когда восемнадцать человек из Еремеевского госпиталя были выведены на расстрел. Их поставили в ряд у кирпичной стены, около глубокой ямы, и потом откуда-то привели Силина с непокрытой головой и со следами побоев на лице. Но держался он с достоинством, гордо и независимо. Фашистский офицер, руководивший казнью, почему-то приказал каждому из приговоренных перед расстрелом назвать свою фамилию, национальность, место рождения, местожительство и военное звание. Иванов ответил все точно так, как учил его Силин. Тогда офицер, немного подумав, приказал ему выйти из строя и стать в стороне. Когда очередь дошла до Силина, Леонид Андреевич в ответ на вопрос офицера только резко дернул головой и сквозь зубы презрительно бросил: «Продолжайте дальше!» Он не желал разговаривать со своими палачами.

На глазах у Иванова всем приговоренным приказали раздеться, заставили их спуститься в яму и там перестреляли из автоматов. А потом его отправили в барак и, видимо, на время забыли о нем. Он вскоре заболел тифом и, когда выздоровел, был, как местный житель, отпущен назад в Еремеевку. Уже умирая, Силин своим советом все-таки спас жизнь этому человеку.

И хотя Леонида Андреевича уже не было в госпитале и в селе и даже не было в живых, но он словно и после смерти продолжал влиять на своих друзей, воспитывать их волю, подсказывать им смелые и решительные поступки. В ночь на Первое мая оставшиеся в госпитале раненые внезапно обезоружили и связали полицейских, которые охраняли их, и совершили побег. Часть из них была потом поймана и казнена, но многим удалось скрыться в Еремеевке или в соседних селах. После этого немцы окончательно расформировали госпиталь и оставшихся раненых, врачей и медсестер отправили в лагеря.

Едва не погиб в эти дни доктор Михаил Добровольский. Полицай Пилипенко, заменивший в селе Атамася, которого отправили учиться на курсы следователей, обвинил его в организации побега. Он избил врача, вымогая у него признание, а потом заставил раздеться, поставил лицом к стене и стрелял в кирпичи над его головой. Но расстрелять Добровольского без немцев он все-таки не решился. А когда на другой день в село приехал немецкий следователь, Добровольский показал ему ту бумажку, которую в свое время добыл для него Леонид Андреевич Силин, — благодарность немецкого командования за

успешную операцию, спасшую жизнь эсэсовца в Крестителеве. Документ произвел впечатление, и следователь ударил Пилипенко за его самоуправство и велел немедленно освободить врача из-под стражи. Так и после смерти Силин продолжал спасать своих друзей.

Дело, начатое Леонидом Андреевичем Силиным в селе, тоже продолжалось. По-прежнему бывший раненый Алексей Аржанов, устроившийся жить в Еремеевке, слушал радио и распространял сводки Совинформбюро. Вместе с другими подпольщиками — Андреем Россиевым, Шарым и с бежавшим из плена командиром Сергеем Полищуком — они в 1943 году организовали небольшой партизанский отряд, базой которого был заросший лесом остров Желтая Коса, лежавший на Днепре почти против Еремеевки. Командовать этим отрядом стал Сергей Полищук, и партизаны атаковывали обозы немцев на дорогах, выводили из строя телефонную и телеграфную связь врага, устраивали всевозможные диверсии. Напрасно старался выследить партизан Иван Атамась, сделавшийся к этому времени следователем районной полиции, напрасно охотились за ними еремеевские полицай, — отряд Полищука действовал до тех пор, пока в эти места осенью 1943 года не пришла Советская Армия.

Атамасю не удалось бежать со своими хозяевами — он был пойман и привезен в Еремеевку. Там его судил военный трибунал. Именами его многочисленных жертв, и прежде всего именем Леонида Андреевича Силина, обвиняли Дракона в его преступлениях еремеевские колхозники. И как предсказывал Силин, Атамась получил по заслугам — по приговору трибунала он был повешен.

■

Медицинская сестра Оксана Романченко бережно хранила у себя маленькую записку, присланную ей Силиным из лагеря. Как только Полтавщина была освобождена и в Еремеевку пришли наши войска, она отправила письмо Силина в Москву по адресу, который он ей оставил. Перед этим она сняла для себя копию с этой волнующей записи.

Четырнадцать лет спустя, в 1957 году, Романченко вместе со своим рассказом о госпитале в Еремеевке прислала мне и копию с прощальной записи Силина. К сожалению, Оксана Трофимовна уже не помнила адреса его семьи, по которому когда-то отослала оригинал, и таким образом я не мог сразу же отыскать родных Леонида Андреевича.

Как уже говорилось, я включил ее рассказ в одно из своих выступлений по радио и в заключение прочитал слушателям последнее письмо Силина. А на другой день в Московскую ра-

диостудию пришла взволнованная, плачущая женщина. Это была вдова Силина, Анна Леоновна. Оказалось, что накануне один из ее сыновей случайно включил радиоприемник и семья вдруг услышала адресованные ей фразы из последнего письма их отца и мужа, словно спустя восемнадцать лет долетел до них живой голос Леонида Андреевича.

Так я встретился с семьей героя. Вскоре я побывал в маленькой комнатке на Хорошевском шоссе, которую занимала Анна Леоновна и ее сыновья Леонид и Геннадий. Здесь я впервые увидел фотографию Леонида Андреевича Силина и услышал рассказ о том, как все эти послевоенные годы жила его семья. Анна Леоновна заведовала буфетом в одном из московских театров, и, как ни трудно порой приходилось ей, матери одиночке, она сумела вырастить обоих сыновей достойными, честными людьми и дать им образование, — когда я встретился с ними впервые, оба мальчика уже были студентами. Они жили дружно и хорошо, но каждый раз, как наступал трудный момент в жизни этой маленькой семьи, Анна Леоновна доставала бережно хранимые два документа, написанные рукой ее мужа, и читала их вслух сыновьям. Одним из этих документов была та самая записка, набросанная второпях карандашом, которую Леонид Андреевич написал перед расстрелом и которая затем была переслана его семье Оксаной Романченко. Но хранился в семье и другой замечательный документ. О существовании его я до этого времени ничего не знал.

Оказалось, что задолго до того, как Силины получили из Еремеевки последнюю записку их отца и мужа, в адрес семьи еще в конце 1941 года пришел большой пакет, написанный рукой Леонида Андреевича. Письмо было адресовано всем троим: Анне Леоновне Силиной, Леониду Леонидовичу Силину и Геннадию Леонидовичу Силину. Внизу стояла приписка: «Вскрыть после получения извещения из штаба части о смерти Л. А. Силина». На обратной стороне конверта была надпись: «Военная цензура, после проверки тщательно заклеить».

Строго выполняя наказ, семья в продолжении двух лет хранила пакет нераспечатанным, надеясь, что им не придется вскрывать его вообще и что после войны Леонид Андреевич вернется живым и здоровым. Лишь когда в конце 1943 года пришло письмо Оксаны Романченко, а за ним и свидетельства других товарищей Силина, когда уже не осталось никаких сомнений в том, что Леонид Андреевич погиб, Анна Леоновна и ее сыновья, собравшись вместе, с волнением распечатали этот пакет. В нем находилось большое письмо-завещание Силина, адресованное его семье, документ большой человеческой силы, который я привожу ниже с незначительными и несущественными сокращениями:

«Здравствуйте, мои родные!

Здравствуйте, хотя, когда вы будете читать это мое письмо, меня не будет в живых.

Но и через смерть, через небытие я обнимаю вас, мои родные, я целую вас, и не как привидение, а как живой и родной вам папка.

Мальчики и Аня! Не думайте, что я ушел на эту страшную войну из-за желания «блеснуть» своей храбростью.

Я знал, что иду на почти верную смерть.

Больше всего я люблю жизнь, но больше жизни любил я вас, Аня и мальчики.

И зная, какой ужас, какие издевательства ждут вас, если победит Гитлер, зная, как будут мучить вас, как будут издеваться над вашей матерью, зная, как высохнет ваша мать, а вы превратитесь в маленьких скелетиков, я, любя вас, должен уйти от вас, желая быть с вами, должен уйти на войну.

Я иду на войну, то есть на смерть, во имя вашей жизни.

Это совсем не прекрасные слова. Для меня сейчас — это слова, облеченные в плоть и кровь, в мою кровь.

Аннушка, родная! Знаю, что тебе будет тяжелее всех. Знаю. Но за то, чтобы ты была в безопасности, я иду в огонь...

Мне нечего больше к этому прибавить. Скажу лишь, что нет в мире человека, которого бы я так любил и которого бы мне было так тяжело оставлять навсегда, оставлять одинокой, как тебя, любимая!

Леня! Мой старший сын и заместитель!

Тебя зовут Леня, как и меня. Значит, ты — это я, когда меня уже не будет.

Наша славная, добрая мамка, так много она в жизни страдала, так мечтала о хорошей, спокойной жизни, но ей это было не суждено со мной. Пусть же ты дашь ей счастье.

Пусть в тебе она видит лучшего своего друга и помощника. Я знаю: тяжело детям расти без отца, особенно мальчикам. Но ведь я умер ради того, чтобы вы, мои мальчики, росли — тяжело ли, легко ли, но росли, — а не погибали под германскими бомбами.

Я умер, как подобает умирать мужчине, защищая своих детей, свою жену, свой дом, свою землю.

Живи же и ты, как жил и умер твой отец.

Помни, я никогда не брал чужого. Я уважал свой и чужой труд. Я понимал, что чужая вещь — это результат чужого тяжелого труда. Быть вором стыдно, страшно и позорно.

Нет ничего страшнее, чем заслужить название преступника.

Я бы встал из могилы, проклял бы тебя и задушил бы своими собственными руками, если бы ты оказался преступником.

Помни, ты оскорбляешь память своего отца и убиваешь свою мать, если совершишь преступление — украдешь, ограбишь.

Помни, как противно смотреть на пьяную свинью, лежащую под забором. Никогда — спроси маму, она все знает, — я никогда не был пьяным. Не пей и не хулигань. Я никогда не делал этого. Запомни!

Помни еще: мама — мой лучший друг, ближе мамы у меня никого не было. Поэтому мама знает, что хорошо и что плохо, что я делал и чего я не делал, за что я похвалил бы, а за что и поругал.

Всегда, во всем советуйся со своей мамой, не скрывай от нее ничего, делись с ней всем, всем.

Это ничего, что мама женщина, она особенная женщина, она наша мама, наша любимая, умная мамочка. Она все поймет.

Эх, Леня! Многое мне нужно тебе сказать, да всего не скажешь, да и многого ты не поймешь!

У меня есть много, много о чем рассказать тебе в жизни, но обо всем расскажет тебе мать.

Мои к тебе последние слова: помни маму, заботясь о маме, всю жизнь заботясь, Леня Силин. Люби и слушай всегда во всем свою маму.

Леня Силин, мой заместитель и старший сын, прощай, сынка, и не забывай!

Геня! Мой младший сын и помощник!

Я тебя оставляю совсем маленького. Ты даже не запомнишь лица и голоса твоего отца. Но твой старший брат — мой старший сын и заместитель Леня Силин тебе расскажет, как жил твой отец, как он вас любил, он расскажет тебе про твоего папку. Наша мама тебе расскажет, как жил, работал и боролся за лучшую жизнь твой отец.

Все, что я написал твоему старшему брату, относится и к тебе. Слушай Леню Силина и маму, и тогда, я верю, ты будешь хорошим, смелым и честным человеком.

Мальчики Леня и Геня!

Учитесь хорошо, изучите тщательно немецкий язык, немецкую культуру, немецкие науки. И все это вы должны употребить на гибель и уничтожение немецкого фашизма.

Старайтесь перенять у немцев их самое грозное и страшное оружие — организованность и четкость.

И когда почувствуете себя сильными, пустите все это в ход против фашистов. Помните, сыновья мои, пока существует

шим женам и детям грозит смертельная, страшная опасность.

Помните, фашизм вообще, а германский в особенности, — это смертельная, кошмарная проказа, коричневая чума, которая грозит всему человечеству...

Пусть же кровь вашего отца, пусть же пепел вашего отца стучит в ваши маленькие сердца, мои мальчики, и пусть последний вооруженный фашист почтует вашу страшную месть!

Мальчики и Аня! Главное без меня — спокойная и внимательно-четкая организация жизни и поступков.

Нас, и меня в частности, погубили зазнайство — болтливая система «на авось», скверная организация и неспособность некоторых командиров, плохо знающих технику и недооценивших врага.

Я верю, что враг будет разбит и что победа будет за нами. Если же нет — уничтожайте врага, где и как сможете.

Мальчики, слушайте нашу милую, любимую, родную мамочку, она мой самый родной, близкий и любимый друг.

Аннушка, родная, прощай!

Любимая, солнышко мое! Вырасти мне сыновей таких, чтобы я даже в небытии ими гордился и радовался на крепких, смелых и жизнерадостных моих мальчиков, мстителей с врагами и ласково-добрых к людям.

Будьте вы счастливы, здоровы и живы!

Прощайте, целую и обнимаю в последний раз. Тебя, Геночка, тебя Леньча. Тебя, Анночка. Прощайте! Ваш отец. Всегда ваш Леня Силин-старший.

30 августа 1941 года».

И как трагическое заключение этого письма-завещания звучала последняя прощальная записка Силина, та самая записка, которую переслала семье Оксана Романченко:

«Дорогие, родные мои, жена Анна и мальчики Леня и Геннадий!

Я вас целую и обнимаю в последний раз. Сегодня я буду расстрелян немецким командованием. Мальчики! Вырастите и страшно отомстите всем фашистам за меня. Я целую вас и завещаю вам священную ненависть к проклятому и подлому врагу, бороться с ним до последнего фашиста. Я честно жил, честно боролся и честно умер. Я умираю за Родину, за нашу партию, за великий русский, украинский, белорусский и другие народы нашей Родины, за вас! Любите Родину, как я ее любил, боритесь за нее, как я, а если понадобится — умрите,

как я. Мальчики! Любите, уважайте и слушайте вашу мать, ей будет так тяжело вас воспитывать, но Родина и товарищи, которых я спас, вас не оставят. Помните, у каждого бойца должен быть один лозунг: погибаю, но не сдаюсь. Я не сдавался, я был контужен, не мог ходить, без оружия и не был вправе бросать своих тяжело раненных бойцов. Из плена я им создал советскую колонию и многим спас жизнь. Оставаясь с ними до последней минуты, я принес пользу Родине. Время не ждет. Родные мои, будьте честными советскими людьми, вырастите большевиками! Анна, прощай! Леня и Геннадий, прощайте! Да здравствует Родина! Целую! Ваш муж и отец».

Я думаю, оба эти документа говорят сами за себя и не нуждаются ни в каких комментариях.

■

Несколько раз спешные дела мешали мне совершить давно задуманную поездку в село Еремеевку, на место действия рассказанной выше истории. Однако в конце концов я получил оттуда известия, которые заставили меня ускорить выезд. Дело в том, что старой Еремеевке суждено было вскоре исчезнуть. Шло строительство мощной Кременчугской ГЭС на Днепре, и в 1960 году должно было начаться заполнение нового, Кременчугского моря. Еремеевка была одним из тех сел, которому предстояло оказаться на дне этого будущего моря.

Я приехал в село летом 1959 года. Еремеевка еще находилась на прежнем месте, но с каждым днем все больше редели ее густые сады, вырубаемые в связи с затоплением, были разобраны многие старые хаты, и подводы с домашним скарбом колхозников, переезжающих на новое место жительства, то и дело тянулись к окраине села. К счастью, оставались пока нетронутыми каменное здание школы, где помещался в 1941 и 1942 годах госпиталь Силина, дом бывшей сельской управы и еще жили на старых местах, в своих прежних хатах, некоторые участники интересующих меня событий. Я встретился здесь с Марией Рубачевой, с бывшим кооператором Иваном Кузьменко, с колхозником Павлом Ивановым, тем самым, что когда-то оказался очевидцем расстрела Силина в Кременчугском лагере, и, наконец, с бывшим сельским старостой, другом и помощником Силина Иваном Константиновичем Калашником. Судьба этого человека сложилась драматически — он испытал на себе ту политику, которую после войны проводил враг народа Берия и его приспешники. И. К. Калашник был несправедливо обвинен в пособничестве врагу и несколько лет отбывал незаслуженное наказание. Он вернулся в село лишь незадолго до моего приезда туда.

Но, пожалуй, самой интересной для меня была неожиданная встреча с бывшим главным врачом госпиталя Михаилом Александровичем Добровольским, который тоже оказался в Еремеевке. Старому врачу, столько испытавшему в годы оккупации, довелось пережить еще одну большую личную трагедию — он узнал, что вся его семья, оставшаяся в Одессе, была расстреляна гитлеровцами. После войны он уехал в Одесскую область и несколько лет работал там в медицинских учреждениях. Но его все время тянуло сюда, в Еремеевку, на место памятных ему событий, и в конце концов он вернулся в это ставшее ему родным село и поступил работать в местную больницу. Я записал подробно его воспоминания, записал рассказы других участников событий, мы вместе с ними ходили по селу, и они показывали мне все, что было связано с историей госпиталя Силина.

А потом я побывал и там, где рождалась будущая Еремеевка. К западу от села местность резко поднимается, словно крутым уступом, и вот на гребне этих высот, куда не достигнут волны Кременчугского моря, возникал новый поселок. Вдоль дороги ровным рядом стояли удобные, добрые дома с широкими окнами, дома, в которые с удовольствием переезжали из своих старых и подслеповатых хатенок еремеевские колхозники. Уже стояла водонапорная башня, строилось здание больницы, поднимались стены будущего сельского клуба. Только в отличие от старого села новая Еремеевка еще не была укутана в зелень садов и стояла на открытом, голом месте. Впрочем, это не омрачало радости новоселов — они уверенно говорили, что за пять-шесть лет разведут здесь такие же сады и Еремеевка снова станет зеленою и тенистой.

И я, бродя по этому новому селу и представляя, каким оно станет через несколько лет, думал о том, что в его жизнь должен обязательно войти подвиг, совершенный здесь советскими людьми в 1941—1942 годах. Лишь теперь, спустя много лет, этот подвиг становится широко известным нашему народу, и нет сомнения, что он будет достойно отмечен.

■

Весной 1962 года я подробно рассказал о госпитале в Еремеевке и подвиге Леонида Андреевича Силина в нескольких выступлениях по Московскому телевидению. В последней передаче, посвященной этой истории, со мной вместе выступили перед телезрителями жена Силина Анна Леоновна и его сыновья Леонид и Геннадий. Эта передача вызвала многочисленные отклики — сотни людей прислали свои письма в адрес телестудии, выражая восхищение подвигом героя, посыпая слова сочувствия и привета его семье. Московский Совет депутатов

трудящихся и Краснопресненский райсовет, узнав, что семья Силина нуждается в жилплощади, предоставили новую квартиру его жене Анне Леоновне и младшему сыну Геннадию, в то время еще студенту одного из московских технических вузов. Новую квартиру получил и старший сын, который к этому времени обзавелся своей собственной семьей.

Двадцать лет тому назад московский юрист Леонид Силин назвался доктором Леонидом Силиным и организовал госпиталь в тылу врага. Это была благородная ложь — она помогла спасти сотни жизней раненых советских воинов, попавших в гитлеровский плен.

Но теперь на земле есть настоящий доктор Леонид Силин. Это старший сын героя — Леонид Леонидович, окончивший Московский медицинский институт и сейчас работающий над своей кандидатской диссертацией. История госпиталя в Еремеевке подсказала ему выбор своей профессии. Его младший брат недавно стал инженером, и оба молодых Силина, только вступающие на самостоятельный жизненный путь, всегда имеют перед собою великолепный пример в жизни и труде — светлый образ своего героически погибшего отца.

ПОДЗЕМНАЯ КРЕПОСТЬ

Ш

ел декабрь 1943 года. Впервые после того, как полтора года тому назад пал геройски сражавшийся Севастополь, советские войска вступили снова на крымскую землю. Части нашей Приморской армии форсировали Керченский пролив из района Тамани на Кавказе и высадились на крымском берегу. Расширяя отвоеванный плацдарм, они освободили Керчь и в нескольких километрах к западу от города вступили в небольшой разрушенный поселок Аджимушкай. Там, на окраине селения, бойцы обнаружили полуузаваленные входы в подземелья, которые на штабных картах назывались Аджимушкайскими каменоломнями.

Здесь, под землей, в толще мощного каменного массива, на котором стоял поселок Аджимушкай, тянулась разветвленная и многоярусная сеть широких тоннелей и узких боковых коридоров, раскинувшаяся в разные стороны на многие километры вокруг. И как только наши солдаты с фонарями и факелами в руках осторожно спустились туда, их глазам открылась страшная картина. Эти подземелья хранили в своем мраке следы жестокой и долгой борьбы, происходившей когда-то здесь. По всем тоннелям и коридорам было разбросано всевозможное военное имущество: поржавевшие красноармейские каски, позеленевшие патроны и гильзы, покрытые слоем ржавчины винтовки с разбитыми и сгнившими ложами, фляги, котелки, куски телефонного кабеля, саперный инструмент. Здесь и там на стенах можно было различить выцарапанные или выкопченные надписи, адресованные Родине, родным и близким, и, судя по датам, которые иногда встречались, все они были сделаны летом и осенью 1942 года.

Но самое страшное заключалось в том, что весь этот подземный лабиринт был полон останками погибших здесь людей.

Иногда это была просто груда человеческих костей, иногда — целые скелеты, еще одетые в полуусгнившие лохмотья красноармейских гимнастерок. Порой эти скелеты, странно скорченные, свидетельствовали о том, что человек умер мучи-

тельной смертью, вероятно — задохнувшись. На других еще сохранились остатки бинтов, и можно было предположить, что эти люди погибли от ран. Рассказывают, что в одном месте наши бойцы увидели прислоненное к стене древко с уже истлевшим знаменем и около него на полу — скелеты двух часовых. Но самое необыкновенное и трагическое зрелище ожидало их в дальнем отсеке большого тоннеля.

Здесь, судя по всему, находился госпиталь подземного гарнизона. Этот отсек, как и все остальные помещения в подземельях, был вырублен в толще камня-известняка, но, видимо, потому, что воздух здесь был более влажным, на всех оказавшихся тут предметах с течением времени образовался твердый белый осадок извести. В госпитале стояли десятки коек, а на койках и прямо на полу лежало множество странных белых мумий. То были трупы людей, погибших от ран и от голода. Сама природа заключила каждого из мертвцов в своеобразный известковый гроб, подобный саркофагам фараонов Древнего Египта.

Твердый белый панцирь, облегавший покойников, еще смутно сохранял форму человеческого тела. В его уже размытом рельефе все же можно было угадать очертания лица — выемки глазных впадин, выступы носа и подбородка, положение рук и ног покойного. И люди, пришедшие сюда, долго стояли молча, ошеломленные и подавленные этим удивительным зрелищем, и невольно старались своим воображением проникнуть в тайну, которую храстили эти подземелья.

Легкий ток воздуха в подземных коридорах иногда шелестел какими-то пожелтевшими бумагами, валявшимися на полу. Когда их поднимали и рассматривали, они оказывались штабными распоряжениями, списками подразделений, приказами по гарнизону. Позже в этих подземельях нашли две убористо исписанные общие тетради. Это были дневники двух участников обороны — политрука морской пехоты Александра Сарикова и пехотинца старшего лейтенанта Андрея Клабукова. И когда наши офицеры в штабе прочли эти документы, впервые стало ясно, какой удивительный подвиг мужества, стойкости, самоотверженности совершили в Аджимушкайских подземельях полтора года тому назад советские люди.

Обе тетради позднее были отправлены в Москву и сейчас, видимо, находятся где-то в архивах, а выдержки из дневника политрука Александра Сарикова печатались в свое время в одном из наших журналов. Тогда же, в 1944 году, кое-что рассказал о героях Аджимушкая в своих статьях писатель Марк Колесов, наш известный поэт Илья Сельвинский, которому довелось побывать в каменоломнях сразу после их освобождения,

посвятил участникам этой подземной обороны большое взволнованное стихотворение.

Но война продолжалась. Советская Армия теснила врага все дальше на запад, развертывались новые сражения, появлялись новые герои, и в кипучей гуще всех этих событий постепенно была забыта оборона Аджимушкайских каменоломен, и забыта на много лет.

В 1958 году после моих выступлений по радио с рассказами о поисках героев Брестской крепости я получил большое письмо из Ташкента от тамошнего жителя Николая Арсеньевича Ефремова. Николай Ефремов, будучи в 1942 году молодым лейтенантом, попал в Аджимушкайские каменоломни и был участником событий, развернувшихся там. Он провел в подземельях почти пять месяцев, только в октябре 1942 года попал в плен и таким образом участвовал в обороне почти до самого конца существования этой подземной крепости. Его интересное письмо я позднее пересказал в одном из своих дальнейших выступлений по Всесоюзному радио. И сразу же начали приходить десятки писем от многих бывших участников Аджимушкайской обороны, которые дополняли Ефремова, присыпали свои подробные воспоминания, рассказывая о многих памятных эпизодах этой эпопеи. Сейчас этих писем уже несколько сотен. В моем распоряжении также оказалась копия дневника политрука Александра Сарикова, переданная мне бывшим работником Главного политического управления Советской Армии Н. Д. Казьминым. Словом, теперь у меня уже собрался довольно обширный материал, который дает возможность более или менее широко воспроизвести картину трагической и славной обороны подземной крепости Аджимушкая. Я попытаюсь нарисовать эту картину, пока хотя бы кратким очерком.

■

По огромным пространствам нашей страны прокатилась война, неся с собой смерть и разрушения. Но на этих пространствах были такие куски земли, такие города и села, которые с полным правом можно назвать многострадальными, ибо борьба здесь оказалась особенно долгой и жестокой и война принесла сюда особенно сокрушительные бедствия.

Еще ждет своих историков и писателей мученическая эпопея осажденного Ленинграда. А великий город на Волге, где столько времени бушевала самая яростная битва в истории человечества! Спросите воинов Ленинградского фронта, чем был для них «пятачок» у Невской Дубровки! Спросите у тех, кто сражался на Волховском фронте, что такое «Долина смерти» около села Мясной Бор! А разрушенный Севастополь, а разде-

ленный надвое линией фронта Воронеж, а знаменитая «Малая земля» под Новороссийском!

Таким многострадальным стал и примыкающий к Керченскому проливу восточный берег Крыма вместе с городом Керчью. Четыре раза переходили эти места из рук в руки, четырежды эта земля была перепахана снарядами и танковыми гусеницами, засеяна пулями и осколками, и четырежды война собирала здесь свою обильную и страшную жатву.

Осенью 1941 года, развивая наступление на восток, немецкая армия вошла в Крым. Вскоре весь Крымский полуостров, за исключением отчаянно сражавшегося Севастополя, был захвачен врагом. Занята была и Керчь.

Но уже зимой того же года Красная Армия, собравшись с силами, остановила врага и на некоторых участках фронта перешла в контрнаступление. Немцы были разгромлены под Москвой, получили сильные удары под Ростовом и Тихвином. В декабре наши армия и флот, действуя с таманского побережья Кавказа, высадили в Крыму десанты в районе Феодосии и Керчи и, оттеснив врага, создали устойчивый плацдарм на восточном побережье полуострова. Фронт остановился к западу от Керчи, на так называемых Акманайских позициях.

Когда, освободив полуразрушенную Керчь, наши войска вступили в селение Аджимушкай, к ним навстречу из глубины каменоломен вышли вооруженные люди. Это были керченские партизаны. Несколько недель тому назад, лишь только враг пришел сюда, они спустились под землю и все это время жили там, в тоннелях каменоломен, ведя борьбу, устраиваяочные вылазки и диверсии, поддерживая связь с местным населением. Теперь их подземная жизнь кончилась — они дождались прихода своих.

■
Те, кто бывал в Крыму, вероятно, помнят, что многие постройки там возводятся из особого пористого известкового камня, который называют ракушечником. Этот ракушечник добывается на Керченском полуострове. В районе Керчи есть несколько каменоломен — Багеровские, Вергопольские, Булганак и другие. Но самыми большими из всех каменоломен были Аджимушкайские.

Огромный, мощный пласт ракушечника выходит на поверхность земли в окрестностях села Аджимушкай. С незапамятных времен люди брали здесь камень для строительства, выпиливали его прямо из породы большими ровными плитами, проникая при этом все дальше под землю. Так за долгие, долгие годы образовался многокилометровый и многоэтажный подземный лабиринт, целый город, лежащий на глубине от пяти

до двадцати метров от поверхности земли, город с широкими улицами, узкими переулками, тесными коридорами и множеством выходов наружу в разных местах. По одним из этих тоннелей свободно мог проехать грузовик, по другим — лошадь с подводой, а были и такие, где человеку приходилось двигаться согнувшись или даже на четвереньках. Прочность каменного массива давала возможность не ставить искусственных опор, и только в самых широких выработках оставляли столбы того же ракушечника, как бы подпирающие потолок. Грунтовые воды почти повсюду протекают значительно глубже, и опасности обвала практически не было.

Понятно, что Аджимушкайские каменоломни издавна служили для окрестных жителей естественным и надежным укрытием, как только наступали тяжелые, опасные времена. В годы гражданской войны в них укрывались красные партизаны, ведя борьбу с белогвардейцами, под властью которых был Крым, и, как мы уже говорили, в 1941 году, с началом немецкой оккупации, сюда спустились партизаны Отечественной войны, сделавшие эти подземелья своей главной базой в районе Керчи.

С приходом советских войск Аджимушкайские каменоломни приобрели еще более важное значение. Фронт остановился сравнительно недалеко, и немцы то обстреливали район Керчи из орудий, то подвергали его воздушным бомбёжкам. Подземные лабиринты Аджимушкай были превосходным укрытием, и в них разместили несколько складов продовольствия и военного снаряжения, штабы некоторых соединений, а одно время тут даже находился штаб фронта.

С того момента, как образовался Керченский плацдарм, армия и местное население были полны самых радужных надежд и считали, что эта декабрьская победа была первым шагом к полному изгнанию немцев из Крыма. Все были уверены, что пройдет несколько месяцев, наши войска начнут новое мощное наступление и враг окончательно покатится на запад. Эти надежды, казалось, становились еще более прочными благодаря известиям, которые приходили из Севастополя, — город-герой упорно держался и отбивал один штурм врага за другим.

До конца зимы и весной 1942 года на Керченский плацдарм с таманского берега Кавказа перебрасывались все новые войска, и наше командование разрабатывало планы наступления в Крым, готовясь нанести противнику следующий удар. Но враг опередил нас.

■

В конце апреля немцы стянули с других участков фронта в Крым большое количество танков и авиации. В первых числах мая на фронте против наших Акманайских позиций заре-

вели немецкие орудия. Враг нанес внезапный и мощный удар, и, застигнутые врасплох, наши части не устояли. После нескольких дней упорных боев 8 мая 1942 года фронт оказался прорванным. Безуспешно стараясь остановить врага и закрепиться на промежуточных рубежах, советские войска с боями отходили в сторону Керчи и пролива. Стало ясно, что плацдарм удержать не удастся.

Корабли Черноморского флота и Азовской военной флотилии начали эвакуацию войск с Керченского плацдарма. Были мобилизованы все плавучие средства, и через Керченский пролив день и ночь сновали катера, буксиры с баржами, сейнеры и просто рыбачьи лодки, перевозя защитников Керчи на Большую землю — таманский берег Кавказа. Но условия эвакуации были необычайно тяжелыми — авиация врага непрерывно висела над проливом, штурмую и засыпая бомбами суда, и немало наших кораблей в эти дни нашли свою гибель на дне моря. А когда немцы подошли ближе к Керчи, под огнем их орудий оказалось все побережье и сам пролив. Как ни героически действовали моряки, перебросившие через пролив уже свыше ста тысяч человек, их усилия оказывались все более бесплодными. Теперь лишь немногим кораблям удавалось подойти к берегу, прорвавшись сквозь огненный заслон врага, под непрерывными бомбежками. А на побережье скапливались все большие массы людей, отступавших сюда из района Керчи в надежде переправиться на кавказский берег.

В майские солнечные дни на берегах Керченского пролива разыгралась одна из самых жестоких трагедий Великой Отечественной войны. Многие тысячи людей — доставленные сюда раненые, бойцы и командиры, отходящие от передовой, местные жители со своими семьями — оказались скученными на узкой прибрежной полосе, гибли под вражескими снарядами и бомбами. Перед ними лежала широкая полоса моря, и лишь вдали, в нескольких километрах к востоку, темнел кавказский берег. Там было желанное спасение, там были свои. Но преодолеть такое расстояние мог только тренированный и сильный пловец.

На берегу кипела лихорадочная работа. Шло в ход все, что могло держаться на воде. Из досок, из бочек сколачивали плоты, надували автомобильные камеры, плыли, держась за какое-нибудь бревно, мастерили себе немудреные поплавки, набивая плащ-палатки соломой. Люди пускались вплавь, идя почти на верную смерть, на любой риск, лишь бы покинуть этот страшный берег смерти и попытаться добраться до своих. Но в Керченском проливе довольно сильное течение — плоты порой прибивало друг к другу, образовывались как бы маленькие островки, которые переставали двигаться и только покачива-

лись на волнах, представляя удобную мишень для немецких орудий. Отдельных пловцов сносило течением в сторону так, что они уже не могли переплыть пролив в его самом узком месте. Многих просто уносило в открытое море:

Люди тонули, гибли в воде под огнем, а с берега пускались вплавь новые сотни и тысячи пловцов. Это были толпы плывущих, а над их головами низко, на бреющем полете, все время носились самолеты с черными крестами на крыльях и расстреливали людей из пулеметов. Вопли и стоны день и ночь стояли над проливом и над берегом, и, как рассказывают очевидцы, синие волны Керченского пролива в эти дни стали красными от людской крови. Лишь немногим удавалось переплыть на кавказский берег, кое-кого успевали подобрать корабли, но большинство погибало в воде или, оставаясь на берегу, попадало в гитлеровский плен.

А пока на побережье происходила эта трагедия, в окрестностях охваченной пламенем, разрушенной Керчи еще сражались наши войска. Самая большая группа, беспрерывно пополняемая отступающими с фронта подразделениями, укрепилась у входа в Аджимушкайские каменоломни, и, когда немцы обошли ее с флангов, она заняла там круговую оборону и продолжала вести бой. Другая группа дралась около Багеровских каменоломен, но ее сопротивление врагу удалось вскоре подавить. Более упорная борьба разыгралась в развалинах металлургического завода имени Войкова, где были окружены разрозненные остатки нескольких наших частей. Они продержались дней пять, а когда сопротивляться дольше стало невмочь, отчаянным ударом прорвали вражеское кольцо и пробились на соединение с гарнизоном Аджимушкайских каменоломен.

На окраине Аджимушкай, у главного входа в каменоломни, шел многодневный и тяжелый бой. Тут была создана довольно прочная оборона. Командовать ею поручили старшему лейтенанту Николаю Белову, опытному боевому офицеру, который, впрочем, до войны был человеком весьма мирной профессии — директором одного из птицеводческих совхозов Крыма — и теперь на своей гимнастерке постоянно носил, как боевую награду, Золотую медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Местность вокруг входа в каменоломни была выгодной для обороняющихся, и роты старшего лейтенанта Белова в течение нескольких дней уверенно отбивали пулеметным, ружейным огнем и гранатами беспрерывно повторяющиеся атаки врага. Однако долго так продолжаться не могло.

Трагедия, разыгравшаяся на керченском берегу, закончилась уже во второй декаде мая, когда последние группы наших бойцов и командиров, прижатые к берегу моря, были уничтожены или взяты в плен. Противник разгромил группу, сражав-

шуюся в районе Багеровских каменоломен, прекратилось сопротивление на заводе имени Войкова, и теперь единственным очагом борьбы советских войск остались Аджимушкайские каменоломни.

Сюда, в район Аджимушкай, немцы перебросили освободившиеся после боев части. Засыпаемые минами и снарядами, тесненные танками врага, пехотинцы Белова уже не могли дольше удержаться на поверхности земли. Ряды обороняющихся таяли с каждым часом, и вскоре им пришлось оставить свои позиции и отойти в глубину каменоломен. Так началась оборона подземной крепости Аджимушкай.

■

В эти дни Аджимушкайские каменоломни превратились в большой и густонаселенный подземный город. Весь этот лабиринт темных тоннелей и коридоров буквально кишел людьми. Сколько было здесь народа — пятнадцать, двадцать, тридцать тысяч? Этого никто не знает, и показания очевидцев расходятся здесь в очень широких пределах. Кого тут только не было — остатки разбитых частей со своими штабами, группы солдат, отбившихся от подразделений и потерявших командиров, пехотинцы и моряки, саперы и артиллеристы, медики и интенданты. Но, конечно, главную массу людей составляло гражданское население.

Как только началось наступление немецких войск против Акманайских позиций и противник стал бомбить и обстреливать Керченский плацдарм, тысячи жителей Керчи и окрестных сел бросились искать убежища от немецких бомб и снарядов в спасительные каменоломни. Они приходили туда семьями — женщины, дети, старики, неся с собой чемоданы и узлы со скарбом и со скучным запасом продовольствия. Они пришли сюда на несколько дней, отсидеться до тех пор, пока наши войска отбьют вражеское наступление и они снова смогут вернуться в свои дома. Но эти надежды были обмануты — Керченского плацдарма больше не существовало, враг опять овладел всем побережьем, и над их головами уже ходили немецкие солдаты. Мирные жители оказались запертыми здесь, в темных подземных норах, и судьба их была полна мрачной и трагической неизвестности.

Толпы этих людей, неорганизованные, жадно ловившие отзвуки событий, происходивших наверху, легко подверженные панике, находились в постоянном движении внутри подземного лабиринта. Они все время переходили с места на место, отыскивая родных и знакомых, снова теряя их в темноте, стараясь быть поближе к командирам, ища более безопасное убежище. Время от времени среди них с быстрой молнией, пере-

даваемые из уст в уста, разносились какие-нибудь тревожные слухи, и тогда в подземельях поднималась паника. Матери подхватывали своих детей и узлы со скарбом и бросались бежать куда-то в темноту, сталкиваясь друг с другом; повсюду слышался детский плач, женские крики, и военным с большим трудом удавалось наводить порядок и успокаивать эту мечущуюся толпу. И можно себе представить, с какими невероятными трудностями встретились командиры, взявшие в эти дни на свои плечи нелегкое бремя организации жизни и обороны подземного города. У них не было даже плана расположения каменоломен, они не могли учесть всех людей и наладить снабжение необходимым питанием и водой этой текучей, подвижной толпы, непрерывно перемещавшейся по темным лабиринтам.

И все-таки они сделали все, что можно. Уже в начале боев старшие командиры, оказавшиеся в подземельях, создали штаб обороны каменоломен. Командование гарнизоном Аджимушкая принял на себя полковник Павел Максимович Ягунов. Это был участник гражданской войны, кадровый офицер Красной Армии, который в 1941 году занимал должность начальника Бакинского пехотного училища, а позднее сражался на фронте и командовал одной из стрелковых дивизий, находившейся на Керченском плацдарме. Сорокалетний батальонный комиссар Иван Павлович Паракин, опытный политработник, стал его заместителем по политической части, капитан Левицкий — начальником штаба, интендант Желтовский — начальником снабжения. Боевые батальоны этого «полка обороны Аджимушкайских каменоломен», как впоследствии стал называться гарнизон, возглавили танкист полковник Григорий Бурмин, пехотинец полковник Федор Верушкин и бывший командир подразделения морской пехоты капитан Аркадий Панов. Каждому из батальонов было поручено оборонять определенный участок каменоломен, у всех выходов наружу и у специально пробитых амбразур постоянно дежурили наблюдатели, пулеметчики и меткие стрелки, зорко подстерегавшие каждое движение врага и своим огнем заставлявшие его держаться на почтительном расстоянии. Время от времени гарнизон делал ночные вылазки и в рукопашных боях наносил противнику немалый урон.

В первые дни удавалось более или менее удовлетворительно решать и проблемы снабжения подземного гарнизона. В каменоломнях находились продуктные склады с достаточным запасом продовольствия. Здесь, под землей, оказалось также несколько десятков лошадей. Их пришлось забить, и мясо поступило на кухни, организованные интендантом Желтовским, так что на некоторое время защитники каменоломен были обеспечены горячей пищей — супом из конины.

Однако беда была в том, что снабжать предстояло не только бойцов и командиров. Остались без пищи тысячи женщин, детей и старииков, у которых кончились их небогатые запасы. Надо было организовать питание и для них. И конечно, на такую массу людей не могло хватить надолго никаких запасов. Содержимое продовольственных складов быстро таяло, и командиры обеспокоенно думали о том, что произойдет в близком будущем.

Тяжелой проблемой стало и добывание воды. Дело в том, что в подземельях не оказалось колодца, и единственным источником водоснабжения был большой резиновый резервуар, врытый в землю в одном из тоннелей. Для многотысячного населения этого подземного города такого резервуара, даже при самом скучном водяном пайке, могло хватить очень недолго, и запас воды приходилось непрерывно пополнять. А колодец был только один, и он находился снаружи, в нескольких десятках метров от главного входа в каменоломни. С тех пор как гарнизон был оттеснен под землю, колодец остался как бы на ничейной земле. Он обстреливался с той и с другой стороны, и днем к нему не могли подойти ни немцы, ни наши. Зато ночью удавалось набирать вдоволь воды. В первые дни за водой ходили все, кто хотел, поэтому у колодца нередко возникала давка, поднимали шум, и тогда противник освещал окрестности ракетами и открывал пулеметный огонь. Чтобы избежать ненужных потерь, штаб обороны запретил ходить за водой, и были созданы специальные команды водоносов. Ночью они пробирались к колодцу и, соблюдая тишину, организованно и быстро добывали воду, вновь наполняя резиновый резервуар и всевозможные сосуды, мобилизованные для этой цели отовсюду. И все же воды не хватало, и на нее был введен самый строгий рацион.

■

Между тем немцы, загнав гарнизон Аджимушкай под землю, отнюдь не собирались пассивно ждать, пока он прекратит сопротивление. Они стремились скорее покончить с ним и освободить свои войска для операций на других участках фронта. Поэтому противник вскоре перешел к активным действиям.

В начале двадцатых чисел мая в район Аджимушкай были переброшены команды немецких саперов, и сюда же пригнали под конвоем сотни советских военнопленных, захваченных под Керчью. На поверхности земли началась работа, смысл которой сначала был непонятен. Методично, один за другим, немцы стали заваливать камнями или взрывать входы в каменоломни. Возникало предположение, что противник решил преградить доступ воздуха в подземелья, но такая затея казалась слишком

наивной. Защитники каменоломен имели возможность пробивать новые и новые отверстия наружу в самых неожиданных для врага местах. Как бы плотно ни завалили немцы входы в каменоломни, все равно подземному гарнизону не грозила опасность задохнуться от недостатка воздуха.

Однако замыслы врага были куда более зловещими. Страшное преступление готовили здесь гитлеровцы, и оно застигло подземный гарнизон врасплох.

В ночь на 25 мая у нескольких оставшихся незасыпанными входов в каменоломни немцы установили какие-то странные машины. С рассветом эти машины были пущены в ход, и тогда по подземным тоннелям и коридорам медленно стал распространяться едкий, пахнущий хлором дым, оставляющий на всем странный желтый осадок. Сначала он растекался легкими струйками по земле, проникая все дальше в глубь подземелей, потом уже клубился плотными желтыми облаками, поднимался выше и выше и заполнял все эти подземелья. И тогда люди, с замиранием сердца наблюдавшие, как прибывает зловещий дым, начали задыхаться. Дым был ядовитым.

То, что произошло в этот день, 25 мая 1942 года, в подземельях Аджимушкай, является одним из самых чудовищных и бесчеловечных злодеяний германского фашизма. Вооруженные бойцы и командиры, активно сражавшиеся с врагом, составляли едва ли десятую часть всего населения этого подземного города, и жертвой преступления немцев должны были в первую очередь стать тысячи беззащитных женщин, детей и стариков.

Жуткие, душераздирающие сцены разыгрывались в этот день во мраке Аджимушкайских подземелей. Отовсюду неслись вопли ужаса, истерические крики женщин, жалобный плач детей, стоны и хрипение умирающих от удушья. Тысячные толпы людей, видящих перед собой неизбежную смерть, охваченные безумной паникой,бросив свое имущество, кинулись бежать к выходам из каменоломен. Они метались вслепую во мраке подземелей, наполненных клубами ядовитого дыма, натыкались на стены, сбивали с ног и топтали друг друга. Плотной, сдавленной массой люди скапливались у закупоренных выходов из каменоломен и, задыхаясь, неистово, лихорадочно работали, разбирая завалы, сделанные немцами. А снаружи немецкие солдаты, хохоча и забавляясь, бросали через отверстия в эти толпы новые дымовые шашки и гранаты, которые, разрываясь,убивали и калечили сотни людей. Одни падали здесь, у входа, убитые, задавленные или задохнутые, другим удавалось расчистить выход, и они, уже ничего не понимая, в полубезумии выбегали наверх, чтобы только глотнуть немного свежего воздуха, а их тут же хватали немецкие солдаты и уводили в плен.

У военных положение было не лучше. Только немногие из них имели противогазы, и они бросились спасать умирающих раненых, детей, женщин, подтаскивая их к амбразурам или пробивая новые вентиляционные отверстия наружу. Другие старались спастись, дыша через мокрую тряпку, или, найдя на полу тоннеля сырое место, ложились ничком, уткнувшись лицом в грязь, и пытались дышать сквозь слой влажной земли. Некоторым удалось таким образом спастись. Третья, не видя выхода, предпочитали покончить с собой, но не сдаваться в плен врагу, и десятки бойцов и командиров приняли смерть от собственной руки.

Вот как описывает тот страшный день очевидец этих событий политрук Александр Сариков в своем дневнике:

«Ночь прошла очень беспокойно... Враг остервенел совершенно. Рвет катакомбы, засыпает проходы, стреляет куда попало из минометов и артиллерии, но нам хоть бы что. Только вот с водой дело ухудшилось совершенно... Хотя бы по сто граммов — жить бы можно, но дети, бедные, плачут, не дают покоя. Да и сами тоже не можем, во рту пересохло, еду без воды не приготовить. Кто чем может, тем и делится. Детей поили из фляг по глотку, давали свои пайки сухарей. В эту ночь мне не пришлось спать. Вместе с комиссаром Верхутиным, комбатом Пановым, начштаба Фоминых дежурили у проходов. Сменившись, несмотря на суetu, взрывы, я решил отправиться поспать. Прежде чем заснуть, я всегда вспоминал свою родную станицу... Вдруг грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слыши крики, шум, быстро схватился, но было уже поздно.

Человечество всего земного шара, люди всяких национальностей! Видели ли вы такую зверскую расправу, какую применяют германские фашисты! Нет! Я заявляю ответственно — история нигде не рассказывает нам о подобных извергах. Они дошли до крайности. Они начали давить людей газами! Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле с разорванными на грудях рубахами, кровь лилась из рта. Вокруг крики: «Помогите! Спасите!.. Умираем!»

Но за дымом ничего нельзя было разобрать. Я и Коля тоже были без противогазов. Мы вытащили четырех ребят к выходу, но напрасно: они умерли на наших руках. Чувствую, что я уже задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу — спасать раненых, что были в госпитале.

Ох, нет, не в силах описать эту картину! Пусть вам расскажут толстые каменные стены катакомб, они были свидете-

лями этой ужасной сцены. Вопли, раздирающие стоны, кто может — идет, кто не может — ползет, кто упал с кровати и только стонет: «Помогите, милые друзья! Умираю, спасите!»

Белокурая женщина лет двадцати четырех лежала вверх лицом на полу, я приподнял ее, но безуспешно. Через пять минут она скончалась. Это врач госпиталя. До последнего своего дыхания она спасала больных, и теперь она, этот дорогой нам человек, удушена. Мир земной, Родина! Мы не забудем зверств людоедов. Живы будем — отомстим за жизнь удушенных газами.

Требуется вода, чтобы смочить марлю и через волглу дышать. Но воды нет ни одной капли. Таскать к отверстию нет смысла, потому что везде бросают шашки и гранаты...

Гады! Душители! За нас отомстят другие!..

Пробираюсь на центральный выход, думаю, что там меньше газов, но это только предположение... утопающий хватается за соломинку. Наоборот, здесь больше отверстий, а поэтому здесь большепущено газов. Почти у каждого отверстия десять — двадцать человек, которые беспрерывно пускают ядовитые газы — дым. Прошло восемь часов, а он все душит и душит...

Чу! Слышится пение «Интернационала». Я поспешил туда. Перед моими глазами стояли четыре молодых лейтенанта. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн. «За Родину! За нашу любимую партию! За нашу победу!» Прозвучало четыре выстрела. Четыре трупа лежали неподвижно...

Изверг, гитлеровская мразь, посмотри на умирающих детишек, матерей, бойцов, командиров! Они не просят от вас пощады, не становятся на колени перед бандитами, издевающимися над мирными людьми! Гордо умирают они за свою любимую священную Родину...»

Только к вечеру перестали работать немецкие машины, нагнетавшие дым в каменоломни. Мало-помалу воздух в подземельях очистился, и можно было зажечь факел. При их свете оставшиеся в живых увидели страшную картину.

Все тоннели и коридоры оказались усеяны трупами задохнувшихся, задавленных, покончивших с собой людей. Этих трупов были тысячи. А другие тысячи людей во время газодымовой атаки вырвались наружу и попали в плен. Каменоломни сразу обезлюдили. Здесь осталось теперь около полутора тысяч человек, почти исключительно военных, но это были самые крепкие, самые мужественные люди, готовые ко всем испытаниям дальнейшей борьбы, какой бы трудной она ни была.

Как только закончилась газовая атака врага, командиры подземельного гарнизона собрались на совещание. Обстановка

резко изменилась, и нужно было обсудить и решить множество важных вопросов. И прежде всего предстояло решить главный вопрос: что делать гарнизону дальше?

У защитников каменоломен было два выхода: оставаться на месте и продолжать свою оборону или попытаться ночью внезапным ударом прорвать кольцо врага и затем идти на соединение с партизанами, которые, по имевшимся сведениям, действовали в районе поселка Старый Крым в густых крымских лесах. Эта проблема вызвала самые горячие споры.

Конечно, дальнейшая оборона представляла огромные трудности, и никто не сомневался, что трудности эти будут с каждым днем возрастать. Но и прорыв был делом не менее сложным и казался даже более бесперспективным по своим возможным результатам. В эти дни немцы стянули в район каменоломен много войск. Вероятно, они учитывали, что после газовой атаки гарнизон может предпринять какие-нибудь отчаянные действия, и, должно быть, уже приготовились к ним. Даже при успехе операции бой за прорыв слишком дорого обойдется подземному гарнизону. А затем положение тех, кто прорвется, станет еще более трудным. До лесов Старого Крыма, где действуют партизаны, надо было пройти несколько десятков километров. А местность между Аджимушкаем и Старым Крымом была совершенно открытой, безлесной. Майские ночи коротки, и темнота лишь ненадолго укроет прорвавшихся от глаз противника. С рассветом их неизбежно обнаружат и атакуют немецкие самолеты, наперерез им враг пошлет колонны моторизованной пехоты, танки, и вся оставшаяся группа защитников Аджимушкая будет, без сомнения, уничтожена, прежде чем она достигнет спасительных лесов.

Обороняясь, они могли продержаться в этих подземельях еще более или менее значительное время. Своим огнем из амбразур, ночными вылазками они каждый день наносят урон врагу. Продолжая оборону, они отвлекают на себя войска противника, мешают ему перебросить их на другие участки фронта и, значит, помогают борьбе, которую ведет Красная Армия, выполняют свою боевую задачу. Наконец, большинство командиров было уверено в том, что наши части, отброшенные за Керченский пролив на Кавказ, вскоре оправятся, восстановят свои силы и снова высадят десант на крымское побережье. И тогда подземный гарнизон Аджимушкая может сыграть очень важную роль — защитники каменоломен вырвутся наружу и ударят в спину немцам, взаимодействуя с десантниками и обеспечивая успех этой операции.

Словом, обсудив все возможные варианты действий, командиры решили, что гарнизон должен остаться на месте и продолжать борьбу.

Теперь нужно было подумать об организации дальнейшей обороны. Первым делом следовало подготовиться к новым газо-дымовым атакам — с утра немцы могли повторить их. Решили тотчас же начать строить импровизированные газоубежища.

Надо было за ночь сделать множество других неотложных дел. Убрать тысячи трупов, валявшихся в подземельях, — похоронить их или отнести в дальние отсеки тоннелей. Учесть всех людей, оставшихся в живых после первой газовой атаки, и заново распределить их по подразделениям. Взять на строгий учет все запасы продовольствия и подумать о снабжении водой. Выработать строгий порядок жизни и боевых действий этого подземного гарнизона, потому что только такой порядок и железная дисциплина могли помочь защитникам каменоломен преодолеть все невероятные трудности, возникшие перед ними. Все это было подробно обсуждено в ту ночь командирами.

Всю ночь в самых дальних подземельях шло строительство убежищ. Выбранные для них помещения отгораживались стенами, сложенными из камня. Со складов взяли брезенты, в коридорах подбирали брошенные плащ-палатки, одеяла, шинели и из этого шили большие, широкие занавесы — их вешали перед входом в убежище, чтобы преградить доступ дыма. Первое, самое просторное и самое надежное газоубежище построили для госпиталя, в котором находились десятки раненых и больных. К утру было готово несколько других помещений. Теперь с началом газовой атаки весь гарнизон мог укрыться в этих убежищах. Противогазы роздали только командирам и бойцам дежурных подразделений, которые во время газовых атак должны были находиться у входа в подземелье и своим огнем отражать попытки врага проникнуть внутрь.

А пока шло строительство убежищ, другие команды занимались уборкой трупов. На складах под руководством интенданта Желтовского происходил учет всего оставшегося продовольствия. Отправились на вылазку команды водоносов. Несколько командиров инженерных войск бродили по подземельям, составляя их план. Их уверенно водили по этому лабиринту двое — мужчина в штатской одежде и мальчик-подросток.

Это были житель Керчи Николай Семенович Данченко и его четырнадцатилетний сын Коля. Местный уроженец, Николай Семенович к тому же одно время работал в каменоломнях и превосходно знал расположение подземелей. А когда в 1941 году в Керчь пришли немцы, он и Коля вместе с партизанами ушли в каменоломни и провели там несколько недель, до тех пор, пока в декабре сюда не вернулись наши вой-

ска. Когда же пришлось уходить во второй раз, Данченко и колебался. На этот раз он привел туда, в каменоломни, и только Колю, но и свою жену с маленькой дочкой. Но накануне, во время газовой атаки, жена Данченко и его дочка вместе с другими женщинами и детьми вышли наверх и были захвачены в плен, а Николай Семенович и Коля решили до конца оставаться с защитниками каменоломен. Они оказались очень полезными — первое время служили проводниками по этим подземельям, потом помогли составлять план каменоломен и, зная хорошо окрестности, были неоценимыми советчиками, когда планировалисьочные вылазки гарнизона. Так и погибли они впоследствии без следа в подземельях, вместе с большинством их защитников.

Наступило утро, и снова заработали нагнетательные машины немцев. Снова заклубился в подземельях удущивший едкий дым, и гарнизон по команде укрылся в своих новых газоубежищах. Люди с волнением ожидали этого испытания — будут ли убежища достаточно надежными, не проникнет ли туда ядовитый дым?

Дым, правда, находил щели и просачивался внутрь, но все же его было немного. Люди кашляли, но кое-как могли дышать. Погибали только те, у кого были слабые легкие. И вскоре гарнизон приспособился к этим ежедневным газо-дымовым атакам противника.

А противник повторял эти газовые атаки с немецкой методичностью изо дня в день на протяжении полутора месяцев. И каждый день немцы действовали строго по расписанию. В один и тот же утренний час пускались в ход нагнетательные машины, и каменоломни заполнялись дымом, концентрация которого все росла. В полдень наступал перерыв на несколько часов — немцы обедали и отдыхали. За эти часы дым улетучивался, и снова можно было ходить по подземельям. А потом начинался «вечерний сеанс», продолжавшийся почти до захода солнца. И только ночью гарнизон получал длительную передышку.

Первое время было немало случаев, когда во время этих газовых атак погибали люди, неожиданно застигнутые вдали от убежищ и не имевшие с собой противогазов. Блуждая в клубах густого дыма, они теряли верное направление и погибали, не успевая добраться до ближайшего газоубежища. Тогда на помощь пришли связисты.

В каменоломнях находились большие склады имущества связи и инженерного оборудования. Здесь хранилось огромное количество телефонного кабеля — может быть, десятки или даже сотни километров. Этот кабель протянули по всем тоннелям и коридорам, и теперь, если человек был внезапно

зстигнут газовой атакой, он мог, держась за нитку провода, быстро добраться до ближайшего газоубежища.

Этот телефонный кабель сослужил и другую важную службу защитникам каменоломен: он помог решить проблему освещения подземелей.

Вначале в каменоломнях был кое-какой запас бензина, работал движок, и часть тоннелей освещалась даже электрическим светом. Потом запас кончился, движок остановился, и электричество погасло. Было еще небольшое количество керосина и солярки, и это горючее стали использовать для освещения, изготавливая самодельные коптилки и плошки. Потом кончилось и это. Оставался только один древний способ освещения — лучина. На лучины расходовали теперь доски и ящики, хранившиеся на складах.

И вдруг кто-то обнаружил, что если изоляцию телефонного кабеля зажечь, то она горит неярким, дымным пламенем, которого, впрочем, было вполне достаточно для того, чтобы осветить себе путь по подземным коридорам. Связисты тотчас же нарезали кабель кусками, и с этих пор каждый из защитников ходил по подземельям, держа в руках такой тусклый факел. Экономить тут не приходилось — кабеля на складах хватило бы даже на целый год подземной обороны. Единственным недостоинством оказалось то, что эти факелы слишком сильно коптили, и лица людей теперь всегда были покрыты слоем сажи. Но с этим уж приходилось мириться.

Если проблему освещения удалось решить довольно просто, то хуже обстояло дело с питанием и с водой. Уж давно кончилась конина. Каждый защитник подземелья получал еще ежедневно в своем пайке немного сухарей или муки, но их запасы на складе вскоре должны были иссякнуть. Немногим больше сохранилось комбижира и разных круп. Зато оставалось много сахара и чаю, и этими продуктами гарнизон был обеспечен надолго. Как бы то ни было, и без того скучный паек приходилось все время уменьшать, и командиры с тревогой следили, как тают запасы продуктов на складах.

Но еще хуже обстояло дело с водой. Теперь путь к колодцу, который находился у главного входа в каменоломни, был на чисто отрезан. Немцы взяли все подходы к колодцу под круглосуточный пулеметный обстрел и зорко стерегли каждое движение осажденных. Даже ночью пробраться за водой стало невозможно — немцы непрерывно бросали над колодцем осветительные ракеты, здесь было светло как днем, и каждые пять — десять минут заранее наведенные пулеметы простреливали это место длинными очередями. Редкому смельчаку теперь удавалось вернуться оттуда невредимым, и десятки людей заплатили жизнью за попытку достать из колодца воду. В кон-

це концов командование, желая избежать лишних потерь запретило эти походы за водой.

Тогда саперы предложили другой выход. Надо было рас считать и пробить наклонную подземную галерею, которая вывела бы из каменоломен прямо в ствол колодца на несколько метров ниже поверхности земли. В этом случае можно было бы набирать воду, не выходя наверх. Предложение было принято и его тотчас же начали осуществлять. Как ни трудно было прокладывать подземную галерею в сплошной толще камня, саперы работали днем и ночью и постепенно продвигались все дальше и дальше, приближаясь к стволу колодца. Но, видимо, по стуку немцы догадались об этой работе. И тогда они приняли свои контрмеры. Как раз над тем местом, где шли работы, саперы противника выдолбили колодец, заложили туда взрывчатку и произвели взрыв. Почти готовый подземный ход оказался заваленным, и при этом погибла часть работавших здесь бойцов. Работу пришлось прекратить.

А жажда становилась невыносимой. И вскоре был найден другой способ добывания воды.

К сожалению, грунтовые воды в районе Аджимушкай проходят в большинстве случаев глубоко под землей, значительно ниже того уровня, на котором находились каменоломни. Лишь кое-где подземная вода подходит ближе к поверхности земли, и в этих местах на потолке и на стенах тоннелей порой появлялись сырье пятна — сквозь поры известняка вода слегка просачивалась сюда. Было даже одно место, где с потолка медленно, но непрерывно падали капли, и, подставив посуду, удавалось за день набрать два-три полных котелка. В других тоннелях были только влажные пятна, и люди, изнемогающие от жажды, порой прикладывали губы к стене и начинали сосать эту влагу.

Обнаружилось, что таким способом можно не только утолить жажду, но и запастись какое-то количество воды. Была создана специальная команда «сосунов», задачей которых было высасывать грунтовую воду из потолка и стен тоннелей. Способ этот был вскоре усовершенствован. Во влажном потолке или стене проделывалось небольшое отверстие, и туда вмазывалась резиновая трубочка — изоляция от электрического провода. С силой втягивая в себя воздух через эту трубочку, человек всасывал маленький глоток воды, и, как бы ни томила его жажда, он не глотал драгоценные капли, а сливал их изо рта во флягу или котелок.

Это была мучительная работа — часами приходилось стоять, запрокинув голову, и все время бороться с искушением проглотить воду. Кроме того, это очень вредно оказывалось на

здоровье — вместе с воздухом человек втягивал в себя мельчайшие крошки рассыпчатого камня, они проникали к нему в легкие и вызывали потом долгий и мучительный кашель, а иногда даже тяжелую легочную болезнь.

Конечно, таким образом удавалось добить сравнительно немного воды, которой, естественно, не могло хватить на весь полторатысячный гарнизон. По несколько дней люди не имели во рту ни глотка влаги или получали совсем крошечный водяной паек, которого хватало только на то, чтобы слегка смочить пересохший рот. Но никто не роптал — все знали: вода добывается с неимоверным трудом и главную долю этой высокой из стен воды отдают в госпиталь, поддерживая жизнь раненых.

Этот подземный госпиталь был предметом главной заботы и гордостью всего гарнизона каменоломен. В необычайно тяжелых условиях, почти без медикаментов и бинтов, изнемогая от голода и жажды, в темных, сырых помещениях врачи и медицинские сестры буквально совершали чудеса, самоотверженно ухаживая за ранеными. При тусклом, коптящем свете лучин, на грубо сколоченных столах хирурги ухитрялись делать сложнейшие операции. Здесь не только спасали жизнь людям — десятки раненых бойцов и командиров после пребывания в госпитале снова возвращались в строй и брали в руки оружие, продолжая бороться с врагом.

Одной надеждой жили защитники каменоломен — ожиданием того дня, когда на востоке снова загремят пушки, в Керченском проливе появятся десантные суда и наши войска опять начнут высаживаться на крымском побережье в районе Керчи. Именно этой самой главной задаче будущего была подчинена вся жизнь и борьба подземного гарнизона. В штабе обороны разработали подробнейший план действий, приуроченных к этому желанному моменту. Каждый батальон, каждая рота знали хорошо, что им предстоит делать, когда этот момент наступит. И все ждали его с нетерпением и с замиранием сердца.

И вот наконец однажды ночью на востоке действительно раздался гул артиллерии и на керченском побережье стали рваться тяжелые снаряды. Наши крупнокалиберные орудия с таманского берега Кавказа открыли огонь по району Керчи. Мгновенно все каменоломни пришли в движение. В несколько минут подземный полк занял исходные позиции для атаки по составленному заранее расписанию, роты и батальоны сосредоточились у выходов из каменоломен. Люди стояли, сжимая оружие, дрожа от волнения, готовые по первому сигналу ринуться наружу, опрокинуть и смять врага. Но сигнала не по-

следовало, когда наступил рассвет, в проливе не появилось десантных судов, а пушки вскоре прекратили огонь. Это не было десантной операцией — это был обычный обстрел.

Но люди продолжали надеяться терпеливо и упорно. Они были уверены, что десант не заставит себя долго ждать. Эту уверенность еще больше укрепляла в них мужественная борьба севастопольского гарнизона — они знали, что город-герой держится, отражает штурмы врага, и напряженно следили за его сопротивлением.

Они знали это потому, что, будучи почти наглоухо отрезанными от внешнего мира, все же оказались связанными с ним одной тоненькой ниточкой — радио. В каменоломнях была своя радиостанция. В первые дни она питалась от движка, а потом, когда кончилось горючее, в ход пошли сухие батареи, небольшой запас которых хранился на складе у связистов. Но этого питания хватило недолго — батареи вскоре разрядились. И тогда бывшие в составе подземного гарнизона бойцы и командиры войск связи соорудили из того же телефонного кабеля и из других материалов самодельную динамо-машину, точно рассчитав ее на необходимое напряжение. Эту динамо-машину крутили вручную, сменяясь по очереди, в то время как радиостранник принимал сводки Советского Информбюро или передавал радиограммы.

Увы, он только передавал их! С первых же дней обороны командование гарнизона посыпало в эфир адресованные на Большую землю зашифрованные радиодонесения или сообщения открытым текстом. Но на все эти призывы никогда не приходило ответа. То ли радиус действия радиостанции был слишком мал, то ли ее волны терялись и ослабевали в многометровой толще камня над головами людей, но Большая земля молчала.

И все-таки радиограммы продолжали передавать каждый день, надеясь, что, быть может, однажды случайно кто-нибудь из радиостанций на кавказском берегу примет сообщение из Аджимушкай и наше командование узнает о борьбе подземного гарнизона. Рассказывают, что в тот трагический день, 25 мая 1942 года, когда немцы предприняли газовую атаку и в подземельях царили ужас и смерть, радиостанция, надев противогаз, непрерывно передавала в эфир одно и то же обращение подземного гарнизона, в котором рассказывалось о страшном преступлении гитлеровцев. Это обращение начиналось словами: «Ко всем народам Советского Союза! Ко всем народам земли!» Но и на это обращение — крик гнева и боли — не последовало никакого ответа. Героический голос аджимушкайцев, раздававшийся там, под крымской землей, не достигал Родины.

Но зато голос Родины, мощный радиоголос Москвы, проникал сюда через все каменные преграды. Радиостанция каменоломен ежедневно принимала из Москвы сводки Советского Информбюро, защитники каменоломен знали о событиях на фронтах и, конечно, с особым волнением ловили все то, что относилось к боям за Севастополь. Подземный гарнизон Аджимушкай чувствовал себя как бы родным боевым братом города-героя и черпал новые силы в его стойкости.

Там, наверху, стояло жаркое, благодатное крымское лето. Сверкало под солнцем; тихо плескалось в берега ласковое Чёрное море. Кое-где из пробитых наверх амбразур наблюдателям был виден морской берег и бронзовые голые тела немецких солдат, загорающих на солнце. Уже по-летнему темными, густо-зелеными становились окрестные сады, ветер приносил с собой запахи каких-то цветов и свежее соленое дыхание моря.

А тут, под землей, царили вечный мрак, сырость и холод камня. Страшные, похожие на жителей пещерного века люди бродили по этим подземельям. Они шатались от усталости, голода и жажды, но руки их крепко держали оружие. Они тщательно заботились, чтобы их оружие всегда было в чистоте, хотя сами не мылись и не умывались уже в течение многих недель и ходили грязные, завшивевшие, в рваной, висящей лохмотьями одежде. Исхудавшие, с бледными, землистыми лицами, с пересохшими ртами, с красными, воспаленными от бессонницы и ядовитого дыма глазами, обросшие бородами, закопченные от дымного огня своих факелов, эти люди изменились настолько, что даже близкие друзья теперь могли узнавать друг друга только по голосу. И если бы кто-нибудь мог взглянуть на них со стороны, он, вероятно, подумал бы, что люди, дошедшие до такого состояния, неизбежно должны потерять и свой внутренний человеческий облик.

Но это было совсем не так. Защитники каменоломен всегда оставались полноценными советскими людьми, живущими по законам и моральному кодексу нашего общества. И сейчас, когда смотришь на их подземную эпопею через призму двух прошедших десятилетий, невольно кажется, что чем более тяжкими были условия жизни гарнизона, чем более грязными и измученными становились тела и лица людей, тем выше, чище и благороднее выглядело все, что они делали, хотя сами защитники каменоломен вовсе не догадывались об этом.

Они были не только полноценным коллективом советских людей. Они были, как это ни удивительно, вполне организованной и боеспособной советской воинской частью, которая жила

почти такой же насыщенной, упорядоченной жизнью, как любая другая воинская часть на фронте или в тылу нашей страны.

Умные, опытные командиры аджимушкайцев понимали что в этих тяжких условиях самыми страшными врагами под земного гарнизона будут моральная неустойчивость, недостаток дисциплины и организованности, отсутствие содержательной целеустремленной жизни. И они сделали все, чтобы их бойцы как можно меньше чувствовали свою оторванность от Родины и от армии. Вся жизнь защитников каменоломен была строго организована и регламентирована.

С утра часть подразделений, снабженных противогазами уходила нести службу. Бойцы занимали свои места у выходов из каменоломен, в амбразурах и на наблюдательных пунктах. Другие шли выполнять необходимые хозяйствственные работы. Остальные роты собирались в газоубежищах на военные занятия.

Прежде всего бойцам читали сводку Советского Информбюро, — принятая радиостом, она за ночь перепечатывалась в штабе на машинке в достаточном количестве экземпляров и к утру поступала во все подразделения. Затем начиналась военная учеба — командиры изучали с бойцами оружие, тактику, военную технику. Политработники проводили политинформации или читали лекции о международном положении. День проходил в этих занятиях.

А когда наступал вечер, в подземельях начинали работать «клубы». В одном месте звучал баян и люди хором пели любимые песни. В другом — играл патефон и даже шли танцы. В третьем — организовывали вечер самодеятельности, декламировали стихи или, собравшись тесным кружком, при свете луцины читали вслух какую-нибудь книгу. В подразделениях регулярно проходили партсобрания; любой вопрос жизни и быта гарнизона, любое происшествие становилось предметом обсуждения коммунистов; и партийная организация защитников каменоломен все время росла — новые и новые командиры и бойцы подавали заявления в партию.

Все это помогало поддерживать в людях бодрость духа, уверенность в победе, и даже в самой страшной обстановке защитники каменоломен не поддавались отчаянию. Вот несколько записей из дневника Александра Сарикова, хорошо передающих думы и чувства, которыми были полны бойцы подземной крепости:

«Все то, что в возможностях человеческого ума и физически выполнимо, применяется, — пишет он в одном месте. — Как ни страшно, а порой жутко, борьба за жизнь идет своим чередом. И чувствуются дух борьбы и уверенность в своих

силах, надежда, что все будет пережито; каждый из нас живет тем, что настанет час и мы выйдем на поверхность для расплаты с врагом».

«Все было очень трудно, и были люди, которые отчаявались совсем, приходилось уговаривать их: раньше смерти не кладите себя в гроб. Я не забуду знаменитых слов знаменитого русского писателя Николая Островского. Он тоже хотел покончить с собой, но после писал: «Покончить с собой сможет каждый и любой, а вот в таких условиях сохранить свою жизнь и дать пользу государству — это, пожалуй, будет целесообразней...» И такой задачей в таких трудных условиях должен заниматься каждый из нас».

«...Делать нечего, ведь большевики не хнычат и жизнь свою так просто не отдадут... Мы здесь тоже должны хранить свою жизнь и готовиться в любую минуту по приказу выйти на поверхность... Безусловно, стало трудно, но что сделаешь, кому скажешь? Люди изолированы от мира, зарыты на несколько метров в землю и живут, как хорьки, но дух большевизма не дает им унывать».

Но главным, что помогало людям жить и переносить все испытания, была их повседневная, планомерная борьба с врагом. Подземный гарнизон Аджимушкай выполнял свою боевую задачу так же, как выполняли ее в это время тысячи других частей и подразделений Красной Армии на всем тысячекилометровом протяжении фронта. Он выполнял эту задачу, хотя и не получал приказов свыше и был лишен связи со своим командованием.

Штаб гарнизона по-прежнему прилагал все усилия к тому, чтобы установить связь с Большой землей. Кроме тех призывов, которые ежедневно и безрезультатно передавались по радио, время от времени снаряжались на связь группы разведчиков. Им ставили задачу — пробиться сквозь кольцо осаждавших каменоломни немцев, дойти до партизан, а оттуда перейти через фронт и доложить командованию о борьбе подземного гарнизона. Но разведчики уходили и никогда не возвращались обратно. Видимо, если даже им удавалось добраться до своих, то вернуться назад они уже не могли.

А оборона продолжалась своим чередом. Все так же непрерывно дежурили у амбразур меткие стрелки, и стоило врагу появиться в поле их зрения, он падал, настигнутый пулей. Немецкие солдаты, а потом сменившие их румынские фашисты Антонеску днем всячески избегали показываться в районе каменоломен. Днем и ночью велось неусыпное и зоркое наблюдение за противником. Наблюдательные пункты были хитро замаскированы и устраивались в самых неожиданных для врага местах.

Один из таких наблюдательных пунктов находился долгое время в сарае на окраине деревни Аджимушкай, почти в самом расположении немцев и румын. Как раз под этим сараем, недалеко от поверхности земли, проходил один из подземных тоннелей. По совету своих постоянных «консультантов» — Николая Семеновича Данченко и его сына Коли — защитники каменоломен пробили потолок тоннеля именно в этом месте. Отверстие, как и рассчитывал Данченко, вышло прямо в сарай. Дыра в полу была тщательно замаскирована, и с тех пор на чердаке сарая всегда дежурили наблюдатели подземного гарнизона, приносившие очень ценные сведения обо всем, что делается в расположении противника. Но как-то в сарай случайно вошли несколько румынских солдат, и один из них неожиданно провалился в замаскированное отверстие. Так чистая случайность заставила ликвидировать этот наблюдательный пункт.

Постоянное наблюдение за противником давало возможность иногда предугадывать его намерения и, главное, позволяло гарнизону вести активные боевые действия. По данным, которые доставляли наблюдатели, в штабе разрабатывались планыочных вылазок. Эти вылазки устраивались регулярно и обходились дорого врагу. Глубокой ночью, когда немцы спали, подземный гарнизон неожиданно вырывался наружу и атаковал врага в его расположении, навязывая ему рукопашный бой. Из этихочных вылазок защитники каменоломен обычно возвращались в свои подземелья с богатыми трофеями, оружием и продовольствием, захваченным на складах противника, небольшим запасом воды, которую во время боя успевали набрать специальные команды. А случалось, сюда приводили и пленных фашистов. Немцы закладывали минные поля у выходов из подземелий, опутывали весь район каменоломен проволочными заграждениями, но, несмотря на все это, вылазки гарнизона продолжались.

После одной из таких вылазок, особенно удачной, в каменоломнях случилось трагическое происшествие, оборвавшее жизнь командира подземного гарнизона полковника Павла Ягунова. Во время этой вылазки аджимушкайцы взяли много военных трофеев, и все оружие, добытое у гитлеровцев, как обычно, было принесено в штаб. Утром, когда командиры собирались в штабе на совещание, полковник Ягунов, осматривая захваченное оружие, взял в руки одну из немецких гранат с длинной деревянной ручкой. Видимо, граната оказалась неисправной — внезапно произошел взрыв, и полковник Ягунов упал, убитый на месте, а несколько других командиров получили ранения. Это была тяжкая, невосполнимая потеря — полковник Ягунов с первых дней стал душой всей обороны, ее главным организа-

тором и руководителем. С воинскими почестями защитники каменоломен похоронили своего командира в одном из тоннелей, и с этих пор командование обороной принял на себя другой испытанный боевой офицер — полковник танковых войск Григорий Бурмин.

■
Между тем недобрые вести приходили по радио с Большой земли. Обстановка на фронтах ухудшалась с каждым днем. Немцы, оправившись после зимних поражений и подтянув на советско-германский фронт новые силы, перешли в наступление.

5 июля 1942 года защитники каменоломен узнали о том, что наши войска оставили Севастополь. Это было для них необычайно тяжким ударом. Теперь вся крымская земля находилась в руках врага, и только здесь, в ее темных недрах, горсточка изголодавшихся, измученных, но крепких духом людей продолжала свою отчаянную борьбу.

А потом вести стали еще более тревожными. Немцы развернули мощное наступление в сторону Сталинграда и на Кавказе. Снова был захвачен врагом Ростов-на-Дону, и вскоре гитлеровские войска вышли к кавказскому побережью Керченского пролива и захватили Таманский полуостров. Оба берега оказались в руках противника, и теперь со своих наблюдательных пунктов защитники каменоломен с тоской видели, как в ту и другую стороны через пролив беспрепятственно идут немецкие суда и баржи.

С каждым днем делались все более тяжелыми и условия жизни в каменоломнях. Одно время критическим стало положение с продовольствием. Запасы на складах были исчерпаны. К счастью, защитники каменоломен смогли откопать сохранившийся продуктовый склад, который в первые дни обороны был завален взрывом. Это на время спасло их.

Мучительнее всего была жажда, и положение с водой не облегчалось. В одном из самых глубоких тоннелей уже давно начали рыть подземный колодец, и работа эта велась ежедневно, но все понимали, что она займет слишком много времени. Грунтовые воды здесь залегали глубоко, и к ним надо было пробиваться через многометровую толщу камня. Как ни самоотверженно работали саперы, никто не надеялся, что до воды удастся добраться скоро.

«...Сколько нужно здесь долбить камни, чтобы достать воду из глубины? — записывает в своем дневнике Александр Сариков. — Это очень страшно в наших условиях. Правда, в других условиях это не составило бы для наших людей особого труда, но здесь, когда люди..., не видят света, не пьют воды, не дышат

свежим воздухом, живут во мраке, сейчас сказать им, что до воды нужно рыть двадцать семь метров вглубь, очень даже страшно».

И вдруг выход был найден. Вспомнили о подземной галерее, которую в свое время пробивали к стволу колодца и которую немцам удалось завалить взрывом. Теперь эту работу можно было довести до конца — немцы уже не охраняли колодца, а забросали его камнями, досками, колесами от повозок и решили, что он будет недосыгаем для гарнизона. Вот что записывает в своем дневнике политрук Александр Сариков:

«...Ходил как тень, порой хотелось умереть, прекратить такую муку. Но подумал о доме, захотелось еще раз увидеть свою любимую жену, обнять и поцеловать своих любимых крошек деток, жить с ними вместе. Болезнь усиливается. Силы падают. Температура до сорока градусов. Зато следующий день принес нам большую радость — вечером в штаб пришел воентехник первого ранга тов. Трубилин. Он долго говорил с капитаном, после чего я слышал, как он сказал: «Та, ей-богу же, будет вода!», но смысла я не понял, что за вода, откуда. Оказывается, этот Трубилин или Трубин взялся за день дорыть подземный ход к наружному колодцу и достать воду, хотя это и требовало большой напряженности в работе. Молодой, энергичный товарищ взялся по-большевистски. Вновь застучали кирки, заработали лопаты. Но никто не верил, что будет вода. Что же получилось с колодцем? Фрицы его сначала забросали досками, колесами с повозок, а сверху большими камнями и песком. В глубине он был свободен, и можно было брать воду. Трубилин уверенно дошел до колодца подземным ходом, в результате упорной работы в течение тридцати шести часов пробил дырку в колодце и обнаружил, что воду брать можно. Тихонько набрал ведро воды и первый выпил со своими рабочими. А потом незаметно принес в штаб нашего батальона: Вода, вода! Стучат кружками, пьют. Я тоже — туда. Капитан подал мне полную кружку холодной чистой воды, шепотом сказал: «Пей, это уже наша вода». Не знаю, как я ее пил, но мне кажется, что ее как будто и не было. К утру вода была и в госпитале, где давали уже по двести граммов. Сколько радости! Вода, вода!.. Застучали, зазвенели котлы, каша, каша! Суп! О, сегодня каша, — значит, будем жить. Сегодня уже имеем в запасе сто тридцать ведер воды... Она, вода, решила вопрос жизни или смерти. Фрицы думали, что колодец забит, и свои посты оттуда сняли, так что с большим шумом брали воду. Но нужно оговориться, что воду брать было очень трудно. По подземному ходу можно идти только на четвереньках...»

Это была последняя запись в дневнике Александра Сарикова. Несколько дней спустя политрук скончался от тяжелой

болезни. А еще через несколько дней немцы узнали, что гарнизон пользуется колодцем, и снова забросали его — на этот раз тушами убитых лошадей, и пить эту воду уже стало невозможно. Оставалось по-прежнему высасывать влагу из стен в ожидании того момента, пока саперы, работавшие на постройке подземного колодца, дойдут до воды.

Все больше людей умирало от голода и жажды, от ран и болезней. Но и умирая бойцы подземного гарнизона сохранили в себе ту же решимость, волю к борьбе и веру в неминуемую победу над врагом. Многие из них оставляли перед смертью прощальные надписи на стенах каменоломен или письма, обращенные к Родине, друзьям и близким, полные веры в торжество своего дела и спокойного, гордого достоинства перед лицом гибели.

Уже в 1944 году, после освобождения Аджимушкай нашими войсками, в одном из подземных коридоров был найден скелет, на котором сохранились остатки командирской гимнастерки. В кармане этой гимнастерки обнаружили партийный билет на имя младшего политрука Степана Титовича Чабаненко. А в партбилете оказалось сложенное вчетверо маленькое, но полное высокого человеческого смысла письмо. Вот что писал накануне своей смерти политрук Степан Чабаненко:

«К большевикам и ко всем народам СССР. Я не большой важности человек. Я только коммунист-большевик и гражданин СССР. И если я умер, так пусть помнят и никогда не забывают наши дети, братья, сестры и родные, что эта смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян. Война жестока и еще не кончилась. А все-таки мы победим!»

Немцы тем временем прилагали все усилия, чтобы скорее покончить с подземным гарнизоном и освободить свои войска. Полтора месяца изо дня в день работали нагнетательные машины, закачивая в каменоломни ядовитый дым, и лишь после того, как враг окончательно убедился, что гарнизон применился к этому и уже не несет потерь, немцы прекратили газо-дымовые атаки. Противник пытался засыпать в подземелья своих агентов то под видом бежавшего от них военнопленного, то под маской местного жителя. Эти люди старались посеять неверие и панику среди защитников каменоломен, а иногда и предательски убивали их. Но гарнизон вскоре научился распознавать вражеских лазутчиков, и их быстро вылавливали и уничтожали.

Осаждающие начали применять новые средства борьбы. Однажды защитники каменоломен услышали над своими головами стук ломов и кирок. Немцы явно долбили сверху какой-то колодец, может быть надеясь проникнуть отсюда в подземелья. Но стук этот вскоре затих, и вдруг в этом месте раздал-

ся сильный взрыв, который обрушил потолок и стены тоннелей в радиусе нескольких десятков метров. Под обвалом погибла группа бойцов.

Эти взрывы стали повторяться все чаще и чаще. Гитлеровцы выдалбливали в камне глубокие колодцы, закладывали туда десять — пятнадцать тяжелых авиабомб и производили взрывы. Взрывы были такой силы, что даже на окраине Керчи, в нескольких километрах от Аджимушкая, в домах вылетали из окон стекла. А внизу на значительном пространстве обрушились потолок и стены тоннелей.

Сначала гарнизон нес во время таких обвалов тяжелые потери. Потом был найден способ избегать потерь. Была создана особая команда «слухачей» во главе со старшим лейтенантом Николаем Беловым, тем самым, который когда-то командовал обороной на поверхности у входа в каменоломни. Группы этих «слухачей» непрерывно ходили по тоннелям и коридорам, чутко прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся до них. Как только сверху слышался стук ломов и кирок и становилось ясным, что немцы роют здесь очередной колодец, из ближайших подземелий людей переводили в другие места, и, когда раздавался взрыв, жертв уже не было. Но взрывы продолжались, немцы закладывали все новые и новые колодцы, располагая их в шахматном порядке, и как бы теснили под землей защитников каменоломен.

Борьба не прекращалась. В конце июля или в начале августа саперы, строившие подземный колодец, наконец добрались до воды. Эта работа, продолжавшаяся много недель, стоила не только сил, но и человеческих жизней. Каждый метр пути сквозь камень приходилось отвоевывать с боем, и в ход пустили взрывчатку, чтобы скорее проникнуть вглубь. Меры безопасности при этом соблюсти было невозможно, и сплошь и рядом саперы производили взрывы, рискуя или даже жертвуя своей жизнью во имя того, чтобы продвинуться еще на один-два метра в глубины неподатливого камня. Зато теперь в каменоломне оказался свой колодец, и смерть от жажды уже не угрожала людям. Это была вода, которую враг уже не мог отнять у подземного гарнизона.

Но другая смерть, смерть от голода, неумолимо надвигалась все ближе. Наступил момент, когда запасы продовольствия оказались исчерпанными. Теперь у защитников каменоломен оставались для питания только чай и сахар, которые, как я говорил, в большом количестве хранились на складах. Люди проявляли чудеса изобретательности, чтобы как-то разнообразить эту пищу. Из чая варили что-то вроде супа, сахар перетапливали на огне. Но все это помогало мало. Начались тяжелые желудочные болезни, и смертность все возрастала.

Иногда группе разведчиков ночью удавалось пробраться сквозь минные поля, сквозь проводочные заграждения немцев, и тогда они возвращались с охапками лебеды и другой травы, которая росла в окрестностях каменоломен. Эту траву ели с жадностью, как какое-то невиданное заморское лакомство. Кто-то вспомнил, что в дальних отсеках тоннелей зарыты ноги лошадей. В первые дни обороны, когда гарнизон еще питался кониной, ноги убитых лошадей с копытами зарывали в землю. И вот сейчас вспомнили об этом. Копыта, конечно, были вырыты, и из них варили некое подобие супа, раздавая это варево бойцам. Потом и копыта кончились. Тогда в пищу пошли крысы. Но крыс в каменоломнях было мало — они не могли жить в этом каменном мешке.

Прошли август, сентябрь. Осень была в разгаре, по ночам становилось холоднее, и вдали глухо гудело штурмовое море. Но днем солнце еще грело, и, когда его лучи попадали в пробитую наружу амбразуру, защитники каменоломен, отвыкшие от тепла и света, с наслаждением грелись в этом солнечном лучике, по очереди уступая друг другу место. Днем все также гремели взрывы, и новые участки подземелей оказывались разрушенными.

Таяли силы подземного гарнизона. Погиб отважный командир «слушачей» старший лейтенант Николай Белов, гибли другие командиры и бойцы. Все чаще люди умирали от голода и от ран, а оставшиеся едва держались на ногах, и уже нельзя было устраивать почные вылазки, и даже не хватало сил подбирать и хоронить умерших.

То и дело группы защитников каменоломен, отрезанные от своих взрывами, попадали в немецкий плен. Так оказался в плена лейтенант Николай Ефремов, который много лет спустя первым рассказал мне о борьбе подземного гарнизона. 5 октября 1942 года, после пятимесячного пребывания в каменоломнях, он с несколькими товарищами был оглушен и полузасыпан взрывом, и немцы вытащили его потом из-под обломков.

По свидетельствам жителей Керчи и окрестных сел, борьба аджимушкайского гарнизона продолжалась до конца октября или до первых чисел ноября, то есть в течение шести месяцев. Говорят, что, когда уже стало невмочь оставаться дольше под землей, полковник Бурмин, батальонный комиссар Иван Паракин и другие командиры повели гарнизон в последний бой. Ночью оставшиеся в живых защитники каменоломен вырвались наружу и атаковали врага. Произошел тяжелый бой, в котором большая часть людей пала, а остальные были захвачены в плен. Были пленены и полковник Бурмин и батальонный комиссар Паракин. Позднее Николай Ефремов встречал своих командира и комиссара в немецком лагере для военнопленных

в Новоград-Волынском. По другим сведениям, их содержали в симферопольской тюрьме. На этом их следы теряются. Видимо, полковник Бурмин и батальонный комиссар Паракин погибли там, во вражеском пленау.

Так закончила свою удивительную борьбу подземная крепость. Красноречивые следы этой борьбы видели своими глазами наши бойцы и командиры, которые в 1944 году освободили Аджимушкай и первыми спустились в подземелье.

Но, к сожалению, эти следы потом мало-помалу исчезали. Забытыми и заброшенными стояли каменоломни, туда беспрепятственно проникали местные жители, имущество, сохранившееся после обороны, постепенно таяло, и сейчас немногое осталось там от этого героического времени. Где-то в архивах хранятся найденные в 1944 году документы времен обороны, и мы даже не знаем нынешнего местонахождения интереснейших дневников политрука Александра Сариксва и старшего лейтенанта Андрея Клабукова.

Только в последние годы снова возродился интерес к этой удивительной эпопее. Года три назад Аджимушкайские каменоломни были взяты под охрану государства как исторический памятник. В городе Керчи создан музей, посвященный борьбе подземного гарнизона. Писатели и журналисты заинтересовались этим эпизодом Великой Отечественной войны, и в печати все чаще появляются статьи и заметки об аджимушкайской обороне.

Но героическая борьба подземной крепости еще ждет своих историков и летописцев. И признаюсь, мне хочется стать одним из них. Я уже в течение нескольких лет собираю материал об этой подземной крепости, переписываюсь с участниками и очевидцами событий и в ближайшее время целиком отдамся изучению ее истории, с тем чтобы написать книжку, которая, как я мечтаю, была бы достойна славных дел, совершенных в дни войны гарнизоном Аджимушкайских каменоломен.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ СМЕРТНИКОВ

Много веков тому назад человечество создало библейскую легенду о рае и аде. С тех пор люди всегда мечтали о том, чтобы создать рай на земле — о жизни счастливой и беззаботной, без горестей и бед. Но, как известно, эта мечта о земном рае оставалась неосуществимой.

Зато уже в наше время, в XX веке, в годы второй мировой войны, оказалось, что люди способны создать земной ад, причем такой, перед которым бледнеют все ужасы легендарного библейского ада. Этим земным адом в годы второй мировой войны стали гитлеровские лагеря уничтожения, созданные руководителями СС и гестапо и в самой Германии и в других европейских странах, — подлинные фабрики смерти, организованные с немецкой хозяйственной дотошностью, с использованием всех достижений науки и техники, и предназначенные для невиданного еще в истории массового убийства людей.

Не только для нас, людей, непосредственно переживших войну, у которых еще свежи в памяти все ее события, но и для всех последующих поколений всегда будут звучать как страшные проклятия человеконенавистническому фашизму такие слова, как Освенцим, Майданек, Треблинка, Бухенвальд, Заксенхаузен, Равенсбрюк и многие другие названия гитлеровских лагерей смерти. И среди этих слов как одно из самых зловещих звучит слово Маутхаузен.

Километрах в двадцати пяти от австрийского города Линца, там, где широкое шоссе вьется через живописные предгорья Австрийских Альп, в стороне от дороги, стоит на вершине горы большое строение. Издали видно высокую каменную стену, массивные сводчатые ворота и над ними красивые зубчатые башни. И неискушенный путешественник, заметив это строение, подумает, что, вероятно, там находится одна из тех туристских достопримечательностей, которыми так богата Австрия, — какой-нибудь средневековый замок или дворец.

Но если бы в годы войны — в 1944-м или в начале 1945-го — такой неосведомленный путешественник заинтересо-

вался этой постройкой и решил познакомиться с ней, свернув на дорогу, ответвляющуюся в сторону горы от основного шоссе, он километра через полтора, подъехав поближе, обнаружил бы тут же свою ошибку и тотчас повернул бы обратно. Он увидел бы, что по гребню стены протянута в несколько рядов колючая проволока, что на площадках красивых зубчатых башен над воротами стоят пулеметы и около них дежурят солдаты в касках и эсэсовских мундирах с черепом и скрещенными костями на рукавах. Он заметил бы над стеной такие же флаги с черепом и костями, и в темном своде над запертymi тяжелыми железными воротами почудилось бы ему нечто мрачное и зловещее, напоминающее вход в преисподнюю.

Нет, эта постройка не была туристской достопримечательностью, замком древних времен. Это было поистине дьявольское создание архитектуры XX века, одно из самых страшных мест на земле — гитлеровский лагерь уничтожения Маутхаузен.

По показаниям свидетелей на Нюрнбергском процессе, по воспоминаниям бывших узников, по книгам, вышедшим после войны, мы сейчас хорошо знаем историю этого жуткого лагеря, где людей уничтожали с промышленной организованностью, с инженерной изобретательностью, с бесстрастием палачей и с утонченностью садистов. Здесь узников убивали наповал ударом тяжелой дубинки и медленно сводили в могилу ежедневными побоями; здесь их живыми сжигали в крематории и подвергали мучительной смерти в газовых душегубках; здесь над живыми людьми производили бесчеловечные медицинские эксперименты и из татуированной человеческой кожи делали абажуры.

Но мы знаем также, что люди, собранные здесь, в Маутхаузене, со всех стран Европы, вели борьбу против фашизма и в лагере был создан Интернациональный подпольный комитет. Этот комитет вел большую работу среди узников, спасал нередко людей от смерти и медленно, но упорно готовил будущее освобождение. По сигналу Интернационального комитета 5 мая 1945 года, когда американские войска подходили к лагерю, узники Маутхаузена подняли восстание и сами освободили себя из неволи. Они не только овладели лагерем, но и заняли несколько ближайших к Маутхаузену поселков, организовали круговую оборону и отбили все атаки эсэсовцев, стремившихся снова захватить лагерь, чтобы уничтожить находившихся там пленных. И нам известно, что и в составе Интернационального подпольного комитета и в числе главных руководителей этого восстания было немало наших соотечественников, советских людей, томившихся в Маутхаузене и

сумевших даже в адовой обстановке этого лагеря уничтожения продолжать борьбу.

Но до последнего времени мало кто знал, что в истории Маутхаузена было одно событие, особенно мрачное и трагическое и вместе с тем полное небывалого человеческого героизма, событие, которое, казалось, навсегда останется легендарным, таинственным, как смутное и стершееся предание, доходящее до людей из глубины древних времен. Это событие, случившееся в первых числах февраля 1945 года, — восстание и массовый побег узников так называемого «блока смерти».

Блок смерти в лагере смерти! Разве не звучит это как нелепый парадокс, как неуместная и кощунственная игра словами? Разве бывает на свете что-нибудь полнее и окончательнее смерти?

Но ведь смерть может быть быстрой и медленной, легкой и мучительной, неизбежной или только возможной, внезапной или изнуряющей человека нестерпимо долгим ожиданием ее. Если для всех узников лагеря Маутхаузен смерть была всегда возможной и в той или иной степени вероятной, то те, кто попадал в блок смерти, знали, что их гибель неизбежна, что она будет особенно долгой, полной страданий и придет к ним сопровождаемая бесконечным изнурением и изощренным унижением тела и человеческой души. Недаром эсэсовцы издевательски говорили смертникам, что из этого блока можно выйти только через трубу крематория.

Блок смерти был создан уже в последний год существования Маутхаузена. В первой половине 1944 года сотни узников несколько месяцев работали, возводя гранитную стену, отгородившую дальний угол лагерной территории. Эта стена была высотой в три с половиной метра и толщиной в метр. На гребне ее укрепили железные кронштейны, круто загнутые внутрь, и на них с помощью изолятора была в несколько рядов подвешена колючая проволока, которая всегда находилась под электрическим током высокого напряжения. По углам над стеной поднялись три деревянные вышки, где стояли спаренные пулеметы на турелях, наведенные в центр двора, и сильные прожекторы, с наступлением темноты заливавшие двор ярким светом.

В тесном прямоугольнике, отгороженном этой стеной, оказался всего один барак лагеря, которому был присвоен порядковый номер 20. Поэтому блок смерти иначе еще назывался блоком № 20, или изолирблоком. И в самом деле, он был надежно изолирован от всего окружающего мира и даже от лагеря. С того самого момента, как блок смерти «вступил в эксплуатацию», — с лета 1944 года — люди, исчезавшие за его двойными железными дверьми, уже не появлялись оттуда живыми. Узни-

ки общего лагеря иногда видели издали, как в эти двери эсэсовцы загоняют палками то большие партии пленных, в несколько сот человек, то совсем маленькие группы, а то и одиночных смертников, но они никогда не видели, чтобы кого-нибудь выводили из этих дверей. Только каждый день выезжала из ворот блока смерти машина или тележка, нагруженная трупами, и сваливала их у крематория. Случалось порой, что за день оттуда вывозили до трехсот мертвых тел. И вид этих мертвцов был таким, что он пугал даже ко всему привыкших узников из команды, которая обслуживала печи крематория. Скелеты, туго обтянутые тонкой пленкой кожи, покрытой страшными язвами, болячками, синяками от побоев и даже огнестрельными ранами, они казались давно высохшими мумиями, но можно было предполагать, что те, кто еще остался там, в блоке, почти ничем не отличаются от этих страшных мертвцов — и они еще двигаются, живут, страдают и, как выяснилось позднее, даже борются.

Кто содержался в блоке смерти и что происходило там — все это оставалось неизвестным, никто из остальных узников Маутхаузена не имел доступа туда. Даже бачки с лагерным супом — баландой — пленные из команды, работавшей при кухне, оставляли у дверей блока смерти, а туда, внутрь, их вносили сами эсэсовцы. Как можно было судить по количеству этой баланды, в первый период существования блока смерти, летом 1944 года, там содержалось несколько тысяч узников, но число их уменьшалось с каждым месяцем, и после нового, 1945 года супа туда доставляли меньше чем на тысячу человек. Среди узников лагеря ходили слухи, что в блоке смерти содержатся главным образом советские офицеры и политработники и что для них там создан такой режим, перед которым бледнеют все обычные ужасы Маутхаузена.

Впрочем, и без этого было ясно, что в изолирблоке творятся дела, которые превосходят все, что можно себе вообразить. Пленные, содержавшиеся в соседних с блоком смерти бараках, каждый день слышали, как из-за этой 3,5-метровой стены доносились дикие, нечеловеческие крики истязаемых людей, крики, заставлявшие содрогаться даже их, многострадальных узников Маутхаузена.

А иногда сюда, в Маутхаузен, приезжали на инструктаж группы эсэсовцев из других лагерей уничтожения. Местные «фюреры» водили их по блокам, любезно показывали крематорий, камеры пыток, все катанинское оборудование Маутхаузена. В заключение их вели на одну из вышек блока смерти, и они подолгу стояли там, наблюдая за чем-то происходившим внутри, а из-за стены в это время неслись особенно жуткие, душераздирающие вопли. Это были еще невиданные курсы

«повышения квалификации» убийц и садистов: приезжие палачи учились у палачей блока смерти.

Сами же узники общего лагеря старались даже не смотреть в сторону блока смерти и не прислушиваться к воплям, которые слышались оттуда. Они знали, что любопытство может дорого обойтись им: все помнили историю, случившуюся с Лисичкой.

Был в лагере семнадцатилетний парнишка, почти мальчик, Ваня Сердюк, вывезенный гитлеровцами с Украины и потом за какие-то провинности попавший в Маутхаузен. Необычайно подвижной, юркий, вертлявый, с худеньким острым лицом, похожим на мордочку лисенка, он был всеобщим любимцем в лагере. Но, на свою беду, он отличался излишней любознательностью. Ненасытное мальчишеское любопытство, которого не смог истребить в нем даже режим Маутхаузена, так и влекло его к стене блока смерти. Ваня слышал, что там, за этой стеною, содержатся его соотечественники, и он решил установить с ними связь. Раздобыв где-то клочки бумаги, он написал несколько записок и привязал их к камешкам. Улучая удобные моменты, когда поблизости не было никого из охранников, а пулеметчик на вышке отворачивался, Лисичка ловко перебрасывал камешки с записками через стену. Разва это прошло незамеченным, но однажды за этим занятием Ваню Сердюка застал сам комендант лагеря. Лисичку задержали, а переброшенная им через стену записка была разыскана и доставлена коменданту. На вопрос коменданта, зачем он бросал записки, Лисичка ответил, что ему хотелось узнать, что там делается. Тогда эсэсовец усмехнулся.

— Ах, ты хотел узнать, что там делается? — спросил он. — Хорошо, я тебе доставлю эту возможность. Ты пойдешь в блок смерти.

И Лисичка исчез за дверьми изолирблока.

Наступил 1945 год. Советская Армия закрепилась на рубеже Вислы в Польше, а в Венгрии, на берегах Дуная, вела большое сражение за Будапешт. На западе англо-американские войска стояли у дверей Германии. Было ясно, что узникам блока смерти вряд ли придется дожить до освобождения: за шесть месяцев 1944 года там было уничтожено несколько тысяч человек, и оставшихся, конечно, истребили бы в ближайшие два-три месяца.

И вдруг произошло неожиданное.

В ночь со 2 на 3 февраля 1945 года весь лагерь был разбужен внезапно вспыхнувшей пулеметной стрельбой. Стрельба доносилась из того угла территории Маутхаузена, где находился блок смерти. Пулеметы на вышках этого блока наперебой били длинными, захлебывающимися очередями. Сквозь

трескотню выстрелов оттуда доносились какой-то шум и выкрики, и русские в ближних бараках ясно слышали, как там гремит их родное «ура» и раздаются возгласы: «Вперед, за Родину!»

Весь Маутхаузен всполошился. Лагерные сирены проревели тревогу, с соседних вышек пулеметы тоже начали бить в сторону блока смерти. Забегала охрана, узников в бараках заставили лечь на пол, и им объявили, что каждого, кто подойдет к окну, застрелят без предупреждения. Бараки снаружи заперли на тяжелые железные засовы. Потом внезапно во всем лагере погас свет.

Но стрельба продолжалась всего каких-нибудь десять — пятнадцать минут. Потом выстрелы и крики переместились куда-то за пределы лагеря, и мало-помалу все стихло. Большинство узников не спало всю ночь, теряясь в догадках о том, что произошло.

Утром пленных долго не выпускали из бараков и позже, чем обычно, погнали на работу. От охраны стало известно, что в эту ночь узники блока смерти подняли восстание и совершили массовый побег. Но эсэсовцы самонадеянно говорили, что ни один из бежавших не уйдет. Все будут пойманы и казнены: по их словам, в район Маутхаузена стянуто большое количество войск и частей СС и идет самая тщательная проческа местности.

Весь этот день пленные, остававшиеся на лагерной территории, наблюдали, как к крематорию свозили казненных беглецов. Приходили грузовики, доверху нагруженные трупами, пригоняли небольшие группы пойманных и тут же расстреливали около печей. В исступленной злобе эсэсовцы привязывали захваченных смертников за ноги к машинам или к лошадям и волочили головой по булыжной дороге, свозя туда же, к печам крематория. Трупы укладывались ровными штабелями, и несколько дней спустя эсэсовцы объявили по всему лагерю, что «счет сошелся»: по их словам, все бежавшие из блока смерти были пойманы и казнены.

Это объявление, эти груды обезображеных, страшных мертвецов около крематория, по замыслу коменданта, должны были внушить ужас всем пленным лагеря и навсегда отучить их помышлять о восстании или побеге. Но расчет коменданта был ошибочным: большинство узников восприняло побег смертников как пример истинной доблести, как призыв к им подниматься против своих палачей. Они жалели только об одном — что не знали заранее о готовящемся восстании в двадцатом блоке и не смогли поддержать его всем лагерем. Подвиг смертников прозвучал как набатный удар колокола, и Интернациональный подпольный комитет еще энергичнее принялся

разрабатывать планы будущего восстания и готовить людей к вооруженной борьбе в ожидании подходящего момента. Победное восстание, которое произошло 5 мая 1945 года, было прямым продолжением и завершением героической борьбы узников блока смерти.

Страшный Маутхаузен перестал тогда существовать, и бывшие узники вернулись в свои страны, освобожденные из-под власти фашизма. Но, казалось, навсегда останется легендарным, лишенным всяких реальных подробностей подвиг советских людей в смертном блоке. Некому было рассказать об этих подробностях — «счет сошелся», как говорили эсэсовцы, и предполагалось, что никого из участников трагического побега не осталось в живых. Но те, кто был в Маутхаузене, на всю жизнь сохранили память об этом событии.

В 1958 году несколько бывших узников Маутхаузена прислали мне письмо с рассказом о восстании в блоке смерти как по своим личным впечатлениям, так и по слухам, которые потом ходили в лагере. Кстати, по их словам, в лагере после освобождения прошел слух о том, что будто бы несколько человек из участников побега остались в живых. Я тогда же включил рассказ о блоке смерти в одно из своих радиовыступлений и просил откликнуться всех, кому что-нибудь известно об этом подвиге.

Уже вскоре я получил письмо из города Новочеркасска от мастера тамошнего станкостроительного завода Виктора Николаевича Украинцева. Он оказался одним из бывших узников блока смерти, непосредственным участником восстания, и ему посчастливилось уцелеть во время побега и впоследствии вернуться на Родину. Бывший лейтенант-бронебойщик, он испытал в годы войны немало тяжелого. Попав в плен во время окружения наших войск под Харьковом, он прошел через несколько лагерей, неоднократно делал попытки бежать из плена, был уличен в актах саботажа на немецких предприятиях, где его заставили работать, и в конце концов как «неисправимый» был приговорен к смерти и отправлен в двадцатый блок Маутхаузена. Во время побега он спасся не один, а вдвоем с товарищем, который, кстати, тоже почти сразу откликнулся на мое радиовыступление. Это был инженер-конструктор вагоноремонтного завода на станции Попасная Иван Васильевич Битюков. Капитан нашей авиации, летчик-штурмовик, Иван Битюков в 1943 году, во время боев на Кубани, совершил воздушный таран и вынужден был приземлиться на территории, занятой врагом. Несколько дней он вместе со своим стрелком-радистом скрывался в кубанских плавнях, пытаясь пробраться на восток, к линии фронта, но потом был ранен и захвачен в плен. Он тоже прошел через целую цепь лагерей, совершил удачный

побег, сражался в рядах партизанского отряда в Чехословакии и там снова попал в руки гитлеровцев. На этот раз его со смертным приговором отправили в маутхаузенский изолирблок.

Итак, эсэсовцы врали: счет не сошелся. Двое участников побега оказались в живых. Но их могло быть больше — предстояло вести поиски других уцелевших героев блока смерти.

История восстания смертников в Маутхаузене заинтересовала многих. Ею некоторое время занимался наш известный писатель Юрий Корольков, появилась статья об этом сотрудника Советского комитета ветеранов войны Бориса Сахарова, занималась также поисками героев и выяснением обстоятельств восстания в блоке смерти новочеркасская журналистка Ариадна Юркова. К 1963 году нам были известны уже семеро уцелевших участников побега, а с их помощью удалось установить имена нескольких руководителей и организаторов этого необычайного восстания.

Шесть месяцев провел в блоке смерти летчик капитан Владимир Шепетя, переживший там гибель многих своих друзей. Теперь он — служащий строительного треста в городе Полтаве. Немного меньше стаж пребывания в блоке № 20 лейтенанта Александра Михеенкова, ныне колхозника из Рославлевского района Смоленской области. Вместе спаслись после побега лейтенанты Иван Бакланов, сейчас житель города Шумихи Курганской области, и Владимир Соседко, колхозник из Калининского района Краснодарского края. Посчастливилось уцелеть и юному Ивану Сердюку, тому самому Лисичке, который попал в блок смерти за свое любопытство. Сейчас он работает электрослесарем на одной из шахт в Луганской области в Донбассе.

С помощью этих людей постепенно все шире и полнее раскрывается картина событий, происходивших в таинственном блоке смерти Маутхаузена. И картина эта настолько трагична и вместе с тем проникнута таким высоким героизмом, что восстание смертников Маутхаузена предстает сейчас перед нами как один из самых великих подвигов советских людей в годы их борьбы против фашизма.

В блок № 20 гитлеровцы посыпали тех, кого они считали «неисправимыми» и особенно опасными для себя людьми. Туда попадали пленные, совершившие неоднократные побеги из лагерей, уличенные в антигитлеровской агитации, в актах саботажа на немецких заводах и фабриках. Это были почти исключительно советские люди, главным образом офицеры, политработники, партизанские командиры и комиссары. Значительную часть узников составляли наши летчики, и среди них выделялось несколько старших офицеров, которые в дальнейшем стали главными организаторами и вдохновителями восстания и

побега. Сейчас мы можем назвать лишь некоторых, остальные пока остаются неизвестными.

Герой Советского Союза подполковник Николай Иванович Власов занимал в нашей истребительной авиации должность инспектора по полетам. Это был великолепный, бесстрашный и лихой летчик, молодой человек, полный энергии и жизненных сил, с внешностью настоящего русского богатыря — высокий, широкоплечий, русоволосый и голубоглазый. Когда он попал в плен, гитлеровцы поместили его в крепость Бюрцбург вместе с нашими генералами и, к его удивлению, обращались с летчиком крайне предупредительно. Власову даже разрешили оставить свои ордена, и он ходил в лагере с Золотой Звездой на груди. Эта предупредительность, впрочем, объяснялась весьма просто: немцы надеялись «обработать» этого офицера и привлечь его на службу в так называемую «русскую освободительную армию» предателя генерала Власова. Но уже вскоре они убедились, что из этого ничего не выйдет. Николай Власов с возмущением отвергал все предложения перейти на сторону врагов своей Родины и не оставлял настойчивых попыток бежать. В конце концов, видя, что ни уговоры, ни посулы, ни угрозы не помогают, гитлеровцы решили уничтожить этого человека. Ему объявили смертный приговор и направили в двадцатый блок Маутхаузена. Но еще до этого Власов успел передать свою Золотую Звезду одному из товарищей по плечу, и тот после освобождения сумел доставить ее на Родину.

Уже немолодой полковник Александр Филиппович Исупов командовал на фронте штурмовой авиационной дивизией и был сбит под Одессой. Гитлеровцы пытались «обрабатывать» его, как и Николая Власова, но встретили ту же благородную непреклонность коммуниста и советского гражданина. Однажды в лагере в Лицманштадте (Лодзь), где содержался Исупов, пленных советских офицеров согнали на так называемый митинг. Перед ними выступил изменник, агитатор из власовской армии, долго и настойчиво доказывавший неизбежность победы Германии в этой войне. Затем немцы предложили выступить нашим офицерам и первым попросили высказаться Александра Исупова. К общему удивлению, полковник не отказался.

— Я не могу согласиться с выступившим сейчас господином, — сказал он, и в голосе его звучали гадливость и презрение к предателю Родины.

И он с неумолимой логикой, яркими примерами один за другим разбил доводы власовца, доказывая, что наша победа уже близка и что гитлеровская Германия неминуемо потерпит поражение.

— Гитлеровцы обещают нам «свободу», — язвительно говорил он. — Посмотрите, какая это свобода. Разве мы не яв-

ляемся свидетелями того, что сделали фашисты с Польшей, как расправились они с населением наших оккупированных областей, как вывезли богатства из окрестностей Ленинграда, из других городов? Грабеж и рабство — вот та свобода, которую несет нам Гитлер.

С необычайным волнением слушали его товарищи, а он открыто, прямо в лицо гитлеровцам и власовцу говорил о своей ненависти к фашизму и призывал товарищей не оставлять борьбу и здесь, в условиях плена. Митинг был непоправимо испорчен, власовцу пришлось ретироваться, а немцы, хоть и сделали вид, что им, мол, безразлично выступление советского полковника, не простили ему этой речи. Судьба Александра Исупова была решена. Через несколько дней его заковали в наручники и увезли куда-то в закрытой машине. Его товарищи были уверены, что он расстрелян, и только теперь, в последние годы, выясняется, что Исупов был обречен гитлеровцами на медленную и мучительную гибель в блоке смерти Маутхаузена.

Иными путями привела судьба в двадцатый блок бывшего командира авиационной дивизии полковника Кирилла Чубченкова, командира эскадрильи капитана Геннадия Мордовцева и других, но с той поры, как за ними закрывались двери блока смерти, они вступали на общую дорогу, дорогу, ведущую прямо к смерти, близкой и неизбежной.

Как известно, в гитлеровских лагерях организация учета была поставлена со всей немецкой педантичностью. Каждого пленного из лагеря в лагерь сопровождала специальная карточка со всеми данными о нем, с отпечатками пальцев, с фотографией, сделанной анфас и в профиль, со всеми пометками о побегах и штрафах. Но на карточке каждого, кто предназначался для блока смерти, делались особые пометки. То она была прочеркнута по диагонали красной полосой, то аккуратным писарским почерком на ней было написано: «Фернихтен» — «уничтожить», то стояло два слова: «мрак и туман» или «возвращение нежелательно», а то просто ставилась одна буква «К» — от немецкого слова «кугель» — пуля. Все эти пометки и слова обозначали одно и то же — смерть, которая должна быть возможно более страшной и мучительной.

Эти мучения начинались, как только смертник попадал в ворота общего лагеря Маутхаузен. Его тотчас же изолировали от остальных узников и помещали в одну из камер так называемого «политабтайлунга» — тюрьмы для политических заключенных. Там, в комнатах пыток, он проходил первоначальную «обработку» — эсэсовцы избивали его до полусмерти, кололи иглами, пытали электрическим током и т. д. и т. п. Потом его загоняли в «баню», которая тоже

была утонченной и нестерпимой пыткой. В небольшом бетонированном помещении отовсюду хлестали тугие, как плети, струи ледяной воды. Захлебывающийся, задыхающийся узник нигде не мог укрыться от этих водяных бичей, и издевательское «купание» продолжалось порой по нескольку часов. После этого лагерный парикмахер простригал смертнику машинкой широкую дорожку от лба до затылка, и голого человека выбрасывали прямо на снег, швыряя ему вслед старые полосатые штаны и куртку из какой-то дерюги. Одежда эта заранее подвергалась обработке, чтобы заразить узника чесоткой, экземой или другими накожными болезнями. Ударами дубинок эсэсовцы гнали бегом смертника к железным дверям блока, заставляя его одеваться на ходу. Двери открывались, человека вталкивали туда, а там, внутри, его хватали два эсэсовца, уже поджидавшие свою жертву, и начиналось очередное, еще более жестокое избиение.

Так, пройдя через это «чистилище», человек попадал уже в самый ад — в длинный барак, стоявший в центре узкого двора. Этот барак был разделен на три части — две комнаты (по-немецки «штубе»), где ночевали узники, и одно отделение посередине, где находились служебные помещения.

Одна из штубе предназначалась для больных: здесь помещались те, кто был уже доведен до предела своих сил, кому оставалось жить считанные дни, люди, которые уже не могли ходить, а только ползали. Но и они были обязаны в дневное время покидать барак и выползать во двор при любой погоде. Второе, большее по размерам помещение, примерно 10×12 метров, служило жильем всей остальной массе узников. Тут содержалось пятьсот — шестьсот человек. Помещение было пусто, как сарай, — никакой обстановки не полагалось. Не было ни кроватей, ни нар, ни даже соломы на цементном полу. Никаких постельных принадлежностей, даже одеял, узникам не давали, хотя помещение зимой не отапливалось. Люди спали прямо на полу; вернее будет сказать, что они спали друг на друге, потому что лишь небольшая часть узников могла разместиться на этой площади пола, а остальные должны были ложиться на товарищей в два-три слоя или же спать стоя. В душные летние ночи эсэсовцы плотно запирали окна барака, и в сравнительно небольшом помещении, где была скучена такая масса народу, воздух постепенно становился невыносимо тяжелым и спретым, людям не хватало кислорода для дыхания, и многие, не выдержав, к утру задыхались. Зимой же по вечерам, перед тем как загнать узников в барак, помещение поливали из шлангов так, что на полу к ночи всегда стояла на несколько сантиметров вода. Людям приходилось ложиться спать прямо в воду, а среди ночи явля-

лись эсэсовские охранники и распахивали все окна настежь до утра, устраивая «проветривание». И каждое утро на обледеневшем полу оставались лежать трупы окоченевших людей.

В среднем, служебном помещении барака находилась так называемая умывальня. Здесь были бетонные умывальники, души с холодной водой и ванна с крышкой. В стены умывальни наверху были вбиты массивные железные крючья. Фактически эта комната тоже была местом пыток. Здесь узников на невыносимо долгие часы ставили под ледяной душ или заставляли человека садиться в ванну, доверху наполненную ледяной водой, и топили его там, закрывая сверху крышкой. Людей вешали на железных крючьях или просто забавлялись, надевая смертнику на горло петлю и подтягивая его кверху, пока он не потеряет сознание. Эти крючья как бы приглашали узников повеситься. Специально для этого им оставляли поясные ремни, и многие из пленных, не в силах выдержать ежедневных издевательств и мучений, предпочитали ускорить свой конец и вешались там, в умывальне.

Через коридор наискосок от умывальни находилась небольшая комната, где жил старший по блоку — блоковой. Это был здоровенный немец с могучими руками и тупым лицом животного, уголовник, которого за неоднократные убийства осудили на смерть, но обещали помилование, если он заслужит его жестоким обращением с пленными. И он выслуживался со всем рвением, этот палач, буквально купаясь в крови: многие сотни людей погибли от его резиновой, залитой свинцом дубинки, были задушены его руками или сброшены им в канализационный колодец, находившийся перед бараком.

В комнате блокового стояли печка и ящик с углем — это было единственное отапливаемое помещение в бараке. Здесь же хранился и большой ящик с эрзац-мылом — твердыми как камень плитками какого-то неизвестного вещества. Впрочем, как оно мылится, никто из пленных не знал: эрзац-мыло только числилось выданным для узников, но никогда не попадало к ним в руки. Также формально считалось, что для больных, находящихся в блоке, выданы одеяла: большая кипа этих одеял лежала в комнате блокового. Но они никогда не выдавались даже умирающим — на стопе одеял спал блоковой.

У блокового была своя охрана — два сильных и молчаливых голландца, которые следовали всюду за ним по пятам. Неизвестно было, за что эти люди попали сюда, в блок смерти, — они никого не понимали, а их родного языка не знал ни один из пленных. Сами они не убивали узников и не издевались над ними и только молчаливо и безропотно исполняли все приказания блокового.

Кроме того, из самих узников была создана так называемая команда «штубендинст» — служба помещений. Этих людей на русский лад называли «штубендистами». Они выполняли разные работы внутри блока: убирали помещения, мыли полы, вытаскивали во двор и складывали трупы, резали эрзац-хлеб и т. д. и за все это получали порой лишнюю ложку лагерного супа — баланды — или маленькую добавку того же эрзац-хлеба. Разные люди были среди этих штубендистов: одни только делали порученную им работу, а другие старались всячески выслужиться перед эсэсовцами и блоковым. Среди этих последних особенно выделялись трое, ставшие непосредственными помощниками блокового, такими же убийцами, как и он сам. Двое — Адам и Володька — были поляками, а третий — Мишка-татарин — жителем Крыма. Настоящее имя и фамилия его — Михаил Иханов. Рассказывают, что он был лейтенантом, служил в кавалерийской части Красной Армии, а потом попал в плен или перешел на сторону гитлеровцев и стал служить в немецких войсках. Конвоируя однажды какой-то железнодорожный эшелон, он был уличен в краже и отправлен в один из блоков общего лагеря Маутхаузен. Здесь он принял ревностно помогать эсэсовцам и отличался такой жестокостью, что комендант лагеря перевел его в блок смерти, где Мишка-татарин сделался правой рукой блокового, с наслаждением мучая и убивая своих бывших сограждан.

Среди всех фабрик смерти и их филиалов, в таком изобилии созданных гитлеровцами в разных странах Европы, блок смерти лагеря Маутхаузен представлял особое явление. Он был самым ярким и полным воплощением бессмысленной, нечеловеческой жестокости, лежавшей в основе философии немецкого фашизма. Люди, которых посылали сюда, должны были умереть, но их умерщвляли далеко не сразу, а с изощренной садистской постепенностью. Вместе с тем их не посыпали ни на какие работы, они никогда не покидали двора двадцатого блока и, следовательно, ничем не приносили пользы гитлеровскому рейху. Больше того, как ни скудна, как ни похожа на корм скоту была пища, которую давали узникам, все же гитлеровцы вынуждены были тратить на них какое-то количество продуктов: брюквы для баланды, эрзац-хлеба и т. п. А ведь известно, что немецкие фашисты отличались виртуозной экономностью и использовали для хозяйства даже убитых ими людей, вываривая из мертвцев мыло и набивая волосами своих жертв матрацы. Чем же объяснить, что они были такими «расточительными» в блоке смерти и тратили продукты на людей, предназначенных к уничтожению?

Этому есть только одно объяснение: блок смерти был тем «полигоном», где тренировали эсэсовских палачей, где в них

возбуждали желание убивать, испытывать жажду крови и наслаждение человеческими страданиями. Узники двадцатого блока стали тем сырьем, материалом, на котором Гиммлер, Кальтенбруннер и другие руководители СС воспитывали тех, кто был опорой гитлеровского режима, — «юберменшней» — «сверхчеловеков», утверждавших господство на земле по единственному праву — праву силы, убивавших людей направо и налево то с равнодушием, то с садистским наслаждением и получавших особое, «высшее удовлетворение» от людских мучений. Другого смысла существования у блока смерти не было, весь режим, установленный здесь, служил этой цели.

С первыми проблесками рассвета в бараке раздавалась команда «подъем!», и плотная маcса людских тел, лежавших в несколько слоев друг на друге, разом приходила в движение. Узники вскакивали на ноги и стремглав бежали в умывальню, а на полу оставались те, кто умер за ночь.

Утренний «туалет» был первым издевательством. Каждый из узников успевал только подбежать к умывальнику, плюнуть себе в лицо горсть воды и потом вытереться рукавом или полой своей куртки. Пленного, который не сделал бы этого, ожидали жестокие побои. Но тех, кто хоть на секунду задерживался в умывальне, избивали еще более жестоко блоковой и три его помощника.

«Умывшись», пленные стремглав бежали во двор и выстраивались по сотням в тесном шестиметровом промежутке между стеной и домом около правого угла барака. Перед ними, закрывая небо, высилась гранитная стена и на загнутых кронштейнах тянулись ряды колючей проволоки под током. С двух деревянных вышек по углам, наведенные прямо на этот строй, чернели дула спаренных пулеметов и настороженно смотрели из-под железных касок глаза эсэсовцев. Продрогшие на морозном ветру, в худой одежонке, босые, с покерневшими от холода ногами, узники, стоя в строю, приплясывали на снегу или на обледенелых булыжниках. Живые скелеты, с острыми, до предела исхудавшими лицами, с телами, покрытыми струпьями, язвами, синяками, незаживающими ранами, эти люди знали, что для них начинается новый день мучений, который приблизит их еще на шаг к смерти, а для многих станет последним днем их жизни. Притопывая и припрыгивая, все время шевелясь уже привычными движениями, чтобы сохранить в себе последние калории жизненного тепла, они в то же время зорко поглядывали по сторонам, стараясь не прозевать появления эсэсовцев. А в это время штубендисты выволакивали во двор трупы и складывали их у противоположного угла барака под вышкой, складывали аккуратным штабелем, «для удобства подсчета». И сами узники напряженно считали эти

трупы. Они знали: если мертвцевов будет меньше десяти, то это означает, что «норма» не выполнена и эсэсовцы сегодня будут свирепствовать больше, чем обычно. Но, как правило, «норма» эта перевыполнялась, и каждый день из ворот блока смерти к крематорию выезжала либо ручная тележка, заставленная доверху трупами, либо наполненный мертвцевами грузовик.

Около часа проходило в ожидании. Потом из дверей, ведущих в общий лагерь, появлялся блок-фюрер — двадцатипятилетний садист-эсэсовец в сопровождении целой свиты подручных палачей. Узники застывали в строю неподвижно, с низко опущенными головами: им не разрешалось поднимать взгляда на фашистское начальство. Иногда вместо этого раздавалась команда «ложись!» и одновременно с одной из пулеметных вышек на строй пленных обрушивалась тугая струя ледяной воды из брандспойта, которая сбивала на землю тех, кто не успел упасть. Люди валялись ничком друг на друга, и мимо этого лежащего строя проходили эсэсовцы, сыпя удары дубинок, а иногда на выбор пристреливая людей. Затем раздавалась команда «встать!». И люди вскакивали на ноги, а тех, кто уже не мог подняться, оттаскивали к штабелю трупов.

После этого начиналась издевательская «зарядка», как называли ее эсэсовцы. Узников заставляли ползать по грязи или по снегу, бегать, ходить на корточках «гусиным шагом», порой по три-четыре километра вокруг барака. Того, кто не мог выдержать этого и сваливался, избивали до полусмерти или пристреливали. Штабель трупов непрерывно пополнялся, пока эсэсовцы не уставали и не уходили отдыхать. И тогда заключенные начинали свое излюбленное занятие — «игру в печку».

Кто-нибудь из узников отбегал в сторону и командовал: «Ко мне!» И тотчас же отовсюду к нему бросались люди, сбиваясь в плотную толпу, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы согреть товарища жалким теплом своего истощенного тела, прыгая и похлопывая соседа. Так продолжалось несколько минут, а потом кто-то из тех, кто оказался снаружи, отбегал, в свою очередь, в сторону и также кричал: «Ко мне!» Прежняя «печка» рассыпалась, и возникала новая. Таким образом люди, остававшиеся в прошлый раз снаружи и не успевшие получить свою порцию тепла, теперь оказывались в центре толпы и могли согреться телами товарищей. Эта «игра» была борьбой за оставающую в теле жизнь, за каждую калорию тепла. А потом появлялись те же эсэсовцы, и опять начиналась «зарядка».

В этом чередовании мучительных «упражнений», сопровождаемых избиениями и убийствами, с «игрой в печку» и

проходил весь день. Только поздно вечером пленным разрешалось войти в барак.

Кормили смертников не каждый день. Лишь раз в два-три дня в блок доставляли баланду. Как правило, ее варили из гнилой нечищеной брюквы, чтобы вызвать желудочные заболевания у пленных. Летом, в жаркие июльские и августовские дни 1944 года, эсэсовцы придумали другое мучение. Баланду, которую доставляли в блок смерти, солили до тех пор, пока соль уже не могла больше растворяться в этом жидким супе. А когда узники съедали свою порцию, в блоке перекрывали водопровод. Находясь целый день на палящем солнце, смертники испытывали невыносимые муки, у них пересыхали рты, распухали языки, и многие сходили с ума, не выдержав этой пытки жаждой.

Сама раздача баланды обычно тоже сопровождалась побоями и издевательствами. После того как блоковой наливал каждому из узников понемногу этого мутного супа в консервную банку и люди, стоя в строю, с жадностью съедали свою порцию, все с нетерпением ждали возможной добавки. Блоковой нарочно неопределенно указывал на какую-то часть строя, и оттуда десятка два узников тотчас же бросались к нему, протягивая свои консервные банки, толкаясь и оттесняя один другого. Это и нужно было блоковому. Одного он с силой ударял черпаком по голове, другому доставалось несколько ударов тяжелой дубинкой, третьего он бил ногой в живот, а четвертому и в самом деле плескал немного супа. А за «представлением» с одной из пулеметных вышек обычно наблюдали блок-фюрер и его свита.

Каждый день не меньше десяти трупов вывозили из блока смерти в лагерный крематорий. Но эсэсовцам было мало тех, кто умирал за ночь, или тех, кого они убивали во время ежедневных «зарядок». Время от времени они уничтожали узников этого блока целыми партиями. Нередко из строя вызывали специалистов каких-нибудь профессий — портных, штукатуров, слесарей — под предлогом отправления их на работу, и, как только доверчивые выходили, их в окружении конвоя вели прямо к крематорию и там расстреливали и сжигали. Именно так погиб товарищ Виктора Украинцева, одновременно с ним попавший в лагерь, москвич лейтенант Константин Румянцев, которого старожилы блока не успели предупредить об этой уловке эсэсовцев: он вышел вместе с несколькими другими, когда из строя вызывали сапожников, и в этот же день был уничтожен около крематория. А иногда эсэсовцы просто врывались в барак среди ночи, вызывали по номерам десятка два или три пленных и уводили на казнь. По нескольку человек убивал каждый день и блоковой. Он отмечал узников, чём-

нибудь не угодивших ему, записывал их номера, и это означало, что в ближайшие два-три дня он подстережет человека и либо убьет его наповал ударом своей дубинки, либо сбросит в канализационный колодец, откуда на следующее утро штубендисты извлекут труп баграми. К этим жертвам добавлялись еще люди, которых убивали ежедневно помощники блокового — Адам, Володька и Мишка-татарин.

Блок смерти, эта человеческая бойня, был самым «высоко-продуктивным» цехом фабрики смерти Маутхаузен. За вторую половину 1944 года здесь было убито больше 6 тысяч человек. К новому, 1945 году в двадцатом блоке оставалось всего около 800 узников. За исключением 5—6 югославов и нескольких поляков, участников Варшавского восстания, недавно доставленных в блок, все узники были советскими людьми, преимущественно офицерами. Хотя каждый из них внешне лишь отдаленно походил на человека, все они оставались русскими, советскими людьми по своему характеру и не только жили, не только героически переносили все страдания, которые выпали на их долю, но и мечтали о борьбе, о том, что наступит день, когда они сведут счеты со своими палачами. Некоторые из них, наиболее сильные, провели здесь, в блоке смерти, уже по нескольку месяцев, и мысль о том, чтобы дать бой врагам, никогда не оставляла их.

У кого и когда впервые возникла идея массового побега, мы не знаем. Известно, что главными организаторами и руководителями подготовки к восстанию стали Николай Власов, Александр Исупов, Кирилл Чубченков и какие-то другие командиры, чьи имена, к сожалению, не сохранились в памяти тех, кто остался в живых. Говорят, что все детали будущего восстания этот подпольный штаб обсуждал во время «печек», когда удавалось незаметно от блокового и его помощников, зорко следивших за узниками, обменяться несколькими фразами, если заранее устроить так, что вокруг тебя будут самые надежные люди, которым стоит доверять, — ведь не исключена была возможность провокации со стороны кого-нибудь из узников.

Неизвестно каким образом, но этому штабу удалось установить связь с Интернациональным подпольным комитетом общего лагеря. Видимо, удавалось иногда перебросить через стену записку или отослать ее каким-нибудь другим способом. Бывший узник Маутхаузена венгерский писатель Йожеф Надаш, содержащийся в соседнем, девятнадцатом блоке, говорит, что смертники пересыпали порой записки, спрятав их под трупами на тележке, которую вывозили к крематорию. Возможно, в команде, которая обслуживала печи, были люди, связанные

с Интернациональным подпольным комитетом и передававшие эти записки по назначению.

Первая трудность в подготовке восстания заключалась в том, что узники блока смерти, никогда не покидавшие своего двора, не знали, какие из четырех стен ограды им надо штурмовать и что ждет их за этими стенами, — окрестности лагеря были им неизвестны. Зато узники общего лагеря хорошо знали окрестности: их каждый день водили на работы. Судя по всему, смертникам удалось послать в общий лагерь просьбу о присыпке плана местности вокруг Маутхаузена. И Интернациональный комитет сумел выполнить эту просьбу.

Летчика Ивана Битюкова доставили в Маутхаузен в первых числах января. Он прошел через обычное избиение и пытки в «политабтайлунге» и через ледяной душ. Но когда лагерный парикмахер, чех по национальности, простриг ему на голове дорожку, два эсэсовца, сопровождавшие смертника, на минуту отлучились из комнаты. И тогда парикмахер, накнувшись к уху Битюкова, прошептал:

— Передай там, в двадцатом... Надо скрее бежать... Вас всех собираются скоро уничтожить... Они просили план лагеря... Мы пошлем его... Ищите на днищах бачков, когда вам приносят баланду.

В это время эсэсовцы вернулись, и больше ничего парикмахер не успел сказать.

В самом деле, узникам блока смерти надо было торопиться. Фронт постепенно приближался к Австрии и с востока и с запада, и было ясно, что, как только возникнет непосредственная опасность освобождения Маутхаузена, эсэсовцы, может быть, постараются уничтожить всех пленных, содержащихся в лагере, но уж конечно в первую очередь смертников двадцатого блока. Вероятно, Власов, Исупов и их товарищи по подпольному штабу понимали, что восстание следует осуществить как можно скорее.

Когда Иван Битюков попал в блок смерти, он увидел здесь немало летчиков, с которыми его сводила судьба в других гитлеровских лагерях, где ему довелось побывать до этого, и даже встретил одного своего друга и прежнего сослуживца, капитана Геннадия Мордовцева. Он передал Мордовцеву все сказанное чехом-парикмахером, а тот сообщил эту новость руководителям подпольного штаба и взялся сам добыть план. С тех пор каждый раз, как только во время раздачи баланды блоковой предлагал добавку, Мордовцев в числе первых бросался к нему, нарочно устраивая свалку, стараясь получить удар, от которого он падал на землю и, лежа, быстро и незаметно обшаривал днища бачков. Дважды он проделывал это, но безуспешно, и только на третий раз ему удалось нащупать какой-то шарик,

прилепленный к дну бачка. Он отколупнул его и быстро сунул в рот. Но хотя блоковой не видел этого, он все же взял на заметку пленного, который так настойчиво лез за добавкой. Товарищи видели, как он записал номер Гениадия Мордовцева, когда тот побежал к строю. Это означало, что летчик будет в ближайшие дни уничтожен.

Когда вечером узников загнали в барак, Геннадий Мордовцев передал Власову и Исупову этот шарик, внутри которого находился маленький листок папиронной бумаги с планом окрестностей лагеря. Но в тот же вечер, когда Мордовцев был вблизи канализационного колодца, блоковой, незаметно подкравшись к нему, одним ударом сбросил его туда, вниз. Так погиб смелый летчик, ценой своей жизни добывший товарищам возможность осуществить их дерзкое предприятие.

Казалось, как могли помышлять о восстании эти люди, истощенные, обессиленные, полуживые, безоружные и беззащитные перед властью своих палачей? Как могли они мечтать о штурме трехметровой гранитной стены, гребень которой был защищен колючей проволокой под током высокого напряжения? Что могли они противопоставить спаренным пулеметам, всегда наведенным на них с вышек? Чем они станут сражаться с вооруженной до зубов эсэсовской охраной лагеря, которая будет поднята на ноги при первых выстрелах? Поистине всякому здравомыслящему человеку должно было показаться, что эта затея обречена на провал.

Три важных человеческих качества могли обеспечить успех отчаянно дерзкому замыслу узников блока смерти: изобретательность, организованность и смелость. И мы можем сказать, что эти люди проявили чудеса изобретательности, показали железную организованность и беспредельную смелость.

Как это ни удивительно, они нашли оружие, вернее, то, что могло заменить его. Узникам предстояло вооружиться булыжниками, вывороченными из мостовой дворца, кусками угля, которые лежали в комнате блокового, кусками хранившегося там же эраца-мыла, деревянными колодками со своих ног и обломками цементных умывальников — их предполагалось разбить перед побегом. Дождь этих камней и обломков должен был обрушиться на пулеметные вышки. Но самым важным оружием, которое оказалось в распоряжении смертников, были два огнетушителя, висевшие в жилых помещениях барака. К каждому из огнетушителей прикрепили по три человека, самых сильных, вернее, наименее истощенных. Они должны были подбежать к основанию вышки, привести огнетушитель в действие и направить струю пены в лицо эсэсовским пулеметчикам, чтобы помешать им вести огонь и дать возможность штурмовой группе забраться на вышку и овладеть пуле-

метом. А для того чтобы подойти незаметно к пулеметчикам, решено было перед восстанием начать рыть подкоп из барака к основанию вышки.

Колючую проволоку под током надеялись преодолеть с помощью одеял, находившихся в комнате блокового. Эти одеяла должны были набросить на проволоку и потом замкнуть ее хотя бы тяжестью собственных тел.

Самого блокового необходимо было уничтожить. Его телохранителей-голландцев решили не убивать, а только связать их и заткнуть им рты. Узники югославы и поляки, когда им сказали о готовящемся восстании, в один голос ответили: «Мы с вами, русские братья!» Сложнее обстояло дело со штубендинстами. В их числе были всякие люди, и они могли оказаться серьезным препятствием, тем более что подготовка к восстанию в последний вечер должна была проводиться открыто, на их глазах.

Но ведь штубендинсты были такими же смертниками, как и остальные, и понимали, что гитлеровцы уничтожат их вместе со всеми или, в лучшем случае, в последнюю очередь. Восстание давало им единственную возможность спасти свою жизнь. Подпольный штаб решил в открытую поговорить с ними и предложить им участвовать в побеге.

Этот щекотливый разговор поручили провести летчику майору Леонову. Он был назначен старшим той сотни, в которой на поверках строились штубендинсты, и формально считался как бы их начальником, хотя и был таким же узником, как и прочие, и никогда не позволил себе никаких действий, направленных против товарищей по несчастью. Улучив момент, он провел этот разговор, и Мишка-татарин, Адам и Володька и другие штубендинсты не только дали согласие участвовать в побеге, но и взяли на себя уничтожение блокового. У них не было другого выхода.

Восстание назначили на ночь с 28 на 29 января. Для того чтобы определить самый удобный час, было установлено ночные наблюдение за вышками сквозь щели в стенах барака. Выяснилось, что часовые у пулеметов сменяются ровно в полночь. Решено было начать восстание в час ночи — к этому времени сменившиеся эсэсовцы уже заснут; те, что останутся на вышках, успеют немного устать и промерзнуть, и бдительность их притупится, а следующая смена, которая должна заступить в два часа ночи, еще будет спать в казарме.

Восстание готовилось не только в организационном и материальном смысле. В эти дни проходила и его моральная подготовка, весьма своеобразная и необычная; велась своего рода политическая работа, внутренняя мобилизация людей перед их последним смертным боем.

Был среди узников блока смерти какой-то советский журналист. Никто из оставшихся в живых смертников не помнит его фамилии, все товарищи называли его по имени — Володей. Невысокий, черноволосый, в черных роговых очках, он был, пожалуй, самым образованным человеком здесь, в блоке. Говорят, до войны жил он в Ленинграде вместе со своей женой, учительницей, и там окончил исторический факультет университета. Но работал Володя в какой-то из газет, выходивших в торговом флоте. Передвойной он ушел в плавание на одном из наших судов и 22 июня оказался в немецком порту. Вместе со всем экипажем он был интернирован, заключен в крепость, откуда бежал, и в конце концов был приговорен к смерти и послан сюда, в двадцатый блок. Он-то и стал своеобразным комиссаром восстания.

Перед Новым годом, выбрав момент, когда блоковой находился в благодушном настроении, Володя уговорил его разрешить по вечерам рассказывать своим товарищам содержание когда-то прочитанных им книг. С тех пор каждый вечер в переполненном бараке часами раздавался его спокойный негромкий голос. Володя помнил чуть ли не наизусть множество книг и был великолепным рассказчиком. Видимо, не без умысла он всегда выбирал книги героического содержания, которые рассказывали о подвигах, о том, как люди побеждали, казалось бы, неодолимые трудности. Он пересказывал Дюма и Джека Лондона, «Овод» и «Как закалялась сталь». Оставшимся в живых участникам восстания особенно запомнилась одна история, которую Володя рассказывал несколько вечеров подряд. Это был рассказ о группе русских моряков, попавших в немецкий плен, заключенных в какую-то крепость и совершивших успешный побег оттуда. И хотя Володя из осторожности делал вид, что он читал об этом, все, кто слушал его, понимали, что речь идет о событиях Великой Отечественной войны и что либо журналист сам пережил эти события, либо узнал о них от кого-то. Историю эту слушали с захватывающим вниманием — она была прямой параллелью событий, готовившихся в блоке смерти, и ее удачный исход внушал узникам надежду на успех их отчаянного замысла. В последние же вечера перед побегом, тоже умело притворяясь, что речь идет о прочитанной книге, Володя по поручению штаба подробно рассказал узникам, как будет проходить их восстание и что должен делать каждый из них. Это был инструктаж, ловко облеченный в форму литературного произведения.

Все было готово, как вдруг произошло поистине роковое событие. До сих пор неизвестно, было ли оно результатом предательства или просто трагическим совпадением. В ночь на 25 или 26 января, за два или три дня до восстания, в барак

неожиданно нагрянули эсэсовцы. Старший из них громко выкрикнул 25 номеров, и 25 узников один за другим покидали барак, выходя во двор. Среди вызванных оказались главные руководители восстания — Николай Власов, Александр Исупов, Кирилл Чубченков и другие. Их увели, и на другой день стало известно, что они уничтожены в крематории.

Это было тяжелым ударом для всех. Казалось, что теперь восстание парализовано. Но этого не случилось. Другие люди, имен которых мы не знаем, встали на место погибших и стали руководителями готовившегося побега. Рассказывают, что одним из них был майор Леонов. Подготовка продолжалась своим чередом, но восстание пришлось отложить на несколько дней. Оно было назначено теперь на ночь со 2 на 3 февраля.

И вот она наконец наступала, эта долгожданная ночь. Вечером, как только узников загнали в барак и эсэсовская охрана ушла, был уничтожен блоковой. Штубендисты вызвали его под каким-то предлогом в коридор, один из узников накинул ему на голову одеяло, заранее выкраденное из его комнаты, и Мишка-татарин заколол своего шефа ножом. Связали обоих голландцев, и они в ожидании решения своей участи лежали на полу с кляпами во рту. Командиры сформировали четыре штурмовые группы: три — для захвата пулеметных вышек и одну — чтобы отразить атаку эсэсовцев со стороны общего лагеря. Люди вооружались камнями, кусками угля, колодками, расхватывали эрзац-мыло, разбивали цементные умывальники. Специальная команда начала рыть в углу барака подкоп в сторону пулеметной вышки. Впрочем, эту работу пришлось вскоре прекратить: грунт оказался очень твердым, каменистым, и стало ясно, что без инструментов выкопать подземный ход до часа ночи будет просто невозможно. Решено было штурмовать пулеметные вышки в открытую, выпрыгивая из окон барака.

Около сотни узников не могли принять участия в побеге: они уже были не в состоянии ходить, большинству из них оставалось жить два-три дня. Со слезами на глазах эти люди провожали своих товарищей в последний бой, просили рассказать на Родине об их гибели, передать родной земле их прощальный привет. Они знали, что их сразу же уничтожат после побега, но хотели хоть чем-нибудь быть полезными друзьям в этот решительный час и отдали им последнее имущество, которое было у них, — свои колодки и свою одежду, оставшись совершенно голыми. Половину этой одежды, как и половину одеял, хранившихся в комнате блокового, оставили, чтобы набросить на колючую проволоку под током. Другую половину пустили на тряпки — ими участники восстания обматывали свои босые ноги: ведь им предстояло бежать по снегу.

Наступила полночь, на вышках сменились пулеметчики. Все было готово, и в ожидании назначенного часа нервы людей были напряжены до крайности. Каждый со страхом думал об одном: не придут ли сейчас в блок эсэсовцы за очередной партией жертв? Это было бы катастрофой — гитлеровцы успели бы поднять тревогу до качала восстания. К счастью, этого не случилось.

Без десяти час штурмовые группы заняли свои места у окон барака, готовые рвануться вперед по первому сигналу. Из комнаты блокового принесли стол, и на него поднялся один из руководителей восстания, уже пожилой полковник или генерал интендантской службы с белым пятном седины на коротко остриженных волосах. Медленно обвел он взглядом напряженные, сурово нахмуренные лица узников, умирающих, которые голыми лежали на полу, подняв к нему внимательные лица.

— Дорогие товарищи и братья! — взволнованно сказал он. — Я не имею никаких полномочий от нашего командования и Советского правительства, но я беру на себя смелость от их имени поблагодарить всех вас за то, что вы вынесли здесь, в этом аду, оставаясь настоящими советскими людьми. Вы не уронили чести и достоинства гражданина Советского Союза и солдата нашей великой армии. Теперь нам с вами остается выполнить до конца долг солдата и сразиться с врагом в последнем смертном бою. Многие из нас погибнут в этом бою, может быть почти все, но будем надеяться, что некоторым удастся уцелеть и вернуться на Родину. Давайте же торжественно поклянемся сейчас друг перед другом своей судьбой, жизнями замученных здесь друзей, поклянемся, что тот, кому выпадет счастливая судьба вернуться домой, расскажет людям, что творилось здесь, в блоке смерти, о гибели наших братьев, о наших страданиях и борьбе. Пусть они сделают это во имя полной гибели фашизма, для того чтобы никогда больше на земле не повторялось таких ужасов. И пусть будет проклят тот, кто не сделает этого! Клянемся, товарищи!

И в бараке торжественно, глухо и грозно прозвучало это слово, повторенное всеми:

— Клянемся!

— А теперь попрощайтесь друг с другом и обменяйтесь адресами, — сказал полковник и спустился со стола.

Несколько минут в помещении слышались только приглушенные рыдания обнимающихся в последний раз людей и торопливо повторяемые вполголоса адреса и фамилии. Потом раздалась команда: «Приготовиться!» Все снова на минуту пришло в движение, и опять наступила тишина. Люди стояли на местах, напрягшись, затаив дыхание, готовые к броску.

— Вперед! За Родину! — громко грянул приказ.

Мгновенно распахнулись настежь все окна барака, и толпа узников хлынула во двор, прямо под слепящий свет прожекторов. С одной из вышек торопливо стрекотнул пулемет — эсэсовцы заметили штурмующих. И тотчас же над блоком смерти загремело многоголосое яростное русское «ура!» — узникам уже не к чему было скрываться, начинался их последний, решительный бой.

Теперь по толпе атакующих были все три пулемета. Но уже обрушился на вышки дождь камней, кусков угля, колодок, погасли разбитые прожекторы и пенные струи из огнетушителей ударили в лица пулеметчикам, мешая им вести огонь.

Видимо, один из камней попал в цель: пулемет на средней вышке захлебнулся и смолк. И сразу же, подсаживая друг друга, на площадку вышки вскарабкались узники из штурмовой группы. Минуту спустя этот пулемет начал бить по другим вышкам, заставляя эсэсовцев прекратить огонь.

А пока шел бой около вышек, длинная шеренга узников, пригнувшись, выстроилась у основания наружной стены. На плечи к ним карабкались другие и, набросив на проволоку под током одеяла и куртки, повисали на ней.

Кое-где люди, охваченные горячим порывом, замыкали эту проволоку своим телом, а по ним дальше, вперед лезли их товарищи. Наконец кронштейны не выдержали тяжести и согнулись. Проволока замкнулась, блеснул яркий электрический разряд, и свет во всем лагере погас. В темноте тревожно выли лагерные сирены, из-за стены доносились крики эсэсовцев и автоматные очереди, и пулеметы всех вышек Маутхаузена наугад били в сторону блока смерти.

Двор блока был усеян трупами, мертвые тела висели на проволоке, лежали на гребне стены, но уже сотни узников, подсаживая один другого, втягивая товарищей наверх, взирались на эту стену и спрыгивали по ту сторону ее.

Там оказались новые препятствия — ров с ледяной водой, а за ним высокий забор из колючей проволоки. Но ничто не могло остановить смертников, вырвавшихся из самого ада, увидевших перед собой свободу. Снова в ход пошли одеяла и куртки, и через несколько минут в проволочном заборе зияла широкая брешь. Выливаясь через эту брешь, сотни узников оказывались вне пределов лагеря, на широком заснеженном поле и, разбиваясь тут же на группы, как было заранее установлено, уходили в разных направлениях, чтобы затруднить преследование эсэсовцам. А из ворот лагеря уже выбегали охранники с собаками, выезжали мотоциклы, освещая фарами поле, по которому, местами увязая по колено в снегу, выбиваясь из сил, бежали люди.

Самая большая группа направлялась к видневшемуся вдали лесу. Но при свете луны погоня стала настигать ее, и очереди автоматов слышались все ближе. Тогда несколько десятков человек отделились от этой группы и повернули назад. Они запели «Интернационал» и пошли прямо навстречу эсэсовцам, чтобы вступить с ними в последний бой, погибнуть и ценою своей жизни дать возможность товарищам выиграть несколько минут и достигнуть спасительного леса.

Другая группа, под командованием полковника Григория Заболотняка, бежала в сторону Дуная. В нескольких километрах от лагеря узники наткнулись на зенитную батарею немцев. Им удалось бесшумно снять часового. Потом они ворвались в землянки, где спала орудийная прислуга, голыми руками передушили артиллеристов, захватили их оружие, пушки и даже грузовик, стоявший тут же. По приказу Заболотняка на машину погрузили раненых и тех, кто выбился из сил, и группа продолжала двигаться дальше вдоль берега реки. Но уже подходили вызванные по тревоге из Линца колонны моторизованной пехоты, и эта группа погибла в неравном бою. Из всей группы остался в живых только один человек — молодой Иван Сердюк, тот самый Лисичка, который попал в блок смерти из-за своего любопытства. На его руках скончался тяжело раненный командир группы полковник Григорий Заболотняк, который успел перед смертью сказать Сердюку, что его семья живет в сибирском городе Канске.

За ночь вырвавшиеся из лагеря узники разбежались по окрестностям Маутхаузена. Но, к сожалению, в этом районе мало лесов и довольно густо разбросаны села и хутора. Беглецы прятались в сараях и на чердаках домов, в скотных дворах и в скирдах соломы, стоявших во дворах или на поле. Однако почти все эти убежища оказались ненадежными. Гитлеровцы приняли энергичные меры, для того чтобы выловить бежавших.

На поиски были брошены эсэсовцы с собаками. Из Линца и других близлежащих городов были вызваны войска, и густые цепи солдат с утра прочесывали местность, осматривая каждую яму или куст, обыскивая каждый дом и сарай, протыкая острыми железными прутьями каждую скирду соломы. Была поднята на ноги местная полиция, прекратились занятия в школах, и радио Вены и Линца все время передавало обращения к населению, в которых говорилось, что из концлагеря Маутхаузен бежала большая группа опасных бандитов и что за каждого пойманного будет выдана награда, а всякая попыткаказать ему помочь карается смертной казнью.

Смертников вылавливали одного за другим. Одних убивали на месте или привязывали ногами к машине и волокли к ла-

герному крематорию, других собирали группами и вели в лагерь, расстреливая около крематория. Третьи — и таких, говорят, было большинство — не давались живыми своим палачам и в отчаянном порыве кидались на них с голыми руками.

Уже значительно позднее, 5 мая 1945 года, когда восставшие узники Маутхаузена овладели лагерем, среди захваченных ими в плен охранников оказался один эсэсовец, участвовавший в февральских облавах на бежавших смертников. Он рассказал, что, когда беглецов обнаруживали, они обычно не сдавались живыми, а бросались душить эсэсовцев, впивались им в горло зубами и нередко успевали перед смертью убить одного из палачей. По его словам, во время этих облав эсэсовская охрана лагеря потеряла больше двадцати человек. Это не считая потерь местной полиции и войск, которые участвовали в облавах. А кроме того, сюда следует прибавить и другие потери. Говорят, что по приказу Гиммлера некоторые эсэсовцы из охраны блока смерти были расстреляны за то, что они допустили восстание и побег.

Больше недели продолжались эти облавы, с каждым днем росли штабеля трупов около крематория, и в конце концов эсэсовцы объявили о том, что «счет сошелся». Теперь мы знаем, что они лгали: часть узников так и не удалось найти.

Как же это случилось?

Виктор Украинцев, который во время штурма был в составе тройки, действовавшей огнетушителями, вырвавшись за стену и за проволоку, оказался вместе с одним из своих товарищей, Иваном Битюковым. Несколько часов они пробирались в темноте, уходя все дальше от лагеря, и наконец оказались на окраине небольшого австрийского mestечка Гольцляйтен, около усадьбы бургомистра, ярого гитлеровца. Они пробрались в сарай этой усадьбы и там наткнулись на спящих людей, которые, проснувшись, не подняли тревоги, видя перед собой страшных, оборванных, измученных беглецов. Эти люди, спавшие в сарае, были батраки господина бургомистра, увезенные из своих родных мест на гитлеровскую каторгу, — советские граждане Василий Логоватовский и Леонид Шашеро и с ними поляк Метык. Они сразу поняли, что пришли узники, бежавшие из Маутхаузена. Первым делом они накормили их вареной картошкой, приготовленной для скота, а потом, посоветовавшись, решили спрятать смертников на чердаке дома бургомистра: было мало шансов, чтобы эсэсовцы стали искать там. Батраки знали, что их убьют, если узники будут обнаружены. Но они смело пошли на этот риск. И господин бургомистр Гольцляйтена, принявший самое активное участие в поимке бежавших и даже ежедневно выезжавший на облавы, вовсе не подозревал, что, когда он поздно ночью возвращался домой и ложился

спать, над самой его кроватью, на чердаке, под кучей заготовленного на зиму клевера, скрываются двое из тех, кого он искал с таким рвением.

Две недели трое батраков прятали Украинцева и Битюкова, кормили их, воруя продукты у бургомистра, урезая для них свою скучную порцию еды, получаемой от хозяев. Потом, когда в округе все успокоилось, они достали беглецам гражданскую одежду, и однажды ночью, распростиившись со своими спасителями, Украинцев и Битюков двинулись на восток.

Вскоре судьба разлучила их — однажды они попали в немецкую засаду. Украинцева поймали, но он, зная язык, назвался поляком Яном Грушницким, стойко вынес все избиения и пытки на допросах и в конце концов снова попал в Маутхаузен, но уже в общий лагерь, в польский блок. Здесь он дожил до освобождения 5 мая 1945 года и только после этого признался товарищам, что он один из спасшихся беглецов блока смерти. А Иван Битюков в одиночку еще долго шел на восток и уже на земле Чехословакии встретил наступающие советские войска.

Также вдвоем спаслись лейтенанты Иван Бакланов и Владимир Соседко. Им посчастливилось уйти далеко от лагеря, и они скрывались в лесах на протяжении нескольких месяцев, добывая себе пищу ночными рейдами в ближайшие деревни. Они боялись выходить из своего надежного убежища и только 10 мая узнали, что фашистская Германия разгромлена.

Владимиру Шепете удалось тоже несколько дней скрываться в окрестностях лагеря, достать гражданскую одежду, но в дальнейшем он все же был пойман гитлеровцами и, назвавшись вымышленным именем, попал в другой лагерь для советских военнопленных. Александр Михеенков был единственным уцелевшим из группы полковника Макарова. Остальных узников из этой группы переловили, а Михеенкову удалось скрыться в сарае для скота во дворе одного из австрийских крестьян. Он залег под стог старой соломы и выкопал себе под ним глубокую нору. Это спасло его: и хозяин и приходившие несколько раз эсэсовцы проникали этот стог со всех сторон железными прутьями, но не могли нащупать беглеца. Дней десять он отсиживался в этом убежище, а потом двинулся на восток, перешел чехословацкую границу и до конца войны скрывался в доме приютившего его чешского патриота Вацлава Швеца.

Все они, возвратившись на Родину, никогда не забывали о клятве, которую вместе с товарищами дали, отправляясь в свой последний бой, — рассказать людям о том, что творилось в блоке смерти, о страданиях, борьбе и гибели своих товарищей. Но еще долго рассказы и воспоминания бывших узников оставались лишь достоянием их близких и друзей, — как

известно, в то время у нас бытовало несправедливое, предвзятое отношение к людям, вернувшимся из гитлеровского плена. Только в последние годы, услышав мое выступление по радио, прочитав в газетах статьи Б. Сахарова, Ю. Королькова, А. Юрковой, уцелевшие герои восстания в блоке смерти отзвались один за другим.

Впервые бывшие товарищи по блоку смерти встретились в 1960 году в Новочеркасске. Туда повидаться с Виктором Украинцевым приехали Иван Битюков и Владимир Шепетя, Иван Бакланов и Владимир Соседко. Здесь произошла не только встреча героев блока смерти, но и первое послевоенное свидание Украинцева и Битюкова со своими спасителями — бывшими батраками бургомистра местечка Гольцляйтен шофером из города Клинцы Брянской области Василием Логоватовским и мастером Брянского машиностроительного завода Леонидом Шашеро. А два года спустя, осенью 1962 года, бывшие узники блока смерти съехались в Москву. Теперь им представилась возможность выполнить клятву, данную своим товарищам; они выступили перед миллионами людей в передаче Московского телевидения. Тогда же их принял заместитель министра обороны Союза ССР Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков. А в Советском комитете ветеранов войны состоялась волнующая встреча героев легендарного восстания с бывшими узниками общего лагеря Маутхаузен. Люди, прошедшие через ад страшного лагеря смерти, смотрели сейчас с удивлением и восхищением на тех, кто сумел вырваться из самых глубин этого ада.

Мы знаем сейчас семерых уцелевших после восстания узников блока смерти. Но можно с уверенностью сказать, что должны отыскаться и некоторые другие. Говорят, что тот самый эсэсовец, который был захвачен во время майского восстания и рассказал о своем участии в облавах на бежавших смертников, сообщил, будто в штабелях трупов около крематория тогда недосчитались около двадцати человек. Нет, счет далеко «не сошелся»; эсэсовцы объявили об этом только для устрашения остальных узников. По слухам, остался в живых один из руководителей восстания, майор Леонов. Совершенно точно известно, что уцелел после побега бывший лейтенант Михаил Иханов, тот самый Мишка-татарин, который был подручным палача блокового. Может быть, до сих пор ходит он по советской земле или скрывается где-нибудь за границей.

О каких-то двух тогда еще неизвестных нам узниках блока смерти, спасшихся после восстания, рассказала в своем письме Лидия Мосолова из города Гомеля в Белоруссии. Угнанная из родных мест гитлеровцами, она батрачила у австрийца в селе Швертберг, в 7 километрах от Маутхаузена. Около четырех

часов утра 3 февраля жители Швертберга были разбужены шумом мотоциклов и выкриками, раздававшимися на улицах села. Прибыла целая колонна эсэсовских мотоциклистов, которые начали обыскивать все дома и сараи. Уже после обыска хозяйка сказала своим батрачкам, что из лагеря Маутхаузен сбежали 500 большевистских комиссаров, приговоренных к смерти, и теперь их повсюду разыскивают. Все утро в окрестностях села слышались выстрелы и лай собак. Часов в десять или одиннадцать по улице провели большую группу пойманных беглецов — человек шестьдесят — семьдесят, окруженную плотным кольцом эсэсовцев. «Это было страшное зрелище,— писала Лидия Мосолова. — Одни скелеты, покрытые кожей, одетые в полосатые куртки и брюки, а на ноги их нельзя было смотреть. И они не шли, а брели еле-еле».

Как рассказывала Лидия Мосолова, и она и ее хозяйка не могли удержаться от слез при виде этих людей. А стоявший рядом с ними хозяин вдруг со страхом в голосе сказал:

— Мы пропали!

Его жена испуганно спросила:

— Почему?

И он ответил:

— Ведь сюда придут русские. Разве можно простить такое злодейство?

Всю эту группу вывели на площадь и там расстреляли. А потом трупы расстрелянных увезли в лагерь.

Долго еще в округе говорили об этом побеге, но постепенно все толки улеглись, и лишь в мае 1945 года, когда в эти места пришли американские войска, стало известно, что на хуторе Винден, в двух километрах от Швертберга, все это время скрывались двое беглецов из блока смерти. Как сообщила Л. Мосолова, их спрятал в своем доме старик крестьянин, у которого три сына были в гитлеровской армии. Когда двое беглецов появились в его дворе, он и его жена повели их на чердак своего дома и там спрятали. Как раз в это время в доме, говорят, гостил сын, служивший в армии и приехавший к отцу в отпуск. Быть может, поэтому эсэсовцы, охотившиеся за беглецами, не осмотрели достаточно внимательно этот дом. И до самого освобождения, в течение нескольких месяцев, эти старики скрывали и кормили своих тайных постояльцев. Лидия Мосолова писала, что 10 мая 1945 года она сама беседовала с одним из этих беглецов как раз накануне его отъезда на Родину. И она помнила, что его звали Николаем, а его товарища — Михаилом. Она указывала, что, может быть, более подробные сведения об этих двух участниках восстания и побега могут дать жители села Широкое Днепропетровской области, которые работали батраками на хуторе Винден.

Я надеялся когда-нибудь побывать в Австрии и съездить тогда на этот хутор. Но случилось так, что меня опередили. В 1963 году один из сотрудников нашего посольства в Австрии приехал по делам в район Маутхаузена и там встретился с местным жителем — предпринимателем Алоизом Лангталером. В разговоре тот упомянул случай на хуторе Винден и сказал, что спасителями двух смертников были его отец и мать. Сотрудник посольства, заинтересовавшись этим, поехал в Винден и побывал в семье крестьянина Лангталера, по-прежнему живущей сейчас в своем старом доме. Иоганн Лангталер и его жена Мария рассказали ему все подробности этой истории и назвали записанные у них фамилии двух спасенных ими героев блока смерти. Их звали Михаилом Рыбчинским и Николаем Цемкало. Позднее удалось найти обоих. Рыбчинский живет и работает в Киеве, Цемкало — в Луганске. Сейчас оба товарища по побегу установили связь и между собой и со своими спасителями — семьей Лангталер.

А в 1964 году Рыбчинский и Цемкало побывали в Австрии и гостили несколько дней у своих вторых родителей — Иоганна и Марии Лангталер.

Словом, сейчас мы уже знаем девятерых из тех двадцати, которых, как говорят, не хватило эсэсовцам, пересчитывавшим казненных смертников у лагерного крематория. Будем надеяться, что найдутся и другие.

Поиски продолжаются. Уже найдены семьи некоторых погибших организаторов и руководителей восстания в блоке смерти. Под Москвой, в Люберцах, живет мать погибшего Героя Советского Союза подполковника Николая Власова. В Казани находится жена полковника Александра Исупова. В Москве и в Ростове живут братья Кирилла Чубченкова, тоже полковники, как и погибший герой. Нашлись семьи Геннадия Мордовцева, бывшего сержанта милиции из Красноярского края Александра Татарникова, который вел огонь из захваченного пулемета на вышке; отыскались родные других участников восстания.

Подвиг героев блока смерти, с такой силой и полнотой выразивший высокие душевые качества нашего человека, овеянный таким возвышающим душу трагическим героизмом, входит сейчас в историю Великой Отечественной войны как одна из тех ее страниц, что навсегда останутся особенно святыми и дорогими для сердца народа.

РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Сначала эту историю, удивительную как легенда, принесло мне письмо телезрителя и ветерана войны из далекого уральского городка. То был рассказ о девушке-танкистке Марусе Лагуновой, потерявшей в бою обе ноги, но сумевшей снова встать в строй Советской Армии, о девушке, которая по своей судьбе была как бы родной сестрой настоящего человека, Алексея Маресьева. Потом начались многомесячные поиски через телевидение, пока следы не привели сперва в столицу Урала Свердловск, а потом на Украину, в город Хмельницкий, где находится сейчас живая героиня этой истории Мария Ивановна Лагунова. И когда в моих руках собрались и свидетельства друзей и очевидцев, и воспоминания самой М. И. Лагуновой, выяснилось, как это нередко случается, что быть оказывается еще более необыкновенной, чем возникшая из нее легенда.

Впрочем, есть биографии, которые не нуждаются в комментариях, — они говорят сами за себя. Именно такова биография Марии Лагуновой.

Жизнь почти сразу обошлась неласково с девочкой, родившейся в 1921 году в далеком степном селе Окольничково Курганской области. Ей было четыре года, когда умерла мать, и в большую крестьянскую семью из 12 человек пришла мачеха, злая, как в народных сказках, и особенно невзлюбившая младшую падчерицу — Марусю. Дети, едва став подростками, разъезжались из дома, рано начинали самостоятельную жизнь. В 10 лет Марусю, к счастью, взяла к себе старшая сестра, работавшая на железной дороге в Свердловске.

В школу девочка ходила всего пять лет. Потом пришлось бросить учебу и идти в няньки, в домработницы, — заработка сестры не хватало. Шестнадцати лет Маруся пришла на свердловскую фабрику «Уралобувь». Сначала была чернорабочей, а в 1941 году, когда началась война, она уже работала дежурным электриком цеха.

Ушел на фронт старший и любимый брат Николай. Через несколько дней Маруся явилась в военкомат и просила послать

ее в армию. Ей ответили, что на фабрике тоже нужны люди. Но она была настойчива и пришла во второй, в третий раз... В конце концов военком сдался и послал ее учиться в школу военных трактористов в Челябинскую область. Зимой 1942 года она уже служила в батальоне аэродромного обслуживания на Волховском фронте, в нескольких километрах от передовых позиций.

Служба была тяжелой: порой она круглые сутки сидела за рычагами трактора, очищая аэродром от снега или доставляя бомбардировщикам горючее, боеприпасы. В батальоне были и другие девушки-трактористки, но Маруся Лагунова показала себя самой крепкой, выносливой, и ей приходилось выполнять наиболее трудные и ответственные задания. Перегрузка и постоянное недосыпание сказалось на ее здоровье, и осенью 1942 года сильнейшее воспаление легких на два месяца уложило ее в госпиталь. Оттуда она попала в запасный полк, где ее сделали киномехаником, не обращая внимания на настойчивые просьбы отправить на фронт.

В феврале 1943 года в полк приехал военный представитель с Урала — отбирать несколько сот человек на курсы танкистов: механиков-водителей, башнеров, радистов. Когда Маруся Лагунова пришла к нему, прося взять и ее, военпред только усмехнулся такой наивности.

— Что вы, девушка! — укоризненно сказал он. — Танкист — это чисто мужская профессия. Женщин в танки не берут, как и на военные корабли. Это уж закон.

Она ушла удрученная, но не примирившаяся с отказом. А на другой день почта принесла письмо от сестры с тяжелой вестью: смертью храбрых погиб на войне брат Николай. На это горе Маруся реагировала не только слезами — она села и написала письмо в Москву Михаилу Ивановичу Калинину. Через несколько дней военпред получил приказ принять Марию Лагунову в число курсантов. Ему оставалось только подчиниться.

Так среди 700 мужчин, будущих танкистов, приехавших в марте в город Нижний Тагил, оказалась одна девушка. Командование учебной танковой части сначала приняло это как чью-то неуместную шутку. Но когда выяснилось, что есть распоряжение из Москвы, а сама девушка всерьез желает стать механиком-водителем танка, командиры решили прибегнуть к уговорам.

— Поймите, это не девичья служба, — убеждали Лагунову в штабе части. — Займитесь лучше женским делом — идите работать в столовую или писарем в штаб. Хотите, устроим вас швеей в армейскую мастерскую. Будете жить среди девушек. А ведь тут вы одна, трудно станет.

Но она по-прежнему твердила, что хочет быть танкистом и идти на фронт, мстить врагу за смерть любимого брата. Тогда ей предложили поехать в другой город: там, мол, сейчас формируется добровольческий танковый корпус из уральцев. Маруся поняла, что это подвох — от нее просто хотят отделаться, и отказалась наотрез. Она знала — за ней приказ из Москвы, и, как ни крутият командиры, они должны будут его выполнить.

Так и вышло. Два дня спустя Лагунову вызвал командир батальона майор Хонин.

— Я с тобой, Маруся, буду говорить откровенно, — сказал он. — Ты у нас первая из женского пола, и мы просто в затруднении, как к тебе подходить, — служба трудная, требования к курсантам большие. Смотри уж, не подводи в учебе. А окончишь курсы, там будет видно, что с тобой делать. Пока что разрешаю тебе не ходить в наряды.

Девушка даже покраснела от досады. Она ответила, что и в наряды будет ходить и всю службу нести наравне с мужчинами.

— Никаких исключений я не принимаю, — решительно заявила она. — А окончу курсы — отправляйте на фронт, в тылу я не останусь.

Единственным исключением для нее стала маленькая каморка, которую ей отвели в расположении части. Во всем остальном она была таким же курсантом, как и мужчины, и зорко следила, чтобы ей не делали ни малейших поблажек.

Программа курсов была рассчитана на четыре месяца, но танкистов требовал фронт: надвигались события на Курской дуге. Уже в июне лучшим курсантам предложили сдавать экзамены досрочно. Лагунова настояла, чтобы ее включили в число выпускников.

Технику она сдала на «хорошо», вождение танка — на «отлично». Как ни уговаривали ее остаться в полку инструктором, она не согласилась.

Танкисты приняли на заводе машины и погрузили их на платформы. Перед отправкой на фронт в заводском дворе состоялся совместный митинг рабочих и танкистов. И Маруся Лагунова, стоя в толпе, то и дело краснела: с трибуны говорили о ее настойчивости, упорстве, требовательности к себе и называли ее под аплодисменты собравшихся гордостью полка.

Но впереди еще было немало испытаний. Когда танкисты прибыли на фронт и вошли в состав 56-й гвардейской танковой бригады, командование, узнав, что на одной из машин механик-водитель девушка, отнеслось к этому как к досадной нелепости.

Впрочем, об этом хорошо рассказывает в своем письме сам бывший командир бригады гвардии полковник в отставке Т. Ф. Мельник, живущий сейчас в Киеве.

«.. Шел 1943 год. Бригада готовилась к боям на Курской дуге. Для пополнения к нам прибыли с Урала маршевые роты. Я, как комбриг, делал смотр вновь прибывшим экипажам боевых машин.

Подхожу к одному из экипажей. Докладывают:

— Командир танка лейтенант Чумаков, механик-водитель сержант Лагунова.

Я поправил:

— Не Лагунова, а Лагунов.

Командир танка говорит:

— Товарищ комбриг, это девушка, Лагунова Мария Ивановна.

— Как девушка? Механик-водитель — и девушка?!

Передо мной стоит по стойке «смирно» танкист среднего роста, хорошей выправки, с серьезным, волевым и загорелым лицом. Я был крайне удивлен, что механиком-водителем боевого танка оказалась девушка. Мне приходилось видеть на фронте женщин, которые хорошоправлялись с тяжелой фронтовой службой медсестер, врачей, связистов, снайперов, летчиков и с другими военными профессиями. Но механика-водителя, да еще прославленной «тридцатьчетверки», никогда не видел. История не знала примера, чтобы девушка вела танк в бой. В первый момент я был сильно озадачен и не знал, как поступить с Лагуновой.

В то время я был глубоко убежден, что быть танкистом — не женское дело. Механик-водитель должен обладать большой физической силой, — ведь для того, чтобы управлять рычагами танка, требуется большое мускульное напряжение. Надо уметь в любых условиях и при любой погоде на марше и в бою вести танк. Летом в жаркую погоду температура в танке достигает 40—50 градусов, а в бою при интенсивном ведении огня скапливаются пороховые газы — все это затрудняет действия экипажа. Кроме того, экипаж танка, особенно механик-водитель, испытывает в бою большое психическое напряжение, когда противник ведет по танку артиллерийский огонь. Требуется железная воля, выдержка, хладнокровие.

Все это и заставило меня подумать о том, чтобы перевести Лагунову в менее опасное место. Насколько возможно ласково я предложил ей побывать в резерве, посмотреть, обвыкнуть в боевых условиях, а потом, мол, получите танк и поведете его в бой с врагом. Лагунова наотрез отказалась. Она говорит:

— Я приехала на фронт не для того, чтобы отсиживаться в тылу.

Ее поддержали экипаж и офицеры подразделения».

Как вспоминает М. И. Лагунова, за нее горой встал лейтенант Чумаков, командир ее машины, который впоследствии

пал в бою и посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

— Мария Лагунова отличный механик, — твердо заявил он комбригу. — Я ручаюсь, что она будет управлять машиной в любых условиях.

Ее оставили в покое, но ненадолго. Когда танкистов нового пополнения стали распределять по батальонам и ротам, возник тот же вопрос — командиры не могли себе представить, как это женщина поведет в бой танк. Снова начались уговоры, предложения перейти в штаб, подальше от переднего края.

И опять нашелся хороший и смелый человек, выручивший девушку. Это был заместитель командира батальона по политической части капитан Петр Митяйкин.

— Видимо, ее трудно переубедить, — сказал он другим командирам. — Не будем настаивать, товарищи. Повоюем, сержант Лагунова. Только, чур, воевать хорошо! Буду за тобой следить в бою.

Она узнала, что замполит всегда идет в бой на одной из головных машин и от его зоркого взгляда не укроется никакой промах танкиста. Но она была уверена в себе.

Наконец пришел боевой приказ. Машины вышли на исходные позиции и стояли замаскированные в укрытиях: поблизости уже рвались снаряды. Сражение на Курской дуге было в разгаре.

Перед боем снова появился капитан Митяйкин, побеседовал с танкистами и напомнил Марии Лагуновой, что будет наблюдать за ней. А потом машины подвели к переднему краю, загремела артиллерийская подготовка, на броню танка вскочили человек десять автоматчиков, и лейтенант Чумаков подал команду: «Вперед!»

Она запомнила этот первый бой во всех его мельчайших подробностях. Сквозь смотровую щель она видела условленные ориентиры и вела танк по ним. До предела напрягая слух, она ловила в шлемофоне команды лейтенанта Чумакова. Слышать что-нибудь становилось все труднее: к реву мотора прибавились гулкие выстрелы их танковой пушки и беспрерывная трескотня башенного пулемета. Потом немецкие пули забарабанили по броне, и она перестала различать в наушниках голос командира. Но Чумаков уже оказался около нее и стал командовать знаками.

В щель было видно, как наши танки, вертясь, утюжат траншеи противника. Маруся впервые увидела бегущие фигуры гитлеровцев в серо-зеленых френчах. В это время пули застучали о броню особенно часто и звонко, и лейтенант хлопнул ее по правому плечу. Она резко развернула танк вправо

и совсем близко увидела блиндаж, из которого в упор бил пулемет. Тотчас же последовал толчок в спину, и она нажала на акселератор. Бревна блиндажа затрещали под гусеницами — она не слышала, а как бы почувствовала это.

Стрельба постепенно стала стихать. Лейтенант приказал остановиться. Прежде чем Маруся успела открыть люк, кто-то откинулся его снаружи и за руку вытянул ее из машины. Это был капитан Митяйкин. Она еще плохо слышала, и он закричал, нагнувшись к ее уху:

— На первый раз хорошо получилось. Молодец, Лагунова!

Она огляделась. Пыль и дым, заволокшие все вокруг, постепенно оседали. Повсюду валялись трупы гитлеровцев, окровавленные, раздавленные, в самых причудливых позах. Перевернутые пушки, повозки, лошади с распоротыми животами... Маруся не испытывала страха во время боя, поглощенная своей работой, но сейчас, при виде этой страшной картины войны, ей стало жутко, она почувствовала, как к горлу подступает тошнота, и поспешила влезла в танк, чтобы никто не заметил ее слабости.

А после этого были многие другие бои, и тяжелые и легкие. Она уверенно вела свой танк; утюжила гитлеровские окопы, давила пулеметы, пушки врага, видела, как горят машины товарищей, плакала над могилами боевых друзей. Бригада шла все дальше на запад через Сумскую, Черниговскую и, наконец, Киевскую области. И никто уже не сомневался в девушке-танкисте: Маруся показала себя опытным и смелым водителем.

«...Я спрашивал командира батальона, как ведет себя в бою Лагунова, — вспоминает бывший комбриг Т. Ф. Мельник. — Мне докладывали: «Лагунова воюет хорошо. Смелая, умело применяется к местности».

Мы достигли реки Днепр в районе города Переяслава-Хмельницкого. Мария Лагунова все больше накапливала боевой опыт. В бригаде о ней уже говорили: «Это наш танковый ас». Она пользовалась настоящим боевым авторитетом у танкистов. На ее счету было много раздавленных гусеницами огневых точек, пушек и фашистов. Вскоре бригада получила приказ взять Дарницу, район города Киева на левом берегу Днепра. Выполняя приказ, бригада завязала тяжелый бой у населенного пункта Бровары».

Танкисты, как и летчики, немного суеверны. Как-то на привале еще перед Броварами они завели веселый разговор, и кто-то полуслутия сказал Марусе:

— Смотри! Тринадцать — число несчастливое.

В ответ она, смеясь, возразила, что на броне ее машины стоит номер 13, но это не мешало ей до сих пор воевать.

А оказавшийся тут же капитан Митяйкин сердито взорвал суеверному:

— Глупости! Я уже побывал в двадцати атаках, и ничего со мной не случилось в тринадцатой. Давай, Лагунова, поедем вместе в эту атаку.

Он никогда не забывал своих обещаний, и 28 сентября 1943 года, в день этого боя, оказался в машине лейтенанта Чумакова. Его спокойный голос раздался в шлемофоне Маруси:

— Маруся, мы должны быть первыми! Давай вперед!

Сначала все шло хорошо. Командовал танком капитан Митяйкин, а лейтенант Чумаков встал к пулемету. Они первыми ворвались на позиции фашистов, и Маруся видела, как разбегаются и падают под пулеметным огнем гитлеровцы.

— Дай-ка чуть правей, — скомандовал Митяйкин. — Там немецкая пушечка нашим мешает, прихлопнем ее.

Она развернула машину и понеслась вперед: Немецкие пушки кинулись врассыпную, и танк, корпусом откинув орудие, промчался через артиллерийский окоп. Но, видимо, где-то рядом притаилась вторая пушка. Танк вдруг дернуло, мотор захлебнулся, и в нос ударила едкая гарь. Больше ничего Маруся не помнила.

Она очнулась в полевом госпитале. У нее были ампутированы обе ноги, перебита ключица, и левая рука казалась омертвевшей. Все внутри словно было сжато в тисках, и голова раскалывалась на части. Боль отнимала все силы, и она даже не могла задуматься над тем, что с ней произошло.

На самолете ее доставили в Сумы, оттуда в Ульяновск, а затем в Омск. Здесь молодой смелый хирург Валентина Борисова делала ей одну операцию за другой, стремясь спасти ее ноги, насколько это было возможно, чтобы потом она смогла ходить на протезах. Именно смелости и настойчивости Борисовой, шедшей иногда на риск вопреки советам старших и более осторожных хирургов, Лагунова обязана тем, что наступил день, когда она пошла по земле без костылей.

Но до этого дня еще надо было дожить, пройдя через множество физических мучений, через нескончаемые месяцы нравственных страданий. Сознание безнадежности и безысходности будущего все чаще и сильнее охватывало девушки. Она плакала, мрачнела, и никакие утешения врачей не помогли. И вдруг снова хорошие, отзывчивые люди, ее старые друзья, пришли к ней на выручку в самый тяжкий момент ее жизни.

Из танкового полка, где получала она специальность механика-водителя, в Омск приехала целая делегация — навестить героиню. Танкисты привезли Марии 60 писем. Ей писали старые друзья, писали незнакомые курсанты из нового пополнения. Прислали полные горячего участия письма командир

бригады полковник Максим Скуба и ее прежний комбат майор Хонин. Она узнала, что в комнате славы полка висит ее портрет, что ее военная биография известна всем курсантам и помогает командирам воспитывать для фронта новых стойких бойцов. Ей писали, что она не имеет права унывать, что ее ждут в родной части, что танкисты новых выпусков, отправляясь на фронт, клянутся мстить врагам за раны Марии Лагуновой. И опа воспрянула духом от этих писем и рассказов. Она почувствовала себя не только нужной людям, но и как бы находящейся по-прежнему в боевом строю.

Весной 1944 года ее привезли в Москву, в Институт протезирования. И здесь друзья из части навещали ее, слали ей письма. Она встретилась тут с Зиной Туснолобовой-Марченко, которая потеряла в бою ноги и руки. Вскоре обеим героям вручили ордена Красной Звезды.

— Когда я в первый раз надела протезы и перетянулась ремнями, — вспоминает Мария Ивановна Лагунова, — я вдруг поняла, что это тяжкое несчастье будет на всю жизнь, до самой смерти. И я подумала: смогу ли я это выдержать? Первая попытка пойти оказалась безуспешной — я насадила себе синяков и шишек. Но профессор Чаклин, который так много труда вложил, чтобы поставить меня на протезы, категорически запретил персоналу давать мне палку. Начались ежедневные тренировки.

Она училась ходить с тем же упорством, с каким когда-то училась водить танк. В день выхода из больницы за Марией Лагуновой приехал нарочный из полка с приказанием явиться ей в часть для дальнейшего прохождения службы. Командование зачислило ее, как сверхсрочника, телеграфисткой.

Когда-то, прия в этот полк, Маруся Лагунова настрез отказалась от каких-нибудь поблажек, которые хотели сделать ей, как единственной девушке из числа курсантов. Теперь она так же категорически отказывалась от всяких предпочтений себе как инвалиду. Товарищи поражались ее решимости. Бывший однополчанин Лагуновой уральец Александр Червов хорошо написал мне об этом в своем письме:

«Во всем был виден ее железный характер, упорство, настойчивость. Она часто отказывалась от предложений подвезти ее на машине, старалась больше ходить пешком на протезах. Нетрудно представить, каких мучений стоила ей эта ходьба. Но она, как и ее собрат по судьбе Алексей Маресьев, упорно тренировала себя в ходьбе, ибо опа знала, что жизнь ее долгая и ходить ей по нашей свободной земле придется много».

Но все это время Мария Лагунова незримо опиралась на большую моральную поддержку своих товарищей-однополчан, окруживших ее сердечной заботой, теплым человеческим

вниманием. «Я буду благодарна всю свою жизнь командованию бригады и полка за заботу и ласку, за решимость вернуть мне жизнь», — пишет Мария Ивановна Лагунова.

Она прослужила в родной части почти четыре года. А когда в 1948 году Мария Лагунова, демобилизовавшись, приехала в Свердловск, нашлись другие такие же отзывчивые люди, тоже старые товарищи, позаботившиеся о ней. Это был коллектив фабрики «Уралобувь» во главе с директором С. Т. Котовым. Ее устроили контролером ОТК, дали ей комнату.

Работа была нетяжелой, но, скованная протезами, она за восемь часов доходила до изнеможения. Однажды, поздно возвращаясь домой после второй смены, она упала — подвернулся протез. Слишком измученная, она никак не могла встать сама. Товарищи по фабрике ушли вперед, улица была безлюдной. Потом вдали показалась компания случайных прохожих. Лагунова только собралась окликнуть их, как один насмешливо сказал: «Ну и нализалась!» — и все засмеялись. Ее словно хлестнули по щекам, и она расплакалась, а потом решила, что никого не станет просить о помощи. Буквально по сантиметрам, опираясь на одни руки, она доползла до ближайшего столба и после долгих усилий поднялась с земли и дошла домой.

Прошло немного времени, и жизнь, которая обошлась с ней так жестоко, вдруг снова улыбнулась ей. Она встретила молодого человека, Кузьму Фирсова, знакомого ей еще по фронту и тоже инвалида войны — он потерял левую руку. Они подружились, и однажды Кузьма предложил:

— Знаешь, Мария, давай поженимся. Вдвоем будет легче прожить.

— Ведь мы два инвалида, — возразила она. — Нам обоим нянки нужны.

— Из двух инвалидов получится один полноценный человек, — засмеялся в ответ Кузьма.

Они поженились. В 1949 году родился сын, которого назвали Николаем в честь погибшего брата Марии. Четыре года спустя родился второй сын, Василий, — так звали убитого на войне брата Кузьмы Фирсова.

Дети, домашние хлопоты заставили М. И. Лагунову бросить работу на фабрике. Но коллектив рабочих, завком и партком по-прежнему оставались шефами героини войны. Семье предоставили двухкомнатную квартиру, порой оказывали необходимую помощь. А в 1955 году пришлось покинуть родной Урал: М. И. Лагунова заболела, и врачи предписали ей перемену климата. Они переехали в город Хмельницкий.

Бывший механик-водитель «тридцатьчетверки», боевой танкист, прошедший с боями путь от Курской дуги до Днепра, М. И. Лагунова теперь просто домашняя хозяйка. Ее муж

К. М. Фирсов — мастер завода трансформаторных подстанций. Старший сын, Николай, — студент Каменец-Подольского индустриального техникума, младший, Василий, — третийклассник. Жизнь славной героини Великой Отечественной войны вошла в свою прочную, хоть и нелегкую колею как благодаря упорству, настойчивости, твердости характера этой замечательной женщины — настоящего человека нашей героической эпохи, так и благодаря дружеской помощи и поддержке десятков хороших, отзывчивых советских людей.

«Вот так мы и живем, — заканчивает одно из своих писем ко мне М. И. Лагунова. — Да еще кое-кто нам завидует, хотя это и глупо, но факт остается фактом».

Нет, пожалуй, это вовсе не глупо, тут Мария Ивановна ошибается. Как можно не завидовать человеку, который с великолепным достоинством прошел такой трагический и славный путь! Она героиня войны, героический борец в послевоенной жизни, эта скромная и гордая женщина с рабочего Урала. Ее характер и воля были крепки, как уральская сталь, ее судьба ярка и необычайна, как уральские самоцветы, и вся ее биография — подвиг. Таким людям хорошо, по-человечески завидуют, ими восхищаются.

И здесь не имеет значения тот факт, что на груди у М. И. Лагуновой только один орден Красной Звезды. Война оставила нам многих неизвестных героев, чьи награды, — я уверен в этом, — еще впереди. Да и не в наградах дело. Для героя лучшей наградой становится память народа, любовь и уважение людей.

Накануне Международного женского дня, 8 марта 1964 года, я подробно рассказал в одной из передач по телевидению о Марии Ивановне Лагуновой. В конце передачи я сообщил телезрителям нынешний адрес героини: город Хмельницкий, улица Фрунзе, дом 58, квартира 4. И, как следовало ожидать, реакция была мгновенной.

За какие-то 10—15 дней в этот адрес пришло более 6 тысяч писем из разных уголков страны, от самых различных людей. Это был поток чувств, глубоко сердечных, горячих, полных восхищения и гордости жизненным подвигом женщины. И хотя Мария Ивановна Лагунова по скромности, присущей истинным героям, упорно протестует против того, чтобы ее считали героиней, я уверен, что писавшие ей люди заставили ее снова и по-новому оглянуться на годы, оставшиеся позади, и почувствовать, что ее биография перестала быть ее личным достоянием и сделалась явлением всеобщим, воплощая для миллионов наших граждан прекрасный, чистый и высокий образ советской женщины памятных лет Великой Отечественной войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Брестская крепость	
Часть первая. Легенда, ставшая былью	9
Часть вторая. Герои известные и неизвестные	149
Часть третья. Большая семья	302
Сталинград на Днепре	371
Рассказы о неизвестных героях	
Загадка далекой могилы	555
Катюша	582
Госпиталь в Еремеевке	599
Подземная крепость	634
Последний бой смертников	664
Рассказ о настоящем человеке	694

СМИРНОВ
СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

СТРАНИЦЫ
НАРОДНОГО ПОДВИГА

М., «Советский писатель», 1967, 704 стр. Тем. план вып. 1967 г. № 135.

Редактор А. И. Крутиков. Художник В. А. Родченко.

Худож. редактор Н. С. Лаврентьев. Техн. редактор В. Г. Комм.

Корректоры С. И. Малкина, Ф. А. Рыскина и Л. Г. Соловьева

Сдано в набор 4/VII 1967 г. Подписано в печать 21/VIII 1967 г. Бумага 60×90¹⁶, № 3. Печ. л. 44+6 вкл. (44,75). Уч.-изд. л. 46,71. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1075. Цена 1 р. 57 к.

Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10. Ордена Трудового Краевого Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.